

НИКОЛАС
СПАРКС

Дважды два

Annotation

Что делать, если в один далеко не прекрасный день ты стала призраком, а какой-то грубиян из королевского бюро расследований вознамерился тебя развоплотить?

Разумеется, закатить ему скандал и потребовать работу! И не важно, что ради этого придется пойти на риск и разозлить будущего шефа... Ведьмы магов не боятся. А если нас пытаются обидеть, мы выходим на тропу войны!

Новая очаровательная история от Николаса Спаркса!

История огромной, не знающей границ любви со всеми ее сложностями, риском и, прежде всего, радостью, которую она приносит.

История о том, что жизнь никогда не останавливается, – и пусть наши планы и надежды не всегда реализуются сразу, как знать, когда черная полоса сменится белой, а горечь одиночества – новым счастьем?

Иногда конец – это новое начало...

Рассел Грин считал себя счастливым – у него была крепкая семья, любимая работа, уютный дом. Но однажды его привычная жизнь просто рассыпалась как картонный домик.

Теперь Рассел разрывается между ролью отца-одиночки и заботами человека, пытающегося начать бизнес с нуля. Он готов на все, чтобы защитить свою маленькую дочку от последствий столь серьезных перемен в жизни, и личная жизнь совершенно не вписывается в его планы. Но все меняет случайная встреча – встреча с женщиной, способной подарить ему счастье, о котором он не мог и мечтать...

- [Николас Спаркс](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Выражение признательности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Николас Спаркс

Дважды два

*Вам, мой верный читатель! Спасибо за последние
двадцать лет*

Nicholas Sparks

TWO BY TWO

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

© Willow Holdings, Inc., 2016

© Перевод. У. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

А с ребенком – трое

– Ого! Здорово!

Помню, этот возглас вырвался у меня сразу же, как только Вивиян вышла из ванной и показала мне тест на беременность с положительным результатом.

Честно говоря, скорее я был удивлен. «Как, уже?..»

Шок и доля ужаса. Мы поженились чуть больше года назад, и, как только решили обзавестись детьми, Вивиян объявила мне, что первые несколько лет намерена провести с ними дома. Раньше я всегда соглашался с ней, мне и самому этого хотелось, но в тот момент я понял также, что нашей жизни семейной пары с двумя источниками дохода вскоре придет конец. Мало того, я даже не был уверен, готов ли стать отцом, но что мне оставалось? Ведь она не обманывала меня, не скрывала, что хочет ребенка, и сразу сообщила, когда перестала пить таблетки. Конечно, я тоже хотел детей, но она прекратила принимать таблетки всего три недели назад! Помню, я думал, что у меня, наверное, есть как минимум несколько месяцев в запасе, пока ее организм перестроится, приспособится к нормальному состоянию. Я рассуждал так: может, забеременеть не так-то просто и придется ждать год или два, откуда мне знать.

Но только не моей Вивиян. Ее организм быстро перестроился.

Осторожно обняв, я смотрел в ее лицо, пытаясь разглядеть что-то особенное. Но ведь еще слишком рано, верно? И кстати, что такое это пресловутое «сияние лица»? Признак того, что кое-кто раскраснелся и взмок от жары? Или способ намекнуть, насколько теперь изменится наша жизнь?

Вопросы множились, а я, Рассел Грин, обнимал свою жену и не мог ответить ни на один из них.

Через несколько месяцев произошло грандиозное событие, а если короче – ЭТО наконец свершилось, но я, признаться, почти весь день провел как в тумане.

Сейчас, спустя время, я думаю, что следовало бы записать все подробности сразу, пока они были еще свежи в памяти. Такие события, как

ЭТО, надо сохранять как можно подробнее, а не в виде нечетких моментальных снимков, на которые теперь похожи мои воспоминания. Да и этим воспоминаниям я обязан исключительно Вивиан. Каждая подробность как будто врезалась в ее память, ведь принято считать, что боль обостряет разум. А Вивиан все-таки рожала.

Иногда, вспоминая события того дня, мы с Вивиан немного расходились во мнениях. К примеру, я считал свои действия совершенно оправданными, а Вивиан утверждала, что я вел себя то как эгоист, то как полный идиот. Когда она рассказывала эту историю друзьям – а делала она это множество раз, – слушатели непременно посмеивались или качали головами, выражая сочувствие.

Положа руку на сердце я не считаю себя ни эгоистом, ни полным идиотом. В конце концов, это наш первый ребенок. Никто не знал, как будут протекать роды. Неужели к такому вообще можно подготовиться? Мне говорили, что процесс родов непредсказуем; на протяжении беременности Вивиан не раз напоминала мне, что от первых схваток до рождения ребенка он может занять больше суток, особенно если ребенок первый, и что роды продолжительностью двенадцать часов и более – норма. Как большинство молодых будущих отцов, я считал жену экспертом в этой области и верил ей на слово. Ведь это она, а не я, перечитала кучу книг по беременности и родам.

Замечу также, что в то утро я действовал не так уж и бестолково. К своим обязанностям я отнесся со всей серьезностью. И сумка с вещами Вивиан, и сумка с вещами ребенка были собраны, содержимое обеих перепроверено дважды. Фотоаппарат и видеокамера заряжены, детская полностью укомплектована всем, что только могло понадобиться нашему ребенку в течение как минимум месяца. Я знал кратчайший путь до больницы и вдобавок изучил запасные маршруты – на случай пробки на шоссе. А еще знал, что ребенок скоро появится на свет: хоть многочисленные сигналы тревоги в преддверии дня его рождения и были ложными, даже до меня дошло, что обратный отсчет уже начался.

Поэтому я не особо удивился, когда в половине пятого 16 октября 2009 года моя жена разбудила меня и объявила, что схватки повторяются каждые пять минут и пора ехать в больницу. Мне и в голову не пришло усомниться в ее словах, ведь она знала разницу между схватками Брэкстона-Хикса и истинными. И хотя я ждал этого момента, первые мои мысли были не о том, чтобы, наскоро одевшись, погрузить вещи в машину, и даже не о жене и не о ребенке, который вот-вот должен был родиться. Вместо этого в голове у меня крутилось что-то вроде *«сегодня свершится ЭТО, все будут*

делать снимки, а потом долгие годы рассматривать их. И мне, хотя бы ради потомков, перед выездом следовало бы заскочить в душ, потому что мои волосы выглядят так, будто я всю ночь провел в аэродинамической трубе».

Я тщеславен, просто мне казалось, что времени у меня еще *хоть отбавляй*, потому я и сказал Вивиан, что буду готов через пару минут. Как правило, я не задерживаюсь в душе, обычно у меня уходит не более десяти минут на все про все, в том числе на бритье. Но в тот день, как только я взбил на щеках крем для бритья, мне показалось, что я слышу крик жены из гостиной. Я прислушался, ничего больше не услышал, но на всякий случай ускорился. Когда споласкивался, я снова услышал ее крик. Запахнув на талии полотенце, я вышел в темный коридор. Бог свидетель, я простоял под душем меньше шести минут.

Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, что Вивиан стоит на четвереньках, кричит в свой мобильник, что я принимаю «ИДИОТСКИЙ ДУШ!», и «КАКОГО ХРЕНА ЭТОТ КРЕТИН СЕБЕ ДУМАЕТ?!?!?!». Определение «кретин» было самым мягким из всех, которыми она меня наградила. Я не знал, что схватки повторяются уже не каждые пять, а каждые две минуты и что у нее начались боли в пояснице. Мучительные боли. Вивиан внезапно испустила вопль такой силы, что он, наверное, до сих пор слышится в нашем районе в Шарлотте, Северная Каролина, – довольно мирном и тихом месте.

Можете не сомневаться: после этого я еще прибавил скорости, натянул на мокрое тело одежду и бросился грузить вещи в машину. Я поддерживал Вивиан, пока мы шли до машины, и ни слова не сказал о том, что она впилась ногтями в мое предплечье. Через мгновение я уже сидел за рулем и сразу после выезда на улицу позвонил акушеру, который пообещал встретить нас в больнице.

Когда мы подъехали, схватки повторялись по-прежнему каждые две минуты, и это означало, что Вивиан направят прямиком в родильную палату. Я держал ее за руку и пытался руководить ее дыханием – причем она снова не постеснялась в выражениях, чтобы высказать все, что думает обо мне и о том, куда мне «заткнуть это чертово дыхание!» – пока не пришли делать эпидуральную анестезию. В начале беременности Вивиан много думала о том, соглашаться ли на анестезию, и нехотя приняла верное решение. Как только лекарство подействовало, мучения прекратились, и Вивиан впервые с утра улыбнулась. Ее акушер – лет шестидесяти, седой, с аккуратной стрижкой и приветливым лицом – заходил в палату каждые двадцать-тридцать минут, чтобы проверить раскрытие шейки. А я между

его визитами позвонил родителям и моей сестре.

Момент настал. Медсестры подготовили аппаратуру. А потом врач велел моей жене тужиться.

Вивиан тужилась на протяжении трех схваток; во время третьей врач неожиданно начал поворачивать кисти рук, как фокусник, извлекающий кролика из цилиндра, и я опомниться не успел, как стал отцом.

Вот так.

Врач осмотрел нашу малышку, выявил легкую анемию, зато на месте были все десять пальчиков на руках, десять на ногах, здоровое сердце и комплект функционирующих легких. Я спросил об анемии, но врач сказал, что причин для беспокойства нет, потом брызнул какой-то вязкой жидкостью в глаза нашего ребенка. Малышку вымыли, запеленали и положили на грудь моей жене.

Как я и предполагал, фотографироваться нам пришлось весь день. Но, как ни странно, когда снимки рассматривали, никому не было дела до того, как я на них выгляжу.

Говорят, дети рождаются похожими или на Уинстона Черчилля, или на Махатму Ганди. Но поскольку анемия придавала серовато-бледный оттенок коже малышки, моей первой мыслью было, что она похожа на Йоду, только, конечно, без длинных ушей. Заметьте – на *прекрасного* Йоду, *потрясающего* Йоду, Йоду настолько чудесного, что, когда она схватилась за мой палец, у меня от счастья едва не разорвалось сердце. Через несколько минут прибыли мои родители, и я, в нервном возбуждении выбежавший встречать их в коридор, выпалил первое, что пришло в голову:

– У нас серый ребенок!

Мама посмотрела на меня, как на сумасшедшего, а отец принялся ковырять в ухе, словно мог ослышаться из-за скопившейся в нем серы. Ничего не ответив, они вошли в палату и увидели Вивиан, с безмятежным выражением лица укачивающую на руках нашу дочь. Мы переглянулись, и я подумал, что Лондон суждено стать самой любимой малышкой в мире. Да, все новоиспеченные отцы наверняка считают то же самое. Но *самый любимый ребенок в мире* может быть только один, и я, думая об этом простом факте, слегка удивлялся тому, что другие посетители больницы не спешат заглянуть в нашу палату, полюбоваться моей дочерью.

Моя мать шагнула к постели и вытянула шею, чтобы разглядеть ребенка.

– Вы уже выбрали имя? – спросила она.

– Лондон, – ответила моя жена. – Мы решили назвать ее Лондон.

Наконец мои родители уехали, но вернулись в тот же день. В промежутке между их визитами нас навестили и родители Вивиан. Они прилетели из Александрии, штат Виргиния, где выросла Вивиан. Их приезд привел мою жену в восторг, но сам я мгновенно почувствовал, как напряжение в палате начало нарастать. Мне всегда казалось, что они считают, будто их дочь *устроилась* в жизни, решив выйти за меня. И моих родителей они, похоже, недолюбливали, и не без взаимности. Все четверо общались тепло, но тем не менее сразу было видно, что они предпочитают избегать общества друг друга.

Моя старшая сестра Мардж тоже приехала вместе со своей подругой Лиз и привезла подарки. Они пробыли вместе дольше, чем мы с Вивиан – на тот момент более пяти лет, и я не только считал Лиз идеальной парой для моей сестры, но и знал: Мардж – лучшая старшая сестра, какая только может быть у мальчишки. Мой отец работал сантехником, мать – секретарем в приемной дантиста, пока несколько лет назад не вышла на пенсию. И Мардж порой не только заменяла их, но и служила моим доверенным лицом, помогая преодолевать муки пубертата. Кстати, ни Мардж, ни Лиз не любили родителей Вивиан: эта неприязнь стала очевидной еще накануне моей свадьбы, когда родители Вивиан наотрез отказались посадить Мардж и Лиз вместе за главный стол. Правда, в итоге Мардж присутствовала на свадьбе, а Лиз нет, вдобавок Мардж предпочла надеть не платье, а смокинг, но нанесенного оскорбления не простили обе, к тому же гетеросексуальные пары никто не разбивал. Честно говоря, я не виню Мардж и Лиз за их отношение к родителям Вивиан. И между прочим, Мардж и Лиз ладят намного лучше, чем большинство знакомых мне супружеских пар.

Посетители приходили и уходили, а я весь день провел в палате с женой, сидел то в кресле-качалке у окна, то на постели рядом с Вивиан, и мы оба время от времени восторженно повторяли: *у нас дочь!* Я не сводил глаз с жены и малышки, точно зная, что принадлежу им всецело и что мы навсегда связаны друг с другом. Чувства переполняли меня. Вдруг я задумался о том, как Лондон будет выглядеть в подростковые годы, о чем будет мечтать, как распорядится своей жизнью. Как только Лондон начинала хныкать, Вивиан машинально подносила ее к груди, а я становился свидетелем очередного чуда.

«Откуда Лондон знает, что делать? – мысленно изумлялся я. – Господи, откуда ей это известно?»

Об этом дне у меня сохранилось еще одно сокровенное воспоминание.

Это случилось в первую ночь, проведенную в больнице, спустя долгое время после ухода наших последних посетителей. Вивиан уснула, я дремал в кресле-качалке, когда услышал, что моя дочь ворочается. До этого дня я ни разу не держал на руках новорожденного младенца, поэтому прижал ее к себе. Я думал, придется будить Вивиан, но, к моему удивлению, Лондон притихла. Медленно и осторожно я отступил к качалке, сел и следующие двадцать минут изумлялся чувствам, пробуждающимся во мне. Я уже всем сердцем любил свою дочь, но теперь жизнь без нее стала казаться мне невообразимой. Помню, как я шептал ей: я ее отец, я всегда готов прийти к ней на помощь, и она, слишком буквально восприняв мои слова, обкакалась, заерзала и наконец расплакалась. И мне пришлось передать ее Вивиан.

Глава 2

В начале

– Сегодня я все им сказала, – объявила Вивиан.

Мы наконец остались вдвоем. Вивиан устало переоделась в пижаму и заползла под одеяло. Была середина декабря. Лондон уснула меньше часа назад; в возрасте восьми недель она по-прежнему спала всего три-четыре часа подряд. Вивиан не жаловалась, но постоянно была уставшей. Красивой, но уставшей.

– Кому и что ты сказала? – спросил я.

– Робу, – ответила она, имея в виду своего босса в медиакомпании, где работала. – Я известила его, что не выйду на работу после окончания отпуска по беременности и родам.

– А-а... – отозвался я, ощущая тот же укол ужаса, что и во время осознания себя отцом. Вивиан зарабатывала наравне со мной, и я сомневался, что без ее заработка мы сможем позволить себе прежний образ жизни.

– Он сказал, что, если я передумаю, двери для меня всегда открыты. Но я объяснила, что чужие люди воспитывать Лондон не будут. Иначе зачем вообще было заводить ребенка?

– Меня не надо убеждать, – отозвался я, делая все возможное, чтобы скрыть свои чувства. – Я на твоей стороне. Но ты ведь понимаешь, что это означает. Теперь мы не сможем так же часто ужинать вне дома и будем вынуждены сократить расходы.

– Понимаю.

– И ты согласна ходить по магазинам реже?

– Ты говоришь это так, будто я швыряю деньги на ветер.

Иногда выписки по кредитке говорили об обратном, как и шкаф Вивиан, в который с трудом помещались одежда, туфли и сумочки, но я уловил раздражение в ее голосе, а меньше всего мне сейчас хотелось затевать спор. Вместо этого я притянул Вивиан к себе, решив закончить разговор иначе, и поцеловал ее в шею.

– Прямо сейчас? – спросила она.

– Уже столько времени прошло...

– И моему бедняжке кажется, что он вот-вот лопнет, да?

– Я бы не рисковал.

Она рассмеялась, но едва я начал расстегивать ее пижамную кофточку, как из радионяни донесся какой-то шорох. Мы в тот же миг замерли не дыша.

Тишина.

Но когда я решил, что опасность миновала, и отважился сделать выдох – из динамика радионяни донесся отчаянный крик. Я перекатился на спину, Вивиан выскользнула из постели. К тому времени, как Лондон наконец успокоилась – для чего понадобилось добрых полчаса, – Вивиан была уже не в том настроении, чтобы повторять попытку.

Но утром нам с Вивиан повезло. Настолько повезло, что я вызвался побыть с Лондон, когда она проснется, чтобы Вивиан могла еще немного поспать. Однако Лондон, должно быть, устала не меньше Вивиан: за то время, пока я пил две чашки кофе, слышал только, как она кряхтит в полусне.

Войдя в детскую, я увидел, что мобиль над кроваткой вращается, а Лондон энергично перебирает ножками. Я не сдержал улыбку, и вдруг в ответ она тоже улыбнулась.

Это был не рефлекс. Я не верил своим глазам. Улыбка была настоящая, как восход солнца, а когда Лондон залилась неожиданным смехом, и без того блистательное начало моего дня внезапно стало в тысячу раз лучше.

Мудрым человеком меня не назовешь.

Нет, интеллектом я не обижен. Но быть мудрым – это не просто обладать интеллектом. Мудрость включает в себя понимание, эмпатию, опыт, душевное спокойствие и интуицию. И сейчас я могу точно сказать, что многих из этих черт мне явно недостает.

Вот что еще я усвоил: возраст – гарантия мудрости не более чем гарантия интеллекта. Да, знаю, эта точка зрения непопулярна – мы ведь нередко приписываем нашим старикам мудрость отчасти потому, что они седые и морщинистые, верно? Но за последнее время я убедился, что некоторым людям от рождения присуща способность с возрастом становиться мудрее, а другие лишены ее, а у некоторых наличие мудрости проявляется даже в молодости.

К примеру, у моей сестры Мардж. Она мудра, хотя всего на пять лет старше меня. И Лиз тоже. Она моложе Мардж, но ее замечания всегда имеют смысл и вместе с тем деликатны. После разговоров с ней я часто ловлю себя на том, что подолгу обдумываю каждое ее слово. Мои родители тоже мудры, и я, много размышляя об этом, пришел к выводу, что хоть

мудрость и передается в нашей семье по наследству, я ею начисто обделен.

Ведь если бы я был мудрым, я прислушался бы к Мардж еще летом 2007 года, когда она привезла меня на кладбище, где похоронены наши дед и бабушка, и спросила, действительно ли я уверен в решении жениться на Вивиан.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к отцу, когда он спросил меня, тридцатипятилетнего, уверен ли я, что хочу открыть собственную рекламную компанию.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к маме, которая советовала мне проводить с Лондон как можно больше времени, ведь дети так быстро растут, а упущенные годы не вернешь.

Но, как я уже сказал, мудрым человеком меня не назовешь. В итоге моя жизнь практически вошла в штопор. И я не был уверен, удастся ли мне когда-нибудь выйти из него.

С чего начать, когда пытаешься понять ситуацию, смысла в которой нет? С самого начала? А где оно, это начало?

Кто знает...

В детстве я верил, что почувствую себя взрослым к тому моменту, как мне исполнится восемнадцать, и оказался прав. В восемнадцать я уже строил планы на жизнь. Мои родители существовали от зарплаты до зарплаты, и это было не по мне. Я мечтал основать собственный бизнес, быть самому себе хозяином, хотя и понятия не имел, чем я, собственно, собираюсь заниматься. Рассудив, что учеба поможет мне сделать первые шаги в верном направлении, я поступил в Университет штата Северная Каролина, но чем дольше учился, тем отчетливее ощущал, что не взрослею. К тому времени, как получил диплом, я никак не мог избавиться от мысли, что остался, в сущности, тем же мальчишкой, каким был в старших классах школы.

Университет не помог мне и с выбором бизнеса, который я собирался основать. Практического опыта у меня было мало, капитала – еще меньше, поэтому, отложив на время исполнение своей мечты, я устроился на работу в сфере рекламы к человеку по имени Джесси Питерс. Я ходил в офис, носил деловые костюмы, но по-прежнему чувствовал себя *моложе*, чем полагалось по возрасту. В выходные я часто заглядывал в те же бары, что и во время учебы, и часто представлял, как мог бы начать все заново, с первого курса, и легко вписаться в студенческое братство. За последующие восемь лет произошли перемены: я женился, купил дом, пересел за руль гибрида, но при всем этом далеко не всегда чувствовал себя обновленной,

повзрослевшей версией самого себя. Ведь Питерс, по сути дела, занял место моих родителей – как и они, имел право говорить мне, что делать и чего *не делать*. В результате казалось, будто я только *притворяюсь* взрослым. Порой, сидя за рабочим столом, я пытался убедить себя: «*Так, все это по-настоящему. Теперь я взрослый*».

Разумеется, осознание пришло само собой – после того, как родилась Лондон, а Вивиан бросила работу. Мне в то время не исполнилось и тридцати. Психологически было тяжело ощущать себя в роли единственного добытчика в семье на ближайшие несколько лет, к тому же от меня потребовались жертвы, которых я никак не ожидал. И если не это называется «*быть взрослым*», то что тогда – я не знаю. После завершения рабочего дня в рекламном агентстве – в те дни, когда мне удавалось вернуться домой не слишком поздно, – я входил в дверь, слышал крик Лондон «*папочка!*» и всякий раз расстраивался, что не могу проводить с ней больше времени. Она неслась ко мне, я подхватывал ее на руки, она обнимала меня за шею, и я ловил себя на мысли, что мои жертвы не напрасны – хотя бы потому, что у нас есть наша чудесная девочка.

В лихорадочной суматохе жизни было легко убедиться, что самое важное – мои жена и дочь, работа, семья – в порядке, хотя я по-прежнему не хозяин самому себе. В редкие моменты, когда я представлял будущее, я ловил себя на мысли, что рисую его мало чем отличающимся от настоящего, и это меня устраивало. С виду все шло довольно гладко, хотя именно это было поводом насторожиться. Поверьте, у меня и мысли не закрадывалось о том, что меньше чем через пару лет я стану просыпаться по утрам с тем же чувством, что и эмигранты на острове Эллис, которые прибывали в Америку, не имея ничего, кроме надетой на них одежды, не зная языка и не понимая, *как им теперь жить*.

Но когда именно все пошло не так? Если бы я спросил у Мардж, последовал бы однозначный ответ: «Все покатилося по наклонной, когда ты встретил Вивиан» – она не раз говорила мне об этом. И она не была бы собой, если бы не исправлялась: «Беру свои слова обратно: все началось даже раньше, когда ты учился в школе и повесил на стену тот плакат – с девчонкой в бикини и со здоровенными сиськами. Кстати, этот плакат мне всегда нравился, но он сбил тебя с толку». А потом, немного погодя, она качала головой и говорила: «Но если вдуматься, ты всегда был испорченным, и мои слова как человека, которого в семье всегда считали паршивой овцой, что-нибудь да значат. Может, на самом деле твоя беда в том, что ты всегда был слишком хорошим – себе во вред».

Так-то. Процесс, когда пытаешься разобраться, что все-таки пошло не

так, или, точнее, где *ты* сам допустил оплошность, напоминает чистку лука. Под очередным слоем шелухи всегда обнаруживается еще один, всплывает еще одна былая ошибка или мучительное воспоминание, которое уводит еще глубже в поисках *истины*. Я уже достиг точки, когда оставил всякие попытки дойти до самой сути. Единственное, что теперь имеет значение, – разобраться в прошлом настолько, чтобы научиться избегать подобных ошибок.

Для этого важно понять самого себя. А это, между прочим, непросто. Так что начну вот с чего: взрослея, я постепенно пришел к убеждению, что на свете существуют две категории мужчин. «Женатики» и «холостяки». «Женатик» – это тот, кто оценивает, пожалуй, каждую девушку, с которой встречается, как потенциальную жену, способную стать его *Единственной*. По этой же причине женщины тридцати-сорока лет часто повторяют: «*Все хорошие мужчины уже заняты*». Под «хорошими» женщины подразумевают тех мужчин, которые готовы и способны стать мужьями.

Я всегда относился к «женатикам». Быть в паре казалось мне *правильным*. По некой причине я всегда чувствовал себя уютнее в присутствии женщин, а не мужчин, даже если речь шла о друзьях. А уж общение с единственной женщиной, *которая вдобавок безумно влюблена в меня*, представлялось мне высшим из всех мыслимых благ.

Наверное, так тоже бывает. Но именно здесь и возникает загвоздка, потому что не все «женатики» одинаковы. В категорию «женатиков» входят разные подгруппы – к примеру, мужчины, которые также считают себя «романтиками». Звучит неплохо, правда? По заверениям большинства женщин только о таких мужчинах они и мечтают. Должен признаться, как раз к этой подгруппе я и отношусь. Но в отдельных случаях у представителей той же подгруппы есть прошивка «подкаблучника». Убежден: достаточно приложить усилие, и моя жена будет боготворить меня так же, как и я ее.

Но что сделало меня таким? Может, я такой по природе? Или на меня повлияла обстановка в семье? Или же я просто в нежном возрасте насмотрелся мелодрам? Или свою роль сыграло все перечисленное?

Понятия не имею, но без колебаний могу заявить: перебор с мелодрамами – вина одной только Мардж. Она любила классику вроде «Незабываемого романа» и «Касабланки», но годились и «Привидение», и «Грязные танцы», а уж «Красотку» мы смотрели раз двадцать. Этот фильм был у Мардж самым любимым. Разумеется, в то время я не знал, что мы с сестрой обожали смотреть его потому, что оба втрескались в Джулию

Робертс, но сейчас речь не об этом. Наверное, этот фильм будут смотреть вечно, потому что он *действует*. Между персонажами, которых играют Ричард Гир и Джулия Робертс, чувствуются... *флюиды*. Они общаются. Учатся доверять друг другу, несмотря ни на что. Влюбляются. А разве можно забыть сцену, когда Ричард Гир ждет Джулию – он решил сводить ее в оперу – и она появляется в платье, которое полностью преображает ее? Зритель видит ошеломленное лицо Ричарда. Потом он наконец спохватывается и открывает бархатный футляр – в нем лежит бриллиантовое кольцо, которое Джулия наденет этим вечером...

Все сказано всего несколькими сценами. Я имею в виду романтику: доверие, предвкушение и радость в сочетании с оперой, нарядами и драгоценностями ведут к *любви*. У меня, еще не достигшего подросткового возраста, в мозгу разом щелкнуло: это же что-то вроде практического руководства «Как произвести впечатление на девушку». В сущности, все, что мне нужно было запомнить, – парень сначала должен *понравиться* девушке, и тогда *романтические жесты* приведут к *любви*. Так в реальном мире появился еще один романтик.

Когда я учился в шестом классе, к нам пришла новенькая. Мелисса Андерсон переехала из Миннесоты и была светловолосой и голубоглазой, как ее предки-шведы. Увидев ее в школе впервые, я, как и многие другие, остолбенел. Все мальчишки шептались о ней, и я нисколько не сомневался, что она самая симпатичная девчонка из всех, чья нога когда-либо ступала в класс миссис Хартман, начальной школы имени Артура Э. Эдмондса.

Но разница между мной и другими мальчишками школы заключалась в том, что я точно знал, как действовать. Я был готов добиваться Мелиссу. И хотя я не Ричард Гир с его частными самолетами и бриллиантовыми колье, у меня имелись велосипед и умение плести браслеты с деревянными бусинами. Но все это следовало после. А сначала мы – в точности как Ричард и Джулия – должны были *понравиться* друг другу. Я начал придумывать предлоги, чтобы за обедом сесть за один стол с ней. Когда она говорила, я слушал и задавал вопросы, а когда спустя несколько недель она наконец сказала, что, как ей кажется, я хороший, я понял: настало время сделать следующий шаг. И я написал стихи – о том, как она жила в Миннесоте и какая она красотка, – и однажды сунул их ей в школьном автобусе вместе с цветком. Потом я сел на свое место, точно зная, что будет дальше: она поймет, что я не такой, как все, и с этим пониманием придет яркое озарение, которое побудит ее взять меня за руку и попросить проводить до дома, как только мы выйдем из автобуса.

Вот только ничего из моих стараний не вышло. Вместо того чтобы

прочитать стихи, она всю дорогу до дома болтала со своей подружкой Эйприл, а на следующий день села за обедом с Томми Хармоном, а со мной вообще не разговаривала. Не заговорила она со мной и на следующий день, и следующие за ними. Потом Мардж застала меня в унынии у себя в комнате и объяснила, что я перестарался и мне просто надо быть самим собой.

– Так я и делаю.

– Тогда, может, стоит измениться, – подсказала Мардж. – А то кажется, будто это твой последний шанс.

Беда была в том, что я не задумывался. Разве Ричард Гир задумывался? А он явно знал побольше моей сестры. Но опять-таки мудрость и я несовместимы. Потому что «Красотка» – кино, а я жил в реальном мире. Так или иначе, сценарий, сложившийся с Мелиссой Андерсон, повторялся в некоторых вариациях с другими девчонками, пока наконец не превратился в стереотип, который я никак не мог сломать. Я стал королем романтических жестов – цветов, записок, открыток и тому подобного. В студенческие годы я даже был «тайным поклонником» одной девчонки. Я открывал двери, расплачивался на свиданиях, выслушивал все, о чем только хотелось поговорить девушке, даже о том, как сильно она до сих пор любит своего бывшего. Большинство девушек не скрывали, что я им нравлюсь. Я серьезно. Для них я был другом, парнем из тех, кого компания подружек зовет с собой повсюду, но с теми девчонками, на которых я имел виды, мне редко удавалось добиться успеха. Вы себе представить не можете, сколько раз я слышал: *«Ты самый замечательный парень из всех моих знакомых, ты обязательно найдешь себе пару. У меня есть подруги, с которыми я могла бы тебя познакомить...»*

Нелегко быть человеком, который *идеально подходит кому-нибудь другому*. Я часто чувствовал себя несчастным и никак не мог понять, почему женщины утверждают, что хотят романтики, доброты, заинтересованности, умения слушать, а когда им дают все это, совсем не ценят.

Правда, не могу сказать, что в любви мне совсем не везло. На второй год учебы в старших классах у меня появилась девушка по имени Анджела, почти весь первый курс университета со мной была Виктория. А первым летом после окончания университета, в двадцать два года, я познакомился с Эмили.

Эмили до сих пор живет в том же районе, и все эти годы я периодически сталкивался с ней. Она была первой, кого я любил, и поэтому я и теперь нередко думаю о ней. Эмили предпочитала вести

богемную жизнь: носила длинные цветастые юбки и сандалии, почти не красилась и специализировалась на изобразительных искусствах, в основном на живописи. Она была красива – каштановые волосы и глаза орехового оттенка с золотистыми крапинками. Но привлекала не только внешностью. Она обладала остроумием, добротой к окружающим и высоким интеллектом. А меня всегда тянуло к умным женщинам. Мои родители ее обожали, Мардж ее любила, и даже молчание с ней становилось уютным. Наши отношения отличали легкость и непринужденность: мы были скорее друзьями, чем любовниками. С Эмили мы могли говорить о чем угодно, ей доставляли удовольствие записки, которые я прятал под ее подушку, и цветы, которые отправлял к ней на работу без всякого повода. Она любила меня так же сильно, как и я ее. После двух лет отношений я собирался сделать ей предложение и даже копил деньги на кольцо в честь помолвки.

А потом я все испортил. Не спрашивайте почему. Я мог бы свалить всю вину на выпивку, и действительно в тот раз напился с друзьями в баре, но, как бы там ни было, у меня завязался разговор с некой Карли. Она была красива, умело флиртowała и недавно рассталась с парнем, с которым встречалась довольно долго. За одним стаканом последовал другой, флирт продолжался, и в конце концов мы оказались в постели. Утром Карли ясно дала понять: все, что случилось, – ничего не значит, и хотя поцеловала меня на прощание, номер телефона оставить не удосужилась.

Существует пара элементарных Мужских правил на случай подобных ситуаций. Правило номер один гласит: *«Не вздумай сознаться»*. А если твоя любимая что-то заподозрит и спросит напрямую, немедленно следуй правилу номер два: *«Отрицай, отрицай и еще раз отрицай»*.

Всем мужчинам известны эти правила, но дело в том, что меня мучила совесть. Страшно мучила. Прошел месяц, а я никак не мог забыть тот случай и простить его себе. Хранить его в тайне казалось невозможным, я представить себе не мог, как буду продолжать отношения с Эмили, зная, что они отчасти построены на лжи. Я во всем сознался Мардж, и она, как всегда, по-сестрински помогла мне.

– Закрой пасть, кретин. Ты совершил глупость, теперь чувствуешь вину – так тебе и надо. Но если повторять не собираешься, тогда не смей ранить чувства Эмили. Эта новость уничтожит ее.

Я понимал, что Мардж права, но...

Мне необходимо было прощение Эмили, поскольку я сомневался, что без него сумею простить сам себя, так что я отправился к Эмили и произнес слова, о которых до сих пор жалею.

– Мне надо кое-что тебе рассказать, – начал я и выложил все.

Первая цель заключалась в прощении, и я ее не достиг. Второй целью было строительство длительных отношений на фундаменте правды, но и тут ничего не вышло. В гневе и слезах Эмили выбежала из комнаты, прокричав, что ей нужно время подумать.

Я оставил ее в покое на неделю, в ожидании ее звонка вылизывал свою квартиру, но телефон так и не зазвонил. На следующей неделе я оставил ей два сообщения, оба с извинениями, но она все равно не перезвонила. Лишь через неделю мы встретились за обедом, но он прошел напряженно. Эмили попросила меня не провожать ее до машины. Знак был зловещим, и через несколько дней она оставила сообщение: *«Между нами все кончено»*. От этого удара я долго оправлялся.

Со временем мое чувство вины ослабло – время лечит угрызения совести, и я попытался утешиться мыслью, что, по крайней мере, для Эмили моя неосмотрительность стала тем, что называется «нет худа без добра». От друзей я слышал, что через несколько лет после нашего разрыва Эмили вышла за какого-то австралийца, а когда я мельком видел ее, мне всегда казалось, что судьба к ней благосклонна. Я твердил себе, что должен радоваться за нее. Эмили больше, чем кто-либо, заслуживала счастливой жизни, и Мардж считала так же. Даже после женитьбы на Вивиан моя сестра порой говорила мне в сердцах: «Вот Эмили была что надо! Ну как ты мог так облажаться?»

Я родился в Шарлотте, Северная Каролина, и если не считать единственного года, проведенного в другом городе, прожил там всю свою жизнь. Даже теперь мне не верится, что мы с Вивиан познакомились здесь или встретились вообще. Ведь она, как и я, родом с Юга: как и меня, ее полностью поглощала работа, и она редко где-нибудь бывала. Так какой же была вероятность моей встречи с Вивиан на вечеринке на Манхэттене?

В то время я работал во вспомогательном офисе компании в Мидтауне: звучало это гораздо интереснее, чем было на самом деле. Джесси Питерс придерживался мнения, что каждый, кто считался хоть сколько-нибудь перспективным в офисе в Шарлотте, должен поработать немного на Севере, – хотя бы потому, что часть наших клиентов составляли банки, а головной офис каждого банка находился в Нью-Йорке. Вы наверняка видели рекламные ролики из тех, над которыми я работал. Я считаю их продуманными и серьезными, отражающими цельность натуры. Кстати, идея первого из этих роликов родилась, когда я жил в тесной студии на Западной Семьдесят седьмой улице между авеню Коламбус и Амстердам и

пытался смириться с величиной баланса моего текущего счета, средств на котором едва хватало, чтобы разжиться фастфудом в ближайшей забегаловке.

В мае 2006 года президент одного из банков, которому понравилась моя концепция, устраивал благотворительную акцию в пользу МоМА^[1]. Этот президент всерьез увлекался искусством, о котором я не имел никакого представления, и хотя мероприятию предполагалось быть эксклюзивным и официальным, меня туда не тянуло. Но его банк являлся нашим клиентом, а Питерс управлял в стиле «делай что сказали, а то пожалеешь», и мне ничего не оставалось.

О том, как прошли первые полчаса, я почти ничего не помню, кроме одного: я очутился явно не в своей тарелке. Большая часть присутствующих годились мне в деды, практически все вращались в сферах, в которых уровень дохода не входил ни в какое сравнение с моим. В какой-то момент я обнаружил, что прислушиваюсь к разговору двух седовласых джентльменов, обсуждающих достоинства G-IV и Фалькон 2000. До меня не сразу дошло, что они сравнивают свои самолеты.

В другом углу зала я увидел босса Вивиан. Я знал его по ночным передачам по телевизору. Вивиан позднее объяснила, что он считает себя коллекционером предметов искусства. При этом она сморщила нос, давая понять, что деньги у босса есть, а вкуса нет, что меня не удивило. Его шоу посещали именитые гости, но его коронным шуткам впору было определение «плоские».

Вивиан стояла за спиной босса, вне пределов моей видимости, но, когда он шагнул вперед, чтобы поздороваться с кем-то, я ее увидел. Темные волосы, безупречная кожа, скулы, о которых супермодели могут лишь мечтать, – такой красивой женщины я еще никогда не видел.

Поначалу я думал, что она встречается со своим боссом, но чем дольше я наблюдал за ними, тем больше убеждался: это не так, она просто работает на него. Вдобавок она не носила кольца – еще один хороший знак... но на что я надеялся?

Однако романтик во мне все еще жил, и когда она направилась к бару за коктейлем, я двинулся за ней и тоже подсел к стойке. Вблизи она оказалась еще красивее.

– Так это вы! – воскликнул я.

– Что, простите?..

– Это вас представляют художники «Диснея», когда рисуют глаза своим принцессам.

Да, комплимент так себе. Дурацкий, даже, пожалуй, пошловатый, и в

наступившей неловкой паузе я понял, что сглупил. Но она засмеялась.

– Такого от пикаперов я еще не слышала!

– Не для каждой подойдет, – объяснил я. – Я Расселл Грин.

Она, кажется, развеселилась.

– А я – Вивиан Гамильтон.

Я чуть не ахнул.

Ее звали *Вивиан*.

Как героиню Джулии Робертс в «Красотке».

Как вообще человек может понять, что другой ему *подходит*? Какие сигналы этому способствуют? Чтобы встретить человека и сразу подумать: «*Вот с кем я хочу провести остаток своих дней*». Как мне могло показаться, что Эмили и Вивиан мне подходят, если они разные, как день и ночь? И если отношения с ними абсолютно разные?

Не знаю, но, когда я думаю о Вивиан, мне сразу вспоминается дурманящая страсть первых вечеров, которые мы провели вместе. Если нам с Эмили было тепло и уютно, то с Вивиан мы жарко пылали почти с самого начала отношений. С каждой встречей, с каждым разговором во мне росло убеждение: мы нашли друг в друге именно то, что искали.

Как типичный «женатик», я уже начинал фантазировать, представляя себе нашу совместную жизнь, которую пламенная страсть не покинет никогда. Не прошло и пары месяцев, как я понял, что хочу жениться на Вивиан, хотя пока не говорил ей об этом. Вивиан понадобилось больше времени, чтобы принять такое же решение в отношении меня, но через полгода после нашего знакомства у нас с Вивиан уже *все было серьезно*, и мы прощупывали почву, обсуждая наши взгляды на веру, деньги, политику, семью, отношения с соседями, детей и основополагающие ценности. Как правило, наши взгляды совпадали, и я, почерпнув идею из очередной мелодрамы, сделал предложение на смотровой площадке на крыше Эмпайр-стейт-билдинг в День святого Валентина, за неделю до моего возвращения домой, в Шарлотт.

Мне *казалось*, я знал, к чему стремлюсь, когда вставал на одно колено. Оглядываясь назад, я понимаю, что Вивиан *знала* наверняка – не только то, что я именно тот человек, которого она хотела видеть рядом с собой, но и тот, в ком она *нуждалась*. Семнадцатого ноября 2007 года мы в присутствии друзей и родных связали себя узами брака.

* * *

Вам, наверное, не терпится узнать, что же произошло дальше.

Как у каждой супружеской пары, у нас были свои взлеты и падения,

свои испытания и шансы. А когда страсти немного улеглись, я пришел к убеждению, что брак, по крайней мере теоретически, штука замечательная.

Но с практической точки зрения я, пожалуй, выбрал бы более точное определение – «заковыристая».

В конечном счете брак никогда не бывает таким, каким рисует его воображение. Одна половина моего «я», романтическая, всю эту затею наверняка представляла чем-то вроде длинного рекламного ролика открыток «Холлмарк» – с розами и свечами в мягком фокусе, неким измерением, в котором любовь и доверие преодолеют любые испытания. Более практичная половина моего «я» знала: чтобы остаться парой надолго, понадобятся старания обоих. Для этого потребуются ответственность и искренность, компромиссы и смелость в принятии решений. Все потому, что жизни свойственно подкидывать нам крученые мячи именно с тех сторон, с которых мы меньше всего ожидаем их получить. В идеале эти крученые мячи пролетают мимо, почти не причиняя семье ущерба, но бывает и так, что совместное отражение этих хитроумных подач помогает супругам сплотиться.

А иногда крученые мячи со всего размаха ударяют нас в грудь, чуть ли не в сердце, оставляя раны, которые, по-видимому, не заживают никогда.

Глава 3

И что потом?

Быть единственным кормильцем семьи оказалось нелегко. К концу недели я часто был вымотан, но один вечер пятницы мне запомнился особенно. На следующий день Лондон исполнялся год, а я весь день работал как проклятый над циклом видеоматериалов к распродажам в «Спаннермен недвижимость», одного из крупнейших застройщиков юго-востока страны, а эти видео были задуманы как часть масштабной стратегии быстрого продвижения. Наша компания получила за все свои труды маленькое состояние, поэтому руководство «Спаннермена» придиралось по любому поводу. Жесткие сроки исполнения были установлены для каждого этапа работы над проектом; еще более жесткими они стали по милости самого Спаннермена, капитал которого оценивался в два миллиарда долларов. Каждое изменение требовалось согласовывать с ним лично, и у меня создалось впечатление, что он решил максимально усложнить мне жизнь. В том, что он невзлюбил меня, я нисколько не сомневался. Он был из тех, кто вечно окружает себя красотками – большую часть руководства компании составляли привлекательные женщины, – и само собой разумеющимся считалось то, что Спаннермен и Джесси Питерс прекрасно ладят. Я же, напротив, терпеть не мог ни эту компанию, ни ее хозяина. Он был известен умением ловчить, изворачиваться, особенно когда дело касалось природоохранных законов. В газетах часто появлялись разгромные материалы, в которых ругали и компанию, и ее владельца. Отчасти именно поэтому они обратились в наше агентство – им требовался основательный ребрендинг.

Большую часть того года я посвятил изнурительной работе над заказом Спаннермена, и он стал, безусловно, самым тяжелым в моей жизни. На работу я шел как на каторгу, но, учитывая приятельские отношения между Питерсом и Спаннерменом, держал свое мнение при себе. В конце концов заказ передали другому сотруднику агентства: Спаннермен решил, что над ним должна работать женщина, чем никого не удивил, а я вздохнул с облегчением. Если бы мне пришлось и дальше заниматься тем же заказом, я бы, наверное, не выдержал и уволился.

Джесси Питерс считал бонусы эффективным средством мотивации подчиненных. Несмотря на непрекращающийся стресс, связанный с

заказом Спаннермена, я тем не менее ухитрялся получать по максимуму. Иначе я просто не мог. Я всегда чувствовал себя неуютно, если мне было нечего положить на наш сберегательный или инвестиционный счет, а бонусы помогали сохранять нулевым баланс наших кредиток. Вместо того чтобы сократиться, наши ежемесячные расходы выросли, хотя Вивиан и обещала экономить, отправляясь «по делам» – так она начала называть шопинг. Вивиан была не способна зайти в «Таргет» или «Уолмарт» и не потратить как минимум пару сотен долларов, даже если забежала туда за стиральным порошком. Этого я не мог понять и лишь предполагал, что таким образом она пытается заполнить душевную пустоту. А когда я сильно уставал, раздражался и начинал думать, что меня используют. Но попытки обсудить эту проблему с Вивиан зачастую приводили к ссорам. И даже если этого удавалось избежать, все оставалось по-прежнему. Она всегда уверяла меня, что покупает лишь самое необходимое и мне повезло, так как она как раз попала на скидки и воспользовалась ими.

Но вечером той пятницы эти тревоги казались далекими. Я вошел в гостиную, увидел Лондон в манеже, и она одарила меня улыбкой, которая каждый раз заставляла меня умиляться. Вивиан, красивая, как всегда, сидела на диване, листая какой-то журнал по интерьеру и саду. Я поцеловал сначала Лондон, затем Вивиан, и меня окутали ароматы детской присыпки и духов.

Мы поужинали, рассказывая друг другу, как прошел день, а потом приступили к ритуалу подготовки Лондон ко сну. Сначала Вивиан купала и одевала малышку в пижамку, потом я читал ей, как следует укрывал одеялом, и через несколько минут она крепко засыпала.

После я налил себе вина, заметив, что бутылка почти пуста: Вивиан пила скорее всего уже второй бокал. Если первый бокал означал – «шалости» вполне возможны, то второй делал их вполне вероятными, поэтому, несмотря на усталость, я воспрянул духом.

Когда я сел рядом с Вивиан, она по-прежнему листала журнал. Спустя некоторое время она спросила:

– Как тебе эта кухня?

Кухня на снимке была обставлена кремовыми тумбами под столешницами из гранита кофейного оттенка, та же гамма повторялась в отделке навесных шкафчиков. Стол-островок посреди кухни в окружении сияющей ультрасовременной техники – словом, мечта жителя пригорода.

– Роскошно, – признал я.

– Правда? Все в этой кухне – высший класс. А в освещение я влюбилась. Люстра умопомрачительная!

На освещение я поначалу не обратил внимания и наклонился, чтобы рассмотреть.

– Ого! Да, это что-то.

– В статье сказано, что модернизация кухни почти всегда увеличивает стоимость дома. Если мы когда-нибудь решим продать его.

– Зачем нам его продавать? Мне он нравится.

– Я же не говорю, что надо продать его прямо сейчас. Но не будем же мы жить здесь вечно.

Странно, мне никогда в голову не приходило, что у нас когда-нибудь появится другой дом. Ведь мои родители до сих пор жили в доме, где я вырос. Но Вивиан хотелось поговорить не об этом.

– Пожалуй, насчет увеличения стоимости ты права, – кивнул я, – но не уверен, что сейчас мы можем позволить себе заново обставить кухню.

– У нас же есть сбережения.

– Да, но это на черный день.

– Ладно, – вздохнула она, и я отчетливо различил разочарование в ее голосе. – Я же просто так спросила.

Я смотрел, как она осторожно загибает уголок страницы, чтобы потом найти эту фотографию, и чувствовал себя проигравшим. Я терпеть не мог обманывать ее ожидания.

* * *

Жизнь неработающей мамы устраивала Вивиан.

Даже после рождения Лондон она по-прежнему выглядела лет на десять моложе, и, когда заказывала коктейль, у нее иногда спрашивали документы. Время щадило Вивиан, но это было не самое удивительное в ней. Она всегда казалась мне зрелой и уверенной в себе, в своих мыслях и мнениях, и в отличие от меня ей всегда хватало смелости говорить то, что она думала. Если ей чего-нибудь хотелось, она заявляла об этом прямо; если ее что-то беспокоило, она никогда не держала эти чувства в себе, даже когда знала, что ее слова могут меня расстроить. Умение оставаться самим собой, не боясь, что окружающие тебя отвергнут, я уважал хотя бы потому, что сам к этому стремился.

Вместе с тем Вивиан была сильной натурой. Перед лицом трудностей она не ныла и не жаловалась – наоборот, превращалась в стойка. За все годы я видел ее плачущей лишь однажды – когда умер Харви, ее кот. В то время она была беременна Лондон, а Харви жил у нее со второго курса, но, несмотря на гормональные всплески, смерть любимца не вызвала у нее истерики. По щекам скатилась лишь пара слезинок.

Можно расценивать как угодно тот факт, что Вивиан не склонна к

плаксивости, но плакать ей, в сущности, было не о чем. До сих пор беды обходили нас стороной, а серьезным поводом для расстройства можно было считать лишь то, что Вивиан не удавалось забеременеть во второй раз. Мы начали предпринимать попытки, когда Лондон исполнилось полтора года, но все было безуспешно, и хотя я уже был готов обратиться к специалисту, Вивиан, казалось, хотела, чтобы все шло своим чередом.

Но несмотря на отсутствие второго ребенка, я считал, что мне повезло жениться на Вивиан – отчасти потому, что у нас есть дочь. С ролью матери одни женщины справляются лучше, другие хуже, для Вивиан она была естественной. Она являлась образцом терпения, ответственности и любви, ее не смущали ни понос, ни рвота. Вивиан читала Лондон сотни книг, часами играла с ней, вдвоем они ходили в парки и в библиотеку. Находились у них и другие дела: прогулки с соседскими детьми, подготовка к школе, плановые осмотры у педиатра или дантиста, а это значило, что они всегда были чем-то заняты. Но когда я вспоминаю первые годы жизни Лондон, чаще всего в памяти всплывает выражение безграничной радости на лице Вивиан, держащей малышку за руку или наблюдающей, как она постепенно познает окружающий мир. Однажды восьмимесячная Лондон, сидевшая на высоком стульчике, чихнула. Почему-то ей это показалось забавным, и она рассмеялась. Я сделал вид, что чихаю, и Лондон залилась безудержным смехом. Но если меня этот случай просто умилил, то Вивиан усматривала в нем нечто *большее*. Любовь к нашей дочери затмевала для нее все, даже любовь ко мне.

Всепоглощающая сущность материнства, или, во всяком случае, то, что понимала под ним Вивиан, не только дала мне возможность сосредоточиться на карьере, но и означала, что мне редко приходилось самому заботиться о Лондон, поэтому я понятия не имел, какого труда это требует. Казалось, Вивиан это дается легко, но со временем она начала раздражаться. Обычные домашние заботы отступили на второй план, и я, возвращаясь домой, нередко видел, что вся гостиная завалена игрушками, а в кухонной раковине высится гора грязной посуды. Грязное белье копилось, ковры требовали чистки. И поскольку я всегда терпеть не мог беспорядка в доме, то решил нанять кого-нибудь, кто приходил бы дважды в неделю делать уборку. Когда Лондон начала ходить, я нашел няню, которая три раза в неделю давала Вивиан возможность отдохнуть днем, и сам начал заниматься дочерью утром по субботам, чтобы у Вивиан появилось «личное время». Я надеялся, что у нее будут силы для нас как пары. С моей точки зрения, жена привыкла воспринимать себя как мать, а нас троих – как семью, но роль супруги постепенно стала обременять ее.

Большую часть времени я не тревожился о наших отношениях. Я считал, что мы живем, как большинство супружеских пар с маленькими детьми. Вечерами мы обычно говорили о *жизнейском*: о детях, работе и семье, что бы съесть и куда бы съездить на выходные, когда везти машину на техосмотр. И я далеко не всегда чувствовал себя задвинутым на задний план; мы с Вивиан начали приберегать вечера пятницы для свиданий. Даже на работе знали о наших свиданиях, поэтому, если в моем присутствии не было острой необходимости, по пятницам я уходил из офиса сравнительно рано, по пути домой слушая в машине музыку, и, едва шагнув через порог, одаривал домашних улыбкой. Пока Вивиан прихорашивалась, я общался с Лондон, а потом, когда она засыпала, для нас с Вивиан снова наступала пора первых свиданий.

Вивиан подбадривала и смешила меня, когда работа становилась особенно напряженной. В тридцать три года я подумывал сменить свою *респектабельную* гибридную машину на «Мустанг GT», хотя этот обмен и не сказался бы заметно на конечной цене. Но на тот момент это не имело значения. Услышав во время тест-драйва утробный рык мотора, я понял: эту машину будут провожать завистливыми взглядами повсюду, куда бы я ни поехал. Продавец умело сыграл на моем тщеславии, а когда позднее я поделился с Вивиан впечатлениями, она не стала дразнить меня, заявлять, что я еще слишком молод для причуд среднего возраста, или выражать беспокойство о том, что мне захотелось другой жизни. Вместо этого она не мешала мне предаваться фантазиям, а когда я наконец одумался, то купил практически ту же машину: очередной четырехдверный гибрид с вместительным багажником и превосходным уровнем безопасности, согласно «Отчетам для потребителей». И ни разу не пожалел об этом.

Ну, может, и пожалел, но не об этом речь.

И при всем этом я *любил* Вивиан и ни разу, ни на шаг не отступил от убежденности, что хочу быть с ней всю жизнь. В своем желании доказать это я подолгу и старательно обдумывал подарки для нее на Рождество, годовщины, дни рождения, а также на День святого Валентина и на День матери. Я присылал ей цветы без всякого повода, прятал записки под ее подушку, убегая на работу, иногда радовал ее завтраком в постель. Поначалу она ценила эти жесты, со временем они утратили новизну и очарование. И я ломал голову, пытаясь придумать, чем бы еще удивить ее и дать понять, как много она по-прежнему значит для меня.

В конце концов Вивиан получила ту самую кухню, которую хотела, – как на снимке в журнале.

Вивиан собиралась вновь устроиться на работу, как только Лондон пойдет учиться, – на неполный день, чтобы проводить достаточно времени дома. Она твердила, что у нее нет желания становиться одной из мамаш, которые вечно вызываются наводить порядок в классе или украшать школьный кафетерий к праздникам. Не хотелось ей и торчать в доме, где днем обычно пусто: Вивиан была не только прекрасной матерью. Она с отличием окончила Джорджтаунский университет и, до того, как стала матерью и домохозяйкой, успешно занималась связями с общественностью не только ведущего ток-шоу в Нью-Йорке, но и медиакомпании, где трудилась перед тем, как родилась Лондон.

Я же со своей стороны не только добивался получения всех возможных бонусов с тех пор, как начал работать в агентстве, но и вырос в должности и к 2014 году уже руководил крупнейшими заказами нашей компании. К тому времени мы с Вивиан были женаты семь лет, Лондон недавно исполнилось пять, а мне – тридцать четыре года. Мы не только заново обставили кухню в нашем доме, но и строили планы по ремонту и отделке спальни. Фондовый рынок благоволил к нашим инвестициям, особенно к «Эппл», нашему крупнейшему капиталовложению, и, за исключением ипотеки, долгов у нас не имелось. Я боготворил свою жену и ребенка, мои родители жили поблизости, моя сестра и Лиз были моими лучшими друзьями. Жизнь казалась сказкой.

Но в глубине души я понимал, что это ложь.

В компании сложилась ситуация, в которой никто из подчиненных Джесси Питерса не был уверен в том, что удержится на рабочем месте, и потому не чувствовал себя комфортно. Питерс основал рекламное агентство двадцать лет назад; с филиалами в Шарлотте, Атланте, Тампе, Нашвилле и Нью-Йорке, оно, бесспорно, было крупнейшим из расположенных на Юго-Востоке. Голубоглазый, поседевший чуть ли не в двадцать лет, Питерс славился изворотливостью и жестокостью; от конкурентов он избавлялся, либо переманивая их клиентов, либо снижая цены, а если эти стратегии оказывались неэффективными, он просто выкупал конкурирующие компании. Благодаря успехам его и без того внушительное самомнение разрослось и достигло масштабов мании величия, а его стиль управления полностью соответствовал особенностям его характера. Он был на все сто уверен в своей правоте, выделял любимчиков из числа подчиненных, стравливал начальников отделов и тем самым умело держал в напряжении всех и каждого. Он поощрял атмосферу, в которой сотрудники только и делали, что пытались требовать больше признания, чем заслуживали, сваливая любые недочеты и ошибки

на конкурентов. Словом, это был социальный дарвинизм в особо жестокой форме, в условиях которого лишь у немногих избранных имелся шанс на выживание.

К счастью, на протяжении более чем десяти лет меня чаще всего обходили стороной интриги, которые не раз становились причиной нервных срывов руководящего персонала компании: поначалу поводом было мое скромное положение, а позднее – то, что я приводил клиентов, которые ценили мою работу и платили компании соответственно. Со временем я убедил сам себя, что поскольку приношу Питерсу кучу денег, он считает меня слишком ценным сотрудником, чтобы изводить. Ведь Питерс и впрямь был не настолько суров со мной, как с остальными. Если со мной он останавливался поболтать, случайно столкнувшись в коридоре, то другие начальники отделов, в том числе обладающие бо́льшим опытом, чем я, нередко истерзанные выползали из кабинета Питерса. Наблюдая за ними, я испытывал облегчение и, пожалуй, толику самоуважения, радуясь, что со мной ничего подобного не случается.

Но в своих предположениях я ошибался буквально во всем. Мое первое крупное повышение совпало по времени с моей женитьбой на Вивиан, второе произошло через две недели после того, как Вивиан заехала ко мне в офис, чтобы оставить машину после поездки за покупками: этот визит мог обернуться катастрофой, но в тот раз мой босс сначала составил нам компанию у меня в кабинете, а потом повез нас обедать. Третьего повышения я дождался меньше чем через неделю после того, как Питерс и Вивиан проговорили три часа подряд на званом ужине, устроенном одним из клиентов. Лишь по прошествии времени стало ясно, что результативностью моей работы Питерс интересовался гораздо меньше, чем Вивиан. Именно эта простая истина на протяжении всего времени моей работы объясняла, почему он не отыгрывался на мне. Надо отметить, что Вивиан поразительно похожа на обеих бывших жен Питерса, и я подозревал, что ему ни о чем не мечтается так, как проводить с ней время или, если представится случай, жениться в третий раз, не поступившись моим браком.

Я не шучу. И не преувеличиваю. Всякий раз, разговаривая со мной, Питерс не упускал возможности спросить, как дела у Вивиан, сделать комплимент ее красоте, осведомиться, чем *мы* занимаемся. На ужинах с клиентами – то есть три или четыре раза в год – Питерс неизменно находил способ сесть рядом с моей женой, и на каждом рождественском корпоративе можно было увидеть, как они беседуют где-нибудь в уголке. Наверное, я смотрел бы на все это сквозь пальцы, если бы не реакция

Вивиан на явную привлекательность Питерса. Она ничем не поощряла его к ней отношения, но и не пыталась *осадить*, а принимала знаки внимания. Каким бы кошмарным боссом ни был Питерс, он умел обходиться с женщинами, особенно с такими красивыми, как Вивиан. Он слушал, и смеялся, и делал тонкие комплименты в нужный момент, и, поскольку вместе с тем он был богат, как Мидас, я думал: вполне возможно, что Вивиан льстит его интерес. Она воспринимала его как должное. Мальчишки соперничали за ее внимание с начальных классов школы, и она к этому привыкла. Ей не нравилось другое – то, что иногда это внимание вызывало у меня ревность.

В декабре 2014 года, за месяц до начала самого злополучного года моей жизни, мы готовились к ежегодному рождественскому корпоративу нашего агентства. Когда я признался, что сложившееся положение меня тревожит, она тяжело вздохнула.

– Не бери в голову, – сказала она.

Я был в недоумении, почему моя жена ни во что не ставит мои чувства.

Перемотаем пленку чуть дальше в наше с Вивиан прошлое.

Материнство стало для Вивиан наградой, но брак со мной отчасти утратил свое очарование. Помню, я часто размышлял, как изменилась Вивиан за годы, которые мы прожили вместе, а в последнее время осознал: она не менялась, а эволюционировала, в большей мере проявлялись качества человека, которым она была с самого начала и которого мало-помалу я начал воспринимать как чужого.

Эти изменения были едва заметны. В первый год жизни Лондон я мирился с переменчивостью настроений и раздражительностью Вивиан как с нормальным явлением, чем-то само собой разумеющимся, с этапом, который в конце концов завершится. Постепенно я привык к нему, не реагировал даже на пренебрежение со стороны жены. Но этот этап все не кончался. В последующие несколько лет Вивиан все чаще злилась и раздражалась и относилась к моим заботам все презрительнее. Зачастую ее злили даже мелочи, она швырялась оскорблениями, которые мне и в голову бы не пришло произнести даже шепотом. Ее агрессия была стремительной и точной, обычно направленной на то, чтобы вынудить меня извиниться и пойти на попятную. Я не выносил конфликтов и, как бы сильно ни был оскорблен, почти всегда отступал, стоило ей только повысить голос.

Последствия вспышек ее гнева обычно оказывались еще страшнее, чем сами вспышки и нападки. Казалось, заслужить прощение невозможно,

и вместо того, чтобы выяснить отношения или просто предать ссору забвению, Вивиан уклонялась от разговоров. Она или не говорила со мной вообще, или на протяжении нескольких дней отвечала на любые вопросы сухо и односложно. Все ее внимание доставалось Лондон, а уложив ее, Вивиан сразу же уходила в спальню, оставляя меня сидеть в гостиной в одиночестве. В такие дни она буквально излучала презрение, заставляя невольно задумываться, любит ли она меня еще или нет.

В ее поведении присутствовал элемент непредсказуемости, правила внезапно менялись. Вивиан становилась то прямолинейной и откровенной в своем гневе, то пассивно-агрессивной – по настроению. Требования, которые она предъявляла ко мне, постепенно теряли четкость, и в половине случаев я понятия не имел, что надо делать и чего не надо, когда пытался осмыслить случившееся и разобраться, чем именно я разозлил ее. Однако она не только не объясняла мне, но и отрицала наличие проблемы или же обвиняла меня в чрезмерно бурной реакции. Очень часто у меня возникало ощущение, будто я иду по минному полю, рискуя и собственным эмоциональным состоянием, и нашим браком... и вдруг по причинам, которые опять-таки оставались для меня загадкой, наши отношения вновь становились *нормальными*. Вивиан спрашивала, как прошел мой день, интересовалась, что я хотел бы съесть на ужин, а после того, как Лондон засыпала, мы занимались любовью – знак того, что меня наконец простили. И я вздыхал с облегчением, надеясь, что теперь все пойдет так, как и должно быть.

Вивиан отвергла бы мою версию этих событий, или, по крайней мере, то, как я истолковал их. Отвергла бы со злостью. Или заявила бы, что ее поступки и поведение – реакция на мои действия, добавив, что мои представления о браке оторваны от реальности, медовый месяц не будет длиться всю жизнь, это попросту невозможно. Она утверждала, что я тащу рабочие проблемы домой, что это у меня вечные перепады настроения, что у нее есть возможность сидеть дома, и я часто выплескиваю на нее свою обиду и раздражение.

Но какая бы версия событий ни являлась объективно правильной, в глубине души я больше всего хотел, чтобы Вивиан была счастлива. А точнее – *счастлива со мной*. Ведь я по-прежнему любил жену, мне не доставало ее улыбок и смеха, наших разговоров обо всем и ни о чем и того, как раньше мы держались за руки. Я скучал по той Вивиан, которая заставила меня поверить, что я мужчина, достойный ее любви.

И все равно, за исключением свиданий в пятницу вечером, наши отношения продолжали постепенно эволюционировать и превращаться в

то, что я не всегда хотел принимать. Пренебрежение Вивиан начало *ранить* меня. Большую часть этих лет я был разочарован в самом себе за то, что не оправдывал ее ожиданий, и клялся стараться изо всех сил, лишь бы ее порадовать.

А теперь – быстрая перемотка вперед, к вечеру рождественского корпоратива.

– Не бери в голову, – сказала мне Вивиан, и эти слова звенели у меня в ушах, пока я одевался. Они звучали резко, пренебрежительно, без тени сочувствия. Но несмотря на это, вечер запомнился мне прежде всего тем, что Вивиан выглядела эффектнее, чем обычно. Она выбрала черное коктейльное платье, туфли-лодочки и бриллиантовую подвеску, которую я подарил ей на прошлый день рождения. Волосы ниспадали на плечи, и, когда она вышла из ванной, все, что я мог, – смотреть на нее с наслаждением.

– Прекрасно выглядишь, – едва выговорил я.

– Спасибо.

В машине между нами по-прежнему ощущалось напряжение. Мы неловко попытались затеять разговор ни о чем, и когда Вивиан поняла, что тему Питерса я больше поднимать не намерен, то понемногу оттаяла. К моменту прибытия на вечеринку казалось, что мы заключили безмолвное соглашение делать вид, будто моего замечания и ее ответа на него не было.

Тем не менее она прислушалась. Слегка раздраженная, как всегда, Вивиан весь вечер буквально ни на шаг не отходила от меня. Питерс трижды останавливался поболтать с нами и дважды спрашивал Вивиан, не желает ли она что-нибудь выпить – явное предложение составить ему компанию у стойки бара, – но оба раза она качала головой и говорила, что уже сделала заказ официанту. Объяснения звучали вежливо и дружелюбно, и я невольно задумался, не придаю ли я слишком большое значение ситуации с Питерсом. Пусть флиртует с Вивиан сколько угодно, но когда кончится вечеринка, она уедет домой со мной, а разве не это самое главное?

В целом корпоратив прошел не лучше и не хуже всех прочих и быстро стерся из памяти. А когда мы вернулись домой и отпустили приходящую няню, Вивиан попросила налить ей вина и сходить в детскую провести Лондон. Вернувшись в спальню, я увидел зажженными свечи, сексуальное белье на Вивиан и...

В этом была вся Вивиан: попытки угадать, как она поступит в следующую минуту, чаще всего оказывались бессмысленными. Даже по прошествии семи лет ей удавалось застать меня врасплох, порой

удивительно приятным способом.

Грубейшая ошибка.

Именно так я мысленно называю теперь этот вечер, по крайней мере, когда речь идет о моей карьере в рекламном агентстве.

Оказалось, Джесси Питерс недоволен тем, что Вивиан избегает его. И на следующей неделе между нами стал ощущаться холод. Поначалу не явный. Встретившись со мной в коридоре в первый же понедельник после корпоратива, он прошел мимо, кивнув, а во время рабочего совещания через несколько дней задавал вопросы всем, кроме меня. Эти мелкие, но тревожные сигналы продолжались, но поскольку я с головой зарылся в очередную непростую рекламную кампанию – для банка, который требовал, чтобы стержнем кампании была целостность, но с ощущением *новизны*, – задумываться о них я не мог. Потом начались праздники, а поскольку в начале нового года в офисе всегда царила легкая неразбериха, лишь в конце января до меня вдруг дошло, что последние по меньшей мере шесть недель Джесси Питерс со мной почти не разговаривал. Тогда я сам начал заглядывать к нему, но всякий раз его секретарь сообщал, что Питерс или говорит по телефону, или занят. Всю глубину его недовольства мной я осознал только в середине февраля, когда он наконец нашел время встретиться со мной. Точнее, он *вызвал* меня к себе через своего секретаря, а это, в сущности, означало, что выбора у меня нет. Наша компания потеряла крупного клиента, автомобильного дилера с восемью торговыми точками по всей территории Шарлотта, а его заказы обычно вел я. После того как я изложил ему причины, по которым, как мне казалось, клиент предпочел другое агентство, он впился в меня острым взглядом. Еще более зловещим знаком стало то, что он ни словом не упомянул Вивиан. Из его кабинета я вышел, чувствуя себя так, как коллеги, на которых я раньше смотрел свысока, – те самые, вечно балансирующие на грани нервного срыва. У меня вдруг возникло щемящее чувство, что мои дни в «Питерс Групп» сочтены.

Еще труднее было смириться с тем, что тот клиент, автодилер, мужчина лет под семьдесят, ушел не из-за моего просчета или упущения. Я видел и печатные материалы, и видеоролики, сделанные для него нашим агентством, и до сих пор считаю наши идеи креативными и действенными. Но клиенты непостоянны. Спад в экономике, смена руководства и просто желание на время сократить издержки – все приводит к переменам, затрагивающим нашу сферу, а иногда эти перемены не имеют никакого отношения к бизнесу. В некоторых случаях клиент разводился, и ему

требовались деньги для выплаты отступных. Сокращение расходов на рекламу на ближайшие полгода позволяло ему сэкономить шестизначную сумму. На счету каждый цент, поскольку его жена наняла хорошего адвоката. Судебные издержки росли, как и размеры предполагаемых отступных. Клиенту приходилось урезать себя во всем, и Питерс это знал.

Месяц спустя, когда от сотрудничества с нами отказался еще один клиент, сеть клиник неотложной помощи, недовольство Питерса мной стало еще очевиднее. Этот клиент не входил в число крупных – честно говоря, не тянул даже на среднего, – а то, что я с начала года подписал контракты с тремя новыми клиентами, по-видимому, ничего не значило для моего босса. Он снова вызвал меня к себе и заявил, что я, должно быть, *«теряю хватку»* и *«клиенты, наверное, перестают доверять»* мне. Завершая совещание не точкой, а восклицательным знаком, он вызвал к себе Тодда Хенли и объявил, что отныне мы с ним *«работаем вместе»*. Хенли считался перспективным сотрудником, проработал в агентстве пять лет, и хотя с фантазией у него было неплохо, что он умел по-настоящему, так это ориентироваться в мутной офисной политике. Я знал, что он нацелился на мою должность – и не он один, но в этой группе Тодд был первым подхалимом. Когда он вдруг начал все чаще пропадать в кабинете Питерса – несомненно, приписывая себе успех каждой рекламной кампании, над которой мы работали вместе, – и выходить оттуда с самодовольной ухмылочкой, я понял: пора строить план отступления.

Мой опыт, должность и нынешняя зарплата практически не оставляли мне выбора. Поскольку Питерс господствовал в рекламной индустрии Шарлотта, мне предстояло раскинуть сети пошире. В Атланте Питерс держался на второй строчке рейтинга и неуклонно расширял сферу влияния, поглощая мелкие агентства и привлекая новых клиентов. Нынешний лидер рынка недавно пережил две смены руководства и теперь временно перестал нанимать персонал. Затем я обратился в компании Вашингтона, Ричмонда и Балтимора, думая, что переезд поближе к родителям Вивиан примирит ее с необходимостью покинуть Шарлотт. Но даже до собеседований дело так и не дошло.

Конечно, имелись и другие возможности. Все зависело от того, насколько далеко я готов уехать из Шарлотта, и я попытал счастья еще в семи или восьми компаниях на Юго-Востоке и Среднем Западе. Но с каждым новым звонком я все отчетливее понимал, что не хочу уезжать. В Шарлотте мои родители, здесь Мардж и Лиз, Шарлотт – мой дом. И тогда идея основания собственного бизнеса, небольшого рекламного агентства-бутика, начала возрождаться из пепла, как мифический феникс. А это,

понял я, не что иное как идеальное название...

«Агентство «Феникс». Небывалый взлет вашего бизнеса».

Я сразу же представил этот слоган на визитках, в воображении я видел, как беседую с клиентами, и когда заехал к родителям в следующий раз, словно невзначай упомянул о своей идее отцу. Он с ходу заявил, что она неудачная; Вивиан тоже была от нее не в восторге. Я держал жену в курсе своих поисков работы, а когда поделился мыслью о собственном агентстве «Феникс», она предложила попытать удачу в Нью-Йорке и Чикаго – там, куда, по-моему, даже соваться не стоило. Но просто взять и отказаться от мечты я не мог и уже начинал мысленно оценивать все ее плюсы и минусы.

Работая в одиночку, я сумею избежать лишних затрат.

Я близко знаком с высшим руководством всех компаний Шарлотта.

В своем деле я ас.

Поскольку у меня будет компания-бутик, я смогу ограничиться обслуживанием лишь нескольких из них.

Я мог бы запрашивать с клиентов меньше и зарабатывать больше.

Тем временем в офисе я занялся подсчетами и прогнозами. Я обзванивал клиентов, спрашивал, довольны ли они услугами и ценами в «Питерс Групп», и полученные ответы подкрепили мою веру в то, что все получится. А Хенли тем временем старательно топил меня и всякий раз сбрасывал со счетов. Питерс уже начинал срываться на мне.

Тогда я и понял, что Питерс скоро меня уволит, а это значило, что мне ничего другого не остается, кроме как пуститься в одиночное плавание.

Осталось последнее – объявить о своем решении Вивиан.

Что могло быть лучше, чем отпраздновать мой будущий успех на нашем традиционном свидании в пятницу вечером?

Да, я мог выбрать любой другой день, но мне хотелось поделиться своим душевным подъемом с Вивиан. Я ждал поддержки с ее стороны. Мечтал рассказать ей о своих планах и увидеть, как она потянется через стол, возьмет меня за руки и скажет что-нибудь вроде: *«Ты себе представить не можешь, как долго я ждала, что ты наконец решишься! Я нисколько не сомневаюсь, тебя ждет успех. Я всегда верила в тебя»*.

Примерно год спустя, когда я признался Мардж, что надеялся услышать тем вечером, она чуть не лопнула от смеха.

– Так, давай-ка разберемся, – сказала она мне, когда перестала смеяться. – Ты одним махом лишил ее ощущения стабильности, заявив, что собираешься перевернуть всю вашу жизнь, и при этом искренне ждал от

нее одобрения и похвалы? Господи, у тебя ведь ребенок. Да еще и ипотека. И другие расходы. Ты что, спятил?

– Но...

– Нет тут никаких «но», – перебила сестра. – Тебе известно, что я далеко не всегда соглашаюсь с Вивиан, но тем вечером она оказалась права.

Может, в словах Мардж и был смысл, но все мы смотрим на ситуацию со своей стороны. А тем вечером, после того, как мы уложили Лондон спать, я приготовил на гриле стейки – в сущности, только их я и умел как следует делать, – пока Вивиан порезала салат, отварила на пару брокколи и обжарила стручковую фасоль с миндальными хлопьями. Кстати, Вивиан никогда не прикасалась к углеводам, которые обычно называют вредными – хлеб, мороженое, паста, сахар и все, что содержит пшеничную муку, – а я считал все это вкусным и ни в чем не отказывал себе за обедом, потому, наверное, и наел заметные бока.

Но ужин с самого начала получился напряженным. Моя попытка вести себя легко и непринужденно лишь насторожила Вивиан, она словно готовилась к тому, что будет дальше. Вивиан всегда легко читала мои мысли, как Моисей – заповеди. Видя ее нарастающее недовольство, я старался развеять его, и от этого она словно каменела.

Я дождался, когда ужин будет подходить к концу. Вивиан съела половину своего стейка, я долил ей вина и завел разговор о Хенли, Питерсе и о том, что меня, кажется, скоро уволят и я хочу открыть свое дело. Она только кивала, поэтому я собрался с духом и принялся излагать свои планы, перечислять все до единой причины такого решения и делать прогнозы. Я не мог не заметить, что она сидит как изваяние. Абсолютно неподвижно, и даже не смотрит на свой бокал с вином. Она так ни о чем и не спросила, даже когда я закончил. Молчание заполнило комнату, эхом отражаясь от стен.

– А ты уверен, что мысль удачная? – наконец произнесла Вивиан.

Это было отнюдь не радостное одобрение, на которое я рассчитывал, но и не взрыв возмущения, и я счел это добрым знаком. Наивный.

– Вообще-то, – признался я, – мне до смерти страшно, но если я не решусь сейчас, то не решусь уже никогда.

– А ты не слишком молод для открытия собственного агентства?

– Мне тридцать пять. Когда Питерс основал свое, ему было всего тридцать.

Она поджала губы, и я услышал ее невысказанное возражение: «Но ты не Питерс». К счастью, она промолчала. Вместо этого Вивиан нахмурилась.

– А ты хоть знаешь, как это – основать собственное агентство?

– Так же, как открыть любую другую компанию, а люди постоянно это делают. В конечном счете все сводится к заполнению необходимых бумаг, поиску хорошего юриста и бухгалтера и обустройству офиса.

– И сколько времени на это понадобится?

– Может, месяц? Но как только у меня появится офис, я сразу же начну подписывать контракты с клиентами.

– Если они решат обратиться к тебе...

– Клиентов я найду, – сказал я. – Об этом я даже не беспокоюсь. Питерс дерет с них втридорога, а с некоторыми из этих клиентов я проработал много лет. Уверен, они перейдут ко мне, как только представится случай.

– И все-таки какое-то время ты не будешь зарабатывать.

– Нам просто придется немного сократить расходы. Например, отказаться от приходящей уборщицы.

– Ты хочешь, чтобы я сама убирала в доме?

– Я помогу, – заверил я.

– Само собой, – отозвалась она. – И где ты возьмешь деньги на бизнес?

– Я думал воспользоваться частью наших инвестиций.

– наших инвестиций? – переспросила она.

– Денег у нас достаточно, чтобы прожить целый год.

– Год? – Эхом повторила она.

– Даже в случае полного отсутствия доходов, – заверил я. – А этого я не допущу.

Она кивнула.

– Полное отсутствие доходов, значит.

– Понимаю, сейчас нам страшно, но в конце концов мы убедимся, что все было не зря. И твоя жизнь нисколько не изменится.

– Ты хочешь сказать – за исключением того, что мне придется стать твоей прислугой.

– Я вовсе не то хотел...

Она прервала меня:

– Питерс не станет сидеть сложа руки и восхищаться твоей смелостью. А если он поймет, что ты пытаешься переманить у него клиентов, он пойдет на все, лишь бы убрать тебя из бизнеса.

– Пусть только попробует, – заявил я. – В конечном счете все решают деньги.

– У него их больше.

– Я говорю про деньги клиентов.

– А я – про деньги для нашей семьи, – парировала она, и ее голос стал

резким. – А как же мы? Как же я? И ты рассчитываешь, что я смирюсь? Ведь у нас ребенок!

– И что мне теперь, просто взять и отказаться от своей мечты?

– Не строй из себя мученика. Я этого терпеть не могу.

– Ничего я не строю. Просто пытаюсь обсудить...

– Ничего подобного! – Она повысила голос. – Ты ставишь меня перед фактом, не думая о том, что твое решение не может принести ничего хорошего нашей семье!

Я выдохнул, чтобы голос звучал ровнее.

– Я уже объяснил тебе: Питерс наверняка уволит меня, а другой работы нет.

– А ты пытался поговорить с ним?

– Конечно, пытался.

– Ну да, как же.

– Ты мне не веришь?

– Только отчасти.

– В чем же именно?

Она бросила салфетку на свою тарелку и вскочила.

– В том, что ты намерен поступить так, как считаешь нужным, пусть даже во вред нам и нашему ребенку!

– По-твоему, мне нет дела до нашей семьи?

Но она уже выбежала из-за стола.

В ту ночь я спал в комнате для гостей. И хотя Вивиян сохраняла вежливый тон, односложно отвечая на мои вопросы, в следующие три дня она со мной не разговаривала.

* * *

Как бы Мардж ни поддерживала меня во времена моей юности и как бы усердно ни делилась мудростью, в подростковом возрасте необходимость нянчиться со мной ее раздражала. Она начала часами висеть на телефоне, а мне в итоге приходилось помногу смотреть телевизор. Не скажу за других, но лично я многому из того, что понимаю в рекламе, научился, просто глядя в телевизор и впитывая знания. Я не изучал рекламное дело в университете, меня не консультировали старшие и более опытные коллеги в агентстве, поскольку добрая половина из них с подачи Питерса тратила творческую энергию на попытки препятствовать карьерному росту другой половины. Бросившись в работу, как в омут головой, и не зная, как поступать, я выслушивал пожелания клиентов, нырял за идеями в колодезь моих воспоминаний и возвращался с новыми версиями давних рекламных роликов.

Конечно, не все было так просто. Роликами для телевидения реклама не исчерпывается. За годы я успел сгенерировать немало броских слоганов для печатной рекламы и уличных щитов, писал сценарии роликов и информационных материалов, помогал обновлять сайты и разрабатывать конкурентоспособные кампании в социальных сетях, был частью команды, которая определяла степень приоритетности в интернет-поисковиках и в баннерной рекламе, ориентированной на конкретные почтовые индексы, уровень дохода и образования. А для одного клиента я разработал и внедрил кампанию с применением рекламы на кузовах грузовиков. Практически вся эта работа осуществлялась силами разных отделов в офисе Питерса, но в условиях самостоятельной работы мне предстояло самому выполнять все пожелания клиента, и если я знал, что в каких-то областях силен, то в других был определенно слабее, особенно когда доходило до технической стороны вопроса. К счастью, в этой сфере я проработал достаточно долго, чтобы знать подрядчиков, оказывающих услуги, которые могли мне понадобиться, и постепенно наладил с ними контакт.

Я не соврал Вивиан, утверждая, что вопрос привлечения клиентов меня несколько не тревожит, но, к сожалению, допустил ошибку. Такова ирония судьбы. Я забыл спланировать рекламную кампанию для собственного бизнеса. Мне следовало потратить больше денег на разработку качественного сайта и создание рекламных материалов, которые давали бы понять, какую фирму я намерен создать, а не только то, что я строю ее с нуля. Надо было составить хотя бы несколько хороших рассылок для почты, которые побудили бы клиентов обратиться ко мне.

Но вместо этого весь май я потратил на проработку инфраструктуры, которая способствовала бы моему успеху. Пользуясь днями отпуска, я нанял юриста и бухгалтера и подготовил необходимые учредительные документы. Я арендовал офис с общим администратором в приемной. Закупил часть офисного оборудования, остальное взял в аренду, обеспечил свой офис всеми возможными расходными материалами. Я читал книги о том, как начать свой бизнес, и в каждой подчеркивалась важность капитальных вложений. В середине мая, за две недели до увольнения из компании, я подал заявление об уходе. Если что-то и омрачало мою радость, то это лишь факт, что я недооценил начальные затраты на организацию и запуск в работу, не учтя обычные расходы по счетам, которые продолжали поступать и требовали оплаты. Бездоходный год, о котором я говорил Вивиан, сократился до девяти месяцев.

Ну и пусть. Наступил июнь, пришло время официально открывать

агентство «Феникс». Я разослал клиентам, с которыми работал раньше, письма с перечислением предлагаемых услуг, обещанием значительного сокращения расходов на рекламу и надеждой, что они обратятся ко мне. Я принялся делать звонки и выстраивать расписание потенциальных встреч в ожидании, когда зазвонит телефон.

Глава 4

Лето тревоги моей

В последнее время я пришел к убеждению, что появление в семье ребенка меняет наше ощущение времени, перемешивает прошлое с настоящим, словно миксер. Всякий раз, когда я смотрел на Лондон, прошлое выступало на первый план в моих мыслях, мной завладевали воспоминания.

– Почему ты улыбаешься, папа? – спрашивала Лондон.

– Потому что думаю о тебе, – отвечал я и представлял ее младенцем, спящим у меня на руках, видел ее первую улыбку-откровение и даже то, как она впервые перевернулась в кроватке. Ей было чуть больше пяти месяцев, я дал ей поспать лежа на животе, пока Вивиан ходила на йогу. Когда же Лондон проснулась, я не сразу сообразил, что она лежит уже не на животе, а на спине и улыбается мне.

Бывало, что я вспоминал ее годовалой и словно наяву видел, как осторожно она ползала или училась вставать, держась за стол. Помню, как я вел ее за руку и мы вышагивали туда-сюда по коридору, прежде чем она наконец смогла ходить самостоятельно.

Однако я многое пропустил. К примеру, пропустил ее первое слово, а когда у Лондон выпал первый молочный зуб, меня вообще не было в городе. Я не видел, как она впервые попробовала детское пюре из баночки, но все равно радовался, когда наконец увидел. Ведь для меня это происходило впервые.

Но увы, было и много того, чего я не помню. Когда именно первые робкие шаги Лондон стали уверенной поступью? Как произошел переход от первого слова к способности изъясняться короткими предложениями? Эти моменты постепенных, но неумолимых достижений теперь слились в памяти, и порой кажется: стоило мне только отвернуться на секунду, как я обнаруживал совершенно новую Лондон.

В какой момент изменились ее комната, занятия и игрушки? Представить себе детскую я могу в мельчайших подробностях, вплоть до бордюра в желтых утятах на обоях. Но когда кубики и плюшевые гусеницы перекечевали в ящик, который теперь стоит в углу? Когда в этой комнате появилась первая Барби, как Лондон начала представлять себе ее удивительную жизнь во всех подробностях – до одежды, в которой

Барби полагается хозяйничать на кухне? Когда Лондон начала превращаться из «дочурки по имени Лондон» в «Лондон, мою дочь»?

Иной раз я ловлю себя на мысли, что тоскую по младенцу и начинающей ходить малышке, которую я когда-то знал и любил. Теперь ее вытеснила девчушка, которая имеет твердое мнение насчет собственной прически, просит маму разрешить ей накрасить ногти и вскоре начнет проводить бо́льшую часть дня в школе под присмотром учительницы, с которой мне еще только предстоит познакомиться. В последнее время у меня возникает желание повернуть время вспять, чтобы как следует прочувствовать первые пять лет жизни Лондон: я приходил бы домой пораньше, чаще играл бы с ней, сидя на полу, с восторгом наблюдал бы вместе с ней за порхающими бабочками. Мне хочется, чтобы Лондон знала, сколько радости она принесла в мою жизнь, хочется объяснить, что я старался ради нее как мог. Чтобы она поняла: хотя мать и была всегда рядом с ней, я любил ее настолько сильно, насколько отец способен любить дочь.

Почему же тогда, задумываясь я порой, мне кажется, будто этого недостаточно?

Телефон не звонил.

Ни в первую неделю, ни во вторую, ни даже в третью. Я встретился с более чем десятком потенциальных клиентов, все они поначалу заинтересовались моим предложением, но телефон в моем офисе упорно продолжал молчать. Хуже того, месяц уже близился к концу, но ни у кого из них не нашлось времени для новой встречи со мной. А когда я снова пытался связаться с ними, их секретари просили меня больше не звонить.

Питерс.

Его следы были повсюду, и мне уже в который раз вспомнилось предостережение Вивиан: «Если он поймет, что ты пытаешься переманить у него клиентов, он пойдет на все, лишь бы убрать тебя из бизнеса».

К началу июля я был подавлен и встревожен. Положение усугубляла недавняя выписка по кредитке. Видимо, Вивиан со всей серьезностью восприняла мои слова о том, что ее жизнь нисколько не изменится, и теперь бегала «по делам», словно сорвалась с цепи, а поскольку я уволил уборщицу, в доме постоянно царил хаос. После работы я не меньше часа метался по дому, хватался за стирку, пылесос, уборку на кухне. Меня не покидало ощущение, что Вивиан расценивает мою необходимость заниматься домашними делами – и выписки по кредитке – как своего рода

заслуженную кару.

С тех пор, как я занялся собственным бизнесом, наши разговоры стали поверхностными. Я почти не рассказывал о том, как идут дела, она вскользь упомянула однажды, что наводит справки о работе на неполный день. Мы говорили о своих родных и перекидывались ничего не значащими фразами о друзьях и соседях. Но чаще всего разговор сводился к Лондон – эта тема всегда была наиболее безопасной. Мы оба чувствовали, что малейшей обиды или неосторожного слова хватит, чтобы вспыхнула ссора.

Четвертое июля^[2] выпало на субботу, и я ни о чем не мечтал так, как расслабиться в этот день и снять стресс. Мне хотелось на время забыть о проблемах с деньгами, счетами и клиентами, игнорирующими мои звонки; хотелось, чтобы умолк тихий голос в моей голове, непрестанно повторяющий, не взять ли мне подработку или не возобновить ли поиск работы в других городах. Чего я хотел, так это на день сбежать из мира взрослых, завершив праздничные выходные романтическим вечером с Вивиан, чтобы возродить чувство, что она по-прежнему верит в меня.

Но праздник праздником, а субботнее утро всегда было «личным временем» Вивиан, и вскоре после пробуждения она ушла на йогу, а оттуда – в тренажерный зал. Я накормил Лондон хлопьями, и мы вдвоем отправились в парк; днем мы втроем побывали на празднике в нашем районе. Для детей были организованы игры, Вивиан болтала с другими мамочками, а я выпил пару бутылок пива в компании папаш. Никого из них я толком не знал. Как и я до недавнего времени, они работали допоздна, и, слушая их рассказы, я постепенно вернулся к мысли о моем финансовом фиаско.

Позднее, когда в небе над бейсбольным стадионом «Боллпарк» расцвели фейерверки, я продолжал ощущать сильное напряжение.

В воскресенье лучше мне не стало.

Я надеялся, что смогу расслабиться, но после завтрака Вивиан объявила, что ей *«надо по делам»* и ее долго не будет дома. Ее тон, небрежный и в то же время вызывающий, ясно свидетельствовал, что она уходит на целый день и готова стоять на своем.

Я не хотел. С недовольством я смотрел, как она садится в свой внедорожник, и размышлял не только о том, как бы продержаться самому, но и чем развлекать все это время Лондон. В этот миг я вспомнил слоган, который придумал в первый год своей карьеры в рекламном агентстве: *«Когда вы в беде и вам нужен хоть кто-нибудь, кто встанет на вашу сторону...»*

Слоган предназначался для адвоката, специализирующегося на делах о нанесении телесных повреждений, и хотя коллегия подвергла его дисциплинарному взысканию и лишила лицензии, этот ролик вызвал приток в нашу фирму местных адвокатов, которым требовались рекламные услуги. За все эти заказы отвечал я, ко мне обращались, когда речь шла о рекламе юридических услуг. В результате Питерс заработал кучу денег. Пару лет спустя в «Шарлотт Обзервер» появилась статья, в которой отмечалось, что агентство «Питерс Груп» снискало в мире рекламы славу *«назойливого адвоката, бегущего за «скорой помощью» с предложением услуг пострадавшему»*, и руководителей нескольких банков и агентств недвижимости это сравнение покорило. Питерс нехотя свернул сотрудничество с частью клиентов, а годы спустя порой сетовал, что его принудили к этому те же банки, которые он без проблем использовал, по крайней мере, когда речь шла о выставлении счетов за рекламные услуги.

Итак, я в беде, и мне нужен хоть кто-нибудь, кто встанет на мою сторону... и я принял спонтанное решение навестить своих родителей.

Если и они не встанут на мою сторону, значит, я в беде.

Я с трудом могу представить себе мою маму без фартука. По-моему, она убеждена, что фартук в домашних условиях – такой же обязательный предмет женского гардероба, как бюстгальтер или трусы. Взрослея, мы с Мардж видели ее в фартуке, когда спускались к завтраку; она надевала его сразу же, как только входила в дом после работы, и не снимала еще долгое время после того, как заканчивался ужин и на кухне был наведен порядок. На мои вопросы, зачем ей фартук, она отвечала, что ей нравятся карманы, или что в нем ей теплее, или что она, решив выпить чашку кофе без кофеина, может не опасаться пролить его на одежду.

Лично я считаю, что это просто причуда, однако благодаря ей проще простого выбирать маме подарки на Рождество и день рождения. С годами коллекция фартуков мамы неуклонно растет. У нее есть фартуки всех цветов, длин и фасонов, для всех времен года, фартуки с лозунгами, фартуки, которые мы с Мардж сами шили для нее в детстве, фартуки с именем «Глэдис», написанным на ткани по трафарету, есть даже пара фартуков с кружевом, но мама считает их слишком кокетливыми и потому не носит. Мне точно известно, что на чердаке аккуратно сложенными фартуками заполнено семь коробок, и еще два кухонных шкафчика целиком отданы под мамину коллекцию. Для нас с Мардж всегда было загадкой, как мама выбирает, какой фартук надеть сегодня, или как находит тот, что искала среди всех остальных.

Своей привычке носить фартук она не изменила и после того, как вышла на пенсию. Мама работала не потому, что любила свою работу, а потому, что семье требовались деньги. И как только отошла от дел, сразу же вступила в клуб садоводов, занялась волонтерской деятельностью в центре для пожилых людей и активно участвовала в работе общества «Красная шляпа»^[3]. Как и у Вивиан и Лондон, у мамы, видимо, был спланирован каждый день недели, она занималась тем, что доставляло ей удовольствие, и у меня сложилось отчетливое впечатление, что в последние несколько лет ее фартуки стали ярче. Простые и скучные фартуки лежали теперь на дне ящика, а сверху были разноцветные, в цветах, птичках и с надписями вроде «На пенсии: молода сердцем, а в остальных местах – постарше».

Когда мы с Лондон приехали к родителям, на маме был фартук в красно-синюю клетку – я невольно отметил, что на нем нет карманов. Ее лицо осветилось при виде моей дочери. С годами она все меньше напоминает маму, которую я знал раньше, и все больше – бабушку, которую Норман Рокуэлл изобразил бы для обложки «Сатердей ивнинг пост». Мама розовощекая, уютная и мягкая, и потому без слов ясно, что Лондон тоже счастлива видеть ее.

Поездка удалась, к тому же Лиз с Мардж были у родителей в гостях. После кратких приветствий с объятиями и поцелуями внимание всех присутствующих было безраздельно отдано моей дочери, а я словно стал невидимкой. Лиз подхватила Лондон на руки, едва она вбежала в дом, а Лондон все это время не переставая тараторила. Мардж и Лиз внимали каждому ее слову, а когда я уловил в этой скороговорке упоминание о «кексиках», то понял, что Лондон как минимум пару часов будет не до меня. Она обожала что-нибудь выпекать – как ни странно, ведь в этом занятии с неизбежно рассыпанной мукой и сахаром Вивиан не находила ничего приятного.

– Как прошел День независимости? – спросил я у мамы. – Ходили с папой смотреть фейерверки?

– Нет, остались дома, – ответила она. – Слишком уж много повсюду народу и машин. А вы как отпраздновали?

– Как обычно. Сначала сходили на праздник в нашем районе, потом на бейсбольный стадион.

– И мы тоже! – подхватила Лиз. – Надо было пойти вместе. Мы могли бы договориться заранее.

– Извини, не додумался.

– Тебе понравился фейерверк, Лондон? – поинтересовалась Мардж.

– Очень-очень, просто супер! Только было ужасно громко!

- Да уж.
- А теперь мы будем печь кексики?
- Конечно, милая.

Как ни странно, мама не составила им компанию – вместо этого она задержалась со мной, а когда остальные скрылись в кухне, расправила перед своего фартука. Как делала всегда, когда нервничала.

- У тебя все в порядке, мама?
- Ты должен с ним поговорить. Ему надо к врачу.
- Почему? Что случилось?
- Боюсь, что у него рак.

Насчет рака мама всегда высказывается с полной определенностью, называя его не болезнью и даже не онкологией, а раком. Сама мысль о раке приводит ее в ужас. Он отнял жизнь у ее родителей и ее старших братьев. С тех пор рак стал постоянно возобновляющейся темой разговоров с мамой, воплощенным злом, ждущим случая, чтобы нанести удар, когда его меньше всего ждут.

- Почему ты решила, что у него рак?
- Потому что при раке бывают трудности с дыханием. Так было с моим братом. Сначала рак отнимает дыхание, а потом и жизнь.
- Твой брат выкуривал по две пачки в день.
- А твой отец не курит. Но на днях с трудом отдышался. Впервые я заметил, что естественный румянец на ее щеках поблек.
- Почему же ты мне не сказала? Что случилось?
- Вот как раз сейчас я и говорю, – ответила она и тяжело вздохнула. – В четверг после работы он сидел на веранде. Я готовила ужин, и, хотя жара стояла несусветная, твоему отцу втемяшилось в голову переставить ту кадку с японским кленом с одного конца веранды на другой – мол, чтобы солнце не пекло.

- В одиночку?

Я бы не мог сдвинуть эту штуковину ни на дюйм. Она весила как минимум несколько сотен фунтов. И даже больше.

- Ну да, – ответила мама, словно мой вопрос прозвучал глупо. – Передвинул, а потом несколько минут не мог отдышаться.
- Ничего странного. Любой после такого отдышался бы с трудом.
- Но не твой отец.
- Я согласился с ней.
- И что было потом?
- Я же только что сказала.
- Долго он приходил в себя?

– Даже не знаю... пожалуй, пару минут.
– Отлеживался на диване?
– Нет, вел себя как ни в чем не бывало. Взял пива и включил какой-то матч.
– Ну, если ему кажется, что все в порядке...
– Ему надо к врачу.
– Ты же знаешь, он не выносит врачей.
– Вот поэтому *ты* и должен с ними поговорить. Слушать меня он больше не желает. Упирается, как пробка в сточной трубе, забитой потрохами и жиром, а сам уже сколько лет не был у врача.
– Так он, наверное, и меня слушать не станет. А Мардж ты просила?
– Она сказала, что теперь твоя очередь.
Ну спасибо тебе, сестренка.
– Ладно, я поговорю с ним.
Она кивнула, но по ее отсутствующему выражению лица я понял, что в мыслях у нее по-прежнему только *рак*.
– А где Вивиан? Она не приедет?
– Сегодня мы вдвоем с Лондон. У Вив какие-то дела.
– А-а, – отозвалась мама. Она знала, что означают эти «дела». – Твой отец, наверное, все еще в гараже.

К счастью, в тени гаража температура была чуть более приемлемой для меня, человека, привыкшего к офисам с кондиционерами. А мой отец, похоже, даже не замечал, что сегодня жарко, а если и замечал, то не жаловался. Гараж был его святилищем, и я, войдя туда, уже в который раз восхитился царящим в нем порядком и в то же время загроможденностью. Инструменты, развешанные по стенам, коробки с проводами и разными запчастями, названия которых я даже не знал, самодельный верстак с ящичками, полными всевозможных гвоздей, шурупов, гаек, какие только существуют в природе, детали двигателей, удлинители, садовый инвентарь – все было разложено по местам. Я всегда считал, что особенно комфортно отец чувствовал бы себя в пятидесятых годах двадцатого века или еще раньше, во времена первых переселенцев.

Мой отец – человек рослый, широкоплечий, с мускулистыми руками и русалкой, наколотой на предплечье, – памятью о службе на флоте. В детстве он казался мне великаном. В одной и той же компании он проработал сантехником почти тридцать лет, но, по-моему, был способен починить что угодно. Протекающие окна и крыши, неисправные газонокосилки и телевизоры, насосы – для него не имело значения, что

чинить, он угадывал, что надо сделать и с какой именно деталью, чтобы все вновь заработало. Об автомобилях он знал все – правда, только о произведенных до эпохи всеобщей компьютеризации – и в выходные обычно латал кузов «Форда Мустанг» 1974 года, который сам отреставрировал двадцать лет назад и до сих пор ездил на нем на работу. Помимо верстака, он своими руками сделал множество вещей для дома: настил на заднем дворе, кладовку, туалетный столик для мамы, кухонные шкафы. В любую погоду он носил джинсы и рабочие ботинки и колоритно бранился, отдавая предпочтение не прилагательным, а глаголам. Нечего и говорить о том, что он был равнодушен к поп-культуре и ни минуты не смотрел то, что называют «реалити-ТВ». Он требовал, чтобы ужин на столе ждал ровно в шесть, а после уходил в гостиную смотреть какой-нибудь матч. По выходным, помимо ухода за газоном, он работал в саду или в гараже. Терпеть не мог нежности. Даже со мной он всегда здоровался, пожимая руку, и я всякий раз чувствовал мозоли на его ладони и силу, с которой он сжимает мои пальцы.

Я нашел отца в гараже, из-под «Мустанга» торчали только его ноги. Общаться с ним здесь было все равно что с манекеном, брошенным на складе.

– Привет, пап.

– Кто там?

Лет в шестьдесят пять отец начал понемногу терять слух.

– Это я, Расс.

– Расс? Какого черта ты здесь делаешь?

– Вот, решил привезти Лондон повидаться. Она в доме с мамой, Мардж и Лиз.

– Шустрая девчушка, – буркнул он. На бо́льшую похвалу из уст моего отца не стоило рассчитывать, хотя он и обожал Лондон. Особенно ему нравилось смотреть очередной матч вместе с внучкой, сидящей у него на коленях.

– Мама говорит, на днях ты никак не мог отдышаться. Она считает, что тебе надо к врачу.

– Зря она беспокоится.

– Когда ты в последний раз был у врача?

– Не знаю, может, год назад. Он сказал, я здоров, как бык.

– Мама считает, что прошло гораздо больше времени.

– Может, и так...

Я увидел, как он ощупал несколько ключей, разложенных возле его бедра, и выбрал один из них. Намек я понял: мне следовало сменить тему.

– А что с машиной?

– Где-то масло подтекает. Вот, пытаюсь понять. Наверное, что-то с фильтром.

– Разберешься.

А вот я бы даже не нашел этот самый масляный фильтр. Мы совершенно разные – я и мой отец.

– Как идет бизнес? – спросил он.

– Медленно, – признался я.

– Так я и думал. Нелегко начинать свой бизнес.

– Может, посоветуешь что-нибудь?

– Нечего мне советовать. Я толком и не знаю, чем ты занимаешься.

– Мы же об этом сто раз говорили. Я придумываю рекламные кампании, пишу сценарии для роликов, разрабатываю печатные и цифровые рекламные материалы.

Он наконец выбрался из-под машины, его руки были все в масле, под ногти забились грязь.

– Те ролики с машинами – твоя работа? Где какой-то тип орет-надрывается про последнее выгодное предложение?

– Нет.

На этот вопрос я уже отвечал.

– Видеть эту рекламу не могу. Слишком уж громкая. Сразу приходится убирать звук.

Вот одна из причин, по которой я уговаривал дилеров не делать голоса в рекламе столь громкими – большинство зрителей убирают звук так же, как мой отец.

– Знаю, ты мне говорил.

Он медленно выпрямился. Наблюдать, как отец поднимается, было все равно что следить, как образуется гора в результате столкновения тектонических плит.

– Говоришь, Лондон здесь?

– Она в доме.

– И Вивиан, наверное, тоже.

– Нет. Она сегодня занята.

Он продолжал вытирать руки тряпкой.

– Всякими женскими штучками?

Я улыбнулся. С точки зрения моего отца – в глубине души консервативного сексиста, – к «женским штучкам» относилось практически все, чем занималась мама: от стряпни и уборки до вырезания купонов и поездок в магазин за продуктами.

– Да, женскими штучками.
Он кивнул, считая это объяснение исчерпывающим.
– Я говорил тебе, что Вивиан подумывает снова выйти на работу?
– Хм-м.
– Дело не в том, что нам не хватает денег. Знаешь, она уже давно об этом говорит. Конечно, после того, как Лондон пойдет в школу.
– Хм-м.
– Думаю, так будет лучше для нее. На неполный день. А то заскучает.
– Хм-м.
Я замялся.
– А ты что думаешь?
– О чем?
– О новой работе для Вивиан. И моем новом агентстве.
Он почесал за ухом, явно чтобы выиграть время.
– А тебе никогда не приходило в голову, что, может, ты зря бросил работу?

Мой отец, хотя и является для меня олицетворением мужественности, не любил рисковать. Для него стабильная работа и регулярная зарплата значительно важнее преимуществ собственного бизнеса. Семь лет назад бывший владелец компании, в которой работал отец, предложил ему выкупить ее. Отец отклонил предложение, и бизнес перешел к другому работнику, более молодому и предприимчивому.

Честно говоря, я не ждал от отца советов насчет карьеры. Эти вопросы находятся вне его ведения, но я ничего не имею против. Его жизнь слишком отличалась от моей: если я продолжил учебу сразу после школы, то он пошел служить на эсминце у берегов Вьетнама. В девятнадцать он женился, отцом стал в двадцать два, а через год после этого его родители погибли в автомобильной аварии. Он работал руками, я – головой, и если его представления о мире, поделенном на белое и черное, добро и зло, – кое-кому могут показаться примитивными, они, в сущности, выражают взгляды на то, каким должен быть жизненный путь настоящего мужчины. Женись. Люби жену и относись к ней с уважением. Заведи детей и научи их ценить труд. Делай свое дело. Не жалуйся. Помни, что семья – в отличие от большинства людей, которых ты встретишь в жизни – всегда будет рядом. Чини то, что можно починить, а что нельзя – выбрасывай. Будь хорошим соседом. Люби внуков. Поступай по совести.

Хорошие правила. *Замечательные.* Они в большинстве своем остаются неизменными на протяжении всей его жизни. Но одно из них

отвергнуто и уже не значится в его списке. Отец был воспитан в южной баптистской вере, и все наше детство мы с Мардж посещали и вечерни в среду, и дневные церковные службы в воскресенье. Каждое лето на каникулах мы занимались в библейской школе, и вопрос о том, бывать в церкви или нет, для моих родителей никогда не стоял. Как и все прочие, это правило продолжало действовать, пока Мардж не объявила моим родителям, что она лесбиянка.

Могу лишь догадываться, как волновалась Мардж. Мы росли в лоне церкви, считающей гомосексуализм грехом, и моим родителям привили точно такие же взгляды – или, пожалуй, даже более строгие, ведь они относились к другому поколению. В конце концов мой отец обратился к пастору – из тех, что вечно пугал прихожан адскими муками за совершение грехов. Пастор объявил отцу, что Мардж выберет жизнь во грехе, если покорится своей натуре, и что родители обязательно должны привести ее в церковь, дабы не лишать ее надежды обрести милость Божию.

Моего отца по праву можно назвать резким, порой жестким и грубым, но своих детей он всегда любил. И верил в них, поэтому, когда Мардж сказала ему, что не выбирала свой образ жизни, а родилась такой, он только кивнул, сказав, что любит ее, и с этого дня наша семья перестала бывать в церкви.

Думаю, в мире есть немало людей, которые могли бы многому научиться у моего отца.

– Паршиво выглядишь, – сказала мне Мардж. Мы отнесли кексы на веранду, пока мама, Лиз и Лондон пекли очередную партию. Отец сидел в гостиной, смотрел, как играют «Атланта Брейвс», и наверняка ждал, что Лондон вскоре составит ему компанию. Она звала его дедулей, и это меня всегда умиляло.

- Умеешь ты подбодрить, даже настроение поднимается.
 - Просто говорю то, что думаю. У тебя нездоровый цвет лица.
 - Это от усталости.
 - О, значит, ошиблась, – отозвалась она. – И дело не в том, что я хорошо тебя знаю и вижу, когда ты врешь. У тебя стресс.
 - Небольшой.
 - Не ладится с бизнесом?
- Я поерзал на стуле.
- Напрасно я думал, что будет легко найти клиентов.
 - Еще появятся. Просто дай им время. – Не дождавшись ответа, она спросила: – А что думает Вивиан?

– Об этом мы с ней почти не разговариваем.

– Что так? Ведь она твоя жена.

– Не хочу, чтобы она волновалась. Пожалуй, поговорю с ней, когда смогу сообщить хоть что-нибудь хорошее.

– Видишь? Вот в чем твоя ошибка. Вивиан должна быть тем самым человеком, с которым ты мог бы говорить о чем угодно.

– Наверное.

– Наверное? Вам обоим давно пора поработать над этим. Сходить к семейному психологу, например.

– Может, нам стоило бы записаться на прием к Лиз. Она ведь психотерапевт.

– Она тебе не по карману. Ты же вообще не зарабатываешь.

– Вот теперь мне намного легче.

– А ты предпочел бы, чтобы я приукрашивала действительность?

– Как бы заманчиво это ни звучало, я пас.

Она засмеялась.

– Суть в том, что я уже не раз видела подобное.

– Что видела?

– Одни и те же ошибки, которые люди совершают, начиная свое дело. – Она попробовала кекс. – Избыток оптимизма, когда речь идет о доходах, и недостаток пессимизма, когда дело касается затрат на бизнес или хозяйство. Или, в твоем случае, кредитки.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, привет! А Вивиан и ее походы «по делам»? Выписка, приходящая в середине месяца? Мы же ведем этот разговор далеко не в первый раз.

– Баланс немного превышен, – нехотя признал я.

– Тогда послушай совета твоей сестры с дипломом бухгалтера: откажись от кредитки. Или хотя бы установи лимит.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что я обещал Вивиан, что ее жизнь не изменится.

– С чего вдруг тебе взбрело в голову такое обещать?

– Потому что она не должна страдать.

– Ты ведь понимаешь, насколько по-дурацки это звучит, да? Меньше бегать по магазинам – еще не значит страдать. Вы должны быть партнерами, играть в одной команде, особенно в трудные времена.

– Мы и так в одной команде. И я люблю ее.

– Знаю, что любишь. Если уж на то пошло, ты любишь ее слишком сильно.

– Так не бывает.
– Ага, но... в общем, я просто хочу сказать, что быть ее мужем не всегда легко.

– Это потому, что она женщина.

– Тебе напомнить, с кем ты разговариваешь?

Я замялся.

– Думаешь, я сделал ошибку? С собственным бизнесом?

– Не стоит себя винить сейчас. У тебя все равно не было выбора, разве что уехать чуть ли не на другой конец страны. Мне кажется, что постепенно все наладится.

Именно это мне и было нужно. Но пока она говорила, я невольно задумался, что хотел бы услышать эти слова от Вивиан, а не от своей сестры.

– Я так понимаю, кулинарные курсы тебе еще не надоели? – спросил я у Лиз полчаса спустя. На прошлое Рождество я подарил ей сертификат на пробные уроки по кулинарии под названием «Мечта шеф-повара», и они ей настолько понравились, что она продолжала посещать их. К тому времени я уже доедал второй кекс. – Очень вкусно.

– Это в основном заслуга твоей мамы. Мы редко что-то печем. Сейчас изучаем французскую кухню.

– Вроде эскарго и лягушачьих лапок?

– В том числе.

– И ты это ешь?

– Не поверишь, но они повкуснее этих кексов.

– Еще не уговорила Мардж походить на курсы с тобой за компанию?

– Нет, но это ничего. Я не прочь какое-то время побыть одна. И потом, это же всего один раз в неделю. Тут и говорить не о чем.

– Кстати, о Мардж: она считает, что я тряпка.

– Просто она беспокоится за тебя, – объяснила Лиз. Длинные темно-русые волосы, миндалевидные глаза оттенка кофе и покладистый нрав – она подходила скорее под типаж старосты, чем лидерши команды поддержки, но, на мой взгляд, именно этим и объяснялась ее привлекательность. – Она понимает, насколько тебе сейчас тяжело, потому и волнуется. А как дела у Вивиан?

– Все в порядке, но и ей нелегко. А я просто хочу, чтобы со мной она была счастлива.

– Хм-м.

– То есть?

– А что я должна была сказать?
– Ну, не знаю. Возразить мне? Дать совет?
– С какой стати?
– Ты же как-никак психолог.
– Ты не пациент. И даже будь ты пациентом, вряд ли я смогла бы помочь.
– Это еще почему?
– Потому что на терапию ходят не для того, чтобы изменить кого-то другого. А в попытках изменить самого себя.

К машине я вел Лондон за руку.

– Только маме не говори, что я съел два кекса, ладно?
– Почему?
– Потому что мне вредно, а я не хочу, чтобы она расстраивалась.
– Ладно, – согласилась она. – Не скажу. Обещаю.
– Спасибо, детка.

В шесть часов мы с Лондон вернулись, привезя с собой партию ванильных кексиков, и обнаружили, что дома никого нет.

Я отправил Вивиан сообщение, спрашивая, где она, на что получил ответ: *«Осталась пара дел, скоро приеду»*. Ответ раздражал своей уклончивостью, но прежде, чем я успел написать еще одно сообщение, Лондон потащила меня за рукав к розовому трехэтажному «Дому мечты» для Барби, который возвышался у нас в углу гостиной.

Лондон обожала Барби, души в ней не чаяла. У нее было семь кукол Барби, два розовых кабриолета и пластмассовая коробка нарядов, которых хватило бы на целый торговый центр. По-видимому, Лондон ничуть не смущало, что все куклы носят одно и то же имя; еще больше меня удивляла уверенность дочки в том, что всякий раз, переходя из одной розовой комнаты трехэтажного «Дома мечты» в другую или сменяя занятие, Барби обязательно надо переодеться. Это происходило примерно каждые тридцать пять секунд. И еще больше, чем самой переодевать Барби, Лондон нравилось, когда за нее это делал папа.

В течение следующих полутора часов я провел, по кукольным меркам, целых четыре дня, только и делая, что переодевая Барби.

По-вашему, это бессмысленно? По-моему, тоже. Вероятно, тут есть какая-то связь с теорией относительности, но Лондон, похоже, не заботило, скучно мне или нет, лишь бы я продолжал переодевать кукол. Не волновало ее и другое – понимаю ли я причины, по которым она выбирает

конкретную одежду. Помню, ближе к вечеру, когда в игре наступил третий день, я потянулся за зелеными брючками, и Лондон покачала головой:

– Нет, папа! Я же сказала: на кухне на ней должны быть надеты *желтые* брюки.

– Почему?

– Потому что она на *кухне*.

М-да.

Наконец я услышал, как к дому подъехал внедорожник Вивиан. В отличие от моего «Приуса» его расход бензина ужасал, зато он был большой, надежный, а Вивиан на это заявляла: водить гораздо более экономичный минивэн она не согласится ни за что.

– Мама приехала, детка, – сообщил я и вздохнул с облегчением, когда Лондон кинулась к двери, открыла ее и радостно произнесла: «Мамочка!» Прежде чем последовать за дочерью, я наскоро навел порядок в углу, где мы играли. К тому времени, как я вышел на крыльцо, Вивиан уже держала на руках Лондон, багажник был открыт, и я произвел беглый осмотр. Волосы Вивиан стали заметно короче, до плеч, и были подстрижены, как во время нашего знакомства.

Она улыбнулась мне, щурясь от угасающего летнего солнца.

– Дорогой! – позвала она. – Пакеты нехватишь?

Я спустился с крыльца, слушая щебет Лондон, рассказывая Вивиан, как прошел день. Когда я приблизился, Вивиан опустила Лондон на землю. По выражению ее лица я понял, что она ждет реакции.

– Ух ты! – Я поцеловал ее. – Сразу столько воспоминаний!

– Нравится? – спросила она.

– Очень красиво. Но как ты умудрилась подстричься в воскресенье? Неужели нашлась работающая парикмахерская?

– В центре есть салон, который работает по воскресеньям. Я наслушалась об одном из их мастеров, вот и решила попробовать.

Почему она не упомянула об этом утром, я понятия не имел. Но заметил, что она успела и на маникюр...

– Мне тоже нравится, мамочка! – вмешалась Лондон, прервав мои размышления.

– Спасибо, детка.

– А я сегодня у бабули пекла кексики.

– Да ты что!

– Такие вкусные! Папа целых два съел!

– Правда?

Моя дочь закивала, явно забыв о нашей договоренности.

– А дедуля – четыре!

– Наверное, и вправду вкусные. – Вивиан улыбнулась и забрала из салона пару пакетов полегче. – Ты не сможешь мне отнести покупки?

– Ладно. – Лондон взяла пакеты и направилась к крыльцу. А я заметил озорную улыбку на лице Вивиан – похоже, она была в настроении.

– Два кекса, значит?

– Ну, что я могу сказать? – Я пожал плечами. – Было вкусно.

Она достала еще несколько пакетов и четыре из них вручила мне.

– Похоже, вы вдвоем сегодня отлично провели время.

– Да, развлекались как могли, – согласился я.

– Как твои родители?

– У них все в порядке. Мама опять беспокоится, что у отца рак. Говорит, на днях никак не мог отдышаться.

– Ничего хорошего.

– Это только верхушка айсберга, но я уверен, что беспокоиться не о чем. Мне показалось, что с ним все в порядке. Конечно, в чем-то мама права. Ему стоило бы провериться.

– Дай мне знать, когда соберешь табун диких лошадей, который поможет тебе дотащить его до врача. Хочу сделать фото. – Она подмигнула и бросила взгляд на входную дверь. – Может, принесешь все остальное? – спросила она. – Хочу поболтать с Лондон.

– Конечно, – кивнул я.

Она поцеловала меня еще раз, и я ощутил ее влажные губы на своих губах. Определенно заигрывает.

– Там на заднем сиденье остались еще пакеты.

– Ничего, заберу.

Она отошла, а я принялся собирать пакеты с продуктами.

Но там были не продукты. Вместо них все заднее сиденье было завалено пакетами из элитных магазинов, и у меня упало сердце. Не удивительно, что Вивиан в прекрасном настроении.

Сердце щемило. Я в три захода разгрузил внедорожник. Пакеты из торговых центров я оставил на обеденном столе и уже заканчивал раскладывать купленные продукты, когда на кухню вышла Вивиан. Открыв шкаф, она достала пару бокалов и направилась к холодильнику для вина.

– По-моему, выпить тебе требуется больше, чем мне, – сообщила она, разливая вино. – Лондон сказала, что ты играл с ней в Барби.

– Играла она. А я заведовал гардеробом.

– Как я тебя понимаю! Сама вчера была на твоём месте. – Она подала мне бокал и сделала глоток. – Как Мардж и Лиз?

Тон почти не изменился, но я понял, что ответ ее нисколько не интересует. Вивиан относилась к Мардж так же, как Мардж к ней, именно поэтому Вивиан лучше ладила с Лиз. Но, несмотря на вежливое и дружеское общение, Вивиан и Лиз были не особенно близки друг с другом.

– У них все замечательно. Лондон очень нравится общаться с ними.

– Знаю.

Я указал в сторону обеденного стола.

– Вижу, у тебя был шопинг.

– Лондон нужны несколько летних платьиц.

Моя дочь, как и жена, выходила из дома, наряженная так, словно сошла со страниц модного каталога.

– А я думал, ты уже купила ей летнюю одежду.

Она вздохнула:

– Прошу, не начинай.

– Что не начинать?

– Опять цепляться ко мне из-за шопинга. Ужасно надоело это слышать.

– Я к тебе и не цеплялся.

– Ты серьезно? – спросила она с раздражением. – Ты делаешь это, даже когда я использую шанс закупиться на распродажах. И потом, мне тоже была нужна пара новых костюмов – у меня на этой неделе собеседования.

На секунду мне показалось, что я ослышался.

– Собеседования? На этой неделе?

– А почему, по-твоему, я ношусь целый день по городу как сумасшедшая? – Она покачала головой, будто удивлялась, что до меня до сих пор не дошло. – Кстати, вспомнила: ты ведь побудешь с Лондон, да? Во вторник днем и в среду утром? Часа три? Мне предстоит целый ряд собеседований с руководством компании.

– Эм-м... да, пожалуй, – кивнул я, все еще пытаюсь осознать слово «собеседование». – Когда ты об этом узнала?

– Сегодня.

– В воскресенье? В праздничные выходные?

– Поверь, я удивилась не меньше, чем ты. В пятницу у них в офисе вообще никого не было. Я как раз ехала делать прическу, когда они со мной связались.

– Почему же не позвонила мне?

– Потому что после такого разговора я начала метаться по делам, сама не веря, что это правда. Невероятно, да? Думаю, это надо отпраздновать. Хочешь посмотреть, что я купила?

Не дожидаясь ответа, она направилась к столу, достала два костюма, серый и черный, и набросила их на спинки стульев.

– Ну, как тебе?

– Очень стильно, – ответил я, стараясь отвести взгляд от ценников, но не смог. Желудок охватила судорога. Перед глазами заплясали долларовые значки.

– Ткань первоклассная, от покроя я в восторге, – продолжала она. – А вот это я купила к ним... – Она вынула из очередного пакета четыре блузки и приложила их по очереди сначала к одному костюму, потом к другому. – Блузки сочетаются с обоими – я старалась сэкономить на чем только могла.

Я не знал, что на это сказать, и перевел тему:

– Я так и не понял, как вышло, что тебе уже назначили собеседования. Ты же совсем недавно говорила, что всего лишь наводишь справки.

– Мне повезло, – объяснила она.

– То есть?

– Пару недель назад я звонила Робу – сказать, что подумываю вернуться в пиар, и он пообещал сообщить мне, если найдет что-нибудь подходящее. А потом я позвонила моему бывшему боссу в Нью-Йорк – помнишь его?

Я кивнул. Этого типа мы видели чуть ли не каждый вечер по телевизору.

– В общем, он пообещал что-нибудь придумать. На многое я не рассчитывала, но он, видимо, поговорил со своим менеджером, а этот менеджер в итоге перезвонил мне. Так получилось, что он знает одного человека, который знаком с другим человеком, и в прошлый понедельник я уже говорила насчет работы с одним из вице-президентов, а она попросила меня предоставить резюме и три рекомендательных письма.

– Ты занимаешься этим вопросом с понедельника? И ничего мне не сказала?

– Я не думала, что из этого что-нибудь выйдет.

– А по-моему, ты должна была представлять, чем все может кончиться.

– Ой, прекрати! Как будто в таком деле можно хоть что-то знать наперед. – Она принялась убирать блузки. – Кстати, за третью рекомендацию пришлось побороться. Мне хотелось, чтобы ее дала местная знаменитость, но я не знала, согласится ли он. Но он, конечно, не отказался, и к среде у меня уже были все необходимые бумаги.

– Говоришь, это работа в сфере пиара?

– Я буду работать не столько на компанию, сколько на одного из ее руководителей. По-видимому, он дает множество пресс-конференций и

интервью. На побережье реализуется сразу несколько его проектов, что защитники окружающей среды всегда воспринимают в штыки. Вдобавок у него теперь превосходный общественно-доступный канал, он все активнее участвует в политической жизни и стремится всегда оставаться в струе.

– И кто этот руководитель?

Она помолчала, водя пальцами по новому костюму.

– Прежде, чем я тебе скажу, не забывай, что мне еще даже не предложили работу. И я не знаю точно, возьмусь ли за нее. Надо уточнить детали.

– И все-таки, почему ты ничего не сказала мне?

– Не хотела тебя расстраивать.

– С какой стати мне расстраиваться?

Она стала убирать костюмы в пакеты.

– Просто ты его знаешь. Ты работал над одной из рекламных кампаний для него.

Факты мгновенно сложились у меня в голове в единое целое.

– Уолтер Спаннермен?

Она смутилась.

– Да.

Я вспомнил, как он отравлял мне жизнь, вспомнил его пристрастие к красивым женщинам и ничуть не удивился тому, что Вивиан вызвала у него интерес.

– Ты ведь знаешь, что он дрянь? Как и его компания?

– Потому ему и понадобился постоянный сотрудник, который будет заниматься пиаром.

– И ты готова работать с таким человеком?

– Не знаю. Я с ним пока не встречалась. Надеюсь, я смогу понравиться ему.

«При твоей-то внешности? Еще бы!» – подумал я.

– И сколько часов работы в неделю им может понадобиться?

– Вот в этом-то все и дело, – подхватила она. – Это работа на полный день. И видимо, с возможными деловыми поездками.

– На несколько дней?

– А разве бывает по-другому?

– Как же быть с Лондон?

– Я пока еще ничего не знаю. Будем решать проблемы по мере поступления. Если вообще они появятся. А пока можем мы просто выпить? Ты готов на это ради меня?

– Конечно, – ответил я, но одновременно задумался о Спаннермене,

его отношениях с Питерсом, и поймал себя на мысли: у кого же Вивиан попросила недостающую рекомендацию?

Но разве могла она так поступить?

Глава 5

Перемены

Когда Лондон было четыре года, под елкой на Рождество она нашла трехколесный велосипед. Я решительно настоял на своем желании подарить ей его: в лучших воспоминаниях из детства я изо всех сил жал на педали своего «Швинна», радуясь свободе знойных летних дней. Правда, почти все эти воспоминания относились к периоду между восемью и тринадцатью годами. Но с приближением праздников я все чаще думал, что если Лондон начнет учиться ездить на велосипеде уже сейчас, то через год-два дополнительные колеса можно будет снять, а через несколько лет она сможет кататься так же уверенно, как я когда-то.

Однако у Вивиан эта затея не вызвала восторга. У нее в детстве тоже был велосипед, но радостных воспоминаний, связанных с ним, не было. Помню, как я спрашивал ее, купила ли она велосипед, на протяжении нескольких недель перед Рождеством, и всякий раз она заявляла, что еще не успела, оправдываясь нехваткой времени. В конце концов я буквально притащил ее в магазин и купил велосипед сам, а потом, когда Вивиан уснула, потратил несколько часов на сборку.

Я не мог дождаться, когда Лондон наконец опробует велосипед. Едва заметив его под елкой, она тут же бросилась к нему, а я помог ей забраться в седло. Я уже начал подталкивать Лондон, чтобы прокатить по гостиной, но тут вмешалась Вивиан, предлагая открыть остальные подарки. Как обычно, Лондон получила в подарок слишком много всего: одежду и игрушки, наборы пальчиковых красок, манекен, чтобы наряжать его, набор бусинок, чтобы делать украшения. А еще – бесчисленные «аксессуары» для Барби; мне понадобился час, чтобы собрать и выбросить упаковочную бумагу и ленты, разбросанные по комнате. Все это время Вивиан провела с Лондон, ее игрушками и одежками, поэтому лишь около полудня мне наконец удалось вывести дочь на улицу.

Вивиан сопровождала нас, но мне показалось, что происходящее она воспринимает скорее как свою обязанность, чем как новое и увлекательное приключение для Лондон. Пока Вивиан стояла на крыльце, скрестив руки на груди, я помог Лондон сесть на велосипед. Ее дыхание вырывалось изо рта легкими облачками пара, я шел рядом, придерживая руль. Я учил Лондон работать педалями, мы ездили туда-сюда по улице, но через

пятнадцать минут она сказала «хватит». Ее щеки покраснелись. Я полагал, что она отлично справлялась. Не знаю, почему, но я думал, что до конца этого дня мы потренируемся еще два или три раза.

Вместо этого Лондон провела остаток Рождества, играя с Барби и меряя новую одежду под присмотром сияющей Вивиан, потом рисовала пальчиковыми красками и собрала пару браслетов из бус. Но я не отступал: вся неделя у меня была свободна, и я взял себе за правило хотя бы раз в день выводить Лондон покататься. За несколько дней ее движения стали более слаженными, велосипед меньше вилял из стороны в сторону, и мне все реже приходилось придерживать руль. Лондон заливалась смехом, когда я делал вид, будто бы не успеваю за ней – так быстро она едет. С каждым разом мы проводили на улице все больше времени, а когда она наконец объявляла, что накаталась, я вел ее за руку до самой двери дома. Она рассказывала Вивиан о своих успехах возбужденно, и я уже не сомневался: Лондон пристрастилась к катанию на велосипеде и, даже после того, как я снова начну работать, будет требовать ежедневных прогулок с велосипедом.

Но этого не произошло. Когда я возвращался с работы, к тому времени обычно уже темнело и Лондон в пижаме готовилась ко сну. На вопрос, каталась ли она сегодня на велосипеде, она всегда отвечала «нет». Всякий раз Вивиан находила причину, чтобы не выводить ее на прогулку, – шел дождь, им надо было по делам, у Лондон, кажется, начиналась простуда, или даже она сама не захотела гулять. А я, ставя машину в гараж, видел, как пылится в углу маленький велосипед, благодаря которому мы так весело проводили время. И каждый раз от этого у меня щемило сердце. Должно быть, на самом деле я знал свою дочь не так хорошо, как мне казалось, и нам с Лондон просто-напросто нравились разные занятия. Порой я ловил себя на мысли: неужели Вивиан не хочет, чтобы Лондон каталась на велосипеде, просто потому, что мне этого очень хочется?

Увольнение с работы я считал самым важным событием 2015 года для моей жены и для меня. В итоге я, конечно, ошибался: попытка начать собственное дело стала всего лишь первой косточкой из длинной вереницы домино, которая, падая, потянула за собой другие, большего размера.

Следующая неделя стала второй из этих косточек.

В понедельник Вивиан хотела подготовиться к собеседованиям, поэтому я вернулся из офиса в полдень. Наводя порядок в доме и занимаясь стиркой, я попутно развлекал Лондон, что было не так-то просто, как может показаться. Во вторник днем, пока Вивиан ездила на собеседование, я

повел Лондон обедать в «Чак И. Чиз» – заведение, куда никогда не ступала нога Вивиан. После обеда Лондон немного поиграла на автоматах, надеясь выиграть столько билетиков, что их удастся обменять на розового плюшевого мишку. К выигрышу мы даже не приблизились, и, по моим подсчетам, на деньги, потраченные на жетоны для автоматов, я смог бы просто-напросто купить три таких же медведя.

В среду я отдал предпочтение нашей обычной субботней программе – завтраку и прогулке по парку, но никак не мог избавиться от мыслей о работе. Мне представлялось, как потенциальные клиенты пытаются дозвониться до меня, или, хуже того, лично приезжают в офис и обнаруживают, что он закрыт, но когда я звонил администратору с вопросами, то всякий раз слышал, что сообщений мне никто не оставлял.

Мой первоначальный список потенциальных клиентов сократился до нуля, и я занялся «холодным» обзвоном, предлагая свои услуги. Начиная с дневных часов среды и на протяжении всего четверга я успел сделать более двухсот звонков. Несмотря на то, что я постоянно слышал от собеседников, что мои услуги их *«не интересуют»*, я продолжал упорствовать и сумел назначить пять встреч на следующую неделю. Эти компании не принадлежали к числу клиентов, на которых обычно ориентировалась «Питерс Групп» – семейный ресторан, магазин сэндвичей, два мануальных терапевта, спа-салон, – от них не стоило ждать заказов на внушительную сумму. Но это лучше, чем ничего.

Вернувшись домой, о беседах Вивиан почти ничего не рассказала. По ее словам, не хотела сглазить, но казалась уверенной в успехе, а пока я говорил ей о своих встречах, назначенных на будущую неделю, ее мысли явно витали где-то далеко. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это был тревожный сигнал, на который мне следовало обратить внимание.

В пятницу утром выйдя на кухню, я услышал, как зазвонил мобильник Вивиан. Лондон уже сидела за столом и ела хлопья. Вивиан взглянула на определившийся номер и выскочила в патио, прежде чем нажала кнопку «Ответить». Решив, что звонит ее мать – единственный известный мне человек, способный звонить в такую рань, – я налил себе кофе.

– Привет, детка, – сказал я Лондон.

– Привет, папочка. А ноль – это число?

– Да, – кивнул я. – А что?

– Ну-у... ты же знаешь, что мне пять лет, да? А до этого было четыре?

– Да.

– А сколько мне было до того, как исполнился год?

– До того как тебе исполнился один год, мы считали твой возраст в месяцах. Например, три месяца или шесть месяцев. А до того как тебе исполнился один месяц, твой возраст измерялся в неделях. И даже в днях.

– А еще раньше мой возраст был ноль, да?

– Пожалуй, да. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что в октябре мне будет шесть лет. Но на самом деле семь.

– Милая, тебе будет шесть.

Она подняла кулачки и начала считать, поочередно разгибая пальцы:

– Ноль. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

К тому времени она разогнула пять пальцев на одной руке и два на другой. Всего семь.

– Нет, все не так, – произнес я.

– Но ты же сказал, что мне было ноль лет и что ноль – это число. Вот семь чисел. Значит, мне будет семь, а не шесть.

Обработать эту мысль до первой чашки кофе оказалось слишком сложно.

– Когда ты об этом задумалась?

Она пожала плечами, и у меня вновь мелькнула мысль, как поразительно она похожа на свою мать. В эту минуту на кухню вернулась слегка раздурманенная Вивиан.

– Все хорошо? – спросил я.

Мне показалось, она не сразу меня услышала.

– Ага, – наконец отозвалась она. – Замечательно.

– У твоей мамы все нормально?

– Наверное. Я уже неделю с ней не говорила. А почему ты спрашиваешь про маму?

– Разве сейчас ты не с ней разговаривала?

– Нет, – ответила она.

– А с кем? – наконец решил узнать я.

– С Рейчел Джонсон.

– Кто это?

– Один из вице-президентов в компании Спаннермена. Я проходила у нее собеседование в среду.

Вивиан умолкла. Я ждал. Она молчала.

– Ну и зачем она звонила? – настаивал я.

– Мне предлагают работу. Хотят, чтобы я приступила в понедельник. Ориентировочно.

Я не знал, уместны ли будут в этом случае поздравления, но все равно произнес их, и даже в тот момент еще не имел ни малейшего

представления, что скоро весь мой мир перевернется с ног на голову.

* * *

В тот день работа воспринималась как нечто... *ненормальное*. Работа вообще перестала казаться мне нормальным явлением с тех пор, как я пустился в свободное плавание. Я занялся подготовкой презентаций для встреч, намеченных на ближайшее время. Клиенты должны были увидеть общий обзор различных рекламных кампаний, над которыми я работал, обсудить со мной стоимость рекламы в контексте их бизнеса и узнать, какого рода рекламные услуги я способен им оказать. Если потенциальные клиенты проявят интерес, к следующей встрече я подготовлю конкретные предложения.

Несмотря на значительный прогресс в работе, мысленно я то и дело возвращался к тому, о чем узнал сегодня утром.

С понедельника моя жена начинает работать на Спаннермена.

Приплыли.

На *Спаннермена*!

Но близился вечер пятницы, и я с нетерпением ждал, когда он настанет. Тем не менее, войдя в дом, я испытал такое ощущение, будто ошибся дверью. Гостиная, столовая и кухня были в страшном беспорядке, Лондон лежала перед телевизором, чего я никогда не видел в такой поздний час. Вивиан нигде не было, и она не отозвалась, когда я позвал ее. Я переходил из одной комнаты в другую, пока не обнаружил ее в кабинете. Сидя за компьютером, она собирала какую-то информацию по Спаннермену, и впервые за все время нашего супружества выглядела неряшливо. На ней были джинсы и футболка, а волосы были взъерошены. Рядом на столе лежала толстая папка, Вивиан распечатала кипу листов и что-то выделяла в них маркером, и, когда обернулась ко мне, я понял, что о романтике не стоит даже заикаться – за весь день Вивиан даже не вспомнила о предстоящем свидании.

подавив разочарование, я заговорил с ней и предложил заказать китайскую еду. Мы вместе поужинали, но вид у Вивиан был отсутствующий, и, едва покончив с едой, она снова ушла в кабинет. Пока она клацала по клавишам и вынимала распечатки из принтера, я навел порядок в доме и помог Лондон подготовиться ко сну. Она уже привыкла мыться сама, поэтому мне осталось лишь налить для нее ванну, расчесать и почитать вслух, лежа в постели. Еще одно событие, случившееся впервые: Вивиан просто поцеловала нашу дочь на сон грядущий, не почитав ей. Когда Лондон уснула и я снова застал Вивиан в кабинете, она сказала, что работы у нее осталось еще на несколько часов. Я немного посмотрел

телевизор, потом улегся спать один, а проснувшись на следующее утро, первое, о чем я подумал, было: до каких пор Вивиан вчера засиделась?

Едва проснувшись, она вылетела из дома точно по расписанию, а мне уже в пятый раз за семь дней досталась роль отца-одиночки. По пути к двери Вивиан спросила, не побуду ли я с Лондон весь день, и сообщила, что вчера так и не успела закончить сбор материалов, и вдобавок ей необходимо сделать еще кое-что по работе.

– Без проблем, – отозвался я, и мы с Лондон опять отправились к моим родителям. Мардж и Лиз уехали на выходные в Эшвилл, поэтому большую часть дня внимание моей мамы было безраздельно отдано Лондон. Но мама все-таки нашла время сообщить мне, что, поскольку я не справился с ее поручением и не уговорил отца сходить к врачу, Мардж сама отвезет его в понедельник.

– Приятно знать, что хоть кому-то из наших детей небезразлично здоровье их отца, – заявила она.

Ну спасибо, мама.

Отец по обыкновению пропадал в гараже. Когда я вошел туда, он выглянул из-под капота.

– А, это ты, – произнес он.

– Да вот, решил заглянуть к вам вместе с Лондон.

– Вивиан опять не приехала?

– Готовится к выходу на работу. В понедельник приступает.

– А-а, – протянул он.

– И это все?

Он вынул платок из заднего кармана и вытер пальцы.

– Ну что ж, это даже хорошо, – наконец высказался он. – Кто-то же в семье должен зарабатывать деньги.

И тебе спасибо, папа.

Посидев с ним в гараже еще немного – тем временем Лондон радостно пекла что-то вместе с бабушкой, – я устроился на диване в гостиной, где по телевизору показывали гольф. Я не играю в гольф и обычно даже не смотрю его, но заметил, что изучаю логотипы на сумках для клюшек и на рубашках, пытаюсь прикинуть, сколько денег перепало рекламным агентствам, которым пришла в голову эта идея.

Меня угнетало буквально все.

За весь день я отправил Вивиан два сообщения и оставил голосовое, но ответа так и не получил. На звонок домой тоже никто не ответил. Подумав, что она, скорее всего, все еще занята, по дороге от родителей я заехал в продуктовый магазин, что обычно случалось редко. Как правило,

за продуктами я ездил, только когда у нас заканчивалось что-нибудь из запасов или когда мне хотелось чего-нибудь особенного к ужину; я из тех покупателей, которые берут не тележку, а корзинку, как будто им не терпится покинуть магазин как можно скорее. Для Лондон я прихватил коробку макарон с сыром, нарезанную грудку индейки и груши – единственный полезный продукт, по случайности оказавшийся ее любимой едой. Для нас с Вивиан я выбрал бифштекс «Нью-Йорк» и пригодное для сашими филе тунца, которые мог бы поджарить на гриле, и к ним все для салата – кукурузу в початках и бутылку шардоне.

Я не только надеялся наверстать упущенный вечер свидания, но и просто хотел побыть с Вивиан. Хотел выслушать ее, обнять, поговорить о нашем будущем. Я понимал, что грядут перемены, и собирался пообещать, что мы преодолеем все трудности вместе, как семейная пара. Если Вивиан на работе почувствует себя состоявшейся и востребованной, возможно, она и дома будет пребывать в хорошем настроении. Если мы поделим родительские обязанности поровну, то сможем относиться друг к другу с большим уважением, а значит, узы, связывающие нас, станут крепче. Вечерами мы будем рассказывать, как прошел у каждого день, радоваться нашим успехам и поддерживать друг друга в трудную минуту, а поскольку и денег в семье прибавится, нам будет еще легче. Другими словами, все начнет меняться к лучшему, и сегодня – первый шаг на этом пути.

Но почему же тогда мне так тревожно?

Может, потому, что Вивиан так и не перезвонила и не ответила на мои сообщения, и, когда мы с Лондон вернулись домой, ее все еще не было.

То, что поначалу казалось просто странным, мало-помалу начало настораживать, но я не стал ни звонить, ни писать ей, зная, что не сумею скрыть раздражение, а это наверняка поставит крест на запланированном вечере. Так что я замариновал стейк, поставил его в холодильник и принялся нарезать огурцы и помидоры для салата. Тем временем Лондон чистила кукурузные початки. Известие, что она помогает готовить ужин для самого настоящего свидания, привело ее в восторг, она старательно обрывала все волокна с початка, показывала его мне, а потом откладывала в сторону и бралась за следующий. Я приготовил для нее макароны с сыром, очистил и нарезал грушу, выложил на тарелку индейку, и составил ей компанию за едой. От Вивиан по-прежнему не было никаких вестей, я включил Лондон фильм и смотрел его вместе с ней, пока не услышал, как к дому подъехала машина.

Лондон вылетела за дверь, едва Вивиан вышла из машины. Я увидел,

как она подхватила дочь на руки и поцеловала ее. Мне тоже достался поцелуй и просьба внести в дом пакеты. Вивиан и Лондон ушли в дом, а я, думая, что в пакетах еда, увидел в багажнике целую гору пакетов из «Неймана – Маркуса» и полдюжины обувных коробок итальянских брендов.

Не удивительно, что она не перезвонила и не написала. Вивиан была страшно занята.

Как и неделю назад, понадобилось несколько заходов, чтобы перенести в дом все покупки, и к тому времени, как я закончил, Вивиан уже сидела рядом с Лондон на диване.

Вивиан улыбнулась мне и беззвучно проговорила, что хочет побыть с Лондон еще несколько минут. Я кивнул, напомнив себе: ни в коем случае нельзя выдавать раздражение. Я налил два бокала вина, отнес один Вивиан, потом вышел на веранду, где установил и разжег гриль. Зная, что ему понадобится несколько минут для разогрева, я вернулся в дом и глотнул вина, разглядывая покупки, которые выгрузил на обеденный стол. Через некоторое время Вивиан поцеловала Лондон в макушку и ускользнула, поманив меня за собой. Я подошел, она встретила меня кратким поцелуем.

– Лондон говорит, ей было очень весело с тобой.

– Я рад. Видимо, и у тебя день выдался насыщенный.

– Точно. Сначала закончила сбор материала, потом металась по магазинам. Под конец мне уже хотелось только одного: вернуться домой и расслабиться.

– Есть хочешь? Я захватил свежего тунца, гриль уже разогревается.

– Да?.. Прямо сейчас?

– А что такого?

– Но я уже поужинала. – Заметив мое недовольство, Вивиан принялась оправдываться: – Я же не знала, что ты на сегодня запланировал ужин. Просто ни позавтракать, ни пообедать я не успела, а есть хотелось так, что сводило живот. Вот я и зашла в кафе по пути из торгового центра. Надо было сообщить мне, я бы ограничилась перекусом на скорую руку.

– Я звонил тебе и писал, но ты не отвечала.

– Мой телефон был в сумочке, я его не слышала. То, что ты писал и звонил, я увидела, когда уже подъезжала к дому.

– Могла бы просто позвонить мне.

– Я же предупредила, что у меня будет сумасшедший день.

– Настолько, что не нашлось ни минуты, чтобы проверить телефон?

– Послушать тебя, так я нарочно пытаюсь испортить тебе вечер, – вздохнула она. – Ладно, жарь свой стейк. Лондон наверняка хочет есть.

– Она уже поужинала, – сообщил я. А сам подумал, что больше всего мне хочется, чтобы моя жена так же скучала по нашим беседам, как скучал по ним я.

– А-а. Хочешь посмотреть, что я купила?

– Ну давай.

– Может, сначала принесешь мне еще полбокала вина? Я сперва разберу вещи...

Я кивнул и вернулся на кухню словно в трансе, до сих пор не понимая, что произошло. Она не могла не знать, что дома ее ждет ужин, так почему все-таки заехала поесть? И почему не проверила телефон? Как вышло, что моя жена не чувствовала ни малейшей потребности узнать, как ее семья? Я долил вина в ее бокал, вернулся в столовую, чтобы продолжить расспросы, но к тому времени Вивиан уже разложила на столе и развесила на спинках стульев свои многочисленные приобретения.

– Спасибо, милый. – Она потянулась за бокалом, снова поцеловав меня, но отставила его, даже не пригубив. – Я купила еще и темно-синий костюм. Шикарный, но немного великоват в бедрах, и я отдала ушить его. – Она продолжала показывать мне одну покупку за другой. А я заметил один из чеков, вывалившихся из пакета. Сумма только в одном чеке превышала месячный ипотечный платеж.

– С тобой все хорошо? – спросила она, закончив показ. – Тебя, по моему, что-то беспокоит.

– Да просто задумался, почему ты мне не позвонила.

– Я же объяснила: была занята.

– Да, но...

– Что «но»? – Ее глаза блеснули. – Ты тоже не звонишь и не пишешь каждую минуту, когда занят работой.

– Но ты ездила по магазинам.

– Для работы, – возразила она, уже не скрывая раздражения. – Думаешь, мне хотелось сидеть полночи, а потом весь день носиться по городу? Но ты же не оставил мне выбора, верно? Я вынуждена работать, потому что ты свою работу бросил. И не думай, что я не заметила, как ты разглядывал чеки! И перед тем, как вздумаешь снова вставать на дыбы, разреши тебе напомнить, что твоя авантюра обошлась гораздо дороже, чем мои сегодняшние покупки.

– Вивиан...

– Хватит уже делать из меня воплощение зла! У тебя самого рыльце в пушку.

– А я и не отрицаю.

– Тогда прекрати придирааться к каждому моему шагу!

– Я вовсе не...

Но она уже покинула столовую.

Следующие полчаса мы избегали друг друга. Вернее, она избегала меня. Ей это всегда удавалось лучше. Я точно знаю это, потому что продолжал наблюдать за ней, надеясь заметить момент, когда она начнет оттаивать, и размышлял, почему нам никак не удастся обсудить то, что меня тревожит, без ссоры.

Я поджарил тунца и стейк, надеясь, что она их хотя бы попробует, и накрыл стол на веранде. Потом перенес туда еду и позвал Вивиан. Но она явилась вместе с Лондон.

Я положил понемногу обеим, и хотя Вивиан все же попробовала еду, она по-прежнему продолжала играть со мной в молчанку. Ужин скрасило лишь то, что Лондон, ничего не замечая, болтала со своей матерью, словно меня за столом не было.

К тому времени, как ужин закончился, я был зол на Вивиан не меньше, чем она на меня. Я ушел в кабинет и включил свой компьютер, решив поработать над презентациями, но попытка оказалась напрасной: в голове крутился недавний разговор.

Меня не покидало гложущее чувство провала. Как-то получилось, что я вновь потерпел фиаско, и даже не понимал толком, что я сделал не так. Тем временем Вивиан уже помогала Лондон готовиться ко сну. Вскоре я услышал, как моя жена спускается в гостиную.

– Лондон ждет, когда ты ей прочитаешь, – сообщила она. – Только недолго. Она уже всю зевает.

– Ладно, – кивнул я, и мне показалось, что я вижу на ее лице то же сожаление, которое испытывал сам, думая о сегодняшнем вечере. – Послушай, – добавил я, потянувшись к ее руке, – мне жаль, что сегодня все так вышло.

Она пожала плечами.

– Неделя выдалась напряженной для нас обоих.

Я почитал Лондон, поцеловал ее и пожелал спокойной ночи, а когда вышел к Вивиан, она уже сидела в гостиной, одетая в пижаму, с открытым журналом на коленях, смотря по телевизору какое-то реалити-шоу.

– Знаешь, – заговорила она, как только я сел рядом, причем было видно, что журнал интересует ее гораздо больше, чем я, – мне пришлось переодеться в домашнее. Я вымотана. Не знаю даже, сколько еще я продержусь, прежде чем упаду в постель и усну.

Я понял то, что осталось невысказанным вслух: о том, чтобы заняться любовью, не может быть и речи.

– Я тоже устал.

– Прямо не верится, что через месяц Лондон пойдет в школу. Быть того не может!

– А я до сих пор не понимаю, почему они начинают учиться так рано, – с готовностью подхватил я. – Ведь в наше время занятия в школе всегда начинались после Дня труда^[4]. А теперь почему двадцать пятого августа?

– Понятия не имею. Наверное, это как-то связано с обязательным количеством учебных дней.

Я потянулся за пультом телевизора.

– Не возражаешь, если я поищу что-нибудь другое?

Ее глаза вдруг вспыхнули, взгляд метнулся к пульту.

– Я уже смотрю вот это. Просто хочу бездумно поглазеть на что-нибудь и немного расслабиться.

Я положил пульт на место. Некоторое время мы оба молчали. И наконец я спросил:

– Чем хочешь заняться завтра?

– Пока не знаю. Надо бы съездить за костюмом, который отдала ушить, – вот, пожалуй, и все. А что? Ты что-нибудь запланировал?

– Займемся, чем захочешь. Ты всю неделю была так занята, мы даже толком не виделись.

– Да уж. Кошмар какой-то.

Возможно, мне просто почудилось, но Вивиан, похоже, установившийся с недавних пор график беспокоил гораздо меньше, чем меня.

– А насчет сегодняшнего ужина...

Она покачала головой.

– Давай не будем об этом, Расс. Я хочу просто отдохнуть.

– Да я только хотел объяснить, что беспокоился...

Она отложила журнал.

– Прямо сейчас?

– Ты о чем?

– Ты правда хочешь поговорить об этом прямо сейчас? Я же объяснила тебе: я устала. И сказала, что не хочу ничего обсуждать.

– Почему ты опять злишься?

– Потому что я вижу, к чему ты клонишь.

– Ну и к чему?

– Ты пытаешься заставить меня извиняться, а я ни в чем не виновата. Хочешь, чтобы я извинялась за то, что нашла хорошую работу? Или за то, что пытаюсь одеваться как подобает? Или за то, что перекусила по дороге, потому что от голода меня трясло? А тебе не приходило в голову, что, может быть, это тебе стоило бы извиниться – за то, что чуть не устроил скандал?

– Не устраивал я скандал.

– Именно этим ты сейчас и занимаешься, – продолжала она, глядя на меня, как на ненормального. – Ты взвился, как только узнал, что я уже поела, и постарался дать мне это понять. И я попыталась быть с тобой ласковее. Позвала тебя в гостиную, показала свои покупки. Поцеловала. А ты сразу же после этого как всегда напустился на меня!

Я понимал, что в ее словах есть доля правды.

– Хорошо, ты права. – Я старался говорить ровно. – Да, честно говоря, я расстроился, узнав, что ты поужинала перед тем, как вернулась домой...

– Вот видишь! – перебила она. – В этом весь ты. Представь себе, но чувства есть не только у тебя. Ты хотя бы раз задумывался о том, в каком напряжении я живу последнее время? А что ты? Срываешься на меня, стоит мне шагнуть через порог, и даже сейчас не можешь остановиться! – Она вскочила с дивана и направилась к двери, продолжая говорить: – Мне хотелось всего лишь посмотреть телевизор, полистать журнал и мирно посидеть с тобой! И все! Разве я многого прошу?

– Куда ты?

– Иду в постель, потому что хочу расслабиться. Можешь присоединиться, но если снова начнешь заводить споры, лучше не стоит.

И она ушла. Я выключил телевизор и просидел в тишине следующий час, пытаясь понять, что с нами случилось.

Или, точнее, что мне делать, чтобы изменить наши отношения к лучшему.

В воскресенье я проснулся поздно и в пустой постели.

Натянув джинсы, я попытался пригладить торчащие во все стороны волосы, которые видел в зеркале каждое утро. Эта неприятность казалась особенно досадной потому, что Вивиан сразу после пробуждения обычно выглядела так, словно долго прихорашивалась.

Поскольку Вивиан уже спала к тому времени, как вчера я наконец улегся в постель, я не знал, чего ждать, но, направляясь на кухню, услышал смех жены и дочки.

– Доброе утро, – поздоровался я.

– Папочка! – вскрикнула Лондон.

Вивиан обернулась и подмигнула, улыбаясь мне так, словно ничего и не было.

– Ты как раз вовремя! – объявила она. – Завтрак уже готов.

– Пахнет потрясающе.

– Иди-ка сюда, красавчик, – позвала она.

Я приблизился, полагая, что Вивиан пытается понять, в каком я настроении, но она, дождавшись, когда я остановлюсь рядом, поцеловала меня.

– Извини за вчерашний вечер. Все хорошо?

– Да, хорошо. И ты меня извини.

– Я зажарила бекон, чтобы хрустел, как ты любишь. Положить тебе?

– Да, отлично.

– Кофе тоже готов. Сливочник вон там.

– Спасибо. – Я налил себе кофе и перенес чашку за стол в столовой, где сел рядом с Лондон. Она потянулась за своим стаканом с молоком, и я поцеловал ее в макушку.

– Как дела, детка? Сладкие сны видела?

– Не помню. – Она сделала глоток, и у нее появились молочные усы.

Вивиан поставила перед нами две тарелки с яичницей, беконом и тостом.

– Хочешь сока? Есть свежавыжатый апельсиновый.

– Отлично, спасибо.

Вивиан принесла сок и свою тарелку. В отличие от наших, на тарелке у нее лежала лишь маленькая порция белкового омлета и фрукты.

Я прожевал кусочек бекона.

– Когда же ты встала?

– Наверное, час назад. Ты спал как убитый. По-моему, ты даже не услышал, как я встаю.

– Да, похоже на то, – кивнул я.

– Ладно уж, признаюсь: я уже думала, если ты не встанешь к завтраку, отправлю Лондон попрыгать на тебе.

Я повернулся к Лондон, в изумлении открыв рот.

– И ты бы согласилась? Даже если бы я еще спал?

– Конечно! – захихикала Лондон. – Знаешь что? Мама возьмет меня с собой в торговый центр, забирать ее костюм, а потом мы поедем в зоомагазин!

– И что там, в зоомагазине?

– Мама сказала, что разрешит мне купить хомячка. Я назову его

Крапинкой.

- Не знал, что ты хочешь хомячка.
- Давно уже хочу, папа.
- Почему же не сказала мне, детка?
- Потому что мама говорила, что ты не согласишься.
- Даже не знаю, – засомневался я. – Ухаживать за хомяком – серьезная задача.
- Знаю, – кивнула она. – Но они такие хорошенькие!
- Да, хорошенькие, – согласился я, и до конца завтрака Лондон пыталась убедить меня, что она уже большая и сможет как следует позаботиться о хомяке.

Вторую чашку кофе я неторопливо допивал на кухне, пока Вивиан загружала посудомойку. Лондон играла в гостиной со своими Барби.

- Знаешь, она и вправду уже большая, чтобы заводить хомяка, – заметила Вивиан. – Даже несмотря на то, что чистить клетку придется тебе.
- Мне?
- Конечно, – подтвердила она. – Ведь ты отец.
- Хочешь сказать, мне по должности положено помогать дочери чистить клетку для хомяка?
- Считай, что это прекрасный повод сблизиться с ней.
- Отмывать хомячье дерьмо?
- Тише ты! – толкая меня в бок, шепнула она. – Ей будет полезно, пусть учится быть ответственной. И потом, это гораздо проще, чем завести щенка. А она, между прочим, без ума от соседского йорка, так что считай, что тебе повезло. Видел рассылку из загородного клуба?
- Кажется, нет.
- У них есть хорошие программы для детей, в том числе теннис. Три раза в неделю утром в девять, всего четыре недели, так что перестраивать ее расписание не придется. По понедельникам, вторникам и четвергам.
- Со своего места я видел дочь через дверь гостиной и снова отметил, насколько она похожа на свою мать.
- Не знаю, понравится ли ей, – откликнулся я. – Кстати, о Лондон... я вот что хотел спросить: что ты решила насчет нее?
- О чем ты?
- Завтра у тебя начинается работа. Кто будет присматривать за Лондон?
- Да-да. – В ее голосе слышалось напряжение. Она ополоснула и поставила очередную тарелку в посудомойку. – Я собиралась поискать

какую-нибудь дневную группу на прошлой неделе, но не хватило времени. Все, что мне удастся, – кое-как держаться, и все равно кажется, что к завтрашнему дню я не готова. Меньше всего мне хочется, чтобы Уолтер за обедом принял меня за идиотку.

– Ты обедаешь с Уолтером?

– С моим новым боссом. С Уолтером Спаннерменом.

– Кто он такой, я знаю. Но я не знал, что ты завтра обедаешь с ним.

– И я тоже – до сегодняшнего утра. Меня разбудили письмом с моим ориентировочным графиком. Завтра не будет ни минуты свободной – отдел кадров, юридический отдел, обед, встречи с вице-президентами. Явиться я должна к половине восьмого.

– Рано, – оценил я и умолк, ожидая, когда она вернется к вопросу о том, кто будет присматривать за Лондон. Она сполоснула вилки, положила их в посудомойку, но продолжала молчать. Я прокашлялся. – Говоришь, дневную группу для Лондон ты так и не нашла?

– Пока нет. Звонила подругам, они вроде бы нахваливали группы, куда водят своих детей, но мне хочется убедиться самой, понимаешь? Обойти территорию, познакомиться с персоналом, выяснить, какие у них развивающие программы... Хочу убедиться, что Лондон эта группа подходит.

– Если у тебя есть координаты, я могу позвонить туда и договориться о встрече для нас обоих.

– В том-то и дело! Я понятия не имею, когда буду свободна на этой неделе.

– Постараюсь договориться, чтобы нас приняли вечером.

– Может, я лучше все-таки сама, как думаешь? Терпеть не могу отменять встречи.

– Как же тогда... что будем делать завтра? С Лондон?

– Я не могу просто привезти ее в незнакомое место и оставить там. А ты бы смог? Я хочу для нее самого лучшего...

– Если ты выберешь одну из групп, куда ходят дети твоих подруг, с Лондон все будет в порядке.

– Она и без того волнуется, зная, что я выхожу на работу. Сегодня утром она была очень расстроена. Поэтому мы и позавтракали все вместе, и я предложила ей завести хомяка. Не хочу, чтобы на этой неделе ей показалось, будто мы о ней забыли.

– О чем ты вообще говоришь?

Вивиан закрыла дверцу посудомойки.

– Я надеялась, что на этой неделе с ней побудешь ты. Тогда Лондон

успеет адаптироваться...

– Я не могу! На этой неделе у меня каждый день встречи с клиентами.

– Да, понимаю, я многого прошу, и мне неловко так поступать с тобой. Но я не знаю, как быть. Я думала, может, ты возьмешь ее с собой в офис или поработаешь из дома. А на время встреч отвезешь ее к своей маме. Ведь это всего на неделю. Или две.

На неделю? Или две?

Эти слова эхом звучали у меня в голове, пока я отвечал:

– Даже не знаю... надо позвонить маме, выяснить, согласна ли она.

– Может, позвонишь? Я и так вся на нервах из-за новой работы, мне только беспокойства за Лондон не хватало! Говорю же, сегодня утром она очень расстроилась.

Я присмотрелся к Лондон: за завтраком она вовсе не казалась расстроенной, как и теперь, но, с другой стороны, Вивиан знала ее лучше, чем я.

– Ну ладно. Я позвоню маме.

Улыбнувшись, Вивиан шагнула ко мне и обвила руками шею.

– Ужин-сюрприз вчера вечером – это было так мило! Вот я и подумала, что, может быть, буду в настроении выпить бокал вина, когда Лондон уснет. – Она поцеловала меня в шею, обдавая ее жарким дыханием. – А ты как? Не возражаешь?

Я невольно задумался: неужели все это – ее щебетание, жизнерадостное настроение, завтрак – было просто направлено на то, чтобы добиться своего? Вивиан поцеловала меня в шею во второй раз, и я ее простил.

Вивиан и Лондон вернулись лишь ближе к вечеру. За время их отсутствия я закончил презентацию для мануального терапевта, с которым была назначена первая из встреч, потом убрал в доме и позвонил маме. Я объяснил, что на следующей неделе у меня встречи с клиентами, и спросил, можно ли привезти к ней Лондон в понедельник.

– Привози, конечно, – ответила она.

Я как раз вешал трубку, когда Вивиан подъехала к дому, и еще до того, как открыл дверь, услышал, как Лондон зовет меня:

– Папа, папочка! Иди сюда скорее!

Я сбежал с крыльца и увидел, что она держит в руках пластмассовую клеточку. Издалека мне показалось, что у меня двоится в глазах, но когда я подошел поближе, то понял, что не ошибся: в клетке действительно сидели два хомяка – черно-белый и рыжеватый. На лице Лондон сияла широкая

улыбка.

– Их двое, папочка! Мистер Крапинка и Миссис Крапинка!

– Двое?

– Она никак не могла выбрать, – пояснила Вивиан, – и я подумала: почему бы и нет? Ведь клетку все равно покупать.

– А я держала на руках Мистера Крапинку всю дорогу до дома! – добавила Лондон.

– Да что ты говоришь!

– Он такой лапочка! Просто сидел у меня на руках, и все. А теперь я подержу Миссис Крапинку.

– Замечательно, – кивнул я. – Отличная у них клетка.

– Это просто переноска, а настоящая клетка в машине. Мама сказала, ты поможешь мне собрать ее. Она огромная!

– Так и сказала? – Мне вспомнились вечера накануне Рождества, которые я провел, собирая стол для рисования, «Дом мечты» для Барби, велосипед... Достаточно сказать, что все эти задачи давались мне с трудом, хотя мой отец запросто справился бы с ними. Наверное, Вивиан поняла, о чем я думаю, потому что шагнула ко мне и обняла.

– Не волнуйся, – успокоила она, – ничего сложного. А я буду твоей командой поддержки.

Этой ночью мы занимались любовью, а потом я лежал на боку, глядя поясницу Вивиан. Ее веки были сомкнутыми, прекрасное тело – расслаблено.

– Ты так и не сказала мне, в чем будет заключаться твоя работа.

– Рассказывать почти нечего. Работа вроде моей прежней. – Ее голос был сонным, я еле разбирал невнятные слова.

– Уже известно, насколько частыми будут поездки?

– Пока нет, – ответила она. – Наверное, скоро узнаю.

– Нелегко придется с Лондон.

– С Лондон все будет в порядке. Ты же здесь.

Почему-то я ждал, что она скажет еще что-то вроде: как будет скучать по Лондон, как надеется, что поездки окажутся не слишком частыми. Но ее дыхание стало размеренным и глубоким.

– Ты уже знаешь, сколько тебе будут платить?

– А что?

– Пытаюсь прикинуть наш бюджет.

– Нет. Пока не знаю.

– Как такое можно не знать?

– Есть же основной оклад, бонусы, всевозможные премиальные... Доля прибыли. Они мне что-то объясняли, но я не вслушивалась и толком не поняла.

– Ну, хотя бы приблизительно?

Она вяло провела ладонью по моей руке.

– А обязательно обсуждать это прямо сейчас? Ты же знаешь, я не выношу разговоров о деньгах.

– Не обязательно, конечно.

– Я тебя люблю.

– И я тебя люблю.

– Спасибо, что посидишь неделю с Лондон.

Или две, сразу же подумал я, но говорить об этом не стал.

– Не за что.

Мне не спалось, и я, пролежав час в постели и насмотревшись в потолок, бесшумно выскользнул из спальни и босиком прошел на кухню. Налив себе стакан молока, я залпом выпил его и решил проведать Лондон. Я зашел к ней в комнату и сразу услышал скрип и жужжание колеса в клетке – несмотря на ночное время, хомяки бодрствовали.

К счастью, Лондон их не слышала. Она крепко спала, ее дыхание было глубоким и ровным. Я поцеловал ее в щеку и поплотнее укрыл одеялом. Она пошевелилась, а я смотрел на нее и вдруг почувствовал, как у меня защемило сердце от гордости и любви, смешанных с тревогой и страхом.

Потом я вышел посидеть на веранду. Ночь была теплая, в воздухе звенели трели сверчков. Мне смутно помнилось, как в детстве отец объяснял, что частота этих трелей приблизительно соответствует температуре. И я задумался, правда ли это или просто байка.

Эти размышления переросли в другие, и я понял, почему сон упорно ускользал от меня.

Дело было в Вивиан и в том, что она так и не сказала мне, сколько ей будут платить. Я не поверил, когда услышал, что во время разговора об этом с начальством она якобы не прислушивалась, и это меня тревожило.

За все годы нашего брака я ни разу не утаил от Вивиан точного размера своего заработка. С моей точки зрения, делиться такой информацией супруги просто обязаны. Для пары скрытность в финансовых делах – самое что ни на есть последнее дело. Скрытность губительна и в итоге приводит к контролю. А может, я просто слишком строг к Вивиан. И она всего лишь не хотела ранить мои чувства, зная, что будет обеспечивать семью, пока я пытаюсь наладить свой бизнес.

В чем дело, я так и не понял. Но на меня была возложена ответственность за нашу дочь, и как только я вспомнил об этом, подлинная причина моей бессонницы стала очевидной.

Мы внезапно поменялись ролями.

Глава 6

Мистер мамочка

В моем детстве родители каждое лето грузили вещи в прицеп и везли нас с Мардж на Внешние отмели. Поначалу мы останавливались ближе к Роданте, позднее стали уезжать дальше на север, к тем местам, где братья Райт творили историю авиации. А когда мы повзрослели, нашим излюбленным местом стал Окраоук.

Окраоук – не более чем деревушка, но по сравнению с Родантой он казался мегаполисом с магазинами, где продавали мороженое и пиццу. Мы с Мардж часами бродили по берегу, собирали ракушки и жарились на солнце. Вечером мама готовила ужин – обычно бургеры или хот-доги. Потом мы ловили светлячков в банки с закручивающимися крышками, а когда на ночном небе появлялась россыпь звезд, заваливались спать – мы в палатке, наши родители в прицепе.

Хорошие были времена. Пожалуй, лучшие в моей жизни. Но отцу, конечно, они запомнились иначе.

– Я терпеть не мог эти семейные поездки, – признался он мне, когда я был уже студентом. – Вы с Мардж всю дорогу грызлись, как кошка с собакой. В первый же день ты обгорал на солнце, а остаток недели скулил, как младенец. А Мардж большую часть недели дулась, скучая по своим подружкам, и ладно бы только дулась: когда у тебя начинала облезать обгоревшая кожа, ты бросался ею в Мардж, и она визжала. Вы двое были прямо как заноза в заднице.

– Тогда зачем же ты возил нас туда каждый год?

– Твоя мать заставляла. А я бы лучше укатил в отпуск.

– Это и был отпуск.

– Не отпуск, – поправил он, – а поездка всей семьей.

– Какая разница?

– А ты подумай.

В первые три года жизни Лондон любые попытки выехать из города требовали грандиозной подготовки, как широкомасштабная боевая операция: сбора памперсов, бутылочек, колясок, легких закусок, детского шампуня, сумок, набитых игрушками. Вырвавшись из города, мы посещали места, где было интересно Лондон, – океанариум, игровые комнаты в «Макдоналдсе», пляжи. Мы выматывались, некогда было не только

расслабиться, но и просто уделить хоть немного внимания самим себе.

Но за две недели до четвертого дня рождения Лондон Питерс отправил меня в Майами на конференцию, и я решил после ее окончания отдохнуть, взяв несколько дней в счет отпуска. Я уговорил своих родителей побыть с Лондон четыре дня, и, хотя Вивиан поначалу не решалась расстаться с дочерью, мы оба очень быстро поняли, как истосковались по... свободе. Мы листали журналы и читали книги, лежа у бассейна, потягивали пина коладу. Переодевались к ужину, подолгу смаковали вино и занимались любовью каждый день, порой даже не один раз. Однажды мы отправились в ночной клуб, танцевали чуть ли не до утра, а на следующий день отсыпались. К тому времени, как мы вернулись в Шарлотт, я наконец понял, что имел в виду отец.

С появлением детей меняется вся жизнь.

По-моему, было бы логичнее, если бы первый день выхода Вивиан на работу оказался не понедельником, а пятницей, тринадцатого числа: в этот день все сразу пошло не так.

Началось с того, что Вивиан побежала в душ первой, нарушив утренний распорядок, который годами оставался неизменным. Слегка растерявшись, я застелил постель и направился на кухню варить кофе. Пока он готовился, я решил сделать для Вивиан завтрак: белковый омлет, ягоды и ломтики дыни. То же самое я приготовил и себе, решив, что мне не повредит сбросить несколько фунтов. Я заметил, что брюки стали туговаты в поясе.

Пока я готовил, спустилась Лондон. Ее встрепанные волосы стояли дыбом, вид у нее был усталый. Я поставил перед ней миску хлопьев.

– Не выпалась?

– Мистер и Миссис Крапинка все время будили меня. Вертелись в своем колесе, а оно скрипело.

– Плохо. Попробую что-нибудь придумать, чтобы оно больше не скрипело, хорошо?

Она кивнула, я налил себе первую чашку кофе. Только когда я пил уже третью чашку, наконец спустилась Вивиан. Я не мог оторвать от нее взгляда.

– Ого!

Я улыбнулся.

– Нравится?

– Выглядишь сногшибательно, – честно ответил я. – А я тебе завтрак приготовил.

– Не знаю, буду ли я есть. Так нервничаю, что аппетит пропал.

Я подогрел белковый омлет в микроволновке, а Вивиан тем временем составила компанию Лондон, слушая ее жалобы на скрипучее колесо.

– Я уже сказал: попробую что-нибудь с этим сделать. – С этими словами я поставил тарелки на стол.

Я сел, Вивиан принялась вяло ковыряться в еде.

– Перед тем как начнешь причесывать Лондон, побрызгай волосы спреем для легкого расчесывания. Он рядом с раковиной, в зеленом флаконе.

– Не вопрос, – отозвался я, смутно припомнив, как Вивиан проделывала эту процедуру. И подцепил на вилку яичные белки.

Вивиан снова заговорила с Лондон:

– Сегодня папа запишет тебя в теннисный лагерь. Тебе там понравится.

Я замер, не успев поднести вилку ко рту.

– Погоди... то есть как?

– Ты про теннисный лагерь? Мы же вчера о нем говорили. Неужели не помнишь?

– Помню, что ты упоминала про него. Но не помню, чтобы мы приняли окончательное решение.

– Запись в лагерь начинается сегодня, все места наверняка мигом займут, так что постарайся успеть туда к половине девятого. Списки начнут составлять в девять. Занятие в изостудии у нее в одиннадцать.

– Мне надо еще доработать презентацию.

– Запись много времени не отнимет, а презентацию доработает, пока она будет в изостудии. В том же комплексе, через одну дверь, есть кофейня. Лондон не обидится, если ты не останешься на уроке – я обычно только отвозила ее и уходила в тренажерный зал. Во сколько у тебя встреча?

– В два.

– Вот видишь! Все замечательно. Рисование заканчивается в двенадцать тридцать, так что ты успеешь завезти Лондон к своей маме. Где находится изостудия, знаешь? За торговыми рядами, где «Фрайдис».

Я знал торговые ряды, о которых она говорила, но сейчас был сосредоточен на стремительно растущем списке обязательных дел.

– А нельзя просто позвонить в клуб и записать Лондон?

– Нельзя, – ответила Вивиан. – Им понадобится копия медицинского полиса, и надо подписать отказ от претензий.

Мысли в моей голове начинали путаться.

– А ей сегодня обязательно быть на рисовании?

Вивиан повернулась к Лондон.

– Ты сегодня хочешь на рисование, зайка?

Лондон кивнула.

– Там мой друг Бодхи, – объяснила она. – Его имя так и пишется – «Б-О-Д-Х-И», он очень хороший. Я сказала ему, что сегодня привезу Мистера и Миссис Крапинку.

– О, кстати: вам надо еще заехать в зоомагазин за опилками, – спохватилась Вивиан. – И не забудьте про хореографию. Начало в пять, студия в торговом центре, где супермаркет «Харрис Титер». – Вивиан встала из-за стола, поцеловала Лондон и обняла ее. – Мамочка поработает и вернется, хорошо? Только не забудь бросить грязную одежду в стирку.

– Ладно, мама. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Я проводил Вивиан до выхода и поцеловал.

– Ты сразишь их наповал, – заверил я.

– Надеюсь. – Она осторожно поправила прическу и достала из сумочки свернутый листок бумаги, который вручила мне. – Я набросала расписание Лондон, чтобы тебе было легче сориентироваться.

Я просмотрел список. Изостудия по понедельникам и пятницам в одиннадцать, уроки фортепиано по вторникам и четвергам в девять тридцать. Хореография в понедельник, среду и пятницу в пять. И начиная со следующей недели – теннисный лагерь в понедельник, вторник и четверг в восемь.

Я присвистнул.

– Ничего себе график! Не слишком плотный?

– Она справится, – улыбнулась Вивиан.

Почему-то я надеялся на долгие проводы. Думал, что мы еще поболтаем о том, как она переживает, и тому подобное, но Вивиан отвернулась и решительно направилась к машине.

И ни разу не оглянулась.

Не спрашивайте, как, но каким-то чудом я все успел.

*Принять душ, побриться, влезть в офисную одежду
Побрызгать волосы Лондон спреем, потом причесать и одеть ее
Убрать на кухне, запустить посудомойку
Записать Лондон в теннисный лагерь и доставить ее на рисование
вместе с Мистером и Миссис Крапинкой
Доработать презентацию, отвезти Лондон к маме, прибыть на*

встречу с мануальным терапевтом с запасом по времени в две минуты

Мануальный терапевт снимал помещение в обшарпанном офисном центре в промзоне – любой клиент почувствовал бы сомнение, обращаясь за медицинскими услугами в таком месте. Беглого осмотра хватило, чтобы понять: мой потенциальный клиент чрезвычайно нуждается в моей помощи.

Увы, сам клиент так не считал. Его не заинтересовала ни подготовленная мною презентация, ни мои объяснения. Гораздо больше он был занят своими сэндвичами и злился, что в них нет горчицы. Свое возмущение он выплеснул на меня трижды, а когда под конец презентации я спросил, есть ли у него вопросы, он задал только один: не завалилось ли у меня в машине лишнего пакетика горчицы.

Далеко не в лучшем настроении я отправился за Лондон к маме. По пути домой мы завернули в зоомагазин. Дома я сразу же засел за компьютер и проработал почти до урока хореографии. Поиск формы для него отнял немало времени, потому что ни Лондон, ни я понятия не имели, где Вивиан хранит ее, поэтому из дома мы выехали с опозданием на несколько минут, и Лондон сильно беспокоилась, поглядывая на часы.

– Мисс Хэмшоу ужасно сердится, когда кто-то опаздывает.

– Не волнуйся, я объясню ей, что это я виноват.

– Все равно.

Лондон оказалась права. Возле входа была устроена зона ожидания, где расположились пятеро молчащих женщин, прямо по курсу находилась дверь в репетиционный зал. От зоны ожидания ее отделяла невысокая перегородка с вращающейся дверцей. Справа в витринах красовались призы, стены были увешаны плакатами в честь побед учеников и танцевальных групп на национальных конкурсах.

– Давай заходи, – поторопил я.

– В зал мне нельзя, пока не разрешат...

– И что это значит?

– Папа, хватит говорить. Родители должны молчать, когда говорит мисс Хэмшоу. Ты все испортишь.

Мисс Хэмшоу – сурового вида женщина с волосами стального оттенка, собранными в тугий хвост, – отрывисто отдавала распоряжения классу, состоящему из ровесников Лондон. Скоро она дошла и до нас.

– Извините за опоздание, – начал я. – Сегодня мама Лондон вышла на работу, а я не смог найти ее костюм для танцев...

– Ясно, – перебила Хэмшоу, впившись в меня взглядом. Этим она

ограничилась, но без слов сумела выразить свое недовольство, прежде чем наконец подтолкнула Лондон: – Можешь зайти в зал.

Лондон направилась к двери в студию, стыдливо опустив глаза.

Хэмшоу посмотрела вслед Лондон и снова повернулась ко мне:

– Прошу впредь такого не допускать. Опоздавшие отвлекают детей, а добиваться дисциплины от моих учеников и так непросто.

Выйдя из студии, я позвонил в офис. Сообщений для меня не было. Потом еще час смотрел, как Лондон и другие девочки изо всех сил стараются заслужить похвалу мисс Хэмшоу, показавшейся мне очень неприятной особой. За это время Лондон несколько раз порывалась грызть ногти.

Когда урок закончился, Лондон поплелась за мной к машине, отставая на несколько шагов и сутулясь. Пока мы не выехали со стоянки, она молчала.

– Папа!..

– Что, детка?

– Можно мне дома съесть «Лаки чармс»?

– Для ужина они не годятся. Они на завтрак. Ты же знаешь: маме это не нравится.

– А мама Бодхи разрешает ему иногда есть «Лаки чармс» на ужин. Ну пожалуйста, папочка!

Последние слова она произнесла умоляюще. Какой отец на моем месте смог бы отказать?

Я свернул к супермаркету, заскочил за коробкой хлопьев и приехал домой на три минуты позже, чем рассчитывал.

Дома я залил хлопья молоком для Лондон, отправил Вивиан сообщение с вопросом, когда она приедет, и ухитрился еще немного поработать, чувствовал я себя так, словно разрываюсь на части. Должно быть, я потерял счет времени, и лишь когда услышал, что Вивиан подъехала к дому, обратил внимание на часы – было уже восемь.

Восемь?

Лондон бросилась к двери, опередив меня. Вивиан подхватила ее на руки и поцеловала.

– Извини, задержалась. Срочная работа.

– А я думал, сегодня у тебя вводный день.

– Так и было. А в четыре стало известно, что какой-то журналист из «Ньюс энд Обзервер» в Роли готовит якобы «разоблачительный» материал по одному из проектов Уолтера. И мы разом перешли в экстренный режим работы. И я в том числе.

– А ты почему? Ты же первый день...

– Для этого они и наняли меня, – объяснила она. – Я имею большой опыт в сфере кризисного менеджмента. У бывшего босса вечно возникали трения с прессой. Словом, пришлось созывать совещание, вырабатывать план действий, общаться с внештатными пиарщиками Спаннермена... одно за другим. Надеюсь, ты оставил мне что-нибудь на ужин. Умираю с голоду.

Ой.

Должно быть, Вивиан заметила, как я изменился в лице, потому она опустила плечи.

– Ты не приготовил ужин?

– Нет, я доделывал кое-что по работе, и...

– Значит, и Лондон ничего не ела?

– Папа дал мне «Лаки чармс», – вмешалась дочь с сияющей улыбкой.

– «Лаки чармс»?

– Это же просто легкий перекус, – сказал я, пытаюсь оправдаться.

Но Вивиан уже не слушала:

– Ну-ка, попробуем сообразить что-нибудь на ужин, хорошо? Что-нибудь полезное.

– Ладно, мамочка.

– Как прошло занятие танцами?

– Мы опоздали, – объяснила Лондон, – и учительница ужасно рассердилась на папу!

Лицо Вивиан превратилось в маску, недовольство на нем читалось так же отчетливо, как на лице мисс Хэмшоу.

– Ну а кроме экстренных ситуаций, как прошел твой первый день на работе? – спросил я Вивиан позднее, когда мы лежали в постели. Я видел, что она до сих пор сердится на меня.

– Прекрасно. Присутствовала на совещаниях и осваивалась на новом месте.

– А твой обед со Спаннерменом?

– По-моему, хорошо прошел, – ответила она и больше ничего не добавила.

– Как думаешь, ты с ним сработаешься?

– Вряд ли у нас возникнут какие-то проблемы. Большинство руководителей его компании в должности уже много лет.

Только если они женщины, мысленно возразил я.

– Если он начнет к тебе подкатывать, скажи мне, ладно?

Она вздохнула.

– Это же просто работа, Расс.

* * *

Я встал на рассвете и успел до пробуждения Вивиан поработать пару часов за компьютером. На кухне во время завтрака ее разговор со мной был исключительно деловым. Она вручила мне список покупок и напомнила, что у Лондон урок фортепиано, вдобавок попросила узнать, согласится ли учительница музыки, как только начнутся занятия в школе, перенести занятия на день или вечер вторника и четверга. Уже направляясь к двери, она повернулась ко мне:

– Можно попросить тебя сегодня быть более ответственным во всем, что касается Лондон? Приезжать на занятия вовремя и следить, чтобы она правильно питалась? Я ведь не прошу о чем-то сверхъестественном, а только о том, что сама делала много лет подряд.

Ее слова задели меня за живое, но, прежде чем я успел ответить, дверь за Вивиан уже закрылась.

Шлепая босыми ногами по ступенькам, Лондон сошла вниз через несколько минут после отъезда Вивиан и сразу спросила, можно ли ей на завтрак «Лаки чармс».

– Конечно, можно. – В голове еще вертелся разговор с Вивиан, поэтому в том, с какой готовностью я согласился выполнить просьбу дочери, определенно чувствовались вызов и агрессия. – А шоколадного молока хочешь?

– Хочу!

– Так я и думал, – отозвался я, размышляя о том, как к этому отнеслась бы Вивиан.

Лондон позавтракала, потом поиграла с Барби. Я расчесал ее, одел и повез на урок фортепиано. И не забыл попросить учительницу музыки поменять расписание ее уроков, а потом спешно повез дочь к родителям.

– А-а, – протянула мама, едва я переступил порог дома, где прошло мое детство, – снова ты.

Мама поцеловала Лондон, а я заметил, что на ней нет фартука. Одета она была в лиловое платье.

– А кто же еще? – отозвался я. – Но я всего на несколько минут – не хочу опаздывать.

Она похлопала Лондон по плечу.

– Лондон, милая, не хочешь печенья, которое мы испекли вчера? Оно в банке возле тостера.

– Я знаю где, – ответила Лондон и рванула на кухню, словно хлопьев в

сахарной глазури, съеденных на завтрак, ей не хватило.

– Я так признателен тебе за помощь с Лондон, – сказал я.

– Видишь ли... в том-то и дело.

– Ты о чем?

– Сегодня у меня обед в «Красной шляпе». – Она указала на шляпу, лежащую на столе возле двери. Та была кричаще-яркой, оттенка клоунского рта, с павлиньими перьями.

– Я же тебе говорил: у меня всю неделю встречи.

– Я помню. Но ты спрашивал только, не посижу ли я с Лондон в понедельник.

– Я думал, ты поняла, что я имею в виду. И Лондон очень нравится гостить у тебя.

Мама взяла мою руку в свою ладонь.

– Так вот, Расс... Ты знаешь, как я ее люблю, но я не могу сидеть с Лондон ежедневно, пока не начнутся занятия в школе, – сообщила она. – Как и у тебя, у меня есть дела.

– Это же только на время, – напомнил я. – Надеюсь, на следующей неделе твоя помощь уже не понадобится.

– Завтра меня не будет дома. В моем клубе садоводов проходит семинар по тюльпанам и нарциссам, там можно купить редкие луковицы. Я надеюсь удивить и порадовать твоего отца следующей весной. Ты же знаешь, ему всегда не везло с тюльпанами. А по четвергам и пятницам у меня волонтерская работа.

У меня вдруг закружилась голова. Я услышал, как мама вздохнула.

– Но сегодня, раз уж Лондон здесь... в какое время у тебя заканчивается встреча?

– Думаю, без четверти двенадцать.

– У меня обед в двенадцать, так что подъезжай за ней прямо в ресторан. А пока ты будешь занят, Лондон побудет со мной и с моими подругами.

– Отлично. – Я испытал облегчение. – Куда подъезжать?

Она назвала ресторан, который, как выяснилось, я знал, хотя ни разу не бывал там.

– Так когда, говоришь, у тебя встреча?

Встреча. Ах, черт.

– Мне пора, мама. Ты себе представить не можешь, как я тебе благодарен.

– Ты что, серьезно? – спросила Мардж. – Ты обиделся на маму только

потому, что у нее есть своя жизнь?

Я гнал машину по шоссе, разговаривая по блютусу.

– Ты меня услышала? У меня всю неделю встречи. Что еще мне остается?

– Ну, привет! А дневные группы? А пригласить няню на пару часов? А попросить кого-нибудь из соседей? А напроситься в гости к кому-нибудь из друзей Лондон и оставить ее там на время?

– На все эти поиски у меня нет времени!

– А на болтовню со мной, значит, время есть.

Только потому, что я собираюсь подкинуть тебе Лондон завтра на пару часов.

– Мы с Вивиан об этом уже говорили. Лондон и без того трудно теперь, когда Вивиан вышла на работу.

– Да ну?

Если не считать явной нелюбви к урокам хореографии, вроде ничего сложного. Но...

– В общем, я позвонил в надежде, что...

– Даже не пытайся, – предостерегла Мардж, перебив меня.

– Что не пытаться?

– Сейчас ты попросишь меня посидеть с Лондон завтра, потому что мама не может. Или в четверг, или в пятницу. Или все три дня.

Я же говорил: Мардж мудрости не занимать.

– Не понимаю, о чем ты.

– Не прикидывайся идиотом. А зачем еще ты мне звонишь? Сколько раз за последние пять лет ты звонил мне на работу?

– Навскидку не скажу, – признался я.

– Ни разу.

– Вранье.

– Ты прав. На самом деле ты звонишь мне каждый день. Мы часами болтаем и хихикаем как подружки. погоди минутку...

Я услышал, как она закашлялась.

– Что с тобой? – спросил я.

– Кажется, вирус подцепила.

– Летом?

– Вчера пришлось вести отца к врачу, а у того в приемной просто рассадник болезней. Странно еще, что меня оттуда на носилках не вынесли.

– А как отец?

– Результаты анализов придут только через несколько дней, но ЭГК, и

обычная, и с нагрузкой, показывает, что сердце в норме. Легкие тоже. Врач глазам не верил, а отец смотрел на него с таким видом...

– Он такой, – согласился я, и мои мысли вернулись к дочери. – Ну и что мне делать с Лондон, если я не найду никого, кто посидит с ней?

– Ты же не дурак. Выкрутишься.

– Спасибо за помощь, сестренка. Такая ты отзывчивая.

– Стараюсь.

Встреча с хозяевами магазина сэндвичей прошла примерно так же, как и с мануальным терапевтом накануне. И дело было не в отсутствии интереса с их стороны. Хозяева, супружеская пара выходцев из Греции, понимали, что реклама поможет их бизнесу, но, к сожалению, зарабатывали ровно столько, чтобы покрывать текущие затраты. Они просили меня прийти еще раз через несколько месяцев, а когда я уже собирался уходить, предложили мне сэндвич.

– Очень вкусно, – уверял хозяин. – Все сэндвичи мы делаем на свежей пите, которую прямо здесь и печем.

– По рецепту моей бабушки, – добавила его жена.

Да, хлеб пах божественно. Я видел, как старательно хозяин делает сэндвич. Его жена спросила, не хочу ли я жареной картошки и чего-нибудь выпить. *А почему бы и нет?* И наконец оба с улыбками вручили мне обед.

К ресторану, где общество «Красная шляпа» устраивало обед, я подъехал в четверть первого. Несмотря на все неудобства, которые я доставил маме, мне показалось, что она была рада показать подругам внуку.

– Папочка! – едва увидев меня, Лондон сорвалась с места и бросилась навстречу. – Они сказали, что мне можно приходить к ним на обед, когда я захочу!

Мама поднялась из-за стола, отвела меня в сторонку и обняла.

– Спасибо, что побывала с ней, мама.

– Мне это в радость, – заверила она. – Ее все полюбили.

– Вижу.

– Но завтра и в остальные дни недели...

– Понимаю, – кивнул я. – Тюльпаны и волонтерство.

Всю дорогу домой я держал Лондон за руку. В моей ладони ее рука казалась совсем крошечной, теплой и уютной.

– Папа... – начала она.

– Да?

- Я есть хочу.
- Приедем домой – сделаю тебе сэндвич с арахисовой пастой и желе.
- Не получится, – возразила Лондон.
- Почему?
- У нас нет хлеба.

И мы отправились в продуктовый магазин, где я впервые в жизни взял тележку.

Следующий час я медленно набирал все по списку Вивиан и не раз возвращался в те отделы, где уже побывал. Понятия не имею, как я справился бы, если не помощь Лондон, которая разбиралась в товарах на удивление хорошо для своих пяти лет. Я не представлял, где искать тыкву-спагетти, не знал, что спелость авокадо можно определить, слегка нажав на него, но благодаря Лондон и немногочисленному персоналу магазина сумел добраться до конца списка. Находясь в магазине, я видел матерей с детьми всех возрастов, большинство казались такими же озабоченными, и у меня возникло мимолетное ощущение родства с ними. Интересно, сколько из них, подобно мне, предпочли бы работу в офисе походу в мясной отдел, где я битый час разыскивал грудки экологически чистых кур, выращенных на свободном выгуле.

Дома я сделал сэндвич для Лондон, распаковал покупки и остаток дня работал и наводил порядок, убеждаясь в том, что у Лондон все хорошо, и безуспешно пытаюсь избавиться от навязчивой мысли, что я плыву против течения. Вивиан вернулась в половине седьмого, заглянула на несколько минут к Лондон, а потом пришла на кухню, где я уже начинал заправлять салат.

- Как там курятина с марсалай – готовится?
- Какая курятина?
- И с тыквой-спагетти на гарнир?
- Эм-м...

Она засмеялась.

- Шучу! Я сама приготовлю. Это быстро.
- Как дела на работе?

– Напряженно, – ответила она. – Почти весь день выясняла насчет журналиста, о котором я говорила тебе вчера, и пыталась понять, в каком ключе он собирается написать свою статью. И конечно, как предотвратить ее распространение и как противопоставить ей наш материал.

- Ты уже догадываешься, что это будет за статья?
- Наверное, как обычно, чепуха. Этот журналист помешан на защите

окружающей среды и якобы беседовал с людьми, которые утверждают, что один из комплексов с видом на океан был возведен с нарушением регламента и не только является незаконной постройкой, но и вызвал сильную береговую эрозию во время последнего тропического циклона. В общем, мать-природа наносит удар, а виноваты во всем богачи.

– Но ты ведь знаешь, что Спаннермена экология не заботит?

Вивиан налила себе бокал вина.

– Уолтер уже не такой, как прежде. Со времен вашего знакомства он сильно изменился.

Вряд ли, подумал я, но сказал:

– Похоже, ты справляешься с работой.

– Меня радует только одно – что на этой неделе статья не выйдет. Уолтер запланировал в эти выходные масштабное мероприятие по сбору средств в Атланте. Для своего общественного канала.

– У него и общественный канал есть?

– Я же тебе говорила, – напомнила она, поставила на плиту сковородку, положила в нее курицу и принялась рыться в шкафчике со специями. – Уолтер открыл его пару лет назад, на собственные средства. А теперь решил обратиться за помощью и поддержкой. Вот эти мероприятия я и буду курировать ближайшие три дня. Для организации он нанял компанию, и, хотя они работают неплохо, Уолтер требует, чтобы все было идеально. Вот я и понадобилась. Он знает о моих связях в шоу-бизнесе, поэтому захотел, чтобы я организовала выступление звезд. Что-нибудь грандиозное.

– На ближайшие выходные? У тебя почти не осталось времени.

– Вот именно. Так я ему и сказала. А потом созвонилась с моим прежним боссом, он назвал мне имена людей, с которыми можно попробовать связаться, так что мы еще посмотрим, что из этого выйдет. Зато Уолтер готов заплатить любые деньги. Но, так или иначе, всю неделю мне придется работать допоздна. И съездить в Атланту.

– Ты серьезно? – удивился я. – Но ты же работаешь всего два дня.

– Только не надо этого! Можно подумать, он предоставил мне выбор! Съедутся почти все крупные застройщики от Техаса до Виргинии, все наше руководство. И потом, это не на все выходные: я улетаю в субботу, а в воскресенье уже вернусь.

Это мне совершенно не нравилось, но что я мог поделать?

– Ну хорошо, – ответил я. – Похоже, ты уже становишься незаменимой.

– Стараюсь, – улыбнулась она. – Как Лондон? Как прошел урок

музыки?

– Отлично, но, по-моему, танцы ей не очень нравятся. Вчера после занятий она приуныла.

– Учительница была недовольна, потому что вы опоздали. Поэтому Лондон и расстроилась.

– Эта учительница слишком строгая.

– Так и есть. Поэтому ее танцевальные группы так часто побеждают в конкурсах. – Она кивком указала в сторону Лондон. – Может, поможешь ей с купанием, пока я готовлю ужин?

– Прямо сейчас?

– Тогда ты сможешь почитать ей сразу после еды, а потом мы ее уложим. Она устала, а меня ждет еще целая гора работы.

– Ладно, – смирился я, понимая, что мне вновь придется лечь в постель одному.

Глава 7

Вдвоем

Когда Лондон было три с половиной, мы втроем устроили пикник на озере Норман – в первый и единственный раз. Вивин приготовила изумительный обед, а по пути к озеру, поскольку день выдался ветреный, мы заехали в магазин товаров для хобби и купили воздушного змея. Я выбрал из тех, которые были популярны в моем детстве, – простой и недорогой.

Мне удалось запустить его, и, как только он поднялся выше, создалось впечатление, что он приклеен к небу. Он не падал – стоял я на месте или ходил, потом я отдал Лондон катушку и закрепил нитку у нее на запястье, но и она легко с ним справлялась. Она и цветы собирала, и гонялась за бабочками, и тискала, сидя на траве, маленького кокер-спаниеля пары, расположившейся по соседству, который карабкался к ней на колени, а змей все так же неподвижно висел в воздухе. А когда мы наконец собрались перекусить, я зацепил нитку за ближайшую скамейку, и змей продолжал парить над нами.

Вивин была в приподнятом настроении, и мы провели в парке почти весь день. Помню, на обратном пути я размышлял, что ради таких моментов и стоит жить и что я не обману ожидания своей семьи, что бы ни случилось.

Но прямо сейчас именно это и происходило. По крайней мере, так мне казалось. Меня не покидало ощущение, что я обманываю ожидания всех и каждого, в том числе себя самого.

Наступила среда, третий рабочий день Вивин, и я остался с Лондон. На весь день.

Стоя вместе с дочкой возле офиса мануального терапевта номер два, я не мог отделаться от мысли, будто увез ее в чужую страну. Мне было страшно оставлять ее в приемной среди незнакомых людей: газеты и вечерние выпуски новостей убедили современных родителей, что зло не дремлет и ждет подходящего случая.

Неужели и мои родители точно так же беспокоились за нас с Мардж? Ответ нашелся через долю секунды. Конечно же, нет. Отец часто оставлял меня на скамейке возле старой пивной, куда он навещался с друзьями. А

скамейка находилась на углу оживленной улицы, неподалеку от автобусной остановки.

– Ты ведь понимаешь, как важна эта встреча для папы, да?

– Понимаю, – кивнула Лондон.

– Я хочу, чтобы ты сидела тихо.

– Никуда не уходила, не вставала с места, не разговаривала с чужими.

Ты уже мне все это сказала.

Наверное, мы с Вивиан правильно воспитывали Лондон, потому что она вела себя так, как было велено. Секретарь в приемной даже похвалила послушную юную леди, тем самым немного уняв мою тревогу.

Увы, и этот клиент не заинтересовался моими услугами. Так разочарование постигло меня в третий раз. А в ресторане на следующий день – в четвертый.

Я старался сохранять оптимизм и приготовил свою лучшую презентацию к встрече в пятницу днем. Хозяйка спа-салона, словоохотливая блондинка за пятьдесят, излучала энтузиазм. Мне даже показалось, что дела у нее и без рекламы идут отлично. Она прекрасно представляла, чем я занимаюсь, и помнила некоторые из моих рекламных кампаний. В разговоре с ней я чувствовал себя непринужденно и уверенно и решил, что выступил успешнее, чем когда-либо прежде. Но удача и на этот раз не улыбнулась мне.

Я не только не получил результата от прошедших встреч, но и не назначил ни одной на будущую неделю.

Но вечер свидания никто не отменял.

Когда особо нечему радоваться, радуйся мелочам, верно?

Не совсем так. В то время как я терпел одну неудачу за другой, Вивиан определенно блистала на своей новой работе. Она даже сумела договориться о выступлении с музыкальной группой, популярной в восьмидесятых. Как ей это удалось, не имею ни малейшего представления. А я проводил все больше времени вдвоем с Лондон.

Вот только... это меня совсем не радовало. Постоянно хватаясь то за одно, то за другое, я чувствовал себя так, будто *работал* на Лондон, а не *наслаждался* временем, проведенным с ней.

Может, не я один такой? И у других родителей тоже возникает подобное чувство?

Но вечер свидания – это вечер свидания, поэтому, пока Лондон была на хореографии, я рванул в магазин, купил семги, стейков и бутылку отличного шардоне. Когда мы вернулись, внедорожник Вивиан уже стоял у

дома. Лондон выскочила из машины, зовя маму. Я последовал за ней, неся в руке пакет, набитый покупками к ужину, и увидел, что Лондон уже спускается с лестницы. Вивиан нигде не было видно, но вдруг я услышал, как она зовет дочь из спальни.

Лондон бросилась туда, и я услышал слова Вивиан:

– Наконец-то, детка! Как прошел день?

В спальне я увидел Вивиан и Лондон возле кровати, на которой лежал открытый и уже уложенный чемодан – вместе с двумя пустыми пакетами из магазинов одежды.

«По делам»...

– Уже готовишься к завтрашнему отъезду...

– Я уезжаю сегодня.

– Уезжаешь? – выпалила Лондон, опередив меня.

Я увидел, как Вивиан кладет руку на плечо дочери.

– Мне тоже не хочется, но надо. Извини, зайка.

– Но я не хочу, чтобы ты уезжала, – возразила Лондон.

– Понимаю, милая. Но в воскресенье, когда я вернусь домой, мы наверстаем упущенное. Придумаем что-нибудь интересное только для нас с тобой.

– Что придумаем? – оживилась Лондон.

– Что захочешь.

– А можно... – Лондон задумалась, перебирая варианты. – Можно, мы поедem на ферму, где голубика? Ты меня уже возила туда. И будем собирать голубику и гладить животных!

– Отличная мысль! – подхватила Вивиан. – Так и сделаем.

– А еще нам надо убрать у хомяков в клетке.

– Твой папа сделает это. А пока давайте что-нибудь поедим, хорошо? Кажется, у нас остались курица и рис. Подожди маму на кухне, я приду через минутку, только поговорю с папой, ладно?

– Ладно, – кивнула Лондон.

– Значит, – заговорил я, когда Лондон оставила нас вдвоем, – ты уезжаешь сегодня.

– Да, через полчаса. Уолтер хочет, чтобы я и еще пара сотрудников сделали контрольный обход с менеджером «Ритц-Карлтона», убедились, что все готово.

– «Ритц-Карлтона»? Вы там остановитесь?

Она кивнула.

– Понимаю, ты расстроился. Но, к твоему сведению, я тоже не в восторге от того, что проведу две ночи вдали от дома. Просто стараюсь не

подавать виду.

– Ничего другого тебе не остается. – Я заставил себя улыбнуться.

– Дай мне немного побыть с Лондон, хорошо? По-моему, она обиделась.

– Ага, – ответил я, – ладно.

Она посмотрела мне в глаза.

– А ты на меня сердишься.

– Вообще-то нет. Просто не хочу, чтобы ты уезжала. Нет, я все понимаю, но я так ждал возможности побыть с тобой сегодня вечером.

– Знаю, я тоже. – Она прильнула ко мне и быстро поцеловала. – Мы все наверстаем в следующую пятницу, ладно?

– Ладно.

– Ты не застегнешь молнию? Боюсь испортить ногти, я их только что накрасила. – Она показала мне маникюр. – Цвет ничего?

– Отличный, – заверил я, потом застегнул чемодан и поставил его на пол. – Говоришь, контрольный обход в отеле сегодня вечером?

– Эта затея принимает внушительные масштабы.

– До Атланты четыре часа езды.

– Я не еду, а лечу.

– Во сколько у тебя рейс?

– В половине седьмого.

– А разве ты не должна быть уже на полпути в аэропорт? Или ждать регистрации?

– Мы летим на частном самолете Уолтера.

Уолтер. Звук этого имени я начинал ненавидеть сильнее, чем выражение «по делам».

– Ого, – сказал я, – ты преуспеваешь.

– Это его самолет, – улыбнулась она, – а не мой.

– Я же знала, что ты и в одиночку справишься, – заявила Мардж. – Можешь гордиться.

– Не могу. Нет сил.

К родителям в субботу мы прибыли в одиннадцать, и уже к тому времени установилась изнурительная жара. Мардж и Лиз сидели напротив меня на веранде, пока я во всех подробностях пересказывал события прошедшей недели. Лондон помогала моей маме делать сэндвичи; отец, как обычно, возился в гараже.

– И что? Ты же сам сказал, что последняя презентация была самой удачной.

– Да, презентация получилась хорошей. Но я не назначил ни единой встречи на следующей неделе.

– В этом есть свои плюсы, – возразила Мардж, – тебе будет гораздо проще возить Лондон на занятия, и времени для уборки и готовки останется больше.

В ответ на мой возмущенный взгляд Мардж только засмеялась:

– Не кипятись! Ты же знал, что неделя будет сумасшедшей, еще когда Вивиан только начала работать. Как известно, перед рассветом тьма сгущается. По-моему, ждать рассвета осталось недолго.

– Ну, не знаю, – вздохнул я. – По пути сюда сегодня утром я думал, что надо было мне стать сантехником, как отец. У них всегда работы хоть отбавляй.

– Верно, – согласилась Мардж, – но и дерьма в этой работе хватает.

Я усмехнулся:

– Ну а что я могу сказать? Я несу смех и радость всем, кто меня окружает. Даже братцам-нытикам.

– Я и не думал ныть.

– Как бы не так. Ты начал ныть, не успев переступить порог.

– Это правда, Лиз?

Лиз с отсутствующим видом провела ладонью по подлокотнику и ответила:

– Ну, разве что самую малость.

После обеда, когда жара усилилась, я решил сводить Лондон в кино на какой-нибудь мультфильм. Мардж и Лиз поехали с нами и радовались не меньше чем Лондон. Мне хотелось расслабиться, но мысли невольно возвращались к событиям предыдущей недели, и я с тревогой думал о том, что ждет меня дальше.

После кино возвращаться домой не хотелось. Мардж и Лиз тоже охотно задержались у родителей. Мама приготовила запеканку с тунцом, которая привела Лондон в восторг, как роскошное угощение. Она съела порцию больше обычной и по пути домой задремала в машине. Я рассчитывал наскоро искупать ее, немного почитать на ночь и остаток вечера провести перед телевизором.

Но не тут-то было. Едва очутившись дома, Лондон побежала проверить хомяков, и я услышал, как она зовет меня сверху:

– Папа, иди сюда скорее! Что-то случилось с Миссис Крапинкой!

Я поспешил к ней в комнату, заглянул в клетку и увидел хомяка, который, как мне показалось, пытался прогрызть стекло. В детской пахло

как в хлеву.

– По-моему, с ней все в порядке, – оценил я.

– Это Мистер Крапинка. А Миссис Крапинка не шевелится.

Я присмотрелся.

– Она просто спит, детка.

– А вдруг заболела?

Я понятия не имел, что теперь делать, но все-таки открыл клетку и взял Миссис Крапинку в ладонь. Она была теплой – уже неплохо, – и сразу же зашевелилась.

– С ней все хорошо?

– Мне кажется, да, – ответил я. – Хочешь поддержать ее?

Она кивнула и подставила сложенные ковшиком ладони, и я посадил в них хомяка. Лондон поднесла зверька к лицу.

– Я подержу ее немного, просто чтобы точно знать, что все хорошо...

– Ладно. – Я поцеловал дочь в макушку. – Только не очень долго, хорошо? Уже пора спать.

После еще одного поцелуя в макушку я направился к двери.

– Папа! – окликнула она.

– Что?

– Надо почистить клетку.

– Завтра, ладно? Я немного устал.

– Мама сказала, что ты почишь.

– Почищу обязательно. Только завтра.

– А если Миссис Крапинка от этого заболела? Хочу, чтобы ты почистил ее прямо сейчас. – Она не желала ничего слушать и повысила голос, а я был не в настроении терпеть ее капризы.

– Скоро вернусь и уложу тебя в постель. Только не забудь бросить грязную одежду в корзину.

Следующие полчаса я переключал каналы, но смотреть было нечего. Больше сотни каналов – и ничего интересного, и к моей усталости добавилось раздражение. Завтра придется выгребать дерьмо из хомячьей клетки, мой список потенциальных клиентов сократился до нуля, и если не произойдет чуда, следующая неделя пройдет впустую. А моя жена тем временем летает на частных самолетах и останавливается в «Ритц-Карлтоне».

Наконец я встал с дивана и направился в комнату Лондон. К тому времени хомяки были возвращены в клетку, а Лондон играла с Барби.

– Детка! – позвал я. – Готова купаться?

Она ответила, не оборачиваясь:

– Не пойду сегодня купаться.
– Но ты же днем вся вспотела.
– Не пойду.
Я растерялся.
– Что случилось, детка?
– Я на тебя обиделась.
– Почему ты обиделась на меня?
– Потому что тебе совсем не жалко Мистера и Миссис Крапинку.
– Конечно, мне их жалко! – Хомяки в клетке возились, как обычно по вечерам. – А тебе обязательно надо помыться.
– Хочу, чтобы меня мамочка искупала.
– Понимаю. Но мамочки нет.
– Тогда не пойду купаться.
– А на меня посмотришь?
– Нет.

Она произнесла это слово почти как Вивиан. Между тем Барби в руках Лондон продолжала метаться по всему Барби-дому, едва не сшибая мебель.

– Так я налью тебе ванну, хорошо? И напущу много пены. А потом мы поговорим.

Как и обещал, я напустил в воду побольше пены, а когда ванна наполнилась, закрыл кран и пришел за Лондон. Она не сдвинулась с места, Барби по-прежнему бесновалась в своем доме, Кен составил ей компанию.

– *Я не могу приготовить завтрак*, – услышал я, как Барби говорит Кену голосом моей дочери, – *мне надо на работу*.

– *Но на работу ходят папы*, – возразил Кен.

– *А об этом надо было подумать до того, как ты уволился*.

У меня внутри все сжалось: Лондон явно подражала нам с Вивиан.

– Твоя ванна готова, – объявил я.

– Я же сказала: не пойду!

– Давай мы просто...

– НЕТ! – завизжала она. – Не пойду купаться, и ты меня не заставишь!
Ты заставил маму пойти на работу!

– Я не заставлял ее...

– НЕТ, ЗАСТАВИЛ! – выкрикнула она, а когда повернулась, я увидел, что она в слезах. – Мама сама сказала, что ей надо на работу, потому что ты не работаешь!

Другой отец, возможно, не стал бы оправдываться, но я был измотан, а ее слова попали точно в цель.

– Я работаю! – повысив голос, сказал я. – И о тебе забочусь, и в доме

убираю!

– Хочу к маме! – расплакалась она, и я впервые за весь день вдруг понял, что сегодня Вивиян не звонила. И я не звонил ей, а мероприятие, наверное, было в разгаре.

Я тяжело вздохнул.

– Завтра мама вернется, и вы вдвоем поедете на ферму собирать голубику, или ты забыла? Неужели тебе не хочется быть чистой к маминому приезду?

– НЕТ! – крикнула она. – Ты плохой!

Не успев опомниться, я пересек комнату и схватил Лондон за руку. Она отбивалась и визжала, а я волок ее в ванную, как на видео на «Ютубе» о жестоком обращении с детьми.

– Или ты сама разденешься и сядешь в ванну, или тебя раздену я. Я не шучу.

– УХОДИ! – закричала она, и я, разложив ее пижаму, закрыл дверь. Следующие несколько минут я слушал, как она плачет, разговаривая сама с собой, и ждал за дверью.

– Давай-ка в ванну, Лондон, – велел я через дверь. – Иначе будешь сама чистить клетку!

Она снова расплакалась, но немного погодя я услышал, как она забирается в ванну. Вскоре она уже разговаривала с игрушками, и от недавней вспышки агрессии не осталось и следа. Наконец дверь открылась, Лондон вышла в пижаме, с мокрыми волосами.

– Можно мне сегодня высушить волосы, а не спать с мокрыми?

– Конечно, можно, детка.

– Я скучаю по маме.

Я присел на корточки и обнял ее, вдохнув сладкий и чистый запах мыла и шампуня.

– Знаю, – сказал я и прижал ее к себе.

Как такой никудышный отец, как я, может быть причастен к появлению такого чуда? Я не переставал думать об этом...

Лежа рядом с Лондон в постели, я читал ей про Ноев ковчег. Больше всего ей нравилось то место, когда ковчег был достроен и к нему начали стекаться звери – его я прочел дважды.

– «По двое, – читал я вслух, – пара за парой, шли они со всей Земли: львы, лошади, собаки, слоны, зебры и жирафы...»

– И хомячки, – добавила Лондон.

– И хомячки, – согласился я. – «По двое они входили в ковчег. Как же

они все там поместятся, думали люди. Но Бог и об этом позаботился. Поместились все, внутри ковчега всем хватило места, и все животные были счастливы. Так, по двое, они и остались внутри ковчега, когда начался дождь».

Лондон уже дремала, когда я дочитывал рассказ. Я погасил свет и поцеловал ее в щеку.

– Папа любит тебя, Лондон, – прошептал я.

– И я тебя люблю, папа, – сонно пролепетала она. А я тихонько вышел из комнаты.

По двое, вдвоем, повторял я мысленно, спускаясь по лестнице. Лондон и я, отец и дочь, мы оба стараемся как можем.

Но все равно мне казалось, будто я обманул ее во всем.

Глава 8

Новый опыт

В прошлом феврале, когда ситуация в агентстве изменилась в худшую для меня сторону, Лондон заболела гриппом, причем очень серьезно. Два дня подряд ее почти непрерывно выворачивало, и нам пришлось везти ее в больницу, чтобы остановить рвоту и избежать обезвоживания.

Я был напуган. Вивиан тоже, но с врачами она общалась, излучая гораздо больше уверенности, чем я, спокойно, сдержанно задавала вопросы.

На ночь Лондон в больнице не оставили, и когда мы привезли ее домой, Вивиан просидела с ней до полуночи. Поскольку накануне она не ложилась всю ночь, я сменил ее. Как и Вивиан, я сидел в качалке и держал Лондон на руках. Ее все еще лихорадило – хорошо помню, какой маленькой и хрупкой она казалась, завернутая в тонкое одеяло, взмокшая и в то же время дрожащая в ознобе. Каждые двадцать минут она просыпалась. Лишь около шести я наконец уложил ее в кровать и спустился на кухню выпить кофе. Час спустя, когда я наливал себе еще одну чашку, Лондон прошлепала через кухню и села за стол рядом с Вивиан. Она была вялой и бледной.

– Привет, детка, как себя чувствуешь?

– Есть хочу, – ответила Лондон.

– Хороший признак, – заметила Вивиан, приложила ладонь ко лбу Лондон и улыбнулась. – Кажется, температура спала.

– Мне немного лучше.

– Расс, ты не насыплешь «Чириос» в миску? Только без молока.

– Сейчас, – отозвался я.

– Попробуй съесть завтрак без молока, ладно? А то у тебя опять разболится животик.

Я поставил миску с завтраком на стол, прихватил свою чашку с кофе и сел.

– Ты совсем разболелась, – сказал я. – Мы с мамой так за тебя беспокоились! Так что сегодня все будем отдыхать, хорошо?

Лондон кивнула, продолжая жевать хлопья. Я радовался, что она наконец-то ест.

– Мама, спасибо, что ты держала меня на руках, когда мне было

плохо.

– Не за что, милая. Я же всегда делаю это, когда тебе нездоровится.

– Да, – кивнула Лондон.

Я пил кофе, ожидая, что Вивиан скажет, что и я помогал.

Но она промолчала.

Дети живучи.

Я-то знаю – мои родители говорили так, сколько я себя помню, особенно когда объясняли, какими принципами руководствовались в воспитании детей. «Но как вы могли так поступать с нами?» – допытывались мы. «Да ладно вам. Дети живучи».

Положа руку на сердце в их словах была доля истины. Когда в воскресенье утром Лондон спустилась на кухню, казалось, она напрочь забыла о том, как скандалила накануне вечером. Она радостно щебетала и повеселела еще больше, когда я разрешил ей съесть на завтрак «Лаки чармс», а сам ушел наверх чистить клетку ее хомяков. Я выгреб из нее полпакета грязных опилок и вынес их в мусорный бак в гараже. В дальнем углу я увидел велосипед Лондон и, хотя начиналась жара, решил, как мы с дочерью проведем сегодняшнее утро.

– Слушай, – заговорил я, вернувшись в дом, – хочешь заняться интересным делом?

– Каким? – спросила она.

– Давай снова покатаемся на велосипеде? Может, даже без страховочных колес.

– Я упаду, – засомневалась она.

– Не упадешь, обещаю. Я буду идти рядом и держать тебя за седло.

– Я так давно не каталась...

И еще ни разу не пробовала на двух колесах, мысленно добавил я.

– Ничего. Если тебе не понравится или станет страшно, мы не будем продолжать.

– Мне не страшно, – объяснила она. – Но маме не понравится, если я буду вся потная.

– Если вспотеешь, то вымоешься. Ну что, хочешь попробовать?

Она задумалась.

– Только недолго, – предупредила она. – А когда мама приедет?

Как будто услышав наш разговор с расстояния многих миль, зазвонил мой мобильник, на экране высветилось имя Вивиан.

– Вот сейчас и узнаем. Это твоя мама. – Я потянулся за телефоном. – Она, наверное, как раз думала о тебе. – Я принял вызов и нажал кнопку

громкой связи. – Привет, дорогая. Как ты? Как дела? Я на громкой связи, мы с Лондон слушаем тебя.

– Эй, детка! – послышался голос Вивиан. – Привет! Я так виновата, не смогла позвонить вчера! Совсем забегалась, ни минуты свободной с самого приезда. Ну, как ты? Как вчера прошел день?

– Было весело, – ответила Лондон. – Я ездила к бабуле, потом мы с папой, тетей Мардж и тетей Лиз ходили в кино и так смеялись!..

Пока Вивиан болтала с Лондон, я налил себе еще кофе и жестами показал, что схожу в спальню переодеться. Я наскоро надел шорты, футболку и разыскал кроссовки, в которых раньше ходил в тренажерный зал. Возвращаясь на кухню, я слышал, как Лондон рассказывает маме про хомяков. Наконец Вивиан позвала меня.

Взяв телефон, я отключил громкую связь.

– Слушаю, – сказал я.

– Она в отличном настроении. Похоже, вы с ней поладили. Я тебе даже завидую...

Я замялся, вспоминая вчерашний вечер.

– Да, все хорошо. А у тебя как прошел вчерашний вечер?

– Замечательно, как по маслу. Уолтер в восторге! И видеопрезентации были просто супер, и музыка. Народ остался доволен.

– Рад, что все получилось.

– Еще как получилось! Мы кучу денег собрали. Оказывается, не только Уолтер не доволен политикой нынешней администрации и конгресса в отношении застройки. Законы становятся один другого абсурднее. Застройщиков обложили со всех сторон, о получении прибыли уже даже речи не идет!

Оно и видно – по самолету Уолтера, подумал я.

– Когда возвращаешься?

– Надеюсь, к часу успею. Но нам, возможно, предстоит еще обед с одним застройщиком из Миссисипи. Если так, то вернусь ближе к трем.

– Погоди минутку, – попросил я и вышел из кухни в гостиную. – А как же за голубикой на ферму?

– Даже не знаю, успеем ли мы.

– Но ты ведь обещала Лондон.

– Я не обещала.

– Я присутствовал при этом, Вив, и все слышал. Да еще прикрывал тебя вчера вечером.

– И что это значит?

Я рассказал, что случилось накануне вечером.

– Хуже некуда, – отреагировала она. – Не надо было ей напоминать.
– Хочешь сказать, это я во всем виноват?
– Теперь она еще больше расстроится.
– Потому что ты обещала ей.
– Прекрати, Расс, хорошо? Я на ногах уже почти двадцать часов, я почти не спала! Просто поговори с ней, и все. *Объясни* ей все.
– Что я должен ей объяснить?
– Только не надо говорить со мной таким тоном. Не я устраиваю этот обед. Я здесь потому, что так пожелал Уолтер, на кону огромные деньги.
– У Спаннермена и без того куча денег. Он же миллиардер.
Я услышал ее протяжный усталый вздох.
– Я ведь объяснила тебе, – нервно продолжала она, – может быть, я еще успею. Если обед не состоится, я вернусь домой к часу. Через час или два буду знать точно.
– Ладно. Сообщи мне.

Я решил ничего не говорить Лондон, пока не буду знать точно, и она вышла следом за мной из дома, наблюдая, как я готовлюсь к прогулке. Велосипед был весь в пыли, поэтому я вынес шланг и окатил его, а затем вытер насухо салфетками, подкачал шины и убедился, что они не спускают. Потом пришлось искать гаечный ключ – как инструменты умудряются исчезать бесследно? – и отвинчивать страховочные колеса. Лондон немного подросла, поэтому я поднял сиденье и руль, а когда все было готово, она вышла со мной на улицу и уселась в седло.

– Помнишь, что надо делать? – спросил я, поправляя на ней шлем.
– Крутить педали, – ответила она. – Только ты держи меня, не отпускай, ладно?
– Не отпускаю, пока ты сама не скажешь.
– А если не скажу?
– Тогда не отпускаю.

Лондон нажала на педаль и покатилась, вихляя из стороны в сторону, а я придерживал ее за седло и трусцой бежал следом. Вскоре мое дыхание стало хриплым, со лба закапал пот. Затем заструился ручьем. Мы прокатились туда-обратно столько раз, что сбились со счета, и наконец, когда я уже собирался попросить передышки, Лондон начала чувствовать себя увереннее, по крайней мере на прямых участках. Мало-помалу я смог разжать пальцы и теперь только слегка касался седла, чтобы снова схватиться за него, если Лондон начнет крениться вбок.

А потом отпустил ее.

Сначала ненадолго, всего на несколько секунд. И наконец, когда мне показалось, что она уже готова, я произнес как заклинание:

– А теперь отпускаю на секундочку.

– Папа, не надо!

– Ты сможешь! Попробуй! А я буду рядом и поймаю тебя!

Я отпустил ее, прибавил ходу и пару секунд бежал перед велосипедом, чтобы Лондон видела меня. На ее лице отразился испуг, и я тут же снова взялся за седло.

– Я ехала сама, папочка! – закричала она. – Ты меня не держал!

Я помог ей развернуться в тупике, где заканчивалась улица, а когда она восстановила равновесие, снова отпустил ее – на этот раз секунд на пять или шесть. Потом увеличил это время до десяти секунд. И наконец она сама проехала весь прямой участок дороги.

– Я еду, папа! Я сама еду на велосипеде! – радостно визжала она, и хотя я обливался потом и еле дышал, мне каким-то чудом удалось крикнуть в ответ:

– Вижу, детка! Ты едешь сама!

К тому времени, как Лондон накаталась, у меня ныло все тело, а футболку впору было выжимать. Я занес велосипед в гараж и вошел в дом следом за Лондон. Шум кондиционера я воспринял как явное свидетельство того, что Бог все-таки есть.

– Папе нужна передышка, – объявил я, все еще пытаясь отдышаться.

– Ладно, папа, – кивнула она.

Я поспешил в ванную и встал под прохладный душ. Вскоре я почувствовал себя человеком, оделся и вышел на кухню.

И нашел в телефоне сообщение от Вивиан.

«Обед отменили, еду в аэропорт. Скажи Лондон, что скоро я буду дома».

Лондон играла с Барби в гостиной.

– Мама едет домой, – объявил я. – Скоро будет здесь.

– Хорошо, – откликнулась Лондон, но в ее голосе звучало равнодушие.

* * *

Вивиан я приготовил салат и поджарил на гриле семгу, а нам с Лондон сэндвичи. К тому времени, как Вивиан вошла в дом, стол был уже накрыт и еда разложена по тарелкам.

После приветственных объятий и поцелуев с Лондон Вивиан прошла на кухню и поцеловала меня.

– Ого! – воскликнула она, обводя взглядом стол. – Шикарный обед.

– Все необходимое было под рукой, вот я и подумал: почему бы не устроить пир? Как прошел полет?

– Замечательно. Как приятно не думать о парковке, о паспортном контроле и не заталкивать чемоданы на верхнюю багажную полку! Если уж путешествовать, то только частными самолетами!

– Буду иметь в виду, когда начну зарабатывать миллионы.

– Чем вы с Лондон занимались утром?

– Покатались на велосипеде.

– Да? Ну и как Лондон?

– Под конец совсем освоилась.

– Уж лучше ты, чем я, – заметила она. – Да и жарко сегодня.

– Утром было терпимо, – соврал я.

– Ты намазал ее солнцезащитным кремом?

– Нет. Забыл.

– Постарайся больше не забывать. Ты же знаешь, как опасно солнце для детской кожи.

– Больше не забуду.

Она снова поцеловала меня и, пока мы обедали, рассказала, как прошли ее выходные, и расспросила Лондон о занятиях на прошлой неделе. Потом Вивиан и Лондон уехали, а я занялся уборкой на кухне.

Впервые со вторника Лондон не было рядом. Я мог бы поработать, но заняться было нечем, и хотя я радовался беззаботному дню, в какой-то момент обнаружил, что беспокоюсь по комнатам, думаю о Лондон и ужасно по ней скучаю.

Вивиан и Лондон вернулись домой около пяти с кучей покупок. Я был удивлен, что лицо дочки и ее руки были абсолютно чистые.

– Вы на ферму ездили? – спросил я.

– Нет, – ответила Вивиан, ставя пакеты на стол. – Сегодня слишком жарко, и мы решили съездить в торговый центр. Лондон нужна одежда для школы.

Само собой, нужна.

Но продолжить я не успел – Вивиан прошла мимо меня на кухню. Я последовал за ней, предпринял попытку возобновить разговор, но сразу понял, что она чем-то раздражена и не в настроении говорить со мной. Вивиан приготовила пасту, обжарила овощи для нас с Лондон, сделала салат для себя. С едой было покончено довольно быстро. Только когда мы загружали посудомойку, я спросил, в чем дело.

– Ты не сказал мне, что снял с велосипеда страховочные колеса. И на

велосипеде она каталась самостоятельно.

– Извини. Я думал, ты поняла.

– Откуда мне было знать, что ты имеешь в виду? Ты же не уточнил.

– Ты обиделась?

– Да, обиделась. А что, нельзя?

– Не понимаю почему.

– Потому что я этого не видела. Тебе не приходило в голову, что я тоже хочу увидеть, как Лондон впервые сама поедет на велосипеде?

– Она только начинает учиться. Еще даже поворачивать толком не умеет.

– И что? Все дело в том, что ты взял на себя смелость научить ее кататься на велосипеде в мое отсутствие. Неужели не мог подождать, когда я вернусь?

– Я об этом не подумал.

Она схватила полотенце для посуды и принялась раздраженно вытирать руки.

– Вот в этом твоя беда, Расс. Каждый раз одно и то же. Вся наша жизнь всегда была подчинена твоим желаниям.

– Неправда! – запротестовал я. – Откуда мне было знать, что ты вообще хочешь это увидеть? Ты ведь даже покупать велосипед не хотела.

– Ну конечно, я хотела, чтобы у Лондон был велосипед! С чего ты взял? Ведь это я подарила ей велосипед на Рождество!

Я уставился на нее, думая: *«Но ведь это я затащил тебя в магазин!»* Неужели она действительно ничего не помнит? Или я схожу с ума?

Пока я обдумывал вопрос, она повернулась, чтобы уйти.

– Ты куда? – спросил я.

– Лондон пора купаться, – бросила она. – Надеюсь, ты не возражаешь, если я немного побуду с моей дочерью?

И она ушла. Ее слова эхом отозвались у меня в голове.

С моей дочерью?

Уложив Лондон, мы с Вивиан устроились на диване перед телевизором, смотрели канал «Еда». Вивиан потягивала вино. Я хотел было завести разговор о посещении дневной группы, но никак не мог понять, сердится она на меня из-за истории с велосипедом или уже нет. Она метнула в меня быстрый взгляд, улыбнулась и снова уткнулась в свой журнал. Все же лучше, чем полный игнор, решил я.

– Слушай, Вив... – начал я.

– Хм-м?

– Ты извини, что из-за меня ты пропустила первое катание Лондон на велосипеде. Честно говоря, я не придавал ему значения.

Она, кажется, обдумала мои слова и немного расслабилась.

– Ну хорошо. Просто жаль, что я этого не видела. Обидно понимать, что в такой момент меня не было рядом.

– Понимаю. За эти годы я тоже пропустил многое из того, что случилось впервые.

– Ты не мать. У матерей все по-другому.

– Наверное, ты права, – с сомнением отозвался я. Но упоминать об этом сейчас не стоило.

– Может, завтра вечером вы мне покажете, – добавила она чуть мягче, и я увидел перед собой Вивиан, в которую влюбился много лет назад. Невероятно, но за годы она совсем внешне не изменилась.

– Хорошо, что ваше мероприятие прошло гладко. Наверное, твой босс уже ест с твоей ладони.

– Уолтера никому не приручить.

– Какие планы на следующую неделю?

– Завтра выяснится. Возможно, в среду снова придется уехать.

– Опять сбор средств?

– Нет, на этот раз – поездка в округ Колумбия. Лондон наверняка опять обидится. Я чувствую себя ужасной матерью.

– Это не так. И Лондон знает, что ты ее любишь.

– Но ведь это ее последнее лето перед началом учебы, и ей наверное кажется, что я ее бросила. Сейчас ей нужна забота как никогда...

– Я стараюсь как могу.

– Знаю, что стараешься. Она рассказала мне, что ей нравится быть с тобой, но все равно это странно.

– Она так сказала? Что для нее это странно?

– Ну, ты же понимаешь, о чем она. Просто Лондон привыкла ко мне, вот и все. Для нее эти перемены более чем серьезные. И ты это знаешь.

– Мне не нравится слово «странно».

– Она же ребенок. У нее не настолько большой словарный запас. Не придавай значения. Ну что, пойдем в спальню?

– Ты что, заигрываешь со мной?

– Может быть.

– Так да или нет?

– Только сначала допью вино.

Я улыбнулся, а позднее, когда наши тела переплелись, вдруг поймал себя на мысли: какой бы тяжелой ни выдалась предыдущая неделя,

закончилась она идеально.

Глава 9

Прошлое не проходит никогда

Несколько лет назад, во время приступа ностальгии, я задумался о самых важных днях своей жизни. Припомнил день выпуска из школы и университета, день, когда я сделал предложение, день свадьбы и, конечно, день рождения Лондон. Но ни один из этих моментов не был сюрпризом, потому что я знал о них заранее.

Потом я начал вспоминать памятные события, случившиеся в моей жизни, – так, как вспоминал каждый новый шаг в жизни Лондон. Мой первый поцелуй, первый раз, когда я спал с женщиной, первое выпитое пиво, первый раз, когда отец пустил меня за руль своей машины. Я вспомнил и свою первую настоящую зарплату, и благоговение, с которым вступил на порог первого купленного мною дома.

Вместе с тем в памяти сохранились и другие бесценные воспоминания – неожиданные и совершенные в своей спонтанной радости. Однажды, когда я был еще ребенком, отец растолкал меня среди ночи и вывел на крыльцо, чтобы показать метеоритный дождь. Он расстелил на траве полотенце, и пока мы лежали, уставившись в небо, на котором один за другим возникали белые штрихи, я с волнением понял: это проявление любви, что демонстрировал он нечасто. Мне вспомнилось, как однажды мы с Мардж всю ночь смеялись и съели на двоих целый пакет печенья с кусочками шоколада, – этой ночью я впервые понял, что мы всегда будем друг у друга. Задумался я и о том вечере, когда мама после двух бокалов вина вдруг заговорила о своем детстве, и я понял, каким ребенком она была, – именно такой должна быть моя подруга.

Эти моменты остались в моей памяти навсегда – простые моменты счастья, ставшие для меня откровением. С тех пор ничего подобного не повторилось, и я не мог отделаться от мысли, что, если бы это случилось, первоначальные воспоминания ускользнули бы, как песок сквозь пальцы, стоит только на минуту забыть о них и не дорожить каждую минуту...

В понедельник утром Вивиан скрылась за дверью уже в половине восьмого со спортивной сумкой в руках.

– Хочу попытаться втиснуть в свое расписание тренировку, –

объяснила она. – Чувствую, как с каждой минутой все больше заплываю жиром.

Лондон предстояла поездка на первый урок тенниса. Мы вышли через несколько минут, одетые в шорты и футболки, и когда я видел в соседних машинах мужчин в галстуках, мне казалось, будто меня вышвырнули на обочину жизни, к которой всегда стремился. Без работы я лишился части своего «я», и если ситуация не изменится, рисковал окончательно потерять себя.

Пора возобновить «холодные звонки».

Как только я припарковался, Лондон заметила неподалеку знакомых соседских девочек и побежала к ним на корт. А я занял место на трибуне, вооружился блокнотом и ввел в поисковик на телефоне «пластические хирурги». Питерс избегал таких клиентов, как и адвокатов, считая их капризными и скарредными, а я полагал, что у врачей достаточно и денег, и ума, чтобы понять, какую пользу способна принести им реклама. В окрестностях Шарлотта таких нашлось несколько, с несколькими офисами – хороший признак. Я начал экспериментировать со вступительными репликами, надеясь подобрать верную, чтобы суметь заинтересовать офис-менеджера – или самого врача, если повезет, – настолько, чтобы он не только дослушал меня до конца, но и назначил встречу.

– Нет, ну надо же: такая рань, а уже жарница! – послышался рядом со мной голос с резким нью-джерсийским акцентом. – Ей-богу, я расплавлюсь.

Обернувшись, я увидел мужчину – пожалуй, несколькими годами старше меня, коренастого, с темными волосами и бронзовой кожей. Он был в костюме и очках-авиаторах с зеркальными стеклами.

– Вы ко мне обращаетесь?

– Конечно, к вам. К кому же еще? Здесь полным-полно эстрогена. Мы – единственные парни в радиусе сотни ярдов. Кстати, я Джоуи Тальери по прозвищу Бульдог. – Он придвинулся ко мне и протянул руку.

– Расселл Грин, – представился я, пожимая ее. – Бульдог?

– Талисман Университета Джорджии, моей альма-матер, да у меня и шея бульдожья. Вот прозвище и прилипло. Рад знакомству, Расс. Если меня хватит инфаркт или инсульт – сделайте одолжение, позвоните девять-один-один. Адриан могла бы и предупредить, что тени здесь днем с огнем не сыщешь.

– Адриан?..

– Моя бывшая. Номер три, кстати. Взвалила на меня эту обузу, а знала ведь, как это важно для меня, и видит бог, об одолжениях с ней сейчас

лучше не заикаться. В девять тридцать я должен быть в суде, а ей-то что? Думаете, ей есть до этого дело? Да ни малейшего. И суть даже не в том, что ей якобы надо проведать мать. Да, ее мать в больнице – ну и что? Она каждую неделю ложится в больницу, а все потому, что у нее, видите ли, *ипохондрия*! Хотя врачи ничего и не находят. Она до ста лет протянет преспокойно! – Он указал на мой блокнот. – Вступительное слово готовите?

– Какое вступительное слово?

– Свое обращение к присяжным? Вы же юрист? Кажется, я видел вас в суде.

– Нет, – ответил я. – Вы меня с кем-то спутали. Я не юрист, я работаю в рекламе.

– Да? В какой компании?

– В агентстве «Феникс». Это моя компания.

– Правда? Честно говоря, ребята, которые делают у меня рекламу, – шайка кретин.

– А в какую компанию вы обращаетесь?

Он назвал довольно крупную фирму, специализирующуюся на рекламных роликах для адвокатов. Это означало, что ролики выглядят как сделанные под копирку, с одинаковым видеорядом и с незначительными изменениями в сценарии. Но прежде чем я успел развить эту тему, мой собеседник сменил ее:

– Давно вы состоите в этом загородном клубе?

– Года четыре.

– Ну и как, нравится? Я недавно вступил.

– Да, правда, в гольф я не играю. А кормят здесь хорошо и летний бассейн собирает немало народу. Можно познакомиться с интересными людьми.

– Вот и у меня с гольфом не сложилось. Год учился, спину потянул, в итоге подарил клюшки брату. В клуб я вступил ради тенниса. Да, на теннисиста я не похож, но играю прилично. Спортивную стипендию получал, мечтал о карьере профи, но из-за роста моей подаче недостает скорости. Ну что ж, бывает. Вот я и решил начать водить дочь на уроки, чтобы было чем заняться вместе, когда она подрастет и возненавидит меня. Кстати, вон она, в бирюзовой футболке. Брюнетка с длинными ногами. А где ваша?

Я указал на Лондон, которая стояла на задней линии вместе с другими девочками.

– Вот там, вторая слева.

– Тоже будет высокой. Это хорошо.

– Еще неизвестно, понравится ли ей. Она сегодня впервые взяла в руки ракетку. Говорите, вы юрист?

– Верно. Физический ущерб, иногда коллективные иски. Знаю я, как вы относитесь к юристам вроде меня, ну и ладно. Все избегают юристов, которые занимаются делами о личном физическом ущербе, пока им самим вдруг не понадобится помощь, и тогда ты становишься и спасителем, и лучшим другом. И не только потому, что почти всегда ухитряешься отсудить деньги для своих клиентов, которые им причитаются по праву. Но и потому, что умеешь слушать. Половина успеха в нашем деле – умение выслушать. Я усвоил это, еще когда работал по семейному праву, прежде чем моя бывшая номер один сбежала с соседом и я понял, что теперь придется зарабатывать еще больше, чем раньше. И ничего в семейном праве на этот счет не сказано. Хотите совет? Всегда заключайте брачный контракт.

– Буду знать.

Он кивнул в сторону моего блокнота.

– Пластические хирурги, значит?

– Вот, подумываю двигаться в этом направлении.

– Да? Я на таких состояние сколотил. С таким же успехом могли бы просто уделать своих клиентов ножовкой. Хотите совет насчет этих ребят? От человека, который в прошлом уже имел с ними дело?

– Давайте.

– У них комплекс Бога, но в бизнесе они мало что смыслят, так что сыграйте на их самолюбии, а потом пообещайте озолотить их. Можете мне поверить. Их внимание будет вам обеспечено.

– Постараюсь запомнить.

Он махнул рукой в сторону корта.

– Между прочим, их тренер меня не впечатлил. А вам он как?

– Я в них не разбираюсь.

– Да, видно, что он когда-то играл, но вряд ли ему приходилось раньше тренировать детей. Ведь малышня – совсем другая аудитория. Концентрация внимания у них как у мух. Главное – постоянно вовлекать их в процесс, не давать расслабляться, иначе им быстро наскучит.

– Логично. Вам стоило бы стать тренером.

Он рассмеялся.

– Да, это было бы что-то, верно? Нет уж, только не я! Ни в коем случае не становись тренером своему ребенку – это мое правило. Иначе дочь меня совсем возненавидит. А вы почему выбрали теннис? Вы играете?

– Нет, – ответил я. – Так решила моя жена.

– И все-таки здесь с ребенком не она, а вы.

Внимание Джоуи снова переключилось на то, что происходило на корте. Я продолжал набрасывать вступительные реплики, но уже понял, что предстоит серьезно подготовиться, прежде чем браться за презентацию. Время от времени Джоуи отпускал замечания насчет позиции ног или правильного выбора траектории при ударе по мячу, и вскоре мы снова завели разговор ни о чем.

Когда занятие закончилось, Джоуи снова пожал мне руку.

– Завтра будете здесь? – Я кивнул, и он продолжил: – Я тоже. Значит, увидимся.

С Лондон я встретился у выхода с корта. Ее лицо покраснело от жары.

– Тебе понравилось? – спросил я.

– Мама говорит, я обязательно должна учиться играть. Она сегодня утром так сказала.

– Да, я знаю. Но я спрашивал, нравится тебе или нет.

– Жарко было. А с кем ты разговаривал?

– С Джоуи.

– Он твой друг?

– Мы только что познакомились. А что?

– А говорили так, будто вы друзья.

– Он хороший человек, – ответил я, и пока мы шли к машине, думал о словах Джоуи – о том, что рекламу ему делает шайка кретинов.

И конечно, о том, что завтра я снова увижусь с ним.

Я предложил Лондон перекусить, зная, что ей необходимо немного успокоиться перед занятием в изостудии. Мысленно я время от времени возвращался к рекламе, которую делал для адвокатов, пока Питерс не отказался обслуживать их. Мне вспомнилось, как я снимал ролики в офисах со стеллажами, заставленными юридическими фолиантами, как рекомендовал покупать рекламное время на кабельных каналах, преимущественно с девяти до полуночи, когда ее наверняка увидят зрители, получившие травмы.

В наше время, когда телевизионную рекламу по всей стране формирует преимущественно одна крупная общенациональная компания, мне представилась возможность занять нишу на этом рынке, если я хочу и дальше двигаться в том же направлении. Мне казалось, я мог бы добиться лучших условий от кабельных компаний, поскольку у меня сложились

длительные рабочие отношения с ключевыми фигурами в этой сфере, а у крупной общенациональной компании их не было. В долгосрочной перспективе на пользу моему агентству это не пойдет, и мне рано или поздно придется, по примеру Питерса, отказаться от таких клиентов, но до этого было еще далеко, и я не стал задумываться. Вместо этого я сосредоточился на Тальери и на его возможном – всего лишь возможном – согласии сменить рекламное агентство.

Лондон быстро отдохнула и набралась сил и почти всю дорогу на урок болтала о своем друге Бодхи. В дверях студии Лондон обняла меня за шею.

– Я люблю тебя, папочка.

– И я тебя тоже люблю, – ответил я.

Я проводил ее взглядом: она бросилась к какому-то белобрысому мальчишке и тоже обнялась с ним.

Мило.

И вдруг я растерялся. Я не знал, как относиться к тому, что моя дочь уже обнимается с мальчишками. Я понятия не имел, нормально ли это.

Помахав рукой учителю рисования, я прихватил компьютер и направился в кофейню, решив разобраться в последних тенденциях в сфере юридической рекламы, а также в правовой базе, которая могла измениться с тех пор, как я разрабатывал последнюю рекламную кампанию.

Я заказал кофе, присел за столик и открыл ноутбук. Собрав предварительную информацию, начал просматривать ее, как вдруг услышал голос:

– Расс?

Не узнать ее было невозможно. Каштановые волосы касались плеч, стрижка подчеркивала скулы, а от ореховых глаз было трудно отвести взгляд.

– Эмили? – выговорил я.

Она направилась к столу со своей чашкой кофе.

– Я сразу узнала тебя, – сказала она. – Ну, как ты? Давно не виделись.

– У меня все хорошо. – Я поднялся из-за стола. Она коротко обняла меня, чем немало удивила и вызвала прилив приятных воспоминаний. – А ты что здесь делаешь? Значит, ты тоже была в студии?

– Мой сын там занимается, – объяснила она. – Видимо, в маму пошел. – Ее улыбка излучала тепло. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, ты тоже. Как дела?

Вблизи я различил в ее глазах золотистые крапинки на ореховом фоне и задумался, почему раньше не замечал их.

– Все нормально.

– Нормально?

– Да, знаешь ли. Все как у всех.

Я понял, что именно она имеет в виду, и хотя она старалась скрыть это, уловил в ее тоне оттенок грусти. Следующие слова вылетели у меня сами собой, хотя я и понимал, что общение с человеком, которого ты когда-то любил, чревато последствиями, стоит лишь немного расслабиться.

– Не хочешь составить мне компанию?

– Ты правда не против? По-моему, ты занят.

– Просто собираю материалы. Ничего серьезного.

– Тогда я с удовольствием, – ответила она. – Но у меня есть только несколько минут. Я хочу кое-что отправить маме, и если будет очередь, это займет кучу времени.

Я смотрел на нее, не переставая думать о том, что с момента нашего расставания прошло уже почти одиннадцать лет. Как и Вивиан, она ничуть не изменилась, но эту мысль я поспешно отогнал, стараясь не переходить рамки дозволенного.

– Сколько твоему сыну?

– Пять. Осенью пойдет учиться.

– Моя дочь тоже. А в какой он школе?

Услышав название, я удивленно приподнял бровь.

– Какое совпадение. Лондон будет учиться там же.

– Говорят, отличная школа.

И недешевая, мысленно добавил я.

– Да, я слышал то же самое. А как твои родители? Давным-давно с ними не общался.

– Они в порядке. Папа наконец выходит на пенсию в следующем году.

– Из «ЭйТи-энд-Ти»?

– Ага, он у них в долгожителях. Говорит, хочет купить трейлер и разъезжать по всей стране. А мама, конечно, и слышать об этом не желает, так что собирается работать в церкви, пока отец не успокоится.

– В церкви Святого Михаила?

– Да. Мои родители проработали на одном и том же месте всю жизнь. Теперь такое нечасто встретишь. Ну а ты? Все еще в «Питерс Групп»?

И снова удивление.

– Ты помнишь? Нет, уволился несколько месяцев назад и с тех пор сам себе хозяин.

– И как идут дела?

– Идут, – нехотя ответил я.

– Как интересно! Я помню, ты говорил, что хочешь стать

предпринимателем.

– В то время я был слишком молодым и наивным. И сейчас остался наивным, хотя и постарел.

Она засмеялась.

– Как Вивиан?

– Замечательно. Снова начала работать. А я и не знал, что ты с ней знакома.

– Нет, незнакома. Просто виделись в студии несколько раз этим летом, но на занятия она никогда не оставалась. И всегда была одета так, будто собиралась на тренировку.

– Это на нее похоже. А как... твой муж?

– Ты про Дэвида? – Она склонила голову набок.

– Да, про Дэвида.

– Мы в разводе. С прошлого января.

– Очень жаль.

– Мне тоже.

– Долго вы были женаты?

– Семь лет.

– Можно я спрошу, что случилось?

– Не знаю. Трудно объяснить. Если сказать, что мы отдалились друг от друга, это прозвучит банально... В последнее время, когда люди спрашивают об этом, я просто говорю, что наш брак развалился, но это не то, что от меня хотят услышать. Всем как будто не терпится посплетничать или сделать наш развод выдающимся событием, – отвечая, она водила большим пальцем по указательному. – А вы с Вивиан давно вместе?

– Уже девять лет.

– Вот оно как, – отозвалась она. – Рада за вас.

– Спасибо.

– Значит, Вивиан снова вышла на работу?

Я кивнул.

– И теперь работает на крупного застройщика, одного из местных. В отделе пиара. Ну а ты? Работаешь?

– Можно сказать и так. Я по-прежнему рисую.

– Правда?

– Мой бывший ничего не имел против. Даже поощрял меня. Так что все сложилось удачно. Мне, конечно, никогда не стать ни Ротко, ни Поллоком, но мои работы выставлены в одной из галерей в центре, и каждый год продается десять-двенадцать моих картин.

– Потрясающе! – искренне восхитился я. – У тебя талант. Хорошо

помню: я смотрел, как ты рисуешь, и удивлялся, откуда ты знаешь, как смешать краски и построить... – я замялся, пытаюсь подобрать верное слово.

– Композицию?

– Ага. По-прежнему увлекаешься модерном?

Она кивнула.

– Вроде того. Сейчас я работаю в стиле абстрактного реализма.

– Ты ведь понимаешь, что я в этом ни черта не смыслю?

– Если в двух словах – я беру за основу реалистичные сцены, но главным образом следую движениям кисти... добавляю яркие цвета, геометрические фигуры или же беспорядочные кляксы, разводы, мазки, пока не придет чувство завершенности. Конечно, работа над картиной никогда, в сущности, не заканчивается: с некоторыми из них я вожусь годами, потому что мне все время кажется, что чего-то не хватает. Беда в том, что я не всегда понимаю, в какой момент нужно остановиться.

– Звучит... художественно, – усмехнулся я.

Она рассмеялась – именно таким и запомнился мне ее смех.

– Если картины хорошо смотрятся на большинстве стен и заставляют людей думать, я довольна результатом.

– И только?

– Именно так говорит хозяин галереи, когда пытается продать мои работы, поэтому – да, и только.

– Я бы хотел взглянуть на них.

– Заходи в галерею в любое время, – предложила она и назвала мне адрес. – Как там Мардж? Я всегда мечтала о такой старшей сестре.

– Она в порядке и, конечно, все еще с Лиз.

– Той же самой Лиз, с которой я познакомилась, когда мы встречались?

– Ага. С тех самых пор они вместе. Уже почти одиннадцать лет.

– Ого! – воскликнула она. – Молодцы! Какая она, Лиз?

– Добрая, вдумчивая и отзывчивая. Понятия не имею, что она нашла в Мардж.

Лицо Эмили приняло укоризненное выражение.

– Так нельзя.

– Ты же понимаешь, что я шучу. Они прекрасная пара. Я ни разу не видел, чтобы они ссорились.

– Это хорошо. А твои родители? Все еще работают?

– Мама вышла на пенсию, а отец по-прежнему работает на полную ставку.

– И все так же чинит свою машину?

– Каждые выходные.

– А мама?

– Теперь она состоит в обществе «Красная шляпа» и собирается сажать тюльпаны. – Эмили нахмурилась, не понимая о чем речь, и я рассказал ей о событиях прошедшей недели.

– Ты же осознаешь, у тебя нет причин обижаться на нее. Свои родительские обязанности она уже выполнила.

– Вот и Мардж так сказала. И тоже отказалась мне помочь.

– Но ты же справился.

– Мардж сказала то же самое.

Она громко вздохнула.

– Удивительно, как повернулась жизнь каждого из нас, да? С тех пор, как мы встречались... Да, в то время мы были еще детьми.

– Нет, не детьми.

Она улыбнулась.

– Шутишь? Ну, строго говоря, мы были достаточно взрослыми, чтобы голосовать, но я же помню твои совершенно детские выходки. Как в тот раз, когда ты решил выяснить, сумеешь ли съесть чудовищно большой стейк, чтобы и твою фотографию повесили на стену в ресторане. Напомни, сколько он весил?

Воспоминания нахлынули волной. Тогда мы поехали на озеро с друзьями, и я заметил вывеску какого-то ресторана на обочине, гласившую, что фотографию того, кто съест огромный стейк целиком, не только повесят на стену, но и вся еда ему достанется бесплатно.

– Семьдесят пять унций^[5].

– И ты не съел даже половины.

– Я был голоден...

– И пьян.

– Разве что немного.

– Хорошее было время. – Она рассмеялась, затем замолчала и указала на мой компьютер. – К сожалению, мне уже пора. Тебе надо поработать, а мне – обязательно отправить посылку маме.

Все верно, но я вдруг понял, что не хочу отпускать ее.

– Пожалуй, ты права.

Она поднялась из-за стола.

– Было приятно повидаться, Расс.

– И мне тоже, – кивнул я. – Замечательная встреча.

– Еще увидимся.

– Увидимся?

- Когда закончится занятие.
- А, да, – сообразил я. – Конечно.

Она толкнула дверь плечом, и я заметил, как она бросила в мою сторону мимолетный взгляд и улыбнулась, прежде чем исчезла из виду.

Следующий час я провел в кофейне, шаря в Интернете в поисках рекламных роликов юридической конторы Джоуи Тальери, один из которых в эфир уже не выпускали. Ролики были профессиональными, информативными и, признаться, почти такими же, как мои, снятые по заказу юристов. Я пересмотрел также рекламу дюжины других юридических фирм города и пришел к выводу, что ролики Тальери, если уж на то пошло, ничем не лучше и не хуже остальных.

Так почему же Джоуи Тальери считает своих рекламных агентов крестинами?

Видимо, несмотря на то, что ролики не настолько плохи, Тальери не получил достаточной отдачи от рекламной кампании в целом. Его сайт определенно выглядел устаревшим, ему не хватало стиля. А позвонив одному из приятелей, я убедился, что в области рекламы в Интернете эта фирма ничего не предпринимает. Еще пара звонков, и я узнал, что Джоуи не заказывает ни рекламу в печати, ни рекламные щиты. И я решил предложить ему испробовать все эти средства.

Помог звонок в мой офис – сообщений для меня не поступило. Ноль, ни единого. Урок в изостудии кончился, и я отправился за Лондон. Она гордо показала мне какую-то миску, которую сама слепила, и перед уходом я помахал Эмили. Она в то время разговаривала с учителем, но улыбнулась мне в ответ. Приехав домой, я не знал, как скоротать следующие несколько часов до урока хореографии. Идти гулять было слишком жарко, и я решил, что день Лондон и без того слишком насыщен, поэтому лучше всего для нее будет спокойно поиграть.

А сам я решил приготовить для Вивиан ужин. Полистав поваренные книги, я убедился, что большинство рецептов превосходят мои кулинарные способности, но все-таки нашел среди них подходящий – приготовление патагонского клыкача, а быстрый осмотр кухонных шкафов показал, что у меня есть большинство необходимых ингредиентов. Отлично. Я отвез Лондон на хореографию, и пока ученицы в очередной раз обманывали ожидания своей свирепой наставницы мисс Хэмшоу, я успел съездить в магазин и докупить недостающее. Ужин был уже почти готов, когда в дом вошла Вивиан.

Плов и стручковая фасоль в панировке из миндаля стояли на плите.

– Я на кухне! – крикнул я и вскоре услышал за спиной шаги Вивиан.
– О-о! – протянула она, подходя ко мне. – Как вкусно пахнет! Что готовишь?

Я ответил, она наклонилась над кастрюлями.

– А по какому поводу?

– Без повода, просто захотелось попробовать что-нибудь новое. А после ужина выведу из гаража велосипед – посмотришь, как катается Лондон.

Она достала бокал из шкафа, потом вино из холодильника.

– Давай завтра, ладно? Я устала, а у Лондон выдался трудный день. По-моему, она уже без сил.

– Пожалуй, – согласился я.

Вивиан налила себе вина.

– Как ее успехи на теннисе?

– Как у всех: первый день, учились правильно держать ракетку. Оказалось, на теннис ходит пара соседских девочек, поэтому Лондон там понравилось.

– Думаю, теннис ей будет полезен. Отличный спорт для развития.

– Кстати, девочки неплохо смотрятся в шортах.

– Ха-ха. А как в изостудии? И на хореографии?

– В изостудии ей нравится, а вот на танцах, по-моему, не очень.

– Понравится со временем. А когда начнет участвовать в конкурсах, увлечется.

Интересно, кто, по мнению Вивиан, будет возить нашу дочь на конкурсы? Спрашивать об этом я поостерегся.

– Тебе удалось сходить на тренировку?

– Да, в обеденное время, – ответила она. – Хорошо позанималась, кстати. Остаток дня чувствовала себя отлично.

– Молодец. А вообще как прошел день?

– Не так, как прошлая неделя, это уж точно. В офисе сегодня обстановка была гораздо спокойнее. В первые минуты мне даже показалось, что мне хватит времени устроиться за своим столом и перевести дух.

Я улыбнулся.

– А у меня день выдался интересным.

– Да?

– Тебе знакомо имя Джоуи Тальери?

Она нахмурилась.

– Кажется, юрист?

- Он самый.
- Я видела его рекламу. Ее гоняют по утрам.
- И как она тебе?
- Кто?
- Его реклама.
- Да я ее толком и не запомнила. А что?
- Я рассказал ей, как мы познакомились и о чем я думал потом.
- Ты уверен, что хочешь этим заниматься? – скептически спросила она.
- Что ты имеешь в виду?
- А тебе не кажется, что это примитивно? Все эти рекламы для адвокатов? Ведь Питерс перестал работать с такими клиентами, потому что предыдущие были недовольны.
- Да, но других клиентов у меня пока нет, так что некому проявлять недовольство. Я просто хочу начать хоть с чего-нибудь, понимаешь? А он явно тратит большие деньги на рекламу.
- Она кивнула и сделала глоток вина.
- Ну, хорошо. Если ты считаешь, что так будет лучше.
- Восторженным и бурным этот отклик не назовешь, но настроение Вивиан было явно лучше, чем в последнее время. Я прокашлялся.
- Ты еще не нашла дневную группу для Лондон?
- Когда бы я успела?
- Хочешь, я начну собирать рекомендации?
- Не надо, – недовольно отказалась она. – Я сама. Но...
- Что «но»?
- А стоит ли нам вообще записывать ее в группу? Ведь тогда ей придется бросить и пианино, и теннис, и студию, а тебе же пока удастся с этим справляться.
- В дневной группе тоже проводят занятия.
- По-моему, с группой лучше повременить. Все равно через несколько недель начинается школа.
- Не через несколько недель, – я быстро произвел подсчеты, – а только через *пять*.
- Речь о нашей дочери. О том, что лучше для нее. Как только начнутся занятия в школе, времени у тебя будет с избытком, чтобы сосредоточиться на своем бизнесе. Если у тебя встреча, отвози Лондон к своей маме.
- Мама не может каждый день сидеть с Лондон. Она сказала, что у нее есть и другие дела.
- Так и сказала? Почему же ты мне не сообщил?

«Потому что ты практически игнорировала меня всю неделю и даже не подумала спросить о моей работе».

– Моя мама тут ни при чем, Вивиан. Я пытаюсь обсудить с тобой вопрос о дневной группе.

– Слышу. Мне все ясно. Ты считаешь, что оставить нашу дочь среди незнакомых людей – это нормально, лишь бы у тебя никто не путался под ногами.

– Я этого не сказал.

– Это и без слов ясно. Все сводится к одному. Ты эгоист.

– Неправда.

– Эгоист. Она ведь наша дочь. Ей трудно, она страдает.

– Всего один раз, – возразил я. – Устроила истерику потому, что ты уехала.

– Нет, она расстроилась потому, что весь ее мир изменился, а теперь ты хочешь сделать так, чтобы ей было еще тяжелее. Не понимаю, почему ты считаешь, что спихнуть ее в группу – удачная мысль. Неужели тебе не нравится, когда вы вместе?

Я стиснул челюсти и сделал медленный выдох, надеясь, что мой голос прозвучит ровно:

– Нравится, конечно. Но ты говорила, мне придется сидеть с ней неделю, самое большее две.

– А еще я говорила, что хочу для нашей дочери только самого лучшего! Сначала у меня не было времени найти для нее подходящую группу, и к тому времени, как я найду ее и запишу Лондон, уже начнутся занятия в школе! Так какой в этом смысл?

– Ей все равно придется где-то оставаться после уроков, – напомнил я.

– Я поговорю об этом с Лондон, хорошо?

– Поговоришь с Лондон о дневной группе?

– Ну ты же, по всей видимости, этого не сделал. Понятия не имею, как она к этому отнесется.

– Ей пять лет, – сказал я. – Она еще слишком мала, чтобы иметь свое мнение насчет дневной группы.

– Мама, я есть хочу.

Обернувшись, я увидел в дверях кухни Лондон. Вивиан бросила на меня гневный взгляд, и я понял, что оба мы думаем об одном и том же: что она успела услышать.

– А, зайка! – тон Вивиан мгновенно изменился. – Ужин будет готов через несколько минут. Хочешь помочь мне накрыть на стол?

– Ладно, – согласилась Лондон, и Вивиан направилась к кухонному

шкафу. Они с Лондон накрыли на стол, я принес еду.

Попробовав ужин, Лондон улыбнулась мне.

– Очень вкусно, папа.

– Спасибо, детка. – На душе у меня немного потеплело.

Наш с Вивиан брак висел на волоске, мой бизнес не давал никаких результатов, но, как мне казалось, я хотя бы научился готовить.

Но легче от этого мне не стало.

Глава 10

Все дальше и дальше

В детстве лучшим временем года я считал лето. Мои родители верили в то, что детей надо растить в условиях свободы и невмешательства, поэтому обычно я убегал из дома еще до десяти часов утра и возвращался лишь к ужину. Мобильников тогда еще не существовало, держать меня под контролем было невозможно, а когда мама звонила соседке и спрашивала, не у них ли я в гостях, та отвечала, что не имеет понятия не только о том, где нахожусь я, но и где ее собственный ребенок. В таких случаях действовало лишь одно правило: я должен был вернуться домой к половине шестого, поскольку мои родители считали, что вся семья должна ужинать вместе.

Не могу припомнить точно, как я проводил время. Воспоминания сохранились у меня в виде моментальных снимков: я строю крепости, я играю в царя горы на самой верхотуре в веревочном парке, бегу за мячом, пытаюсь забить гол. Еще помню, как я играл в лесу. В то время наш район не был так застроен, и мы с друзьями часто играли в захват флага, обстреливая друг друга комьями земли, а когда у нас появились пневматические ружья – часами стреляли по консервным банкам и порой друг в друга. Я подолгу катался на велосипеде и, бывало, на протяжении нескольких недель просыпался по утрам, совершенно не представляя, чем будет занят мой день.

Конечно, далеко не все дети в округе вели такую беззаботную жизнь. Некоторые ездили в лагеря, в том числе спортивные, но в то время таких было мало. А сейчас дети заняты с утра до вечера, и Лондон не исключение.

Но как это случилось? И почему? Что вызвало изменение взглядов у родителей моего поколения? Давление со стороны сверстников? Стремление выделиться благодаря успехам ребенка? Забота о хорошем резюме для поступления? Или просто боязнь, что, если позволить детям познавать мир самостоятельно, ничего хорошего из этого не выйдет?

Не знаю.

Но, по-моему, в ходе этих изменений кое-что было утрачено: простая радость беззаботного утреннего пробуждения.

– Что за проблема с рекламными роликами? – повторил Джоуи Тальери мой вопрос, обращенный к нему.

Было утро вторника, второй урок тенниса. Вивиан так и не простила меня, поэтому уехала утром, не сказав ни слова.

– Проблема в том, что они скучные, – ответил он. – В них нет ничего, кроме того, что я произношу текст на камеру в захламленном кабинете. От этих роликов в сон тянет, черт возьми, а обошлись они мне в целое состояние.

– Что бы вы хотели изменить?

– Когда я был мальчишкой, наша семья несколько лет жила в Южной Калифорнии, пока отец служил в морской пехоте. Кстати, тамошние места он терпеть не мог. И моя мать тоже. Как только он вышел в отставку, родители переехали обратно в Нью-Джерси. Они оба оттуда родом. А вы бывали в Нью-Джерси?

– Кажется, улетал из Ньюарка несколько раз.

– Это не в счет. И не верьте всей этой чепухе, которую показывают по телику: Джерси – отличное место. Там бы я и растил дочь, если бы мог, но ее мать живет здесь, и хоть она бессердечная мегера, мать она хорошая. Но я начал о Южной Калифорнии: был там один автомобильный дилер по имени Кэл Уортингтон. Слышали о таком?

– Не припоминаю.

– У старика Кэла Уортингтона была лучшая телереклама всех времен. В каждом ролике участвовал он сам и его «верный пес Спот» – вот только этот Спот был кем угодно, но не собакой: он мог быть и обезьяной, и львом, и слоном. Однажды он был даже касаткой. И музыкальная заставка у него была энергичная, запоминающаяся, с припевом: «Зайди к Кэлу, зайди к Кэлу, зайди к Кэлу». Черт, в восемь лет мне было плевать на машины, но все равно хотелось зайти к нему – просто чтобы увидеть этого чувака и кого-нибудь из этих редких зверей. Вот *такую* рекламу я хочу.

– Вам нужны слоны в рекламном ролике? И касатки?

– Разумеется, нет. Но я хочу, чтобы он запомнился людям, чтобы заставил бедолагу с травмой выпрямиться в кресле и сказать себе: «Мне надо повидаться с *этим* парнем. Хочу, чтобы он представлял меня в суде».

– Проблема в том, что рекламу юридических услуг регулирует адвокатская коллегия...

– Думаете, я этого не знаю? А еще то, что в Северной Каролине действует правило о «свободе рекламного слова». Если вы работаете в сфере рекламы, то должны об этом знать.

– Знаю, – кивнул я. – Но есть разница между тем, какое впечатление

производишь – профессионального и компетентного адвоката, которому можно доверять, или недоучки, который навязывает свои услуги пострадавшим.

– Именно это я и сказал кретином, которые делали мне рекламные ролики. И все равно они сделали нечто под девизом «*давай-ка усыпим зрителей*». Вы видели это?

– Видел, конечно. Но ролик, в сущности, не так уж плох.

– Да? Ну и как позвонить в офис?

– Что, простите?

– Номер телефона в моем офисе. Его весь ролик показывают на экране. Если эта реклама такая замечательная, назовите номер?

– Не помню...

– То-то и оно! В этом вся проблема.

– Но зрители наверняка запоминают вашу фамилию.

– Ага, и в этом заключается другая проблема. «Тальери» звучит не так, как большинство южных фамилий, многих это отпугивает.

– Но с этим точно ничего не поделаешь.

– Не поймите меня превратно: я горжусь тем, что ношу эту фамилию. Просто рассказываю о проблемах с рекламой, с которыми столкнулся.

– Понял. А как вы смотрите на другие виды рекламы? Щиты, сайты, рекламу в Интернете и на радио?

– Не знаю, – ответил он, – я об этом не задумывался. На все сразу у меня денег не хватит.

– Ясно. – Я сообразил, что расспросы принесут больше вреда, чем пользы. Лондон на корте пыталась играть с другой девочкой, но чаще гонялась за упущенным мячом, чем била по нему ракеткой.

– Чем занимается ваша жена? – помолчав, спросил Джоуи.

– Пиаром. Только что приступила к работе в компании одного из местных крупных застройщиков.

– Ни одна из моих жен не работала. Но я-то вкалывал как каторжный. Противоположности притягиваются. Я уже говорил, что обязательно надо заключать брачный контракт?

– Да.

– Чтобы избежать финансовых проблем, которые так любит устраивать прекрасный пол.

– Звучит так, будто все это вам осточертело.

– Наоборот. Женщин я люблю.

– Собираетесь когда-нибудь снова жениться?

– Само собой. Я свято верю в брак.

- Правда?
 - Ну, как вам объяснить? Я романтик.
 - И что же?
 - А влюбляюсь в фурий, вот и все.
- Я засмеялся.
- Хорошо, что у меня нет таких проблем.
 - Уверены? Она ведь женщина.
 - И что?
- Мне показалось, что Джоуи пытается раскусить меня.
- Знаете, – наконец сказал он, – если вы счастливы, я рад за вас.

В среду вечером Лондон, как и следовало ожидать, вышла с хореографии хмурая и молча села в машину.

- Раз уж мама сегодня в отъезде, может, закажем на ужин пиццу?
 - Пиццу есть вредно.
 - Иногда можно. Когда ты в последний раз ела пиццу?
- Она задумалась.
- Не помню. А когда мама приедет?
 - Завтра она уже будет дома, милая.
 - Можно я ей позвоню?
 - Вдруг она занята... Я отправлю ей сообщение, хорошо?
 - Хорошо, – согласилась она. На заднем сиденье она казалась меньше, чем была на самом деле.
 - Поедем куда-нибудь поесть пиццы, только вдвоем, ты и я? А потом – за мороженым?

Она не согласилась, но и не отказалась, и мы заехали в пиццерию, где готовили приличную пиццу на тонком тесте. Пока мы ждали заказ, по видеосвязи позвонила Вивин, после чего настроение Лондон заметно улучшилось. По пути к «Дейри Куин» она уже весело болтала, а потом, когда мы ехали домой, без умолку рассказывала о своем друге Бодхи, о его собаке по кличке Пудинг и о том, что он пригласил ее к себе в гости, чтобы показать свой световой меч.

Первой моей мыслью было то, что дочь еще слишком мала, чтобы разглядывать световые мечи, чьими бы они ни были, но сразу же за ней явилась другая: это же тот самый поход в гости, который предлагала организовать Мардж, а «световой меч» – никакая не метафора, а игрушечное оружие, как в «Звездных войнах».

Очутившись дома, Лондон побежала наверх, проведать Мистера и Миссис Крапинку, и хотя я надеялся, что она пробудет с ними какое-то

время, не прошло и нескольких минут, как она вернулась в гостиную.

– Папа!

– Что, детка?

– Можно мне опять покататься на велосипеде?

Я жутко устал и хотел только одного: расслабиться на диване.

– Конечно, можно, – сказал я и, когда уже встал, вдруг вспомнил, что Вивиан накануне вечером хотела посмотреть, как Лондон ездит на велосипеде, но, должно быть, забыла.

Ведь так?

Лондон проехала три круга самостоятельно. Не слишком уверенно, но все-таки сохраняя равновесие, и даже на поворотах я помогал ей гораздо меньше, чем в предыдущий раз. А на прямых участках я почти не прикасался к велосипеду. Она ехала все быстрее, и к концу нашей тренировки я задыхался и обливался потом в насквозь промокнутой рубашке.

– Может, ты искупаешься наверху, а я приму душ внизу? – предложил я, не зная, чего ожидать и со страхом вспоминая истерику во время предыдущей поездки Вивиан.

Сегодня Лондон только кивнула:

– Хорошо, папочка.

Я помылся, а когда вернулся в детскую, Лондон уже сидела на постели, одетая в пижаму, а расческа и флакон со спреем для волос лежали рядом. Я расчесал Лондон и сел в кровати, прислонившись к изголовью.

Прочитав Лондон «Пару за парой» и еще несколько книжек, поцеловал ее, пожелал спокойной ночи и уже собирался погасить свет, как вдруг снова услышал ее голос.

– Папа!

– Что?

– Что такое дневная группа? Я слышала, вы с мамой о ней говорили.

– Дневная группа – это место, куда ходят дети, когда их мамы и папы работают. Она нужна для того, чтобы взрослые не боялись за детей и знали, что с ними ничего не случится.

– Это как дом?

– Почти. В некоторых случаях – несколько комнат в доме. Там есть игрушки и всякие занятия, многим детям очень нравится там, потому что в группах всегда весело.

– А мне нравится с тобой и с мамой.

– Я знаю. Нам тоже нравится быть с тобой.

– А маме нет. Ей больше не нравится.

– Нет, нравится. Она очень любит тебя. Просто ей надо работать.
– А почему ей надо работать?
– Потому что нам нужны деньги на жизнь. Без денег не купишь ни еду, ни одежду, ни игрушки, и даже Мистера и Миссис Крапинку не купишь.
Она, кажется, задумалась.
– А если я отдам хомяков обратно в зоомагазин, мама сможет перестать работать?
– Нет, детка. Так не получится. – Я помолчал. – У тебя все хорошо, милая? Ты что-то загрустила.
– Мама опять уехала. Не люблю, когда она уезжает.
– Знаю, что не любишь, и она тоже хотела бы остаться здесь, с тобой.
– А когда ты работал, ты всегда приходил домой вечером.
– У нас с мамой разная работа. Иногда ей приходится бывать в других городах.
– Мне не нравится.
Мне тоже, мысленно согласился я. Но тут уж ничего не поделаешь.
Решив сменить тему, я обнял Лондон.
– Ты сегодня так здорово каталась на велосипеде!
– Я ездилась супербыстро!
– Да, быстро.
– Ты за мной едва успевал.
– Папе надо почаще заниматься спортом. Но я рад, что тебе понравилось.
– Ездить быстро – это весело.
– Веселее, чем... на уроках музыки? – спросил я и пощекотал ее.
Она захихикала.
– Да!
– Веселее, чем... на теннисе?
– Да!
– Веселее, чем... на рисовании?
– Да. – Она смеялась. – Но с Бодхи веселее.
– Ну, с Бодхи! Велосипед НАМНООООГО веселее Бодхи.
– Неправда! Бодхи НАМНООООГО веселее!
– Нет-нет-нет.
– Да-да-да. – Она заливалась смехом. – И я хочу к нему в гости!
К тому моменту смеялся и я.
– Нет уж, – заявил я. – Я считаю, что ты должна вырасти, чтобы ходить в гости к БОДХИ.
– Нет! Я уже БОЛЬШАЯ!

- Ну, не знаю...
 - Да, да, да! Я уже большая, мне можно в гости к Бодхи!
 - Ладно, – уступил я. – Спрошу, что думает об этом мама.
- Она просияла и обняла меня за шею обеими руками.
- Я люблю тебя, папочка.
 - И я тебя люблю, малышка моя.
 - Я не малышка!
- Я крепко прижал ее к себе.
- Для меня ты всегда будешь малышкой.

Я выключил свет в детской и, думая о том, что за Лондон, едущей на велосипеде, мне уже не угнаться, спустился в гараж и вывел из него мой велосипед. Я не катался уже несколько лет. Я вымыл, почистил и смазал его, побрызгал антикоррозионным спреем в звездочки, подкачал шины и устроил себе тест-драйв.

Неплохо. Вернувшись домой, я расположился с компьютером на кухонном столе. В «Ютубе» я просмотрел с десятков рекламных роликов Кэла Уортингтона и пришел к выводу, что Тальери прав: музыкальная заставка и вправду была удачной, старина Кэл появлялся вместе со своим песиком Спотом, который оказывался каким-нибудь экзотическим животным. Все видео оказались запоминающимися, но неизменно навязывали товар. Не удивительно, что Тальери в детстве хотелось познакомиться с этим автомобильным дилером! Но, на мой взгляд, таких уловок было бы недостаточно, чтобы привлечь клиентов в юридическую компанию.

Я снова пересмотрел ролики компании Тальери. Потом записал в блокнот номер телефона и стал сверять цифры и буквы, пытаясь дополнить его парой слов, чтобы сделать его более запоминающимся. Навскидку ничего придумать не удалось. Сначала я подумывал просто произнести его фамилию по буквам, но букв было восемь^[6], а цифр семь, так что ничего не вышло бы, даже если зрители без труда запомнили, как пишется «Тальери», в чем я сомневался. Можно было попытаться придумать что-нибудь вроде «В-Ы-И-Г-Р-А-Й», «В-А-Ш-Ш-А-Н-С» или даже «Б-У-Л-Ь-Д-О-Г», но это было не совсем то. Я надеялся, что в голову придет идея получше.

В том, что бизнес Тальери только выиграет, если использовать другие виды рекламы, я не сомневался, но все-таки сосредоточился на телевизионных роликах: этот язык был ему понятен. Как же усовершенствовать их, сделать не такими, как все, и тем самым убедить сменить рекламного агента? Следующие пару часов я записывал все идеи,

какие только приходили мне в голову, и наконец картина начала вырисовываться: долой кабинет со стеллажами и деловой костюм – покажем Тальери на открытом воздухе возле здания суда, оденем его в свитер, пусть выглядит просто, по-соседски, как человек, действительно способный проявить сочувствие. Сценарий тот же, но менее... официальный и более непринужденный по настроению и атмосфере.

Мы определенно двигались в нужном направлении, но я все равно сомневался, что дотянем до уровня Кэла Уоррингтона. Может, всему виной моя усталость. Продолжая играть со слоганами, идеями и образами, я замечал, как мысли становятся абсурдными. Хочешь навязать свои услуги? А как насчет переодеться в супергероя и с треском вышибать двери, чтобы разделаться со злодеями – руководством страховых компаний? Или, может, задрапировать тебя в американский флаг с белоголовыми орланами – гарантия надежности? Или заставить демонстрировать свою крутизну – например, разбивать, как каратист, доски, показывая, что ради победы ты готов на все?

С креативностью и оригинальностью дело обстояло неплохо, но получившим травму людям не нужен балаган. Что им нужно, так это опыт, упорство и надежность. И меня вдруг осенила мысль: вместо того, чтобы пытаться втиснуть все это в единственный ролик, стоит развить эти идеи по одной в целом цикле рекламных материалов...

Подход казался мне правильным, сердце часто забилося... Интересно, понравится ли Тальери подобная идея. Смогу ли я завладеть его вниманием на то время, которое мне понадобится, чтобы изложить суть хотя бы двух-трех роликов? Первый будет напоминать уже имеющийся, а второй и третий?

Они должны быть другими: первый – коротким, а второй – создавать ощущение особой значимости, рекламы, которую можно увидеть лишь изредка, самостоятельной законченной истории...

Я чувствовал, как поворачиваются в мозгу шестеренки, выдавая идею, и следующие часа два продолжал развивать ее.

Идея третьего ролика – короткого, с юмором, сосредоточенного на единственной теме, – пришла в голову в тот момент, когда я выключил компьютер. И, как по волшебству, через несколько минут родилась еще одна креативная идея.

Гордясь собой, я погасил свет лишь час спустя и хотя уснул не сразу, спалось мне лучше, чем предыдущие несколько недель.

– Говорите, вам надо обкатать идею, а меня вы выбрали в подопытные

кролики?

Было утро четверга, сегодня Джоуи оделся в шорты и футболку, как и я.

– Ну, я бы выразился иначе.

– Вы в курсе, что у меня и без того дел по горло, да? И я понятия не имею, справлюсь ли с этим.

Об этой причине для отказа я не подумал заранее и теперь не знал, что предпринять. Должно быть, он понял это по выражению моего лица, потому что вдруг рассмеялся.

– Да шучу я! Мне приходится принимать всех и каждого, кого только удастся заманить в офис, чтобы отыскать среди них кур, несущих золотые яйца. У меня три партнера и три ассистента, а значит, денег требуется прорва. Сфера, на которой я специализируюсь, в наше время выходит на массовый рынок, хотя и приходится отсеивать всех чокнутых ради стопроцентного выигрыша. Мне просто необходимо, чтобы люди звонили и приходили ко мне в офис.

– Вот об этом я и говорю. Я мог бы помочь.

– И много времени вам понадобится на подготовку?

– У меня уже есть кое-какие идеи, – признался я. – Так что не много.

Он окинул меня взглядом.

– Ну ладно. В понедельник днем. В час. В остальные дни я буду в суде, и на следующей неделе тоже.

Мне показалось, что ждать невообразимо долго, хотя знал, что в ближайшие три дня буду сильно занят.

– В час, – кивнул я.

– Только имейте в виду...

– Что?

– Не вздумайте впустую тратить мое время. Терпеть этого не могу.

Тем же днем я приступил к работе. Презентация должна быть как можно более информативной и вместе с тем содержать больше конкретных деталей, чем все сделанные на прошлой неделе. Я собирался представить план масштабной кампании в различных СМИ, но начал с рекламных роликов, которые вызывали наибольший интерес Тальери. Первым делом я занялся сценарием, и когда набросал первый вариант, приступил к копированию и нарезке общего видеоряда, позаимствованного из Интернета, чтобы Тальери смог понять, какими я вижу будущие ролики. Пока я работал, Лондон мирно играла с Барби.

Вивиан явилась в шестом часу. Я коротко отчитался о том, как прошел

мой день, она побыла с Лондон, потом приготовила ужин. Только когда я уложил Лондон спать, мы с Вивиан наконец смогли уделить время друг другу. Я застал ее сидящей на диване и листающей журнал. Рядом на столике – почти пустой бокал.

– Быстро уснула?

– Да, она устала. Сегодня пары книжек хватило.

– Как твоя работа?

– Продвигается с трудом, но я справлюсь.

– Ты привел в порядок свой велосипед...

– Хочу покататься вместе с Лондон.

– Она говорила, что вы опять катались.

– Каталась она, а я бегал за ней и едва отдышался. Потому и занялся своим велосипедом. У нее уже неплохо получается. Бегом мне за ней не угнаться.

– Энергии у нее хоть отбавляй.

– Да уж.

Она перевернула страницу.

– Мне удалось обзвонить несколько дневных групп, пока я была в отъезде.

– Правда? – Я удивился, вздохнул с облегчением и вместе с тем ощутил себя виноватым. Наш предыдущий разговор на эту тему прошел на повышенных тонах, поэтому я нисколько не сомневался: звонить она не станет. – Когда же ты успела?

– Пока Уолтер встречался с сенатором Терменом. Но это были просто предварительные звонки. Я не назначала никаких встреч, потому что не знала, каким будет мой график поездок на следующей неделе.

– Значит, и на следующей неделе уезжаешь?

– Видимо, да. Только пока не знаю, когда и насколько.

– А когда это будет известно?

– Надеюсь, что уже завтра. Я сообщу тебе сразу же, как узнаю.

Я не понимал, как Спаннермен может держать своих подчиненных в неведении до последнего момента, но опыт общения с ним подсказывал, что его это абсолютно не волнует.

– И что тебе сказали в дневных группах?

– Разговоры получились короткими. Я только спросила, какие занятия проводятся в группе, сколько детей ее посещает и прочее.

– Ну и как, комфортно было общаться с ними?

– Вроде бы да. Люди, с которыми я разговаривала, показались мне ответственными. Но они уверяли, что нужно обязательно приехать на место

и все посмотреть.

– Логично, – кивнул я. – Кстати, как прошла твоя поездка?

– Продуктивно. Помимо сенатора, Спаннермен встречался с двумя представителями и нашим лоббистом. А теперь, когда у общественного канала прибавилось средств, нам гораздо проще поддерживать связь с новыми людьми.

– Неудивительно.

Она пожала плечами.

– Значит, вчера вы ужинали пиццей? И мороженым?

– Я подумал, Лондон обрадуется. Вчера после танцев она была не в духе.

– Когда она начнет участвовать в конкурсах, ей понравится. Как мне когда-то.

– Ты занималась танцами?

– Я же тебе говорила.

Хоть убей, не помню.

– И долго ты танцевала?

Она продолжала листать журнал.

– Не знаю, года два или три... Какая разница?

– Никакой. Просто так спросил.

– Моя преподавательница и в подметки не годилась той, у которой занимается Лондон. А жаль. Может, тогда я прозанималась бы гораздо дольше. – Она потянулась за своим бокалом. – Ты не нальешь мне еще полбокала? Я вымоталась и хочу сегодня отоспаться. Тем более что я обещала наверстать наш упущенный вечер свидания.

– Ага, – согласился я, обрадовавшись. – Конечно.

Я встал с дивана и направился в кухню за вином. К тому времени, как я вернулся, Вивиан включила какое-то реалити-шоу, и хотя мы просидели перед телевизором еще час, все это время она молча листала журнал, словно меня и не было рядом.

В пятницу утром, едва проснувшись, я вспомнил о презентации. С постели я встал уже через несколько минут и, как накануне днем, работал за кухонным столом, пока не пришло время собираться в изостудию. Пока Лондон занималась, я расположился в соседней кофейне, увлекся и потерял счет времени. И опомнился лишь тогда, когда урок был уже окончен.

Ох!

Наскоро собравшись, я бросился к студии и с облегчением увидел, что Лондон и Бодхи по-прежнему сидят в углу, и уже собирался окликнуть

дочь, когда заметил, что на меня с улыбкой смотрит Эмили.

– Привет, Расс.

– А, привет, Эмили. Вы все еще здесь?

Она явно никуда не спешила.

– Я несколько минут назад видела тебя в кофейне, и ты был весь в работе. К концу занятия ты не появился, вот я и подумала, что подожду тебя здесь и заодно присмотрю за Лондон.

– Ну зачем же? Не нужно было...

– Мне нетрудно. Можешь поверить, мой сын только рад, что ты задержался.

– А где он?

– Мой сын? – Она кивнула в сторону Лондон. – Болтает с твоей дочерью.

Я и раньше замечал сходство между ними, а теперь отчетливо увидел его.

– Бодхи – твой сын?

– Мир тесен, да? – Мы наблюдали за детьми, она продолжала: – Какие они милые в этом возрасте, правда? Такие... чистые и невинные, понимаешь?

– Я как раз думал о том же.

– Хомячков сегодня не привезли?

– А должны были?

Она рассмеялась.

– Ну, этого я не знаю. Но Бодхи ужасно нравятся Мистер и Миссис Крапинка. С тех пор, как Лондон однажды привезла их, он постоянно спрашивает, нельзя ли и нам завести хомячков.

– Сочувствую. Не знаю, легче ли тебе станет от этого, но Лондон мечтает поиграть с Пудингом. И увидеть световой меч Бодхи.

– Ой, только не надо про световой меч! Бодхи таскает его с собой повсюду. Даже расплакался, когда я в прошлые выходные не разрешила взять меч с собой в церковь. А как продвигается твоя работа?

– Неплохо, надеюсь закончить за выходные. А твои картины?

– Нелегко снова входить в рабочий ритм. Сложные выдались последние два года.

– Неудивительно, – согласился я. – А я все никак не соберусь в галерею, посмотреть твои работы.

– Я и не рассчитывала на это. С работой и Лондон у тебя наверняка весь день занят. У нее такое плотное расписание: танцы, пианино, студия, теперь вот еще теннис. Ну, что еще я могу сказать? Бодхи только о Лондон

и говорит. И зовет ее в гости.

– И Лондон просится, но, честно говоря, я понятия не имею, как устраивать такие встречи.

Я почувствовал, что она воодушевилась.

– Ничего сложного, Расс, – заверила она. – Мы все обсудим. Например, ваш график. У вас найдется время в понедельник днем? Лондон сможет приехать к нам?

Едва она заговорила об этом, я сразу понял: вот он, шанс. Но...

Я не ответил.

– Или есть другие планы?

– Нет, – отозвался я, – не в этом дело. Вообще-то у меня назначена презентация на час дня.

– Замечательно. Я заберу ее отсюда, привезу к нам, покормлю обедом, а потом они поиграют, пока ты не приедешь за ней.

– Я тебя как будто в няньки нанимаю.

– Это называется удачным совпадением. Значит, договорились?

– А ты уверена? Выглядит так, будто я тебя использую.

Она засмеялась.

– Ты совсем не изменился.

– Ты о чем?

– Все так же беспокоишься о том, чему не стоит придавать значения. Думаешь, если бы у меня были дела, я постеснялась бы подкинуть Бодхи кому-нибудь?

– Спасибо, – сказал я. – Ты меня очень выручишь.

– Очень рада тебе помочь, а Бодхи будет просто счастлив. И конечно, все выходные он будет перевозбужден, а мне придется как-то с ним справляться. Кстати, вот и они, легки на помине.

Я увидел, что дети вприпрыжку бегут к нам.

– Мам! – крикнул Бодхи. – Можно, мы поедем обедать в «Курфиле»?

– Конечно, – кивнула Эмили.

Лондон задергала меня за рукав.

– Папа, а нам тоже можно?

– Хочешь в «Курфиле»?

– Ну пожа-алуйста! – протянула она.

Я заметил, что Эмили тоже ждет ответа, но не понял, какому именно она обрадуется больше.

– Ладно, – ответил я. – Поедем.

В «Курфиле» было многолюдно. Лондон и Бодхи убежали в игровую

зону, а мы с Эмили стояли в очереди и разговаривали. Забрав наш заказ, мы позвали детей, и они сначала набросились на еду, а потом снова помчались играть.

– Мне нравится бывать здесь – помогает Бодхи выплескивать избыток энергии. С тех пор, как ушел его отец, он порой становится неугомонным. С ним они видятся редко, Бодхи тяжело переживает разлуку.

– Сочувствую, – заметил я.

– Так получилось. От меня уже ничего не зависит.

– А может, убедить твоего бывшего уделять больше времени сыну?

– Вряд ли это возможно. В прошлом апреле он вернулся в Австралию. Да, через неделю он приедет и пробудет в городе до конца сентября. Какой-то большой проект, или что-то в этом роде, и он предупредил, что намерен видаться с Бодхи как можно чаще. Это замечательно, но у Бодхи собьется весь распорядок, и я понятия не имею, как потом восстанавливать его. Не знаю, как сын переживет новый отъезд отца. – Она покачала головой. – Извини. Я поклялась себе, что ни в коем случае не превращусь в женщину, которая только и говорит, что о своем бывшем.

– Порой молчать бывает нелегко, особенно если речь идет о детях.

– Да, ты прав, но все равно пахнет занудством. Даже мне противно саму себя слушать. – Она сложила руки на столе. – Может, расскажешь, над чем именно ты сейчас работаешь? Когда я увидела тебя сегодня, ты был поглощен своим занятием.

– Это презентация для перспективного клиента. Он адвокат, сделка с ним для меня очень важна. Мой бизнес развивается не так успешно, как я рассчитывал.

– Вот увидишь, твои идеи ему понравятся.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что у тебя есть и ум, и фантазия. Ты всегда был таким.

– А я всегда думал, что фантазия есть у тебя.

– Вот поэтому мы с тобой и ладили так хорошо. – Она пожала плечами. – Пока не расстались.

– А как дела с живописью?

– Ты имеешь в виду – как с профессией? Или как я начала этим заниматься?

– И то, и другое. Я знал, что ты страстно увлечена живописью, но ты, кажется, говорила, что получишь диплом и будешь преподавать.

– Мне просто повезло. После того как мы с тобой расстались, я ничем, кроме рисования, заниматься не могла. Всю обиду и злость, меня переполнявшие, ухитрялась выплеснуть на холст. А потом убирала

очередную картину в гараж к родителям и понятия не имела, что с ними делать. Не знала даже, имеют ли мои работы хоть какую-нибудь ценность. А немного погодя познакомилась с Дэвидом. Жизнь наладилась. Однажды я услышала про фестиваль искусств в Гринсборо, арендовала там палатку и не успела развесить картины, как познакомилась с хозяином одной галереи. Он посмотрел все, что я привезла, и сразу же предложил выставить некоторые из моих работ. Не прошло и месяца, как их раскупили.

– Потрясающе! – воскликнул я.

– Говорю же, мне повезло.

– Это не просто везение. Меня теперь мучает совесть.

– Почему?

– Потому что это я причинил тебе столько боли. Я до сих пор ни о чем не жалею больше, чем о том, как обошелся с тобой. Это я во всем виноват.

– Ты же извинился давным-давно, – напомнила она.

– Помню. И тем не менее.

– Вина – напрасное чувство, Расс. Так, кстати, считает моя мама. И потом, я тоже могла иначе справиться с ситуацией.

– Ты справилась прекрасно.

– Ну, если ты так считаешь... А я знаю только, что без этого опыта моя карьера развивалась бы иначе. И в браке я продержалась бы не так долго. Короче говоря, мне давно пора научиться прощать.

– У Дэвида был роман на стороне?

– И не один.

– Почему же ты не уходила?

Она кивнула в сторону Бодхи.

– Из-за него. Дэвид был никудышным мужем, но Бодхи все равно считал его примером. И наверняка до сих пор считает. – Она помолчала, покачав головой. – Ну вот, опять я о своем бывшем.

– Все в порядке.

Некоторое время она сидела молча.

– Знаешь, что оказалось самым трудным в разводе? Я даже не представляю, что означает быть незамужней и независимой взрослой женщиной. От тебя я, в сущности, ушла к Дэвиду, а теперь я опять одна и понятия не имею, как быть. Я разрываюсь между работой и Бодхи, мне некогда болтаться по барам и тусовкам. И откровенно говоря, такие развлечения мне никогда не нравились. Просто... – Она выглядела печальной, пока подыскивала верные слова. – Не такой я представляла себе жизнь. Я чувствую себя так, будто в мое тело вселился кто-то чужой.

– Представить себе не могу, что значит быть одиноким.

– Лично мне это не по душе. Но можешь мне поверить, иногда альтернатива еще страшнее.

Я кивнул, не зная, что сказать. После паузы она вздохнула и произнесла:

– Хорошо, что у меня есть возможность работать дома. Иначе Бодхи пришлось бы еще тяжелее.

– На мой взгляд, он счастливый ребенок.

– Большую часть времени – да, так и есть. Но порой он ведет себя иначе.

– Наверное, как все дети. Даже Лондон порой закатывает истерики.

– Да?

Я рассказал ей о том, что случилось на прошлых выходных. На лице Эмили отразилась недоумение.

– Погоди, так, значит, Вивиан не повезла Лондон собирать голубику на ферме, когда вернулась домой? – спросила она.

– Сказала, что слишком жарко, поэтому вместо фермы они съездили в торговый центр. Лондон вроде бы не возражала. По-моему, она просто радовалась тому, что мама дома, с ней. Ей до сих пор трудно привыкнуть к мысли, что Вивиан работает, а я сижу дома.

– Насколько я могу судить, ты отлично справляешься с ролью отца.

– А вот я не уверен. Мне всегда кажется, будто я халтурю.

– Мне тоже. Это нормально.

– Правда?

– Конечно. Я люблю Бодхи, но это не значит, что я с радостью просыпаюсь рано, когда надо везти его к дантисту, или помогать ему убирать в комнате, или носиться с ним туда-сюда. И это нормально. Обычные родительские заботы.

– А мне все равно кажется, что я мало для нее делаю. Вчера и сегодня утром я работал, Лондон была практически предоставлена самой себе. То есть я, конечно, был рядом и присматривал за ней, но не уделял достаточно внимания.

– Не суди себя так строго. Я нисколько не сомневаюсь, что все в порядке. А ты скоро научишься находить баланс между работой и отцовством. Как сегодня: ты же успешно организовал свою первую вылазку в гости!

Да уж.

– Спасибо. Постараюсь забрать ее от вас сразу же, как только освобожусь.

– Вот и замечательно. Только ты кое-что забыл.

– Что забыл?

– Тебе ведь понадобится мой адрес. И мой номер телефона. – Она взяла свой мобильный. – Дай мне свой номер, и я пришлю тебе адрес.

Я назвал номер. К столику подбежали дети.

– Привет, мам, мы наигрались! – объявил Бодхи.

– Весело было?

– Мы забрались на самый верх!

– Я видела. Вы отлично лазаете. А знаешь, что? В понедельник Лондон приедет к нам знакомиться с Пудингом.

Детские лица озарились улыбками.

– Правда? Спасибо, мама! А можно, она привезет Мистера и Миссис Крапинку?

Эмили посмотрела на меня, я вскинул руки.

– Тебе решать. Переноска у нас есть.

– А почему бы и нет? – рассудила Эмили. – Пудинг тоже обрадуется.

Я рассмеялся, мы попрощались, и, когда уже шли к машине, меня вдруг посетила досадная мысль: я уже давно не встречался за обедом с Вивиан и только что пообедал с Эмили, а разговор за столом был очень приятным.

Но я, пожалуй, опять придал слишком много значения тому, чему не следовало, верно?

Глава 11

И он один остался

Эмили сказала, что вина – напрасное чувство, но я в этом сомневался. Я понимал, о чем она – прошлое все равно не изменишь, но именно чувством вины как инструментом умело пользовалась моя мама, воспитывая нас с Мардж. «Ну-ка, доедайте все, что есть в тарелке! Знаете, сколько людей в мире голодают?» – это мы слышали постоянно, особенно когда мама подавала на стол «сюрприз из остатков» – название в точности соответствовало вкусу этого блюда. Все, что залежалось в холодильнике к концу недели, попадало либо в рагу, либо в лазанью, и нам с Мардж оставалось догадываться, можно ли вообще сочетать говядину терияки и курятину с феттучини так, чтобы получившейся едой не пришлось давиться. Чаще других мы слышали такие способы внушать чувство вины, как «если бы ты на самом деле любил своих родных, то охотно выносил бы мусор» и «может, когда-нибудь ты и полюбишь маму – настолько, чтобы без напоминаний подметать веранду», и все они сразу же тяжким грузом валились мне на плечи, заставляя думать о том, как я мог родиться таким чудовищем.

Пользуясь этим инструментом, чтобы подчинить нас себе, моя мама виноватой себя не чувствовала, и порой я жалел, что не могу быть таким же, как она. Мне хотелось уметь просто прощать себя и жить дальше. Но с другой стороны, если я на самом деле хотел измениться, почему же не делал этого?

Однажды, когда Лондон не было еще и трех лет, я вел ее тропинкой по краю парка. Мы гуляли недолго и прошли не так много, но примерно на полпути я заметил, что она устала, и указал ей на пенек, где можно было посидеть и отдохнуть.

А секунду спустя она вскрикнула и вдруг громко расплакалась, явно от острой боли. В панике я подхватил ее на руки, пытаясь понять, что, черт возьми, случилось, и вдруг заметил у нее на ноге нескольких муравьев.

Но это были не просто муравьи. Это были огненные муравьи, страшно агрессивные. Они жалили, оставляя волдыри, и пока я смахивал этих, заметил других. Они были повсюду – на ее одежде, в носках, даже в обуви. Я мгновенно поставил Лондон на ноги и начал срывать с нее одежду так быстро, как мог, вплоть до памперса. Я давил и смахивал муравьев,

сам был ужален бесчисленное множество раз, а потом бегом понес моего плачущего ребенка к машине.

Я совершенно растерялся. Меняхватило лишь на то, чтобы кое-как доехать до дома. Я отнес Лондон в дом, и Вивиян немедленно взялась за дело, обращаясь резким тоном ко мне, и совсем другим, ласковым, – к Лондон. Она отвела Лондон в ванную, обработала спиртом уже набухшие волдыри на месте укусов, дала ей антигистаминное и принялась прикладывать холодные компрессы.

Наверное, ее умелые и уверенные действия и прекратили в конце концов истерику Лондон. А я тем временем чувствовал себя прохожим, очевидцем страшной аварии, и поражался, откуда Вивиян знает, что именно надо делать.

В итоге все обошлось. Я вернулся в парк, собрал брошенную одежду Лондон, кишевшую муравьями, и выкинул в мусорный бак. Волдыри держались день или два, а Лондон вскоре успокоилась. Этот случай стерся из ее памяти. И хотя от этого мне легче, меня все равно гложет совесть, когда я вспоминаю тот ужасный день. Чувство вины стало мне уроком. Теперь я более осмотрителен в выборе места, куда посадить Лондон, если мы в лесу или в парке, и радуюсь, что усвоил урок. Больше ее ни разу не кусали муравьи.

Иными словами, чувство вины не всегда оказывается напрасным. Порой оно не дает нам совершить одну и ту же ошибку дважды.

После обеда в «Курфиле» с Эмили я проработал весь день. Пытаясь понять, сколько Тальери тратит на рекламу, я созвонился с другом, который занимался продажами в компании по подключению кабельного телевидения. Выяснилось, что Тальери платит по льготному тарифу, и ему достается слишком много бросовых временных интервалов – неудача для него и мана небесная для меня. Потом я связался с руководителем съемочной группы, к которой хотел обратиться. Раньше нам уже приходилось работать вместе, мы обсудили сценарий, а также то, во сколько обойдутся съемки. Всю эту информацию я записал в блокнот так, чтобы без труда найти ее, когда это понадобится мне во время презентации. Оставшееся время я дорабатывал сценарий и вносил поправки в общий видеоряд, с которым уже определился. Наконец черновой вариант двух рекламных роликов был почти закончен.

Приближался вечер свидания, я был в хорошем настроении. Несмотря на то, что мне предстояло свозить Лондон на хореографию к злобной мисс Хэмшоу. Вивиян вернулась домой не слишком поздно, мы уложили Лондон,

поужинали при свечах и переместились в спальню. Но той магии, о которой мечтал, я так и не дождался. Вивиан сумела расслабиться лишь после третьего бокала вина, и хотя я понимал, что в любом браке медовый месяц рано или поздно заканчивается, видимо, твердо верил, что на смену ему должны прийти более крепкие узы – *«мы вдвоем против целого мира»*, подлинная и взаимная признательность. Неизвестно, почему, – может, потому, что я слишком остро ощущал разделяющее нас расстояние, – но эта ночь разочаровала меня.

В субботу утром Вивиан воспользовалась своим *«личным временем»*, а остаток дня провела с Лондон. Так у меня появилась возможность посидеть в тишине и сосредоточиться на презентации: обновленном сайте, рекламе в Интернете, щитах и периодическом запуске рекламы в эфир на радио. Я подсчитал предполагаемые затраты на всю кампанию за год, в том числе плату за ротацию и стоимость моих услуг, и включил в презентацию слайд с прогнозируемой выгодой для Тальери.

В воскресенье днем я закончил презентацию и хотел показать ее Вивиан. Но почему-то она была не в настроении и даже говорить со мной не стала, и остаток вечера прошел напряженно и скованно, что в последнее время стало для нас нормой. Я, конечно, понимал, что недавно наша жизнь повернулась так, как ни один из нас не ожидал, но невольно задумывался о том, любит ли меня еще Вивиан.

* * *

В понедельник утром, еще до того, как проснулась Лондон, я заглянул в ванную, где Вивиан как раз красила ресницы.

- Минутка найдется?
- Конечно. Что такое?
- Ты на меня обижена? Вчера вечером ты была раздраженной.
- Ты правда хочешь поговорить об этом прямо сейчас?
- Понимаю, момент не самый удачный...
- Да, совершенно неудачный. Мне через пятнадцать минут выходить. Почему ты вечно так делаешь?
- Делаю что?
- Пытаешься выставить меня злодейкой.
- Я вовсе не пытаюсь. Но ты же почти не разговаривала со мной после того, как я закончил презентацию.

Ее глаза заблестели.

- Хочешь сказать, поэтому ты все выходные не обращал на нас с Лондон внимания?
- Я был занят работой.

– Не оправдывайся. Мог бы и прерваться на время, но ты поступал, как тебе вздумается. Как всегда.

– Да я просто хотел сказать, что, по-моему, ты уже давно на меня сердишься. Ты и в четверг вечером со мной почти не разговаривала.

– Господи, да устала я! И не надо внушать мне чувство вины. Ты что, забыл про вечер свидания? В пятницу я тоже была уставшей, но все-таки нарядилась, и у нас был секс – потому что я знала: ты этого хочешь. Мне надоело все время терзаться угрызениями совести, думая, что всех моих стараний недостаточно!

– Вивиан...

– Почему ты все воспринимаешь на свой счет? – потребовала ответа она, перебив меня. – Почему не можешь просто быть счастливым со мной? Между прочим, ты тоже не подарок. Но я не жалею о том, что ты даже обеспечить семью не в состоянии!

От ее слов я вздрогнул, как от боли. А чем, по ее мнению, я занимался все выходные? Но ответ ей был не нужен. Она пронеслась мимо, не добавив ни слова, схватила сумку и вылетела из дома, хлопнув дверью.

Должно быть, этот грохот разбудил Лондон, потому что она спустилась по лестнице уже через пару минут и застала меня на кухне за столом. Она была все еще в пижаме, волосы спутаны.

– Вы с мамой поссорились?

– Просто поговорили, – ответил я, еще не успев отойти от вспышки гнева Вивиан. – Извини, что хлопнули дверью и разбудили тебя.

Она потерла нос и огляделась. Хотя я и чувствовал себя раздавленным, на секунду задумался, что моя дочь – самая красивая на свете.

– А где она? – наконец спросила Лондон.

– Ей надо на работу, детка.

– А-а. Мы поедем сегодня на теннис?

– Да, – кивнул я, – а потом – в студию к Бодхи. Только не забудь взять с собой хомяков.

– Ладно, – сказала она.

– Может, обнимешь меня, малышка?

Она подошла и крепко обняла меня обеими руками.

– Папа...

– Что?

– Можно мне «Лаки чармс»?

Я притянул к себе дочь. В тот момент без ее объятий мне было не обойтись.

– Конечно, можно.

Тем утром Тальери на трибунах я не увидел – вместо него пришла женщина, видимо, бывшая номер три: я предположил так потому, что она привела дочь Тальери. Не помню, какой она мне представлялась – может, крашеной блондинкой. Но с другими матерями она быстро нашла общий язык.

Я прихватил с собой компьютер, надеясь просмотреть презентацию, но сосредоточиться так и не смог. В голове вертелись резкие слова Вивиан, ее реакция казалась мне совершенно несправедливой. Я хотел порадовать ее, но так и не смог, выражение ее лица недвусмысленно говорило об этом.

Злость и обида.

Я отчетливо видел и слышал ее неприязнь ко мне.

– Все хорошо? – спросила Эмили.

Я вошел в изостудию, и Лондон бросилась прямиком к Бодхи, прижимая к себе переноску с Мистером и Миссис Крапинкой. Пока я наблюдал за ней, Эмили, должно быть, что-то прочла по моему лицу, но мне не хотелось рассказывать ей о нас с Вивиан. Мне казалось, что это неправильно.

– Все нормально. Просто беспокойное утро.

– Сразу видно. Как бы нам превратить эту хмурую гримасу в улыбку?

– Понятия не имею, – ответил я. – Но, пожалуй, миллион долларов поможет.

– Чего нет, того нет, – вздохнула она. – А «Тик-так» подойдет? У меня, кажется, есть.

Несмотря на мрачное настроение, я усмехнулся.

– Я пас. Но все равно спасибо.

– Планы на сегодня в силе? Бодхи только об этом и говорит с тех пор, как проснулся.

– Да, в силе.

– К презентации готов?

– Надеюсь. – Я перевесил сумку с ноутбуком с одного плеча на другое. Мне показалось, что она вдруг потяжелела. – Честно говоря, сильно волнуюсь. Тальери – мой первый клиент, а у меня не было возможности даже порепетировать. У Питерса всегда находился тот, кто был готов выслушать меня.

– Может, устроим генеральную репетицию вместе? Да, в рекламе я не сильна, но охотно послушаю тебя.

– Мне неловко просить об этом.

– А ты и не просишь. Я сама вызвалась. У меня есть немного времени. К тому же я еще ни разу не слышала рекламных презентаций. Так что этот опыт мне интересен.

Я понимал, что предлагает она только из вежливости, но мне нужно было заняться делом – хотя бы для того, чтобы отвлечься от недавней ссоры.

– Спасибо, я у тебя в долгу.

– Ты и так мой должник. Ведь Лондон сегодня едет к нам в гости. Но какие между друзьями счета?

– Ну разумеется.

Мы дошли до кофейни, заказали напитки и заняли столик. Сначала я показал Эмили несколько слайдов, доказывающих эффективность рекламы, потом еще несколько – со структурой расходов на рекламу в юридической сфере, и еще – с краткими сведениями о нескольких других адвокатских конторах в Шарлотте вместе с их доходами. Далее в презентации был сделан акцент на преимуществах более масштабной рекламной стратегии, использовании сразу нескольких платформ с целью повышения осведомленности и образец ориентированного на потребности пользователя актуального сайта, эффективность которого заметно выше, чем у обычного. Затем я продемонстрировал образцы различной юридической рекламы, в том числе и ролики самого Тальери, старательно подчеркивая их сходство. И наконец перешел к слайдам, показывающим, что я не только способен разработать общую рекламную кампанию и снять три ролика, но и сэкономить деньги клиента.

– Ты всегда так тщательно готовишься? – спросила Эмили.

– Нет, но, по-моему, с этим клиентом у меня есть всего одна попытка.

– Лично я наняла бы тебя.

– Погоди, ты еще ролики не видела.

– Ты и без того производишь впечатление компетентного специалиста.

Ну хорошо, показывай.

Я перевел дыхание и показал ей набросок двух роликов, которые собирался представить Тальери. Первый из них был похож на уже существующие.

Мне пришло в голову начать ролик с двух фотографий автомобильной аварии, фото строительной площадки и еще одного снимка товарного склада. Тальери за кадром говорил: *«Если вы получили травму в результате аварии или на рабочем месте, вам нужна помощь специалиста»*. Затем в кадре появлялся он сам в уютном кардигане, шел вдоль здания суда и обращался в камеру: *«Я Джоуи Тальери, моя работа –*

помогать людям, получившим травмы. В этом деле я специалист, и я на вашей стороне. Консультации бесплатны, платить не придется, пока я не отсужу вам деньги, которых вы заслуживаете. Для своих клиентов я уже выиграл миллионы долларов компенсаций и теперь хочу помочь вам наладить свою жизнь. Дайте мне шанс побороться за вас! Звоните...»

Затем – номер для бесплатных звонков и надпись «О-Т-Т-Р-А-В-М», и Эмили сосредоточенно нахмурилась.

– Хорошо, что он показан не в кабинете, – заметила она.

– Выглядит более искренним, верно? А еще я хотел, чтобы телефонный номер лучше запоминался.

– Говоришь, есть и второй ролик?

Я кивнул.

– Этот будет восприниматься иначе, – предупредил я.

Видеоряд открывался сценками из повседневной жизни Шарлотта, а Тальери за кадром спокойно говорил: «Добро пожаловать в еще один день Шарлотта – или, как его называют, Куин-Сити! Туристы приезжают к нам, чтобы приобщиться к этим зрелищам, звукам и запахам. Но самое притягательное, что у нас есть – не барбекю, не наши ипподромы, спортивные команды, озера и туристические маршруты и даже не наша городская панорама. Это наши люди. Наше сообщество. Наши друзья, родные, коллеги и соседи, благодаря которым каждый здесь ощущает себя как дома. Но когда кто-то из нас получает травму на работе, незнакомец из страховой компании, которому, возможно, не под силу найти Шарлотт на карте, делает все возможное, лишь бы отказать в выплатах, даже если речь идет о загубленной жизни. Я считаю, что это недопустимо».

В кадре появлялся Тальери в рубашке и галстук, но без пиджака.

«Я Джоуи Тальери, и если вы получили травму и нуждаетесь в помощи, позвоните мне. Ведь мы же соседи. Я на вашей стороне, мы – одна команда».

Когда ролик закончился, я закрыл видеопроигрыватель на экране.

– Что скажешь?

– Очень просто.

– Слишком простецки?

– Вовсе нет, – возразила она. – И оригинально, это сразу видно.

– Это хорошо или плохо?

– Он будет потрясен.

– Я не хочу зря отнимать у него время. Он этого терпеть не может.

– Это он так тебе сказал?

– Да.

– По крайней мере, честно. Это мне по душе.

Я входил в юридическую контору Джоуи Тальери, чувствуя, как звенят мои туго натянутые нервы, и безуспешно пытаюсь усмирить дрожь в руках. Когда закончилась основная часть презентации и первый из роликов – второй ролик и финансовые выкладки я приберег напоследок, – я умолк в ожидании, что Джоуи что-нибудь скажет. Хоть что-нибудь. Но он продолжал пристально всматриваться в экран.

– Этот телефонный номер еще не занят?

– В прошлую пятницу был свободен. Такой номер наверняка запомнится.

Тальери кивнул.

– Идея с номером мне нравится, в этом нет никаких сомнений. Я понял, что и другие виды рекламы не помешают. Но не могу сказать, что я в восторге от ролика.

Я кивнул.

– Услышав ваш рассказ про Кэла Уортингтона, я задумался про *цикл роликов*. И в то же время мне не хотелось рисковать. Адвокаты, специализирующиеся на профессиональных травмах, пользуются такой рекламой потому, что она эффективна.

– Цикл роликов? А это не слишком дорого?

Я вывел на экран слайды с приблизительной оценкой стоимости.

– Ввиду предоплаты затраты определенно вырастут, но если рассматривать годовой период, вы не только сэкономите деньги, но и возместите затраты. И получите более масштабную и разнообразную рекламную кампанию.

Он нашел строчку, в которой было указано, сколько он уже потратил на рекламу, и ткнул в нее пальцем.

– Откуда вы знаете, сколько я заплатил?

– В своем деле я знаю толк.

Понятия не имею, как он воспринял мой ответ. Он молчал и перебирал в ладони ручку.

– И каков же ваш план? С чего вы намерены начать?

– С работы над сайтом и рекламой в Интернете, благодаря которым вы приобретете больше известности. Одновременно мы составим график съемок первых двух роликов. Затем займемся озвучкой. Я почти уверен, что первый ролик мы сможем пустить в эфир в октябре, как раз к моменту готовности нового сайта. Подгоним запуск в эфир по времени к началу рекламы в Интернете и приоритизации в поисковиках. Второй ролик будет

готов к праздникам, и я уверен, что зрителям он запомнится. Но судить вам.

– Ладно. Давайте посмотрим.

И я показал ему ролик. Он откинулся на спинку кресла и потер подбородок.

– Не знаю, что и сказать, – признался он. – Никогда ничего подобного не видел.

– В том-то и дело. Он запоминается уже потому, что заставляет задуматься.

– Коммерческого призыва в нем вроде бы нет.

– Верно, нет, но он поможет вашей фамилии остаться на слуху. Думаю, в январе нам надо разместить пару рекламных щитов. Как раз в то время освобождаются два подходящих места, и я бы посоветовал вам зарезервировать их, если вы не против. А потом, конечно, займемся третьим и четвертым роликами. Как и первый, их будут пускать в эфир круглый год, один – с октября или ноября, в зависимости от графика съемок, другой – в январе, с периодическим чередованием. Они будут короче, посвящены единственной теме и содержать толику юмора.

– Ну, давайте посмотрим.

– Слайды для них я еще не подобрал.

– Почему?

– Вы пока еще не мой клиент.

Он задумался.

– Может быть, хотя бы намекнете?

– Акцент будет сделан на вашем опыте.

Я подумал, что встрече он придает больше значения, чем казалось поначалу, – это хороший знак.

– Можно немного подробнее?

– Хорошо, – кивнул я, – но только для одного из роликов. Представьте себе девочку лет восьми, сидящую за столом в окружении юридических справочников, в том числе с заголовком «Нанесение травм». Девочка рисует каракули в желтом блокноте большого формата, какими обычно пользуются юристы, это занятие ей быстро надоедает, она наклоняется к телефону, нажимает кнопку и говорит в динамик: «Долорес, можно мне еще шоколадного молока?» Изображение исчезает с экрана, и на черном фоне появляются слова – так, будто их печатают:

«Если вы получили травму на работе и вам требуется помощь с оплатой счетов за лечение, адвокат-новичок не подойдет. Вам нужен юрист с опытом. Тот, кто уже отсудил миллионы долларов для своих клиентов. Вам нужен Джоуи Тальери».

Джоуи усмехнулся.

– Мне нравится.

Я молча кивнул. За годы я усвоил: не говорить ничего – лучшее, что можно сделать, пока клиент размышляет, заключать сделку или нет.

Джоуи наверняка тоже знал об этом, потому что снова откинулся на спинку кресла.

– Между прочим, я навел о вас справки, – сообщил он. – И после того, как вы уговорили меня на эту встречу, позвонил вашему прежнему боссу.

Я напрягся.

– Как любое начальство, ничего конкретного он не сказал, только что вы открыли свое дело пару месяцев назад. Вы говорили мне, что у вас своя фирма, но не упомянули о том, что только приступаете к работе.

Я с трудом произнес:

– Да, моя компания совсем молодая, но я работаю в рекламе уже тринадцать лет.

– А еще он посоветовал мне вместо того, чтобы беседовать с ним, спросить мнения или рекомендации у ваших нынешних клиентов.

Я замялся.

– Как думаете, это возможно? Связаться с вашими клиентами?

– Эм-м... ну...

– Так я и думал. Я сразу заподозрил, что других клиентов у вас нет. Поэтому, поговорив с вашим боссом, на этих выходных я прокатился до вашего офиса. Оказалось, это место я знаю. Раньше оно принадлежало одному из моих клиентов. Доверия такой офис не внушает.

Я постарался взять себя в руки и спокойно ответить:

– Чаще всего я провожу встречи у клиентов. А если вы хотите поговорить с теми, с кем я работал прежде, могу назвать вам несколько фамилий. Я работал с десятками клиентов в окрестностях Шарлотта.

– Это я тоже знаю. И уже обзвонил нескольких. Точнее, троих. Они по-прежнему заказывают рекламу у Питерса и моему звонку были совсем не рады – пока я не объяснил, что ему о нашем разговоре ничего не скажу.

– Но как вы?..

Я осекся, а он закончил за меня:

– Как я узнал, кому звонить? Вы знаете толк в своем деле, а я – в своем. И кстати, все они вас рекомендовали. На редкость креативный, трудолюбивый и сведущий в своем деле специалист.

– Зачем вы говорите мне об этом?

– Я хочу, чтобы вы знали: да, меня не радует возможность стать вашим первым и единственным клиентом, но я пытаюсь убедить себя, что в таком

случае у вас будет больше времени на работу над моей рекламной кампанией. Честно говоря, я так и не принял решения. Но увидев сегодня все, что вы сделали, признаться, поразился тем, как много времени и усилий вы вложили в подготовку.

Я набрал побольше воздуха в легкие.

– Что вы хотите этим сказать?

К дому Эмили я ехал, чувствуя сильное головокружение. Если бы не навигатор в телефоне, я ни за что не нашел бы нужный адрес. Эмили жила недалеко от моего дома, но через этот район я еще ни разу не ездил, а основная улица была нечетко обозначена на картах. Повсюду деревья, дома, построенные в середине прошлого века, – с большими окнами, обитые кедровой вагонкой, с цокольными этажами, перепад уровней которых соответствовал рельефу местности.

Я прошел по извилистой тропинке мимо пруда с карпами и приблизился к двери дома. Эмили открыла и вновь поразила меня теплом своей улыбки.

– Я думала, ты приедешь позже, – сказала она. – Почему-то я решила, что презентация затянется. Ну, проходи.

Из-за ссоры с Вивиан мне было не по себе, а после встречи с Тальери у меня кружилась голова, но, войдя в дом недавно разведенной женщины, с которой я когда-то спал, я испытал еще более острое ощущение нереальности происходящего. Было в этом что-то неправильное, неуместное, и мне пришлось напомнить себе, что я приехал всего лишь забрать дочь, точно так же, как забрал бы ее у своей мамы. Но ощущение, что я делаю что-то не так, лишь усилилось, когда Эмили указала в сторону лестницы.

– Дети в игровой с Пудингом. Полчаса назад пообедали, так что играют не слишком долго.

Я кивнул, стараясь сохранять дистанцию между нами.

– Им нравится?

– Очень, – ответила она. – Все время смеются. По-моему, в нашего пса твоя дочь просто влюбилась.

– Ничуть не удивлен. А как Пудинг? Поладил с хомяками?

– Несколько секунд обнюхивал клетку, этим все и кончилось.

– Вот и хорошо. – Я сунул руки в карманы.

Внутренний голос продолжал нашептывать, что напрасно я сюда явился, что в доме Эмили мне не место. Отвернувшись от нее, я окинул взглядом комнату. Этаж имел открытую планировку, солнечный свет, слегка

приглушенный жалюзи, лился через большие окна в тыльной стене дома, помещение выглядело уютным и немного эклектичным, а всякие мелочи, разбросанные там и сям, указывали на то, что здесь живет художник. На стенах я увидел несколько больших картин и предположил, что это работы Эмили.

– У тебя красивый дом, – заметил я, стараясь придерживаться разговора на отвлеченные темы.

– Спасибо. – Эмили чувствовала себя гораздо свободнее, чем я. – Вообще-то я подумываю продать его. Он требует слишком много ухода, а пара комнат нуждается в серьезном ремонте. Но с тех пор как уехал Дэвид, за дело я не бралась. Извини за беспорядок.

– Никакого беспорядка я не вижу, – возразил я. – А это твои картины?

Она встала ближе ко мне – настолько, что я уловил аромат шампуня с жимолостью, которым она обычно пользовалась.

– Да, это довольно старые мои работы. Давно уже думаю заменить их, но все руки не доходят.

– Теперь понятно, почему хозяину галереи нравятся твои картины.

– Они напоминают мне время, когда я была беременна Бодхи, – темные, менее текстурные, чем нынешние. И более меланхолические. Но во время беременности меня несколько месяцев тошнило почти непрерывно, может, в этом все дело. Погоди секунду... – Она отошла к лестнице. – Бодхи, Лондон! – крикнула она. – У вас все хорошо?

Я услышал, как дети ответили хором:

– Да!

– Твой папа приехал, Лондон.

Над головой послышался топот, и я увидел свою дочь, выглядывающую между прутьями перил.

– Папа, а можно мне еще побыть у Бодхи? У него есть второй световой меч, он красный! Мы играем с Пудингом!

Я перевел взгляд на Эмили.

– Я не против. – Она пожала плечами. – Лондон не дает Бодхи скучать, а у меня появляется шанс перевести дух.

– Ну хорошо, – ответил я Лондон. – Но только недолго. Не забывай, что сегодня у тебя еще хореография.

– У мисс Хэмшоу? – спросила Эмили и, когда я кивнул, добавила: – Я слышала о ней кое-что интересное. «Интересное» в этом случае вовсе не значит «хорошее».

– По-моему, эти уроки Лондон не очень-то нравятся, – признался я.

– Так заberi ее оттуда.

С Вивиан такой номер не пройдет, мысленно возразил я. Помолчав, Эмили указала большим пальцем в сторону кухни.

– Хочешь сладкого чаю со льдом? Я как раз приготовила целый кувшин.

Внутренний голос вновь посоветовал мне вежливо отказаться, но я машинально произнес:

– Было бы неплохо.

Я последовал за Эмили на кухню, где на полу у застекленных дверей, ведущих на задний двор, стояла переноска с хомьяками. В стороне я увидел двери еще одной комнаты – явно мастерской художника. Вдоль стен в ней были расставлены картины, еще одна – на мольберте; рабочий фартук был брошен на выдававший виды письменный стол, где теснились сотни тюбиков и баночек с красками.

– Значит, здесь ты работаешь?

– Это моя студия, – объяснила Эмили, выставляя на стол кувшин с чаем. – Раньше здесь была веранда, но мы застеклили ее после покупки дома. По утрам здесь идеальное освещение.

– Трудно работать дома?

– Вообще-то нет. И к тому же мне не с чем сравнивать.

– А Бодхи? Не мешает работать?

Она разлила чай по стаканам и добавила лед.

– Обычно я пишу по утрам, но иногда нахожу время и в другие часы. Если мне очень надо поработать, Бодхи уходит наверх играть или смотреть телевизор. Он уже привык.

Она села, я последовал ее примеру, все еще чувствуя себя скованно. Если Эмили и было неловко, то виду она не подавала.

– Как прошла встреча с Тальери?

– Хорошо, – ответил я. – Он меня нанял. Поручил разработку всей кампании, которую я предложил.

– Это же замечательно! – воскликнула она. – Поздравляю! Я знала, что у тебя все получится. Ты, наверное, без ума от радости.

– Я еще не осознал.

– Скоро дойдет, вот увидишь. Отпразднуете сегодня?

Я вспомнил вспышку гнева Вивиан сегодня утром.

– Там видно будет.

– Он ведь твой первый клиент. Это обязательно надо отметить. Но сначала расскажи мне, как все прошло. Поделись со мной.

Пересказывая подробности встречи, я наконец избавился от ощущения дискомфорта, а когда упомянул, что Тальери звонил Питерсу, Эмили

прижала ладонь к губам, ахнула и широко раскрыла глаза.

– Какой ужас! И тебе сразу стало не по себе?

– Да уж, приятного мало.

– Я была бы готова сквозь землю провалиться.

– Вот и я чувствовал себя так же. Ему, наверное, хотелось посмотреть, как я буду выкручиваться.

– Юристы – они такие, – согласилась она. – Но все закончилось хорошо. Ты не представляешь, как я за тебя рада!

– Спасибо тебе. У меня как будто камень с души свалился, понимаешь?

– Прекрасно понимаю тебя! До сих пор помню, как узнала, что в галерее продали одну из моих картин. В то время я была уверена, что живопись никогда не будет меня кормить, и все ждала, когда хозяин галереи позвонит и попросит забрать работы, а когда телефон наконец зазвонил, мне было так страшно брать трубку, что я дождалась, пока включится голосовая почта.

Я засмеялся, она продолжила расспросы:

– И что теперь? Какие дальнейшие действия?

– Завтра мы с ним подпишем контракт, и я сразу же займусь делом – поисками, составлением графиков, получением разрешений, работой со специалистами, которым поручу разработку сайта. Придется созваниваться со съемочной группой, звукооператорами и агентствами, проводить репетиции... со съемками всегда полным-полно хлопот.

– Тебе удастся все успеть, если придется присматривать за Лондон?

Об этом я пока даже не задумывался, но ответил:

– Должен успеть. Мы как раз подыскиваем для нее дневную группу.

– Знаю, Лондон рассказала мне за обедом. Но она туда не хочет.

Говорит, в этом нет смысла, ведь она скоро все равно пойдет в школу.

Нет смысла? Так могла выразиться только Вивиан.

– Так и сказала?

– Я тоже удивилась. Но с другой стороны, она кажется намного взрослее Бодхи.

Я сделал большой глоток из своего стакана, размышляя, что еще успела наговорить Вивиан нашей дочери о дневной группе.

– А в остальном с Лондон все в порядке?

– В полном. У тебя очень милая дочь. И кстати, к Пудингу она уже привязалась. Хочет привезти его к вам домой. Я сказала, что сначала надо спросить разрешения у тебя.

– Нам и хомяков хватает, – запротестовал я. – С собакой я не

справлюсь. Мне и так, похоже, придется на время отказаться от сна.

Она улыбнулась, но ее лицо осталось грустным.

– Лондон говорила, что ты научил ее ездить на велосипеде.

– Так и есть.

– Я давно уже собираюсь заняться этим с Бодхи, но боюсь, с таким учителем, как я, он будет то и дело падать. Наверное, как только выдастся свободное время, придется походить в тренажерный зал и привести себя в форму.

– Да, дети отнимают уйму времени.

– Точно, – кивнула она. – И все-таки я не променяю своего сына ни на что на свете.

Она совершенно права, думал я.

– Спасибо за чай. Неловко отнимать у тебя время, так что мы поедем.

– Я рада видеть Лондон у нас в гостях. Наконец-то я поближе познакомилась с самым близким другом Бодхи.

Я встал из-за стола, взял переноску с хомяками и двинулся вслед за Эмили к двери. На мой зов Лондон и Бодхи прибежали вместе, преследуемые маленьким пуделем.

– Так Пудинг – это пудель? – спросил я.

– Это Бодхи его так назвал.

– Я готова, – объявила Лондон. – Пудинг такой лапочка – правда, папа? А можно, мы еще раз съездим в зоомагазин? Вдруг там продают таких же собачек, как Пудинг?

– Не сегодня. Папе надо поработать. Попрощайся с мисс Эмили, хорошо?

Лондон обняла Эмили. Моя дочь охотно обнимается со всеми: я видел ее в объятиях почтальона и какой-то старушки в парке. Бодхи она тоже обняла, а когда мы шли к машине, сама дала мне руку.

– Мисс Эмили такая хорошая! Она сделала мне сэндвич с арахисовой пастой и зефиром.

– Вкусно было, наверное. Я рад, что тебе у них понравилось.

– Очень! А можно Бодхи в следующий раз прийти в гости ко мне?

Я задумался, как отнесется к этому Вивиан.

– Ну пожалуйста!

– Сначала мы спросим разрешение у его мамы, ладно?

– Ладно. Знаешь, что?

– Что?

– Спасибо, что привез меня сюда. Я люблю тебя, папа.

Вивиан вернулась с работы по-прежнему раздраженной, чем несколько меня не удивила. Только поздно вечером, когда я сел рядом с ней на диван, мне наконец-то удалось увидеть мимолетную улыбку. Она погасла так же быстро, как и вспыхнула, но я знал Вивиан достаточно давно, чтобы понять: холодности в ее поведении теперь ровно столько, сколько у дверцы холодильника, а не как раньше, у морозильной камеры.

– А у меня хорошие новости, – начал я.

– Да?

– Сегодня у меня появился первый клиент. Завтра мы заключаем контракт.

– Тот адвокат, о котором ты мне рассказывал?

– Он самый. Да, ты недовольна, что мне придется работать с юристами, но я жду этого с нетерпением. Мы снимем для него четыре ролика и сделаем рекламу в других СМИ.

– Поздравляю. Когда приступаешь?

– Как только он подпишет контракт. У меня есть парень, который займется сайтом и рекламой в Интернете сразу же, но перед съемками предстоит еще масса подготовительной работы. Скорее всего, снимать начнем только в конце августа.

– Тем лучше, – подхватила она.

– Почему?

– Потому что к тому времени у Лондон начнутся занятия в школе.

– Что ты хочешь сказать?

– А то, что я сегодня опять обзванивала дневные группы, и насколько я поняла, ничего не получится. В тех двух, на которых я остановила выбор, – она сообщила мне названия групп, – свободные места появятся не раньше, чем начнется учебный год в школе. В третью, возможно, ее могли бы взять пораньше, но точно это выяснится лишь на следующей неделе. Процесс адаптации может занять пару недель, и только после этого начнутся полноценные посещения. К тому времени наступит уже середина августа, а значит, в группу она успеет походить всего неделю-другую перед школой.

– Господи, да почему же так долго?

– Да потому что везде требуются собеседования, рекомендации – безопасность, которая позволяет чувствовать себя комфортно.

– Хочешь, я сам туда позвоню? И выясню, нельзя ли как-нибудь ускорить процедуру?

– Звони, – пожала плечами она. – Но вряд ли они смогут пойти тебе навстречу, ведь есть список ожидания.

– Тогда, может быть, стоит подумать о няне.

– Поиски займут как минимум пару недель, к тому же это дорого. И что делать потом, когда начнутся занятия в школе? Увольнять ее?

Я не нашелся с ответом. Но хорошо понимал: если бы Вивиан начала искать дневную группу, когда только задумалась о работе, все могло получиться совсем иначе.

– Видимо, ты хочешь сказать, что с Лондон и дальше придется сидеть мне?

– Ну уж конечно, не мне, и потом, ты же до сих пор справлялся. И даже сумел найти первого клиента.

– Мне предстоит масса подготовительной работы.

– Я не знаю, что еще нам остается. Учитывая, что творится у меня на работе.

– Ты имеешь в виду поездки?

– Не только. Кстати, в четверг я еду в Атланту и вернусь только в пятницу вечером.

– Вечер свидания пропадает.

Она закатила глаза.

– Я же говорила, что на этой неделе уезжаю, так что незачем делать из мухи слона! Но раз уж для тебя это так важно, постараюсь вернуться не слишком поздно. Хорошо?

– Годится, – кивнул я.

– Ох уж эти мужчины. – Она покачала головой. – Вообще-то я хотела сказать, что на работе намечается еще кое-что. Серьезные перемены. Пока что в компании об этом не знает никто, кроме руководства. Так что не проболтайся.

– Кому я могу проболтаться?

– Ну, не знаю... может, клиентам? Мардж? Твоим родителям? – Она вздохнула. – В общем, в Атланту я еду потому, что Уолтер задумал перевести туда наш головной офис. И поручил общий надзор мне.

– Ты серьезно?

– Он поговаривал об этом с тех пор, как я приступила к работе, и вот теперь принял решение. На следующей неделе собирается объявить о нем сотрудникам.

– Зачем ему вообще переводить куда-то офис?

– По его словам, ограничения на береговое строительство в Северной Каролине становятся абсурдными, поэтому он решил сделать основной акцент на проектах застройки в Джорджии и Флориде. И если вдуматься, в этом есть смысл. Также он планирует баллотироваться на выборах в правительство, а удобнее всего предпринять такой шаг в Джорджии. Ведь

он оттуда родом, и его отец был представителем Джорджии в конгрессе.

Да плевать мне на Уолтера и его планы, мысленно выпалил я.

– И чем это тебе грозит?

– Со мной все будет в порядке. Уолтер говорит, мне не о чем беспокоиться.

– Ты останешься работать в офисе в Шарлотте?

– Не знаю, – ответила она. – Мы с Уолтером устроили небольшой мозговой штурм, но, как я уже сказала, окончательного решения он пока не принял.

– А ты не думаешь, что нам, возможно, придется переехать?

– Надеюсь, нет.

«Надеюсь, нет»? Я насторожился.

– Я не хочу переезжать, – высказался я.

– Знаю. Пожалуй, какое-то время я могла бы ездить туда-сюда.

«Ездить туда-сюда»?

– И что это значит?

– Не знаю, Расс! – В ее голосе послышалось раздражение. – До переезда, видимо, нам с Уолтером придется проводить в Атланте два-три дня в неделю. А потом – кто знает?

– Только тебе и Уолтеру?

– К чему там другие руководители?

Ее ответ мне не понравился.

Нет, не так: мне *определенно* не понравился ее ответ.

– Значит, будут и другие поездки?

– Скорее всего.

– Но ведь мы совсем не будем проводить время вместе. Лондон и так тебя почти не видит.

– Это неправда, ты сам знаешь, – вспыхнула она. – Можно подумать, меня отправили за границу на целых полгода! Многим парам приходится жить на два дома. И потом, босс Уолтер, а не я. Что я могла поделаться?

– Например, уволиться, – предложил я. – И пойти куда-нибудь на полставки.

– Я не хочу увольняться. Мне нравится то, чем я занимаюсь, а Уолтер – отличный босс. Не говоря уже о том, что мы не можем позволить себе отказаться от моей зарплаты, так? Ведь у тебя всего один клиент.

Меня обидело то, как она подчеркнула мою вину в том, что мы попали в такую ситуацию. Может, я и вправду был виноват, но эта мысль меня лишь разозлила.

– И когда же нам ждать этих перемен?

– Примерно в сентябре. Поэтому мы и едем на этой неделе в Атланту. Чтобы убедиться, что офис будет готов вовремя.

До сентября оставалось еще шесть недель.

– Не понимаю, как можно перевезти целый офис так быстро.

– Переезд затронет только руководство. А в Шарлотте проведут сокращения, но это не значит, что всех уволят. У нас по-прежнему есть проекты в Северной Каролине на разных стадиях строительства. А что касается Атланты, речь идет главным образом о поиске новых кадров. Насколько я слышала, в офисе места предостаточно.

– Не знаю, что тебе сказать.

– А что тут скажешь? Пока я сама толком ничего не знаю.

– Не понимаю, почему ты до сих пор об этом не говорила.

– Потому что ничего не знала до сегодняшнего дня.

Если бы кто-нибудь предупредил меня заранее, что в день, когда у меня появится первый клиент, Вивиан объявит мне новости, которые невероятным образом отразятся на нашей жизни, я счел бы эти слова абсурдом. Вот насколько мало я знал.

– Ну хорошо. Держи меня в курсе.

– Я так и делаю. Давай лучше поговорим о Лондон. Она рассказала, что сегодня ездила в гости к Бодхи.

– Да, пока я проводил презентацию. Она отлично провела время. И целый день только и твердила о пуделе по кличке Пудинг.

– Бодхи – сын твоей бывшей девушки Эмили? Да?

– Да, ее.

– Я слышала, как в студии говорили о ней. Кажется, она тяжело перенесла развод.

– Разводы бывают болезненными, – уклончиво ответил я.

– Еще Лондон говорила, что вы обедали с ней на прошлой неделе.

– Я возил Лондон в «Курфиле». И Эмили с сыном тоже были там.

– Тебе, пожалуй, больше не стоит обедать с ней. И ездить к ней в гости, даже для того, чтобы Лондон поиграла с ее сыном. Иначе пойдут слухи.

– Какие еще слухи?

– Ты сам знаешь, какие. Она в разводе, а ты женат, кроме того, она – твоя бывшая. Не надо быть Эйнштейном, чтобы понять, о чем станут болтать люди.

Да, мысленно ответил я, это очевидно. Сидя рядом с женой, я не переставал удивляться тому, как такой замечательный день мог закончиться настолько паршиво.

– Значит, Эмили? – спросила Мардж за обедом спустя несколько дней. Рано утром того же дня Вивиан уехала в Атланту, сразу после урока музыки у Лондон я забрал у Тальери подписанный контракт – и мой первый чек, полученный в качестве хозяина собственной фирмы! Вдобавок я зарезервировал тот самый телефонный номер, важный для рекламной кампании. Но Мардж хотелось поговорить о другом.

– Ну и как дела у милой Эмили?

Лондон устроила беспорядок на веранде, рисуя пальчиковыми красками, которые привезла ей Мардж.

– Не преувеличивай. Лондон ездила в гости.

– А до того у вас было свидание в «Курфиле».

– Это не свидание.

– Попробуй произнести эти слова, стоя перед зеркалом. Но ты мне так и не ответил.

– Я же объяснил: она по-прежнему старается свыкнуться с разводом, но в остальном у нее все хорошо.

– Мне она всегда нравилась.

– Ты уже говорила.

– До сих пор не верится, что ты проболтался Вивиан.

– Не я. Лондон рассказала ей.

– А ты рассказывать не собирался?

– Собирался, конечно. Мне нечего скрывать.

– Очень жаль. Каждому время от времени нужны маленькие радости.

Видя выражение моего лица, она расхохоталась, а потом закашлялась. Достав ингалятор, сделала глубокий вдох.

– Что это?

– Врач говорит, что у меня астма, вот и прописал мне ингаляции. Теперь приходится дышать этой гадостью дважды в день. – Она сунула ингалятор обратно в карман.

– А очки в роговой оправе и карманный протектор он тоже прописал?

– Ха-ха, очень смешно. Между прочим, астма – это не игрушки.

– Просто пошутил. Если помнишь, у меня в детстве тоже была астма. Стоило мне только приблизиться к кошке, как грудь сдавливало, словно клещами.

– Помню, но ты уходишь от разговора. Я помню, как ты любишь Вивиан. И наверняка усвоил урок и знаешь, чем опасны измены. Кому ты в тот раз изменил? Ах, да. Эмили. И мы вернулись к тому, с чего начали.

– Ты что, заранее весь разговор продумала? Чтобы переменить мне

кости?

– Само вышло, – ответила она. – Не благодари.

Я рассмеялся.

– Пока не забыл: не говори Вивиан, что ты знаешь о переезде их офиса в Атланту. С меня взяли обещание не болтать.

– Но я же твоя сестра. Я не в счет.

– Вивиан упомянула тебя особо.

– Охотно верю. Ну ладно, раз уж мы взялись обмениваться секретами, теперь моя очередь. Мы с Лиз подумываем завести ребенка.

Я невольно расплылся в улыбке.

– Правда?

– Мы вместе уже довольно давно. Значит, самое время.

– Ты про усыновление или?..

– Мы надеемся, что кому-нибудь из нас удастся забеременеть. Я уже не так молода, так что, думаю, это будет Лиз, но кто знает? Она, конечно, всего на два года моложе меня. Словом, мы уже записались на прием к специалисту, хотим обследоваться с головы до пят, чтобы узнать, есть ли у нас шанс. А если нет, тогда подумаем об усыновлении или даже об опеке.

– Ну и ну! – отозвался я. – Значит, это серьезно. И когда приступите?

– Не раньше ноября. К этому врачу огромная очередь. Он считается одним из лучших в округе, вот к нему и рвутся все наши ровесники с проблемами. – Заметив мою глупую усмешку, она спросила: – Ты чего?

– Просто подумал, что ты будешь классной мамой. И Лиз тоже.

– Да, мы ждем с нетерпением.

– Когда же вы все решили?

– Мы уже давно обсуждали это.

– И мне не сказали?

– Потому что решение приняли лишь недавно. Просто тема иногда всплывала в разговорах. Но биологические часы тикают неумолимо и с недавних пор стали отсчитывать время слишком быстро – для нас обеих.

– Вы уже сказали маме с папой?

– Пока нет. И ты им не говори. Надо еще убедиться, что кто-нибудь из нас вообще способен забеременеть, или понять, что нам придется пойти по пути усыновления. Мне все мерещится, как врач объявит мне, что моя матка заросла паутиной.

Я расхохотался.

– Вот увидишь, все будет хорошо.

– Если и будет, то лишь потому, что я, в отличие от тебя, имею физическую нагрузку. И заставляю себя ходить в тренажерный зал, хотя с

кашлем это и нелегко.

- Ты все еще кашляешь?
- Да, частенько. Говорят, даже после того, как простуда проходит, нашим легким требуется еще шесть недель, чтобы прийти в норму.
- Этого я не знал.
- Я тоже. Но это о другом: я забочусь о своем здоровье, не то что ты.
- У меня нет времени на тренировки.
- Времени у тебя достаточно. Можешь заниматься утром, сразу же как встанешь. Так все мамочки делают.
- Я не мамочка.
- Неудобно тебя расстраивать, но с недавних пор ты и есть мамочка.
- Ты всегда знаешь, как меня подбодрить.
- Что вижу, о том и говорю. И мы оба знаем, что небольшая физическая нагрузка тебе не повредит.
- Я в форме.
- Ну да, конечно. В форме шара.
- А ты у нас прямо персик!

* * *

В пятницу утром, стоя перед зеркалом, я задумался о том, что Мардж, пожалуй, права насчет тренировок. Пора бы возобновить их, но, увы, не сегодня.

Дел у меня было полно, и пока я присматривал за Лондон и возил ее в изостудию, каждую свободную минуту занимался сведением графика кампании для Тальери – с учетом того, что вопрос о дневной группе, видимо, уже отпал.

Многие задачи можно было решить из дома, а получение разрешений, поиски локации и подготовка релизов означали в первую очередь постоянные разъезды и часы, проведенные за рулем. Мне казалось, если я правильно распоряжусь своим временем, Лондон и не заметит, что я работаю.

Так я и сказал Вивиан в очередном разговоре. В ее голосе послышалось облегчение, и мы впервые за несколько лет провисели на телефоне больше получаса, просто болтая. Я соскучился по нашим разговорам, и мне показалось, что и она по ним скучала. Хотя в тот день она вернулась домой немного позже, чем планировала, но все-таки смеялась, улыбалась и даже заигрывала со мной, а в постели была сексуальной и страстной, поэтому я вновь уверился в том, что у нее еще остались чувства ко мне.

Утром она по-прежнему была в хорошем настроении, перед уходом на

йогу приготовила завтрак нам с Лондон и спросила, не собираемся ли мы в гости к моим родителям.

– Если да, может, подождете меня? Я тоже поеду.

Когда я сказал, что мы ее дождемся, она поцеловала меня на прощание, и я ощутил теплоту ее губ. В мгновенном приливе счастья, вспоминая предыдущую ночь, я нисколько не сомневался: все это и побудило меня когда-то жениться на Вивиан.

* * *

Ожидая, когда вернется Вивиан, мы с Лондон отправились в парк, где выбрали туристскую тропу, ведущую к полю для гольфа. Много лет назад какой-то старший скаут, выполняя задание, установил возле деревьев таблички с указанием их обиходных и научных названий. Я читал информацию с этих табличек Лондон, обращал ее внимание на кору или листья, делая вид, что знаю о деревьях больше, чем на самом деле. Она повторяла незнакомые слова – *Quercus virginiana*, *Eucalyptus viminalis*^[7] – и хотя я знал, что забуду их до того, как мы вернемся к машине, здесь, на тропе, я чувствовал себя умнее, чем обычно.

А Лондон оставалась умницей. Дома я приготовил сэндвичи, и, пока мы ели их на веранде, она вдруг указала на большое дерево на заднем дворе.

– Это *Carya ovata*^[8]! – воскликнула она.

– Вот это? – уточнил я, не скрывая удивления.

Она кивнула.

– Да, гикори.

– Откуда ты знаешь?

– Ты же мне показывал. – Она перевела взгляд на меня. – Помнишь?

Хоть убей, не помню, мысленно ответил я. Для меня дерево во дворе было просто деревом.

– Наверное, ты права.

– Права, конечно.

– Я тебе верю.

Она отпила молока.

– А когда мама вернется?

Я сверился с часами.

– Уже скоро.

– И мы поедем к бабуле и дедуле?

– Да, как собирались.

– Хочу сегодня что-нибудь испечь. Опять кексики.

– Бабушка будет только рада.

– А тетя Мардж и тетя Лиз приедут?
– Надеюсь, да.
– Ладно, я тогда привезу Мистера и Миссис Крапинку. Они точно захотят поехать.
– Конечно.
Она прожевала сэндвич.
– Пап, а пап...
– Что?
– Хорошо, что я останусь с тобой.
– Ты о чем?
– Мама сказала, что ходить в детскую группу я не буду. Сказала, что ты можешь работать и в то же время быть со мной.
– Так и сказала?
Она кивнула.
– Да, сегодня утром.
– Все правильно, но тебе, может быть, придется иногда посидеть в машине, пока я занимаюсь делами.
– А можно взять с собой Барби? Или Мистера и Миссис Крапинку?
– Конечно, – кивнул я.
– Ладно. Тогда будет весело.
Я улыбнулся.
– Я рад.
– А когда ты был маленький, ты ходил в дневную группу?
– Нет, за мной присматривала тетя Мардж.
– И тетя Лиз?
– Нет, тети Лиз в то время с нами не было.
– А-а, – протянула она и еще несколько раз откусила свой сэндвич, поворачивая голову из стороны в сторону. Я наблюдал за ней и думал, что она самая красивая девочка на свете.
– Папа, на дереве огромная птица! – воскликнула она. Посмотрев, куда она указывает, я тоже заметил птицу – шоколадно-коричневую, с белыми, блестящими на солнце перьями в голове. Птица на секунду расправила крылья.
– Это белоголовый орлан, – изумленно сказал я.
За все годы жизни в Шарлотте я видел орланов только два раза. Меня поразило ощущение чуда, возобновлявшееся множество раз за все время, которое мы провели вместе. Глядя на дочь, я вдруг понял, как изменились наши с ней отношения. Я освоился в своей роли, и Лондон свыклась с моим постоянным присутствием. Как только я осознал это, мысль, что с

началом школьных уроков нам придется расставаться на долгие часы, больно сдавила мне сердце. В том, что я люблю Лондон, я никогда и не сомневался, но теперь я понимал, что привязан к ней не только как к моей дочери, но и как к маленькой девочке, которую я лишь недавно начал узнавать ближе.

Может, от этих мыслей, а может, от того, как прошла неделя, меня вдруг охватило непривычное спокойствие, умиротворенность. Я был подавлен, а теперь воспрянул духом. Хотя я понимал, что это ощущение может оказаться мимолетным – оно было реальным, как солнце. Наблюдая, с каким восхищением Лондон разглядывает орлана, я задумался, запомнит ли она этот момент, поймет ли, как я воспринимаю нашу недавно обретенную близость. Но все это, в сущности, не имело значения. Достаточно было и того, как я воспринимал ее, и к тому времени, когда орлан улетел, его образ уже запечатлелся в моей памяти. И остался со мной навсегда.

Глава 12

Непогода на горизонте

В феврале 2004-го, почти через два года после получения диплома и знакомства с Эмили, однажды в выходные я приехал навестить родителей. К тому времени привычка регулярно приезжать к ним уже выработалась. Обычно Эмили составляла мне компанию, но по каким-то причинам, которых теперь я уже не помню, в те выходные не смогла, и я уехал один.

Отца я застал в гараже, но возился он не со своим «Мустангом», а с маминой машиной. Сунув голову под капот, он доливал масла.

– Приятно видеть, как ты заботаешься о машине своей благоверной, – пошутил я, на что отец кивнул.

– Приходится. На этой неделе ожидается снег. Зимний аварийный комплект на заднее сиденье я уже уложил. Не хочу, чтобы твоей матери пришлось доставать его из багажника, если вдруг застрянет в дороге.

– Да не будет никакого снега, – отмахнулся я. Было уже по-весеннему тепло. Я приехал в футболке, а перед выездом подумывал, не надеть ли шорты.

Он прищурился, глядя на меня из-под капота.

– А ты вообще погоду смотришь?

– Слышал что-то по радио, но ты же знаешь этих синоптиков. Они часто ошибаются.

– Мои колени тоже предсказывают снег.

– Почти двадцать градусов на улице!

– Ну, как знаешь. А мне понадобится помощь с утеплением труб, когда я здесь закончу. Не хочешь подключиться?

Надо сказать, отец всегда был таким. Если на побережье Каролины ожидался ураган, он несколько дней убирал мусор со двора, переносил вещи в гараж, закрывал ставни, хотя от Шарлотта до побережья почти двести миль. «Вы не видели, что тут творилось, когда в восемьдесят девятом ударил «Хьюго», – говорил он нам с Мардж. – Шарлотт превратился в ферму Дороти. Разнесло чуть ли не весь город».

– Ладно, сделаем, – пообещал я ему. – Но ты зря тратишь время. Снега не будет.

Я ушел в дом и некоторое время болтал с мамой, а спустя час заглянул

отец и поманил меня. Я помог ему с машиной, но его предостережениям не внял. Я вообще понятия не имел, что входит в «зимний аварийный комплект». Хотя на самом деле я не подготовился только потому, что считал себя умнее отца.

Во вторник вечером температура еще колебалась около пятнадцати градусов; в среду сгустились тучи, но термометр показывал десять градусов, и я напрочь забыл об отцовских предостережениях. А в четверг на Шарлотт с яростью обрушилась буря: начался снегопад, сперва легкий, но быстро усиливающийся. К моменту моего выезда на работу шоссе уже завалило снегом. Школы закрылись на день, до агентства добралась лишь половина сотрудников. А снег продолжал идти, и, когда в середине дня я закончил работу, на дорогу было невозможно выехать. Сотни автомобилистов, в том числе и я, застряли на шоссе в разгар снегопада. К тому времени снежный покров уже превышал один фут, а снегоуборочных машин в городе было лишь несколько. К ночи снегопад полностью парализовал уличное движение в Шарлотте.

Тягачу понадобилось почти пять часов, чтобы добраться и вытащить мою машину. Опасность мне не грозила – я прихватил с собой куртку, печка в машине работала, бензина было полбака, но я не переставал думать о том, какие мы разные, мой отец и я.

Если я беспечно надеялся на лучшее, то отец относился к тем, кто всегда ждет худшего и готовится к нему заранее.

Август принес изнурительную жару, высокую влажность и дневные грозы, однако последние недели перед началом школьных занятий Лондон воспринимались совсем иначе, чем предыдущие, – хотя бы потому, что я наконец начал получать доход.

Несмотря на то, что весь мой день был расписан по минутам, такого стресса я не испытывал. Вместе со специалистами я прорабатывал технические вопросы, искал локации для съемок и готовил необходимые релизы, разговаривал с начальством съемочной группы и звукооператоров, получал разрешения, беседовал с сотрудниками местного кастингового агентства, подписывал контракт на рекламные щиты, решал вопросы, связанные с рекламой на телевидении. И все это вдобавок к последним репетициям съемок первых двух роликов и к подготовке к кастингу для третьего ролика. Причем все эти события намечались на ту же неделю, когда у Лондон должны были начаться занятия в школе.

Страшно занятый, я все равно успевал возить Лондон на музыку, танцы и так далее, катался с ней на велосипеде, получал миллионы объятий

и поцелуев и даже договорился о смене расписания ее уроков фортепиано и рисования в учебное время. К концу августа теннисный лагерь закончил работу, и нам хватило времени побывать на дне открытых дверей в школе, где Лондон познакомилась со своей новой учительницей. Выяснилось, что Бодхи будет в одном классе с Лондон. Мне даже удалось повидаться с Эмили. Ее бывший муж вернулся в город, поэтому график Эмили стал непредсказуемым, и мы почти не виделись с тех пор, как Лондон была у них в гостях. Я познакомил Эмили с Вивиан – манера поведения моей жены в момент знакомства как нельзя лучше попадала под определение «отчужденная, но с оттенком предостережения» – и понял, что встречи с Эмили желательно свести к минимуму во избежание проблем.

Вивиан проводила две-три ночи в неделю в Атланте, а возвращаясь домой, держалась очень сдержанно. Это было лучше, чем резкие перепады настроения, с которыми я сталкивался раньше, но радостное волнение памятной мне июльской ночи не повторялось, а поведение моей жены привело к тому, что я нервничал всякий раз, когда видел ее внедорожник, подъезжающий к дому.

Если этот период и внес изменения в распорядок моего дня, то в основном они были связаны с тренировками. Через день после того, как я пристально посмотрел на себя в зеркало, я последовал совету Мардж и в первый же понедельник месяца завел будильник на сорок минут раньше обычного. Надев шорты, я пробежался медленной трусцой по окрестным улицам, повсюду встречаясь с местными мамочками, вышедшими на пробежку, в том числе и с теми, что везли в колясках малышей. Несколько лет назад я мог легко пробежать пять-шесть миль, но сейчас уже после полуторамильной пробежки рухнул в качалку на веранде как подкошенный. Мне понадобилось больше часа, чтобы снова почувствовать себя человеком. Тем не менее я вышел на пробежку и на следующее утро, и на третье, и с тех пор не изменял этой привычке. Во вторую неделю августа я дополнил тренировки отжиманиями и приседаниями, и уже к середине месяца заметил, что брюки стали лучше на мне сидеть.

Лондон уже научилась хорошо кататься на велосипеде, и я уже мог ехать рядом с ней на своем, а после дня открытых дверей в школе мы объехали вместе весь район, даже целый квартал мчались наперегонки. Конечно, я поддался, и она победила. Мы поставили велосипеды в гараж, дали друг другу «пять» и устроились выпить лимонада на задней веранде, надеясь до заката снова увидеть белоголового орлана.

И хотя мы его так и не увидели, я знал, что надолго запомню этот день – хотя бы потому, что он был идеальным.

– А тебе не кажется, что у нее уже достаточно одежды для школы? – спросил я Вивиан.

Наступила последняя суббота перед началом занятий, и поскольку накануне вечером Вивиан вернулась из Атланты очень поздно, мы договорились перенести вечер свидания на сегодня.

– Я не за одеждой, – ответила Вивиан, заканчивая собираться в ванной. Она уже успела побывать на йоге и в тренажерном зале, затем приняла душ; как обычно, ее утро было насыщенным. – Я за школьными принадлежностями. Рюкзак, карандаши, ластик и остальное. Ты хотя бы на школьный сайт заглядывал?

Не заглядывал. Честно говоря, это мне даже в голову не приходило. Зато получил и оплатил счет за первый семестр обучения, в итоге сбережений у нас осталось еще меньше.

– А я думал, мы поедем к моим родителям.

– Поедем, – подтвердила Вивиан. – Это ведь ненадолго. Хочешь, поезжай первым, там и встретимся.

– Пожалуй, – согласился я. – На этой неделе опять едешь в Атланту?

Этот вопрос с недавних пор я задавал регулярно.

– Уезжаю в среду, в пятницу вечером там будет ужин, который мне никак нельзя пропустить, но мы сразу же после него вылетаем обратно. Ужасно обидно, что я пропущу почти всю первую школьную неделю Лондон.

– А отпроситься никак нельзя?

– Нет, – ответила она. – Я бы с радостью, но не могу. Как думаешь, Лондон на меня обидится?

– Если бы ты пропустила ее первый день в школе – возможно, а так все будет в порядке. – Особой уверенности я не чувствовал, но знал, что именно хочет услышать Вивиан.

– Надеюсь, ты прав.

– Кстати, о школе, – продолжал я. – Пришел счет за обучение, вот я и хотел спросить насчет твоей зарплаты.

– А что с моей зарплатой?

– Ты ее еще не получала?

Она повесила сумочку на плечо.

– Получила, конечно. Я же не бесплатно работаю.

– Но я не заметил никаких поступлений – ни на наш текущий счет, ни на сберегательный.

– Я открыла другой счет, – объяснила она.

Мне показалось, что я ослышался.

– Другой счет? Зачем?

– Просто показалось, что так будет проще. Чтобы мы могли следить за бюджетом и расходами на твой бизнес.

– И мне ничего не сказала?

– Зачем поднимать шум из-за пустяка?

Это не пустяк, мысленно возразил я, пытаюсь осмыслить услышанное.

– На нашем сберегательном счету остается все меньше средств, – сказал я.

– Я им займусь, хорошо? – Она шагнула ко мне и быстро поцеловала. – Только сейчас не задерживай нас с Лондон, чтобы мы успели к твоим родителям, договорились?

– Ага, – кивнул я, в недоумении от того, зачем моей жене понадобилась вся эта путаница.

– Случай явно из категории «оч-чень интересно», – высказалась Мардж.

– Я просто не понимаю, почему она об этом не упоминала.

– Ну, привет! Это же проще простого. Не хотела, чтобы ты знал.

– Но как я мог не узнать? Ведь это же я выписываю чеки.

– О, конечно, она понимала, что рано или поздно ты все узнаешь. Когда-нибудь.

– Зачем ей вообще это понадобилось?

– Потому что так она устроена. Ей нравится держать тебя в неведении. Она всегда была такой.

– Нет, не всегда, – не согласился я.

– Лиз! – позвала Мардж.

– Я не стану вмешиваться. – Лиз вскинула руку. – Я сейчас не на работе. Но если захочешь узнать изумительный итальянский рецепт маринары или подробнее услышать о сафари, можешь рассчитывать на меня.

– Спасибо, Лиз. Я слышал, в Ботсване устраивают потрясающие сафари.

– Когда-нибудь я туда съезжу. Путешествие моей мечты.

– Может, вернемся к теме? – вмешалась Мардж. – У нас тут произошло нечто очень *интересное*.

– Интересное – это носороги, – поправил я. – И слоны.

Лиз положила руку на колено Мардж.

– Обязательно надо включить сафари в планы на ближайшие два года. Как думаешь, тебе понравится?

– Что мне не нравится, так это когда ты встаешь на его сторону и помогаешь ему увильнуть от разговора.

– Он и сам справляется блестяще. Я видела рекламу одного места под названием «Лагерь Момбо». Выглядит изумительно.

– По-моему, вы обязательно должны собраться и поехать туда, – заметил я. – Такая возможность представляется раз в жизни.

– Может, вы оба все-таки соизволите вернуться к тому, с чего мы начали?

Явное раздражение Мардж насмешило Лиз:

– У каждой пары свой стиль общения, многие общаются в телеграфном стиле, опуская подробности. Не зная подтекста, я понятия не имею, как к этому относиться.

– Видишь? – подхватила Мардж. – Она со мной согласна: все это выглядит подозрительно.

– Ничего подобного она не говорила.

– Просто ты не улавливаешь подтекста в ее словах.

– А если серьезно? – спросил я Лиз позднее. – Как думаешь, почему Вивиан не сказала мне, что открыла другой счет в банке? Понимаю, ты сейчас не на работе, но мне хотелось бы понять, что вообще происходит.

– Вряд ли я смогу объяснить тебе, что происходит. А мои догадки будут ничем не лучше твоих.

– А если бы ты все-таки строила их?

Прежде чем ответить, она задумалась.

– Тогда я сказала бы, что дело обстоит именно так, как говорит Вивиан, и не стоит придавать этому значения. Может, отдельный счет понадобился ей просто для того, чтобы знать, насколько велик ее вклад в бюджет, и гордиться этим.

Я обдумал ее слова.

– А тебе попадались клиенты, которые делали что-то подобное? Из числа жен?

Лиз кивнула.

– Несколько раз.

– И что?

– Как я уже сказала, это может быть признаком чего угодно.

– Понимаю, ты стараешься вести себя тактично, но я в тупике. Ты можешь объяснить мне хоть что-нибудь?

Ответить она не спешила.

– Если в подобных ситуациях и есть нечто общее, то обычно это гнев.

– Думаешь, Вивиан сердится на меня?

– Я не так много общалась с Вивиан, да и то не наедине, а здесь, в кругу семьи. В такой обстановке можно узнать далеко не все. Но когда люди чем-то недовольны, их поступки зачастую продиктованы гневом. В таком состоянии они способны на действия, которые обычно не совершили бы.

– Например, открыть тайный счет в банке?

– Он не тайный, Расс. Она же рассказала тебе о нем.

– Значит, она... не сердится?

– Мне кажется, ты знаешь это лучше, чем я.

Прошел еще час, а Вивиан и Лондон так и не появились. Мардж и Лиз отправились прогуляться по кварталу, отец засел перед телевизором и увлекся каким-то матчем. Маму я застал на кухне. Она резала картошку, на плите кипела большая кастрюля, распространяя аппетитный запах. На маме был ярко-оранжевый фартук, и я смутно припомнил, как когда-то сам покупал его в подарок.

– А, наконец-то! – сказала мама. – А я уже думала, к своей старенькой маме ты так и не заглянешь.

– Извини. – Я подошел к ней, чтобы обнять. – Не хотел тебя обидеть.

– Ну что ты, я же просто пошутила! Как ты? По-моему, немного похудел.

Я обрадовался, что она это заметила.

– Разве что чуть-чуть.

– Плохо питаешься?

– Снова начал бегать по утрам.

– Фу! – поморщилась она. – Бегать! Не понимаю, как может нравиться бег.

– Что это ты готовишь? Пахнет очень вкусно.

– Рагу по-французски. Джоанна дала мне рецепт, вот я и решила попробовать.

– У Лиз наверняка нашелся бы отличный рецепт.

– Нисколько не сомневаюсь. Но Джоанне она в подметки не годится.

– А я знаю эту Джоанну?

– Она из «Красной шляпы». Ты, скорее всего, видел ее, когда забирал Лондон с обеда в тот день.

– На ней была красная шляпка? И лиловая блузка?

– Очень смешно.

– Кстати, как дела у твоих красных шляпок?

– Замечательно, и нам очень весело вместе. На прошлой неделе после обеда мы собрались компанией и съездили в местный колледж на лекцию, которую читал астроном. Ты знаешь, что ученые недавно открыли планету размером с Землю, которая вращается вокруг другого солнца? И узнали, что эта планета находится на таком же расстоянии от ее солнца, как Земля от своего? Высока вероятность, что на этой планете есть жизнь.

– Понятия не имел.

– На следующей встрече все мы только об этом и говорили.

– Хотите стать первой группой встречающихся в красных шляпках, если к нам когда-нибудь прилетят инопланетяне?

– Зачем ты меня дразнишь? Это некрасиво.

Я подавил смешок.

– Прости, мама, не удержался.

Она покачала головой.

– Не знаю, с чего тебе взбрело в голову, будто бы дразнить мать – это нормально. Я тебя такому не учила.

– Верно, – согласился я и указал на лук, лежащий на столе. – Хочешь, помогу нарезать?

– Ты предлагаешь помочь мне на кухне?

– В последнее время мне часто приходится готовить.

– Полуфабрикатные спагетти из банки?

– Ну и кто кого теперь дразнит?

Ее глаза блеснули.

– Просто стараюсь не отставать от моих детей. Нет, помощь мне не нужна, но все равно спасибо. Твой отец смотрит игру или все еще в гараже?

В гостиной я заметил мерцание экрана.

– Смотрит, – ответил я.

– Пару дней назад я видела его во сне. По крайней мере, мне показалось, что это он. Знаешь, бывают такие сны, где все как в тумане. Но он лежал в больнице, и у него был рак.

– Хм-м...

– Вокруг отца были всякие приборы, они пищали, по телевизору показывали «Судью Джуди». Кажется, его врачом был индеец, а возле него на постели сидела огромная плюшевая игрушка. Лиловая хрюшка.

– Хм-м... – вновь протянул я.

– Как думаешь, что это значит? Я про хрюшку.

- Честное слово, понятия не имею.
- А ты знал, что моя бабушка была экстрасенсом? У нее часто случались видения.
- Ты же сказала, что это был сон.
- Суть в том, что я беспокоюсь за него.
- Понимаю, что беспокоишься. Но ведь врач сказал: с ним все в порядке. Больше он не задыхается?
- Вроде бы нет, не замечала. Сам он мне ничего не скажет.
- Я спрошу у него, ладно?
- Спасибо, – кивнула она. – А где Вивиан и Лондон?
- В последнюю минуту спохватились и уехали покупать все необходимое для школы. Скоро должны быть здесь. Кстати, первый раз Лондон идет в школу во вторник. Если захочешь – приходи, мы будем тебе рады.
- Мы придем вместе с отцом, – пообещала мама. – Для Лондон это важный день.
- Верно, – согласился я.
- Мама улыбнулась.
- До сих пор помню твой первый день в школе. Ты так волновался! А я привела тебя в класс, вернулась в машину и расплакалась.
- Почему?
- Ты стал совсем большой. Вы с Мардж были такими разными! Ты был более ранимым, чем она. Я так беспокоилась за тебя.
- Услышав, что я был более ранимым, чем моя сестра, я насторожился, что мама недалеко от истины.
- Но все сложилось удачно. Ты же знаешь, мне всегда нравилось в школе. Надеюсь, и Лондон там понравится. Мы ходили на день открытых дверей и познакомились с ее учительницей. По-моему, она хорошая.
- У Лондон все будет здорово. Она умненькая, совсем уже большая и очень милая.
- Вот и хорошо.
- Как я рада, что ты на меня не сердишься.
- С какой стати мне на тебя сердиться?
- Потому что я отказалась побыть с Лондон, когда тебе была нужна помощь.
- Но ведь ты же была права, – возразил я. – Это не твоя обязанность. Я начал уважительнее относиться к одиноким матерям.
- Это было полезно и для Лондон. Она сильно изменилась за это лето.
- Ты думаешь?

– Конечно, она стала другой. Ты видишь ее изо дня в день и потому не замечаешь.

– А что именно в ней изменилось?

– Прежде всего – как она отзывается о тебе. И как часто рассказывает.

– Она рассказывает обо мне?

– В последнее время – постоянно. «Мы с папой катались на велосипеде», «папа играл со мной в Барби», «папа водил меня в парк». Раньше такого не было.

– Вот так в последнее время я и живу.

– Тебе это на пользу. Мне всегда казалось, что твоему отцу не повредило бы узнать, чем живет его жена.

– Но тогда он не был бы тем большим и мрачным дядькой, которого мы с Мардж побаивались.

– Тс-с! Ты же знаешь, он любил и любит вас обоих.

– Знаю. Только если я не отвлекаю его болтовней от матча. Зато Мардж и Лондон можно болтать сколько угодно – он им и слова не скажет.

– Только потому, что Мардж разбирается в спорте лучше тебя, а Лондон можно попросить сбегать за пивом. Может, и тебе стоит попробовать?

– Я слишком тяжелый, чтобы сидеть у отца на коленках.

– Ты сегодня король шуток! В холодильнике есть пара бутылок пива. Отнеси ему, и посмотрим, что будет дальше. Он любит, когда ты приезжаешь в гости.

– Я заранее могу сказать, что из этого выйдет.

– А ты попробуй. Просто помни: он чувствует, что ты его боишься.

Я рассмеялся и направился к холодильнику, уверенный, что у меня лучшая мама в мире.

– Как ты, пап?

Я протянул ему открытую бутылку пива.

– Это тебе, – сказал я, удачно выбрав момент во время рекламной паузы, когда он уже убрал звук.

– Ты чего это?

– Вот, пива тебе принес.

– Зачем?

– Как зачем? Подумал, может, захочешь выпить.

– Ты, случайно, не денег хочешь у меня просить?

– Нет.

– Правильно. Потому что я не дам. Я не виноват, что ты уволился.

Отец – мастер прямолинейных заявлений. Я уселся на диван рядом с ним.

– Как идет матч?

– «Брейвс» проигрывают.

Я сцепил пальцы, не зная, что еще сказать.

– А вообще как дела, пап? С работой все в порядке?

– А что ей делается?

Ну, не знаю, думал я. Я сделал глоток из своей бутылки.

– Я говорил тебе, что у меня появился первый клиент?

– Угу. Адвокат. Итальянец.

– На следующей неделе я начну снимать для него пару рекламных роликов. Надо подыскать детей для третьего, и можно приступать к работе над ним.

– Не люблю рекламу юристов.

– Да ты любую рекламу терпеть не можешь, пап, – поправил я. – Потому и звук убираешь.

Он кивнул, в комнате повисло молчание, только слышно было, как на кухне напевает мама. Попробовав оторвать уголок этикетки на бутылке, он счел своим долгом из вежливости спросить:

– Как Вивиан?

– У нее все в порядке, – ответил я.

– Хорошо.

В этот момент снова начался матч, и отец взгляделся в табло со счетом, судя по которому, «Брейвс» отставали на три очка за четыре иннинга^[9] до финала.

– Надо будет как-нибудь сходить на матч «Брейвс». Нам вдвоем.

Он нахмурился.

– Так и будешь болтать весь день или дашь мне все-таки спокойно посмотреть игру?

– По-моему, ты его напугал, папа, – заявила Мардж, плюхаясь на диван рядом с отцом. Они с Лиз вернулись с прогулки.

– Ты о чем?

Мардж указала на меня.

– Он пристроился на краешке так, будто шевельнуться боится.

Отец пожал плечами.

– Да он все болтал и болтал как заведенный.

– Это он умеет, – согласилась Мардж и кивнула в сторону таблицы.

– Какой счет?

– На конец восьмого иннинга – четыре-четыре. «Брейвс» отыгрываются.

– Запасной питчер уже выходил?

– В седьмом иннинге.

– Кто?

Отец назвал незнакомую мне фамилию.

– Удачный выбор, – отметила Мардж. – Скользящие подачи у него хорошие и броски с переменной скорости тоже. Ну и как он?

– Уже много бросков сделал. Справляется.

– А помнишь времена, когда у нас были Мэддокс, Смольц и Глэвин?

– Разве их забудешь? Комбинация была что надо, а в этом году...

– Ага, паршивый год. Но им еще повезло, не то что «Кабс».

– Нет, ты только представь! Чуть больше ста лет прошло с тех пор, как они были чемпионами. Теперь о «проклятии Бамбино»^[10] даже вспоминать смешно.

– Как думаешь, кто выиграет?

– Да какая разница! Лишь бы не «Янки».

– А по-моему, «Метс».

– А что, очень даже может быть, – согласился он. – У них точные броски. У «Ройялс» тоже, и в этом году уже есть важные победы.

Пока он рассуждал, Мардж подмигнула мне.

Наконец мы с сестрой вышли к Лиз на веранду. Из гостиной доносился шум матча.

– Никогда не любил бейсбол, – сказал я сестре. – В старших классах занимался легкой атлетикой.

– Потому теперь и бегаешь вместе с мамочками. Смотри, как бы кто-нибудь не заметил, как деградировала твоя примитивная атлетика.

Я повернулся к Лиз:

– Она с тобой так же общается?

– Нет, – ответила Лиз. – Она ведь заранее знает, что ужина ей не видать. Но ты-то легкая мишень.

– Я просто хотел сказать, что отец вряд ли стал бы болтать со мной, даже если бы я разбирался в бейсболе, как ты.

– Зря ты расстраиваешься. – Мардж пожала плечами. – Да, в бейсболе ты ничего не смыслишь, зато отец ни одного аксессуара для Барби не назовет, так что тебе есть чем гордиться.

– Ну вот, мне сразу полегчало.

– Да не обижайся ты! Когда отец в гараже, он со мной и словом не

перебросится. Гараж – твоя территория.

– Правда?

– А зачем, по-твоему, я выясняла, что там и как у команды «Брейвс»? Иначе он и не разговаривал бы со мной, разве что попросил бы за ужином передать ему пюре.

– Как думаешь, с мамой они общаются как раньше?

– После почти пятидесяти лет в браке? Вряд ли. Нечего им уже обсуждать. Но знаешь, им и так неплохо.

– Папочка! – послышалось из кухни, и на веранду вприпрыжку выбежала Лондон. На ней было новое платье, достойное красной ковровой дорожки, в руках она держала коробку для школьных завтраков, украшенную изображением Барби.

– Смотри, что у меня есть! – объявила Лондон, показывая мне коробку. – Как раз для рюкзака, он тоже с Барби!

– Замечательно, детка. Очень красиво.

Она обняла нас троих по очереди, мы дружно выразили восхищение ее обновками.

– В школу уже хочется? – спросила Мардж.

Лондон кивнула.

– Во вторник пойду.

– Знаю, – подтвердила Мардж. – Твой папа мне сказал. А еще – что ты уже познакомилась с учительницей.

– Ее зовут миссис Бринсон, – сообщила Лондон. – Она очень хорошая. Даже разрешила мне принести Мистера и Миссис Крапинку, когда у нас будет урок «покажи и расскажи».

– Вот здорово! – откликнулась Мардж. – Твоим одноклассникам наверняка понравится. А сейчас твои хомячки где? Ты их привезла?

– Нет, они дома. Мама сказала, что сейчас слишком жарко, оставлять их в машине нельзя, пока мы ходим по магазинам.

– Мама права. Жарища страшная.

– Есть хочешь? – спросил я Лондон.

– Мы с мамой недавно обедали.

Так вот где вы пропадали.

– К бабушке на кухню заходила?

– Она говорит, скоро мы будем готовить «пудинг в облаках». Только легкий, чтобы не перебить аппетит. А потом пойдем сажать цветы.

– Интересно. А у дедушки была?

– Посидела у него на коленках. У него борода колется, он меня в щеку уколол, когда поцеловал. Ему моя коробочка тоже понравилась.

– Еще бы! Игру с ним смотрела?

– Вообще-то нет. Мы говорили про хомячков – он тоже по ним соскучился. Потом про школу и мой велосипед, и он сказал, что хочет посмотреть, как я катаюсь. Он рассказывал, что когда был маленький, то все время катался на велосипеде. Однажды, говорит, даже доехал до озера Норман и обратно.

– Это далеко, – заметил я, но не усомнился в отцовских словах ни на минуту. Он на такое способен. На веранду вышла Вивиан.

Я поднялся и поцеловал жену, Мардж и Лиз обнялись с ней, все вернулись на свои места. И Вивиан тоже присела.

Она оправила платье на Лондон.

– Дорогая, бабушка ждет, когда ты поможешь ей на кухне.

– Ага. – Лондон убежала в дом. Когда за ней закрылась дверь, я повернулся к Вивиан, все еще обеспокоенный ее отдельным счетом в банке. Но я прекрасно понимал, что сейчас не время и не место объяснять, что я чувствую. И я заставил себя улыбнуться как ни в чем не бывало.

– Как съездила?

– Ты себе не представляешь, какая это морока. – Вивиан вздохнула. – Мы целую вечность искали такой рюкзак! Они продаются повсюду, но подходящий нам повезло найти только в последнем из магазинов. И конечно, там было не протолкнуться. Как будто все население Шарлотта осенила идея закупить все необходимое к школе в последнюю минуту! Ну и пришлось вести Лондон обедать, потому что она успела проголодаться.

– Шопинг – занятие не для слабонервных, – вставила Мардж.

– По крайней мере, с ним покончено. – Вивиан взглянула на Мардж и Лиз. – А у вас как дела? Никуда не собираетесь?

Мардж и Лиз обожают путешествовать: за годы совместной жизни они успели побывать в пятнадцати странах.

– В следующие выходные едем в Хьюстон к моим родителям, – ответила Лиз. – А в октябре – в Коста-Рику. Сразу после дня рождения Лондон.

– Ого... и что там, в Коста-Рике?

– Это скорее туристический маршрут с приключениями: переправы по канатным мостам, сплав по рекам, прогулки по высокогорным джунглям и, наконец, вулкан Ареналь.

– Звучит заманчиво.

– Надеюсь. А в начале декабря поедem в Нью-Йорк. Хотим побывать на нескольких шоу. К тому же я слышала, что мемориальный музей одиннадцатого сентября – что-то потрясающее.

– Люблю Нью-Йорк в сезон праздников. Ни за что бы ни подумала, что буду скучать по нему. А теперь все чаще жалею, что уехала оттуда.

«Мы уехали потому, что поженились». Но я промолчал, а Лиз, по всей видимости, почувствовала мое беспокойство и решила разрядить атмосферу.

– Другого такого города нет, верно? – сказала она. – Каждый приезд – радость.

– Если понадобится забронировать столик где-нибудь, позвоните мне. Я свяжусь со своим прежним боссом и попрошу его поднять давние связи.

– Спасибо, будем иметь в виду. Как идет переезд офиса в Атланту?

– Потихоньку. Почему-то вопросы логистики взвалили на меня, и работы оказалось гораздо больше. В конце недели придется съездить в Атланту на пару дней.

– Но ты ведь отведешь Лондон в школу в первый учебный день?

– Его я ни в коем случае не пропущу.

– Лондон будет счастлива. Официальная дата переезда уже назначена? Я про Атланту.

– Видимо, середина сентября. Офис будет изумительный – прямо на улице Пичтри, с прекрасным видом. Уолтер организовал для некоторых руководителей временные служебные квартиры, чтобы облегчить им существование.

– У тебя тоже будет служебная квартира?

– Это зависит от того, сколько времени мне придется проводить в Атланте.

Сколько времени?

Прежде чем я сообразил, что это может означать, Лиз продолжила:

– Но ведь ты будешь работать в основном в Шарлотте, верно?

– Надеюсь, да, но утверждать не берусь – кто знает? На этой неделе я проведу в Атланте три дня. Уолтер вынашивает идею баллотироваться в губернаторы. Не в следующем году, а в две тысячи двадцатом. С масштабами его проектов застройки, общественным каналом, а теперь еще и предвыборной кампанией – не удивляйтесь, если я буду пропадать на работе.

– Это же все равно, что жить в отеле.

– Если до этого дойдет, я, наверное, приму предложение Уолтера пожить в служебной квартире.

– Ты серьезно? – наконец вмешался я.

– А что мне остается? Насчет жизни в отеле Лиз права.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты жила в Атланте, – признался я,

недоумеваю, почему узнаю об этом лишь сейчас, в общей беседе, а не в разговоре с глазу на глаз.

– Знаю, – ответила она. – Думаешь, мне самой этого хочется?

Я промолчал.

– Зачем ему в губернаторы? – спросила Мардж, прервав мои мысли. – У него и так есть и деньги, и власть.

– А почему бы и нет? Уолтеру удастся все, за что он берется. Из него наверняка получится отличный губернатор.

Слушая Вивиан, я продолжал думать о банковском счете и служебной квартире. И, судя по лицу Мардж, она размышляла о том же. А Лиз тем временем пыталась перевести разговор на нейтральные темы.

– По-моему, он обеспечит тебе постоянную занятость на ближайшие несколько лет, – сказала она.

– Я и так целыми днями занята.

– И тебе, похоже, это нравится, – заметила Лиз.

– Так и есть. Я соскучилась по работе, а в этой компании это – удовольствие. Я чувствую себя в своей тарелке, снова становлюсь самой собой, если это объяснение имеет хоть какой-то смысл.

– Конечно, смысла в нем хоть отбавляй, – согласилась Лиз. – Я постоянно твержу своим клиентам, насколько важна полноценная и значимая работа для душевного здоровья.

– Быть мамой – тоже полноценная и значимая работа, – возразил я.

– Никто не спорит, – произнесла Лиз. – Думаю, все согласятся с тем, что воспитывать ребенка – важнейшее занятие. – Она снова обратилась к Вивиан: – Тяжело подолгу не видеть Лондон?

– Я знаю, что она по мне скучает, – ответила Вивиан. – Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы она думала, что высшая цель в жизни женщины – босой торчать на кухне и вынашивать ребенка.

– Когда это ты торчала на кухне босая и беременная? – вмешался я.

– Это образное выражение, Расс, – объяснила она. – Ты же понимаешь, о чем я. И, честно говоря, Рассу это тоже пошло на пользу. Наконец-то он научился с уважением относиться к образу жизни, который я вела последние пять лет.

– Я всегда относился к нему с уважением. – Я вдруг понял, что мне надоело постоянно оправдываться. – И да, ты права: забота о Лондоне отнимает массу сил. Но я тоже работаю и понимаю, как трудно находить на все время.

Вивиан на миг прищурилась, не скрывая недовольства моим замечанием, и снова обратилась к Мардж:

– А у тебя как дела? На работе все в порядке?

Этим безобидным вопросом она выявила отношения между нами: он ничего не значил и помогал поддерживать поверхностную беседу.

– Как говорится, хочешь оживить корпоратив, пригласи пару гробовщиков.

Я невольно улыбнулся. Вивиан – нет.

– Не понимаю, как ты справляешься, – сказала она. – Представить себе не могу, как можно целыми днями смотреть на цифры и иметь дело с налоговой.

– Да, это не для всех, но у меня неплохо обстоят дела с цифрами.

– Это хорошо, – отозвалась Вивиан.

Все замолчали. Мардж разглядывала маникюр, Лиз разглаживала подвернутый край шортов. Стало ясно: непринужденная обстановка, царившая в нашем кругу весь день, улетучилась бесследно, как только Вивиан зашла на веранду. Даже самой Вивиан было нечего сказать. Она уставилась в никуда, потом нехотя снова перевела взгляд на Мардж:

– Во сколько приехали сюда сегодня?

– В половине первого, кажется, – ответила Мардж. – За несколько минут до Рассы.

– Случилось что-нибудь?

– Ничего особенного, суббота как суббота. Мама весь день провозилась на кухне, мы прогулялись, отец до самого начала матча копался в гараже. А я, конечно, дразнила твоего мужа.

– Молодец. Хоть кто-то способен держать его в узде. В последнее время он стал слишком раздражительным. С недавних пор мне кажется, что ему невозможно угодить.

Я был удивлен, но возразить ничего не смог. *О ком ты говоришь – обо мне или о себе?*

Отдельный счет в банке. Служебная квартира. Возможно, придется проводить четыре дня в неделю в Атланте.

Чем больше я думал о «субботних сюрпризах» Вивиан, тем сильнее подозревал, что этот разговор она начала намеренно в гостях у родителей, зная, что я не стану устраивать сцену. А дома она, конечно, скажет, что мы уже все обсудили, так что возвращаться к этому разговору бессмысленно, и что если я завожу его снова, значит, мне не терпится поскандалить. Для нее ситуация была беспроектной, а у меня не осталось ровным счетом никакого выхода. Но что меня беспокоило куда больше ее манипуляций, так это полное равнодушие Вивиан к перспективе проводить порознь большую

часть недели. Чем это для нас обернется? А для Лондон?

Неизвестно. У меня не было ни малейшего желания уезжать из Шарлотта, но если бы это было единственным выходом, я бы согласился. Брак важен для меня, как и семья, и я готов на все, чтобы сохранить ее. А что касается моей компании, я еще не настолько прочно обосновался в Шарлотте и в перспективе мог бы начать поиск клиентов в Атланте, если бы имел малейшее представление о дальнейших планах Вивиан. Но все было слишком туманно и неопределенно.

Я понятия не имел, что скажет Вивиан, если я предложу ей перебраться в другой город всем вместе. Захочет ли она? Мне казалось, мы с Вивиан катимся по льду в противоположных направлениях, и чем упорнее я стараюсь удержать ее, тем решительнее она вырывается. Ее скрытность не давала мне покоя, и хотя, как мне казалось, мы должны поддерживать друг друга в непростых ситуациях, я не мог избавиться от ощущения, что Вивиан эта взаимопомощь не нужна. Вместо того чтобы противостоять остальному миру в одной команде со мной, Вивиан как будто бы противостояла мне.

С другой стороны, я, возможно, и вправду делал из мухи слона, вел себя неправильно и уделял ее промахам гораздо больше внимания, чем удачам. Пожалуй, как только Лондон пойдет в школу, мы привыкнем к расписанию друг друга, дела пойдут в гору и все наладится.

Или нет.

Пока я думал об этом, Вивиан обсуждала с Мардж и Лиз нью-йоркские шоу. Затем посоветовала им побывать в не очень популярном баре на крыше здания на Пятьдесят седьмой улице с видом на Центральный парк. И мне припомнилось, как я водил туда Вивиан по воскресным дням, когда еще считал себя центром ее Вселенной. Какими далекими казались мне те времена!

В эту минуту на веранду вышла Лондон, неся две порции «пудинга в облаках» – для Лиз и Мардж, потом ушла и вернулась с еще двумя – для меня и Вивиан. Несмотря на мое напряжение, увидев радостную Лондон, я не смог сдержать улыбки.

– Выглядит очень аппетитно, детка, – оценил я. – Из чего он сделан?

– Там шоколадный пудинг и взбитые сливки, – объяснила дочь. – Похоже на печенье «Орео», только мягкое, и я помогала бабуле делать его. Она сказала, что аппетит этим не перебьешь – десерт совсем легкий. Свой я съем у дедули и ему тоже принесу, ладно?

– Ему понравится. – Я попробовал ложку и восхитился: – Вкуснятина! Ты настоящий шеф-повар!

– Спасибо, папа.

К моему удовольствию, она быстро обняла меня и убежала обратно в дом – наверное, лакомиться десертом на коленях у бабушки.

Хотя на лице Вивиан, наблюдающей, как Лондон обнимает меня, играла снисходительная улыбка, я так и не смог понять, чувствует она себя обделенной или нет. Как только за Лондон закрылась дверь, Вивиан поставила свой десерт на стол – сладкое она всегда воспринимала как личного врага. Что не скажешь о Мардж и Лиз. Охотно проглатывая очередную ложку, Мардж снова заговорила:

– У вас впереди непростая неделя. Начинаются уроки в школе, Вивиан уезжает, а ты снимаешь рекламу, так? Когда приступаешь?

– Репетиция назначена на среду, съемки в четверг и пятницу, а потом еще пару дней на следующей неделе. Тогда же и кастинг.

– Весь в делах.

– Справлюсь, – отозвался я, уверенный в себе. Когда у Лондон начнутся уроки, у меня прибавится восемь часов для работы – мне казалось, это невероятно много по сравнению с тем, сколько мне удастся выкраивать сейчас. Я съел еще ложку десерта и почувствовал на себе внимательный взгляд Вивиан.

– Ты что? – спросил я.

– Неужели ты собираешься доесть это?

– А что такого?

– Через час будет ужин. Переесть вредно. По крайней мере, твоей талии.

– Ничего, переживу, – отозвался я. – В этом месяце я уже сбросил шесть фунтов.

– Такими темпами ты снова их наберешь.

Я не ответил, Лиз прокашлялась.

– А ты, Вивиан? Все еще ходишь в зал? И занимаешься йогой все там же, в центре?

– Только по субботам. Но два-три раза в неделю хожу в тренажерный зал у нас в офисе.

– В офисе есть тренажерный зал?

– Ты же видел, как я беру с собой на работу спортивную сумку. Иначе мне не хватало бы времени на тренировки. Само собой, иногда занятия спортом перетекают в совещания – смотря с кем из руководства столкнешься в зале.

Имен она не назвала, но у меня возникло щемящее чувство, что она имеет в виду прежде всего Уолтера. И если это так – только что она

преподнесла мне самый жестокий из всех «субботних сюрпризов».

Мое настроение испортилось окончательно. Вивиан и Мардж продолжали болтать ни о чем, но я не слушал их, строя все новые догадки.

Из дома вышли моя мама с Лондон, обе в садовых перчатках. Дочка явно позаимствовала перчатки у бабушки, потому что они были велики ей размера на три.

– Детка! – воскликнул я. – Идете работать в саду?

– Смотри, какие у меня перчатки, папа! У нас с бабулей будет самая красивая клумба.

– Молодцы!

Я увидел, как мама выносит из дома неглубокий пластиковый поднос с двенадцатью горшочками, в которых уже цвела календула. Лондон несла два садовых совка и без умолку болтала, а мама внимательно слушала ее.

– Вы заметили, как меняется мама, когда рядом Лондон? – спросила Мардж. – Такая терпеливая, жизнерадостная, веселая!

– По-моему, тебя это раздражает, – хмыкнула Лиз.

– Так и есть. Со мной мама никогда не сажала цветы. И не учила делать «пудинг в облаках». Не была такой, как сейчас. Если она обсуждала что-то со мной, то исключительно какие-то поручения по дому.

– А ты готова признать, что твоя память избирательна? – спросила Лиз.

– Нет.

Лиз рассмеялась.

– Тогда, пожалуй, тебе стоит смириться с мыслью, что твоя мама любит Лондон больше, чем любила вас с Рассом.

– Ох... – поморщилась Мардж. – Целительный эффект – нулевой.

– А я хотела бы, чтобы Лондон почаще виделась с моими родителями, – заговорила Вивиан. – Грустно думать, что близости между моей дочерью и моими родителями нет. Она как будто упускает шанс поближе познакомиться с моей семьей.

– Когда они виделись в прошлый раз? – спросила Лиз.

– В День благодарения, – ответила Вивиан.

– А летом они почему не приезжали в гости?

– В папиной компании как раз начался процесс слияния, а мама не любит ездить без него. Надо было, конечно, мне самой отвезти к ним Лондон, но когда? При моем-то графике?

– Может, еще удастся, как только наладятся дела, – предположила Лиз.

– Может быть, – отозвалась Вивиан и вдруг нахмурилась, увидев, как

Лондон копает ямки для цветов. – Если бы я знала, что Лондон будет работать в саду, я привезла бы ей одежду на смену. Платье совсем новое, она расстроится, если оно будет безнадежно испорчено.

Мне казалось, расстроится скорее не Лондон, а сама Вивиан. Дочка вряд ли помнит хотя бы половину своих нарядов... внезапно мои мысли прервал пронзительный визг Лондон, полный боли и страха.

– ОЙ! А-А-А! БОЛЬНО! ПА-АПА!

Мир мгновенно перевернулся.

Я вскакиваю, опрокинув стул... Лиз и Мардж в шоке... Губы Вивиан искривлены гримасой ужаса... Мама бросается к внучке... Лицо Лондон красное, как свекла, искаженное болью, она трясет рукой...

– БО-ОЛЬНО, ПАПА!

Меня буквально сорвало с места, адреналин хлынул в кровь. Добежав до Лондон, я подхватил ее на руки.

– Что случилось?

Лондон судорожно всхлипывала и не могла выговорить ни слова, она захлебывалась рыданиями и держала руку на весу, отстранив от себя.

– Что такое? Руку поранила?

Мамино лицо было белым как мел.

– Ее ужалила пчела! – воскликнула она. – Она пыталась смахнуть ее рукой...

Вивиан, Лиз и Мардж уже были рядом. Даже отец торопился к нам.

– Точно пчела? – спросил я. – Тебя ужалила пчела?

Я попытался осмотреть руку Лондон, но она отчаянно размахивала ею, убежденная, что пчела все еще сидит на прежнем месте.

Вивиан ловко поймала руку Лондон, не обращая внимания на плач.

– Вижу жало! – крикнула она. Та продолжала отбиваться, и Вивиан не унималась: – Мне надо вынуть его, понимаешь?

Она крепче вцепилась в руку Лондон и скомандовала:

– Сиди смирно!

Ей понадобилась пара попыток, чтобы схватить жало ногтями, а потом быстрым движением вытащить его.

– Вот и все, милая, – объявила она. – Да, больно, понимаю, – ласково добавила она. – Но теперь все будет хорошо.

С тех пор, как я услышал крики Лондон, прошло не более пятнадцати секунд, но мне показалось, что прошла целая вечность. Лондон по-прежнему плакала, но постепенно ее всхлипы начали утихать. Я прижимал дочь к себе, от ее слез моя щека стала мокрой. Все обступили нас, утешая Лондон.

– Тс-с-с... – шептал я, – я с тобой...
– Ну, как ты? – спрашивала Мардж, поглаживая Лондон по спине.
– Ужасно больно было, наверное... бедняжка... – добавляла Лиз.
– Сейчас принесу соду, – сказала мама.
– Иди-ка сюда, детка. – Вивиан протянула руки к Лондон. – Иди к маме...

Вивиан хотела забрать Лондон у меня, но та вдруг уткнулась лицом в мою шею.

– Я хочу с папой! – заявила Лондон, а когда Вивиан все-таки попыталась перехватить ее, дочка лишь сильнее сжала мою шею, чуть не задушив меня, и Вивиан отступила.

Я отнес Лондон на веранду, где продолжал ее успокаивать. К тому времени мама развела соду в чашке с водой до густой кашицы и поставила ее на стол.

– От нее отек быстрее пройдет и зуд уменьшится, – объяснила она. – Лондон, хочешь посмотреть, как я тебя помажу?

Лондон повернулась, глядя, как мама наносит кашицу на ее руку.

– А жечь не будет?

– Нисколько, – заверила мама. – Видишь?

Теперь Лондон лишь изредка всхлипывала, а когда мама закончила обрабатывать ей руку, отважилась рассмотреть укус поближе.

– Все равно больно, – пожаловалась она.

– Да, но от соды станет полегче.

Лондон кивнула, по-прежнему с боязнью разглядывая свою руку. Я смахнул слезинки с ее щек и ощутил влагу на коже.

Мы сидели за столом и болтали, стараясь отвлечь Лондон. И в то же время были насторожены, боясь аллергической реакции. Аллергиков среди нас не наблюдалось. Ни я, ни Вивиан аллергией не страдали. У Лондон не было реакции на укусы огненных муравьев, но пчела ужалила ее впервые, поэтому мы не знали чего ждать. Дышала Лондон ровно, отек не усилился, а когда кто-то упомянул в разговоре Мистера и Миссис Крапинку, Лондон даже на время забыла о боли – правда, всего на несколько секунд.

Убедившись, что с Лондон все в порядке, я вдруг понял, что мы, взрослые, отреагировали на случившееся слишком бурно. Наша паника, стремление как можно скорее успокоить Лондон, беготня вокруг нее внезапно показались мне смешными. Ведь она же не руку сломала и не попала под машину. Да, она плакала от боли, но... ее же всего-навсего ужалила пчела. Меня в детстве пчелы жалили раз десять, и даже когда это случилось впервые, мама не прибежала ко мне с содой и не взяла на руки,

чтобы утешить. Если мне не изменяет память, она просто велела мне поддержать руку под струей холодной воды, а папа добавил что-то вроде: «Кончай рыдать, не младенец».

Мама спросила у Лондон, не хочет ли она еще шоколадного пудинга, и та спрыгнула с моих колен, поцеловала меня и побежала за мамой на кухню. Руку она держала перед собой, как хирург, подготовившийся к операции. Этим сравнением я рассмешил Мардж и Лиз.

А Вивиан даже не улыбнулась. Всем своим видом она говорила: ты меня предал!

Глава 13

Преступление и наказание

Мне было двенадцать лет, а Мардж – семнадцать, когда она «вышла из тени», как это корректно называется в наше время. Мы сидели у нее в комнате, разговор коснулся танцев по случаю вечера встречи выпускников. Я спросил, почему она не идет, на что она резким тоном ответила:

– Потому что мне нравятся девушки.

Помнится, я промямлил:

– А-а, мне тоже.

По-моему, в глубине души я догадывался, что Мардж лесбиянка, но в том возрасте я знал о сексуальности и сексе лишь то, о чем шептались в школьных коридорах, что показывали в нескольких фильмах «только для взрослых», которые мне удалось посмотреть. Услышав это признание годом позже, когда я каждый раз при случае подпирал дверь своей комнаты ботинком, не знаю, как бы я отреагировал, хотя, наверное, все-таки придал бы тому, что узнал, большие значения. В тринадцать лет, в среднем школьном возрасте, все из ряда вон выходящее воспринимается «худшим в мире», в том числе и то, что касается сестер.

– Расстроился? – спросила она, внезапно притворившись, что обрабатывает кутикулу.

Если бы я в ту минуту догадался посмотреть на нее, а точнее, присмотреться, то понял бы, как взволновало ее это признание.

– Да нет, ничего. А мама с папой знают?

– Нет. И не вздумай проболтаться им. Они разозлятся.

– Ладно. – Болтать я и не собирался и хранил ее тайну до тех пор, пока в следующем году за обеденным столом Мардж не призналась им во всем сама.

Я не намекаю на свое благородство и не призываю вас делать какие-либо выводы насчет меня. Хотя я и уловил тревогу Мардж, я был еще недостаточно взрослым, чтобы понять всю серьезность ее слов. Когда мы выросли, все было по-другому: считалось, что быть геем – странно и неправильно, быть геем – грех. Я понятия не имел, какие душевные тяготы предстоят Мардж и что будут говорить люди за ее спиной, а иногда и в лицо. Но я и сейчас не настолько самонадеян, чтобы считать себя в состоянии понять ее чувства. С моей точки зрения,

двенадцатилетнего подростка, мир был устроен проще, и, честно говоря, мне не было дела до того, кто нравится Мардж – девочки или мальчишки. Я любил и ненавидел ее по-своему. К примеру, ненавидел, когда она опрокидывала меня на спину, садилась сверху, зажимая коленями мои руки, и колотила в грудь костяшками пальцев; с содроганием вспоминаю, как однажды к нам зашла Пегги Симмонс, девочка, которая мне нравилась, а Мардж сказала ей, что «он не может выйти – он в туалете, а это о-очень надолго».

Моя сестра. Всегда желающая мне только добра.

А что касается любви к Мардж, так тут совсем все просто. Я был только рад любить ее, пока она не доставляла никаких неприятностей. Как и в других семьях, где есть младшие братья и сестры, Мардж всегда была для меня кумиром и осталась им даже после своего признания. Родители относились к ней как к взрослому человеку, а ко мне – как к ребенку, так было всегда. Вместе с тем должен признаться, благодаря Мардж мой путь к взрослению оказался более спокойным, чем мог быть без нее, – ведь родители уже знали, чего ожидать. Неожиданности и разочарования зачастую идут рука об руку, когда речь идет о воспитании детей, и, как правило, чем меньше неприятных сюрпризов, тем меньше разочарований.

Я улизнул из дома ночью и угнал родительскую машину? Мардж проделала то же самое несколькими годами раньше.

Я переборщил с выпивкой на школьной вечеринке? Не я один.

Я залез на водонапорную башню, пристанище местных подростков? Она уже давно стала излюбленным местом Мардж.

Я стал мрачным и угрюмым и почти не разговаривал ни с мамой, ни с отцом? Благодаря Мардж они знали, что этого следует ожидать.

Само собой, Мардж ни на минуту не позволяла мне забыть о том, насколько легко по сравнению с ней мне жилось. Но если уж говорить начистоту, я нередко чувствовал себя поздним ребенком в семье, а это тоже нелегко. Каждый по-своему, мы оба считали себя в чем-то ущемленными, но, продолжая вести борьбу, с каждым годом становились все ближе друг другу.

Сейчас, когда мы говорим о том, что происходило в жизни Мардж, она обычно преуменьшает трудности, особенно в общении с окружающими, и от этого я еще больше восхищаюсь ею. Быть не таким, как все, – непросто, а жизнь на положении «иной» в такой обстановке, как наша, – на Юге, в христианской семье, – закалила Мардж и сделала ее почти неуязвимой. С тех пор, как она стала взрослой, ее существование

зидается на цифрах, электронных таблицах и вычислениях. Общась с окружающими, она прячется под маской остроумия и сарказма. Она старается никому не открываться. И хотя мы с ней близки, я не могу сказать точно, скрывает ли моя сестра от меня эмоциональную сторону своей натуры. Зато знаю точно: если спросишь об этом, она будет все отрицать, скажет, что надо было просить у Бога более сентиментальную сестру – из тех, у кого всегда наготове бумажный платочек.

В последнее время мне все чаще хочется убедить Мардж, что я вижу ее настоящую и что всегда любил ее такой, какая она есть. Но как бы близки мы ни были, такой глубины наши разговоры достигают редко. Наверное, как и большинство людей, мы обсуждаем ничего не значащие подробности жизни и прячем страхи – как черепаха в панцире.

Но я видел Мардж и в худшие моменты ее жизни.

Некоторые из них связаны с девчонкой по имени Трейси, ее соседкой по комнате. В то время Мардж поступила в Университет Северной Каролины в Шарлотте и хотя свою ориентацию не скрывала, все же ее не афишировала. Трейси с самого начала знала, кто такая Мардж, но, казалось, не придавала этому значения. Отношения между ними выглядели как обычная дружба между студентами-соседями. Дома у Трейси остался парень, после разрыва с ним Мардж помогала ей прийти в себя. В конце концов Трейси заметила, что Мардж тянется к ней, но отталкивать ее не стала и даже поговаривала о том, что, возможно, сама бисексуальна. А потом однажды ночью это произошло. Наутро Мардж проснулась с чувством, будто обрела саму себя; Трейси была в растерянности, но готова дать шанс новым отношениям. По настоянию Трейси они скрывали связь между ними. Мардж это устраивало, и за несколько месяцев ее чувства окрепли. А Трейси, наоборот, начала отдаляться, а когда вернулась в университет после весенних каникул, сообщила, что помирилась со своим парнем и не уверена, стоит ли им с Мардж оставаться друзьями. Она также объявила, что переезжает в квартиру, снятую для нее родителями, и что с Мардж ее не связывало ничего, кроме желания попробовать что-то новое. Все, что было между ними, – ничего не значащий эксперимент.

Мардж позвонила мне незадолго до полуночи. Она была пьяна, говорила бессвязно, кое-как объяснила мне, что случилось, и сказала, что хочет умереть. Я точно знал, где ее искать. Мчась к водонапорной башне, я заметил припаркованную поблизости машину Мардж. Сестра была наверху. Она сидела на самом краю, а рядом стояла откупоренная бутылка

рома. Мне сразу стало ясно, что Мардж совершенно невменяема. Увидев меня, она подвинулась еще ближе к пропасти.

Мне удалось подступить поближе, а когда я очутился рядом, резко обхватил ее одной рукой и оттащил от края. Потом обнявшись просидели на верхней площадке водонапорной башни до самого рассвета. Она умоляла меня ничего не рассказывать родителям, и я дал обещание. Отвез ее в студенческое общежитие, довел до комнаты и уложил в постель. Родители были в ярости – мне всего шестнадцать, а я где-то пропадал всю ночь. Месяц я был наказан и еще на три месяца лишился права садиться за руль.

Но я так ничего и не рассказал родителям – ни где меня носило, ни как была безутешна моя сестра той ночью, и что могло с ней случиться, если бы не я. Достаточно было сознавать, что в нужную минуту я оказался рядом. И знал, что, когда мне будет нужна поддержка, она так же крепко обнимет меня.

И без слов понятно, что после ужина у родителей наш с Вивиан вечер свидания так и не состоялся. Вивиан была не в настроении. Я тоже.

Воскресное утро началось неспешно и лениво, я позволил себе третью чашку кофе после пятимильной пробежки – самой длинной за последние десять лет. Когда из дома вышла Вивиан, Лондон смотрела кино в гостиной, я читал газету в патио.

– По-моему, нам с Лондон нужен «мой и мамин день», – объявила Вивиан.

– Что?..

– Ну, ты понимаешь – всякие девчачьи дела. Нарядимся, сходим на маникюр и педикюр, может, сделаем прическу. Что-то вроде маленького праздника перед первым учебным днем.

– А разве в воскресенье что-то работает?

– Найдем что-нибудь, – ответила она. – Мне тоже не повредит хороший маникюр-педикюр.

– А Лондон вообще знает, что такое маникюр-педикюр?

– Конечно, знает. Приятно будет побыть с ней наедине. В последнее время я совсем заработалась. Заодно и ты отдохнешь и займешься чем хочешь. Можешь поработать или повалять дурака.

– Когда это я валял дурака?

– Ну ты же понимаешь, о чем я. Пойду помогу ей выбрать одежду. Оденемся обе, как по особому случаю.

– Все ясно: намечается девичник, – кивнул я. – Надеюсь, вы хорошо

проведете время вдвоем.

– Обязательно.

– Надолго вы уезжаете?

– Не знаю, как получится. Если Лондон захочет где-нибудь пообедать, можем и до ужина не вернуться. Хочу, чтобы день прошел спокойно и расслабленно. А может, она и в кино потом захочет.

Спустя сорок пять минут они уехали, весь дом остался в моем распоряжении. В последнее время такое случалось нечасто, но я уже так привык к спешке, что теперь не знал, чем заняться. Подготовка к съемкам для Тальери уже закончилась, другой работы пока не было, в доме царил порядок, оставалось лишь сунуть несколько тарелок в посудомойку. Я уже закончил и тренировку, и бумажную работу, и уже навестил родителей, и теперь мне оставалось только бесцельно слоняться по дому, считая минуты и часы. Чего-то не доставало – точнее, кого-то, – и я вдруг понял: больше всего сейчас я бы хотел ехать по улице на велосипеде рядом с Лондон и провести вместе с ней этот чудесный воскресный день.

Вивиан и Лондон вернулись домой лишь к семи, поэтому и обедать, и ужинать мне пришлось в одиночестве.

Я был бы не прочь в свободное время сходить в тренажерный зал, помедитировать или весь день почитать биографию Тедди Рузвельта. В итоге я целый день проторчал в Интернете. Я прочел про гигантскую медузу, которую вынесло волнами на пляж в Австралии, про непрекращающиеся конфликты на Ближнем Востоке, про неминуемое исчезновение горилл как вида в Центральной Африке, а потом увлекся статьей про «десять лучших продуктов питания, от которых жира на вашем животе станет гораздо меньше!».

Если мои блуждания в Интернете и заслуживали похвалы, то лишь в том отношении, что я не прочел ни единой статьи о знаменитостях. Так себе повод, чтобы собой гордиться, но все же лучше, чем ничего, верно?

Вивиан и Лондон вернулись домой усталые, но эта усталость явно была приятной. Лондон продемонстрировала мне свои ногти на руках и ногах, сказала, что они ходили в кино, обедать и по магазинам. После купания я, как обычно, почитал ей, и к тому времени, как перевернул последнюю страницу, она уже почти спала. Я поцеловал ее, вдохнув аромат детского шампуня, который ей до сих пор нравился.

Спустившись в гостиную, я обнаружил, что Вивиан уже в пижаме сидит на диване с бокалом вина. По телевизору шла какая-то передача про домохозяйек с эмоциональной неустойчивостью – в отличие от них, Вивиан

казалась жизнерадостной. Она весело щебетала, рассказывая мне, как прошел день, а на мой вопрос с намеком на продолжение вечера ответила лукавой улыбкой, и мы переместились в постель.

Не очень похоже на запланированный вечер свидания, но я был счастлив.

Утром во вторник, первый школьный день Лондон, мы с Вивиан проводили ее от стоянки до учебного корпуса. В ответ на вопрос, хочет ли она взять меня за руку, Лондон решительно заложила большие пальцы под лямки своего рюкзака.

– Я уже не маленькая, – заявила она.

Вчера мы с Вивиан получили по электронной почте письмо от учительницы с объяснениями, что первый школьный день может вызвать стресс у некоторых детей, поэтому прощания не растягивать – быстро поцеловали, похлопали по плечу и отпустили к учительнице, а она увела детей в класс: так говорилось в письме. Нам не рекомендовали стоять у дверей или слишком долго заглядывать в окна класса. И предупредили: детям лучше не видеть нас плачущими – родительские слезы внушают детям тревогу. Нам дали номер телефона школьной медсестры и сообщили, что школьный психолог будет дежурить в вестибюле, и родители могут обратиться к нему, если этот день станет слишком тяжелым испытанием для них самих. Я задумался, получали ли мои родители такие письма, когда мы с Мардж пошли в школу, и рассмеялся.

– Над чем смеешься? – спросила Вивиан.

– Потом скажу. Ничего такого.

Впереди я заметил моих родителей, ждущих у машины. Отец был в рабочей одежде – синей рубашке на пуговицах, с короткими рукавами и логотипом компании, джинсах и рабочих ботинках. Мама, к счастью, обошлась без фартука и красной шляпки и ничем *не выделялась* из толпы родителей, за что я был ей благодарен.

Лондон тоже увидела их, бросилась навстречу и сразу запрыгнула к отцу на руки. Он назвал ее пампушкой, чего я прежде никогда не слышал. Интересно, это новое прозвище?

– Сегодня важный день! – сказала мама. – Ты рада?

– Да, будет здорово, – кивнула Лондон.

– Вот увидишь, тебе понравится.

Отец поцеловал Лондон в щеку и опустил на землю.

– Ты поведешь меня за руку, дедуля? – спросила Лондон.

– А как же, пампушка.

Лондон с отцом ушли вперед, а Вивиан тем временем рассказала моей маме о письме, которое мы получили от учительницы. Мама озадаченно нахмурилась.

– У них есть школьный психолог для *родителей*?

– Да, – объяснила Вивиан. – Кто-то из родителей может разволноваться или расстроиться, а она, конечно, выслушает их, будет кивать и уверять, что все в порядке. Ничего особенного.

– А ты волнуешься?

– Нет. Грустно немного, но, думаю, это скоро пройдет.

– Ну что ж... хорошо.

Глядя, как матери с детьми входят в класс по двое, пара за парой, вспомнил историю о Ноевом ковчеге – любимую книгу Лондон. Я рассчитывал увидеть Эмили и Бодхи, но этого не случилось – видимо, Эмили уже ушла или еще не появлялась.

Впрочем, это было неважно. Мы встали в очередь вместе с другими родителями и детьми, направляющимися в первый класс. Очередь двигалась быстро, и, когда мы были близки к двери, Вивиан решительно шагнула к моему отцу и Лондон.

– Так, милая, поцелуй бабушку и дедушку, хорошо? И меня, конечно.

Лондон послушно поцеловала моих родителей, потом Вивиан.

– Папа заберет тебя после занятий, а я буду рада узнать, как прошел твой первый день в школе, когда ты вернешься домой. Только не забудь, что сегодня в четыре у тебя музыка, хорошо? Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, мамочка.

Учительница заулыбалась.

– Привет, Лондон! Рада снова видеть тебя. Готова весело провести день?

– Да, мэм, – ответила Лондон, и Вивиан мягко подтолкнула ее к двери в класс. Мы не стали задерживаться у класса, хотя я успел заметить Лондон, стоящую у низкой парты, заваленной фетровыми лоскутками. Дети выкладывали из них узоры, делали панно. Бодхи не было, но Лондон, по-видимому, это не беспокоило.

Только когда мы направились к машине, я вдруг кое-что понял.

– Я даже не успел поцеловать ее на прощание!

– Ничего страшного. Поцелуешь после школы, – пожала плечами Вивиан.

– Не хочешь заглянуть к школьному психологу?

– Исключено, – отказалась она. – Я и так опоздала на работу. Уолтер наверняка уже места себе не находит в ожидании меня.

Пока Лондон была в школе, я еще раз убедился, что к съемкам ролика все готово, и отправился на встречу с главой съемочной группы. Мы обсудили график и материал, который требовалось отснять, в деталях разобрали самый длинный ролик, на который могло уйти три полных съемочных дня, и убедились, что во всех вопросах полностью поняли друг друга. Затем я занялся «холодными звонками», обзвонил полдюжины пластических хирургов и назначил две встречи на следующую неделю.

Для одного рабочего дня неплохо. Приехав в школу за Лондон, я очутился в очереди, растянувшейся у входа. Оказалось, что забрать ребенка из школы не так-то просто. Прежде чем Лондон наконец села в машину, прошло двадцать минут.

– Как прошел первый день? – спросил я, медленно выруливая на проезжую часть и посматривая на Лондон в зеркало заднего вида.

– Хорошо, – ответила она. – На чтении учительница разрешила мне помочь ей прочитать «Давай, песик!». А некоторые дети даже буквы еще не знают.

– Выучат, – успокоил я. – Я тоже не умел читать, когда только пошел в школу.

– А почему?

– Мои родители редко читали мне. Наверное, думали, что я всему научусь в школе.

– А почему они тебе не читали?

– Не знаю. Может, слишком уставали.

– Мама читает мне, даже когда она устала. И ты тоже.

– Думаю, просто все люди разные... Кстати, а Бодхи в школу приходил?

– Да, и мы сидели за одной партой. Он здорово раскрашивает рисунки.

– Замечательно. Хорошо сидеть с тем, кого уже знаешь.

– Папа!..

– Что?

– А можно, мы съездим в «Дейри Куин» перед музыкой? В честь первого школьного дня?

Взглянув на часы, я быстро произвел подсчеты.

– Пожалуй, успеем.

Потратив время на поездку за мороженым, мы подъехали к дому учительницы музыки всего за пару минут до начала урока. К тому времени Лондон провела на ногах восемь часов, к концу урока – девять, и это не

считая времени, которое потребовалось ей, чтобы собраться в школу. К приезду домой она наверняка будет обессилена.

Колени немного побаливали от регулярных пробежек, но я решил пройтись вокруг квартала, пока Лондон занималась музыкой. Я уже настроился, как вдруг зазвонил мой телефон. Мардж.

– Как прошел первый школьный день Лондон? – без предисловий спросила Мардж.

– Было здорово, – ответил я. – Ее друг Бодхи тоже был на занятиях.

– Да? И как там мама Бодхи?

– Я ее не видел. К тому времени, как она привезла в школу Бодхи, мы уже уехали.

– Слава богу, – отозвалась она. – А то бедняжку Эмили расплавили бы смертоносные лазеры взглядов Вивиан.

– А тебе работать не пора? Вместо того чтобы дразнить мою жену?

– Я и не думала ее дразнить. Между прочим, я на ее стороне. Если бы Лиз начала чаще видеться со своей бывшей, а та оказалась бы общительной и красивой женщиной, недавно разошедшейся со своим партнером, я бы тоже испепелила ее взглядом.

– Да что с вами такое, женщины?

– Ой, я тебя умоляю, не начинай! Или ты шутишь? И наверное, радуешься тому, что в каждом разговоре с Вивиан всплывает имя Уолтера? Даже мне оно надоело.

– Она на него работает. – Я сделал вид, что не придаю этому значения. – Обычное дело.

– Да? Ну и как зовут моего босса? – Ответить я не смог, и она продолжила: – Да кому какое дело, что они работают вместе, тренируются вместе, путешествуют вместе, летают на частном самолете тоже вместе, а? Ерунда, что в разговоре она упоминает имя своего босса-миллиардера чаще, чем твое? Вы же так близки и выше ревности!

– Хочешь меня разозлить?

– Нисколько. Просто хочу узнать, как прошли ваши выходные после того, как вы побывали у родителей. Насколько я понимаю, разговор о новом банковском счете и служебной квартире в Атланте ты больше не заводил?

– Не заводил. Субботний вечер прошел тихо и мирно, мы рано легли спать. Все слишком устали. А в воскресенье у меня была передышка. – Я рассказал ей, что Вивиан и Лондон устроили себе девичник.

– Я знала, что так и будет, – высказалась Мардж.

– Ты о чем?

– А разве ты не помнишь, как Вивиан смотрела на тебя после того, как

Лондон ужалила пчела?

Я прекрасно понимал, о чем она, только не хотел об этом говорить.

– Вивиан беспокоилась – оттого, что Лондон было больно.

– А вот и нет. Она беспокоилась потому, что Лондон бросилась за утешениями не к ней, а к тебе. Лиз тоже это заметила.

И мне так показалось, но я промолчал.

– И что же? – продолжала Мардж. – В воскресенье она проводит с Лондон весь день, а потом спешит отправить дочь в класс прежде, чем ты успеваешь поцеловать ее на прощание.

– Откуда ты знаешь?

– От мамы – она звонила. Вся эта ситуация показалась ей странной.

– Ты спятила. – Я вдруг занял оборонительную позицию. – Потому и придаешь слишком много значения пустякам.

– Может быть, – согласилась она. – Надеюсь, так и есть.

– И хватит говорить о Вивиан в таком тоне. Вам всем пора бы перестать обсуждать каждый ее шаг. Последние несколько недель она была в страшном напряжении.

– Ты прав, что-то меня понесло. Извини, – и, выдержав паузу, спросила: – Чем сейчас занят?

– Хочешь сменить тему?

– Стараюсь. Я ведь уже извинилась.

– Лондон на уроке музыки. А я гуляю. Решил сжечь немного калорий до ужина.

– Это полезно. Кстати, у тебя даже лицо похудело.

– Пока что не заметно.

– Еще как заметно!

– Ты просто стараешься подмазаться, чтобы я на тебя не злился.

– А ты на меня никогда и не злишься подолгу. Вечно пытаешься всем угодить. Сейчас повесишь трубку и начнешь ломать голову, не слишком ли сильно упрекал меня.

Я засмеялся.

– Пока, Мардж.

Как бы ни расстраивала меня оценка действий Вивиан, услышанная от Мардж, проблема заключалась в том, что я никак не мог избавиться от мысли: в ней есть доля истины. Единственное, что не вписывалось в теорию Мардж, так это наша с Вивиан ночь в воскресенье. Но даже ее можно было объяснить тем, что Вивиан расслабилась, отвоевав неоспоримое первенство в жизни Лондон.

С другой стороны, это же нелепо. Да, Лондон бросилась ко мне, когда ее ужалила пчела, – ну и что? Я нисколько не обиделся бы, если бы она подбежала к Вивиан. В семье и в голову никому не придет соперничать, особенно в таких мелочах. А мы с Вивиан – одна команда.

Или все-таки нет?

Когда Вивиан вернулась с работы, я сразу почувствовал, что она не в настроении. А когда спросил, как прошел ее день, она разразилась подробным рассказом о том, что руководитель финансовой службы увольняется через две недели, поэтому весь офис в шоке.

– А Уолтер – в ярости, – продолжала Вивиан, направляясь в спальню. Открыв шкаф, она принялась доставать офисную одежду. – Не далее как на прошлой неделе она дала официальное согласие на перевод в Атланту. И даже выпросила по этому случаю пособие на переезд – и уже получила его, – а теперь вдруг объявляет, что нашла другую работу! Люди так и норовят воспользоваться доверием Уолтера. Как же мне это осточертело!

Услышав злополучное имя, я вновь вспомнил замечание Мардж. Его имя прозвучало не один раз, а целых два.

– Наверняка она приняла такое решение в интересах своей семьи.

– Дай мне договорить! – сорвалась Вивиан. Она пыталась втиснуться в джинсы. – Как выяснилось, теперь она переманивает других руководителей в свою компанию, и ходят слухи, что некоторые уже подумывают согласиться. Ты хоть представляешь, какой ущерб это нанесет компании Уолтера?

Третий раз – словно заклинание.

– Видно, денек выдался тяжкий.

– Ужасный, – подтвердила она, схватив белую футболку. Я невольно отметил, как стильно выглядит Вивиан даже в самой простой одежде. – И конечно, это все означает, что мне, скорее всего, придется проводить в Атланте еще больше времени, по крайней мере, на первых порах.

Смысл этих слов нельзя было понять неправильно.

– Больше четырех дней в неделю?

Она медленно и глубоко вдохнула.

– Пожалуйста, не усугубляй! Понимаю, ты расстроен. Я тоже. Просто дай мне побыть с Лондон, а потом мы все обсудим. Я хочу услышать, как прошел ее первый день, расслабиться и, может быть, выпить бокал вина, хорошо?

Не договорив, она направилась к Лондон.

Пока они сидели вместе в гостиной, я на скорую руку приготовил

ужин – курицу с рисом, морковь в глазури и салат. За столом Вивиан по-прежнему держалась холодно и скованно. А Лондон болтала без умолку: рассказывала, как они с Бодхи играли в классики на перемене, как здорово он прыгает, вспоминала бесчисленное множество подробностей первого дня, проведенного в школе.

После ужина я приводил в порядок кухню, а Вивиан увела Лондон наверх. Час был уже поздний, но я все же созвонился с Тальери, чтобы обсудить завтрашнюю репетицию и убедиться, что он просмотрел сценарий. По своему опыту я знал: чем лучше клиенты знакомы со сценарием, тем успешнее проходят съемки.

Закончив телефонный разговор, я услышал, что сверху доносятся крики. Взбежав по лестнице, я застыл в дверях комнаты Лондон. Вивиан трясла влажным полотенцем перед одетой в пижаму Лондон. Лицо дочки было зареванным.

– Сколько раз тебе говорить – не бросай мокрые полотенца в корзину с грязным бельем! – Вивиан была в ярости. – А этому платью в корзине вообще не место!

– Я же извинилась! – кричала в ответ Лондон. – Я нечаянно!

– Теперь вся корзина пропахнет плесенью! И пятна появятся!

– Прости меня!

– В чем дело? – спросил я.

Вивиан повернула ко мне злое лицо.

– В чем дело? В том, что новое платье твоей дочери безнадежно испорчено. То самое, которое она в первый раз надела в воскресенье!

– Я не нарочно! – повторила Лондон и зарыдала с новой силой. Вивиан, сжав губы, крепко держала ее за руку.

– Знаю, что не нарочно. Но дело не в этом. А в том, что ты бросила грязную одежду в корзину вместе с новым платьем, а сверху завалила их мокрыми полотенцами! Сколько раз тебе говорить, чтобы ты сушила полотенца на бортике ванной, прежде чем сложить их в корзину?

– Я забыла! – снова вскрикнула Лондон. – Прости меня!

– Это моя вина, – вмешался я, поскольку о мокрых полотенцах сегодня услышал впервые. Я никогда еще не слышал, чтобы Вивиан и Лондон так ругались. – Я разрешал ей складывать все грязное белье в корзину...

– Вообще-то она сама знает, что надо делать! – перебила Вивиан и снова перевела взгляд на Лондон. – Так или нет?

– Прости, мамочка!

– Завтра отнесу вещи в химчистку, – вызвался я. – Вероятно, еще можно все исправить.

– Не в пятнах дело, Расс! Она совсем не бережет вещи, которые я ей покупаю, и твердить ей об этом бесполезно!

– Я же извинилась! – закричала Лондон.

Одно я знал наверняка: скандал срочно надо прекратить.

– Может, я сам все здесь доделаю? – предложил я. – И уложу ее в постель?

– Зачем? Чтобы сказать, какая у нее плохая мама?

– Конечно же, нет! Я...

– Прекрати! Ты подрываешь мой авторитет в глазах дочери с тех самых пор, как я вышла на работу! – взорвалась Вивиан. – Ну ладно, оставлю вас вдвоем. – Она шагнула к двери, но остановилась и снова посмотрела на Лондон. – Я очень разочарована: тебе до меня совсем нет дела. Ты меня даже не слушаешь, – заявила она.

Вивиан вышла, а я увидел на лице Лондон невообразимый страх и тревогу. Первое, что мне захотелось сделать, так это броситься за Вивиан и объяснить ей, как жестоко прозвучали ее слова. Мне следовало бы отреагировать сразу, а теперь было уже поздно: Вивиан спускалась по лестнице, а Лондон плакала навзрыд, поэтому я прошел в комнату, сел на кровать и раскрыл объятия для своей дочери.

– Иди ко мне, детка, – шепотом позвал я, и Лондон подошла. Обняв дочку, я почувствовал ее дрожь.

– Я не нарочно испортила платье, – всхлипнула она.

– Знаю. Давай сейчас не будем об этом.

– Но мама же сердится.

– Скоро успокоится. У нее был трудный день на работе. Но все же она очень гордится тобой – ведь у тебя так хорошо прошел первый день в школе.

Постепенно рыдания начали утихать, сменяясь судорожными всхлипами.

– Я тоже горжусь тобой, пампушка.

– Меня так дедуля зовет.

– А мне можно?

– Нет, – сказала она.

Я невольно улыбнулся.

– Ладно, тогда я буду звать тебя... осликом!

– Нет.

– Или булочкой?

– Нет, зови меня Лондон.

– А малышкой? Или деткой?

– Ладно, – кивнула она и уткнулась мне в грудь. – Мама больше меня не любит.

– Конечно, любит! И всегда будет любить.

– Тогда зачем она переезжает?

– Никуда она не переезжает, – объяснил я. – Просто будет иногда работать в Атланте. Понимаю, ты будешь скучать по ней.

Прижимая к себе дочь, я всем сердцем жалел ее – она совсем кроха и тоже не понимает, что происходит с ее семьей.

* * *

Понадобилось читать дольше обычного, чтобы Лондон успокоилась и смогла уснуть. Поцеловав ее в щеку, я вышел из детской и увидел, как Вивиан вытаскивает вещи из стенного шкафа.

– Если хочешь, зайди к ней, она ждет поцелуя на ночь.

Вивиан схватила свой мобильник и прошла мимо, бросив вытащенные из шкафа вещи на постель в нашей спальне, где лежали два открытых чемодана, и оба были уже наполовину собраны. Одежды в них было гораздо больше, чем требуется для трехдневной поездки. Деловые костюмы, спортивные штаны, повседневная одежда и коктейльные платья... Я не понимал, зачем ей столько вещей. Она не собирается домой на эти выходные? Но тогда она предупредила бы заранее... сомневаюсь. Она поступает так, как нужно ей. Пока я смотрел на содержимое чемоданов, в голове снова всплыли слова «служебная квартира». Еще несколько минут назад я ощущал опустошенность, а теперь она сменилась тревогой и напряжением.

Я больше не мог за всем этим наблюдать, поэтому направился на кухню, чтобы выпить, но вместо этого остановился у окна над раковиной, устремив в него отсутствующий взгляд. Солнце село совсем недавно, небо еще не успело потемнеть, луна пока не взошла. Быстро сгущающиеся сумерки вдруг показались мне зловещим предзнаменованием.

Постепенно пришло понимание, а вместе с ним в душу закрался и страх. Чем больше я размышлял о своей жене, тем отчетливее сознавал, что понятия не имею, какого мнения она обо мне и нашей дочери. О нас. Несмотря на годы, прожитые вместе, она ухитрялась оставаться для меня загадкой. И хотя мы занимались любовью всего две ночи назад, я уже не мог сказать с уверенностью, что ее к этому побудило – любовь ко мне или привычка, скорее физическая, нежели эмоциональная привязанность. Но и это объяснение, каким бы болезненным для меня оно ни было, казалось лучше соображения о том, что она занялась со мной любовью в качестве отвлекающего маневра, потому что задумала или уже сотворила нечто

более разрушительное.

Я убеждал себя, что это неправда, и даже если Вивиан остыла в своих чувствах ко мне, она всегда будет исходить из интересов нашей семьи.

Или я ошибаюсь?

Я не знал, что думать, но вдруг услышал приглушенный голос спускающейся по лестнице Вивиан. Я различил имя «Уолтер», услышал, как она просит его подождать, и понял: она не хочет, чтобы я узнал об этом телефонном разговоре. Закрывшись, скрипнула дверь. Я понимал, что поступаю неправильно, но все-таки прокрался в гостиную. Шторы были задернуты, в комнате стало темно. Стоя у окна, я смотрел в щель между полотнами ткани и стеклом. Я шпионил за собственной женой! Внутри нарастал страх. Я вытянул шею и слегка отодвинул штору. Останавливаться было уже слишком поздно.

Поначалу я ничего не слышал, и вдруг Вивиан рассмеялась – в этом смехе звучала неподдельная радость, которой я не слышал, кажется, уже много лет. Меня удивило, как она улыбалась, как блестели ее глаза, какую легкость она излучала. Бесследно исчезла Вивиан, которая приходила домой злая и срывалась на Лондон, Вивиан, которая даже в спальне оставалась такой.

Раньше мне уже случалось видеть на лице Вивиан выражение безграничного счастья, и обычно эти моменты были связаны с Лондон. Но порой мне удавалось мельком видеть то же выражение, когда мы оставались наедине – в то время я был моложе, еще не женат и ухаживал за ней.

Вивиан выглядела так, будто была влюблена.

Не дожидаясь, когда Вивиан вернется в дом, я ушел в кабинет, стараясь избежать разговора с ней. Поэтому заставил себя снова перечитать сценарий для Тальери, но, сколько бы ни вглядывался в слова, их смысл я не улавливал.

Вивиан прошла мимо кабинета, удалилась в нашу спальню, где продолжила набивать до отказа оба чемодана.

В кабинете я пробыл час, другой, третий. Наконец Вивиан сама заглянула ко мне, и я понял, что она удивлена тем, что я не разыскиваю ее. Она, конечно, помнила, что перед сном мне пришлось утешать плачущую Лондон, хорошо знала меня и, должно быть, полагала, что я попытаюсь обсудить случившееся.

Но на этот раз я поступил с ней так же, как она поступала со мной, – заставил ее теряться в догадках.

– Ты ложишься?
– Позже, – не оборачиваясь, ответил я. – Нужно закончить работу.
– Уже поздно.
– Знаю, – откликнулся я.
– Напрасно я накричала сегодня на Лондон. Я извинилась, когда заходила поцеловать ее перед сном.
– Я рад, – сказал я. – Она сильно расстроилась.
Вивин ждала. Я не оборачивался. Пауза затянулась, но я не добавил ни слова.
– Ну ладно, – вздохнула она. – Спокойной ночи.
– Спокойной ночи, – прошептал я.
Значит ли это «прощай»?

* * *

Всю правду я узнал лишь через тринадцать дней.
На следующий день я побывал в кастинговом агентстве и нашел юную актрису, идеально подходящую на роль в задуманном мной третьем ролике – его съемки были намечены на сентябрь, как только закончится монтаж первых двух. После репетиции с Тальери на следующий день мы сняли сюжет возле здания суда, после чего закончили озвучивание второй рекламы. Дальше по плану были съемки следующего ролика, а остаток недели заняла подготовка презентации для пластических хирургов. После встречи со вторым клиентом у меня сложилось впечатление, что мне повезет, и я решил сделать предложение для него более детальным.

Первым делом я тщательно изучил сайт этого врача и почтовые рассылки, которыми он обычно пользовался. Их подготовил его офис-менеджер. Материалы затрагивали все темы, которые мы обсуждали – безопасность, профессионализм, улучшение самомнения, более краткий период восстановления после операции, – и я понял, что мог бы разработать более целостную рекламную кампанию. Затем я пересмотрел десяток сайтов пластических хирургов, практикующих по всей стране, и связался со своим техническим специалистом, чтобы прикинуть затраты.

Следующие два дня я воплощал свои идеи в презентации кампании, которая, с моей точки зрения, была необходима бизнесу этого пластического хирурга.

Все время, свободное от работы, я посвящал Лондон и наведению порядка в доме. И стирке. И уборке во дворе. И хомякам. Я возил Лондон в школу, на музыку и хореографию – на субботнее занятие в студии Вивин свозила ее сама, – вдобавок шесть дней подряд мы катались вместе на велосипедах. Лондон уже настолько уверенно чувствовала себя, что на пару

секунд могла отпустить руль на прямом участке дороги.

По окончании катания мы пили лимонад на веранде, всякий раз высматривая белоголовых орланов.

Вивиан вернулась домой в пятницу вечером и почти все выходные провела с Лондон. Со мной она была вежлива, но старалась держаться на расстоянии. Родителей я навестил один, а Вивиан, уезжая в понедельник утром, увезла с собой еще два туго набитых чемодана. К тому времени в доме не осталась почти ничего из ее одежды. Единственное, о чем она сообщила, так это то, что собирается жить в служебной квартире.

В отъезде она провела всю неделю. Каждый вечер в шесть она беседовала с Лондон по видеосвязи и несколько раз пыталась втянуть в разговор меня. Но я уклонялся. Во вторник она рассердилась на меня за то, что я не захотел говорить с ней. Я не клюнул и на эту наживку.

Вивиан приехала домой в пятницу днем, в начале выходных по случаю Дня труда, застав меня врасплох. Честно говоря, я никак не ожидал увидеть ее дома. Лондон была в восторге. Вивиан забрала ее из школы, свозила на танцы и даже помогла подготовиться ко сну. Когда пришла моя очередь укладывать Лондон, я прочитал ей целых четыре книжки и задержался наверху дольше обычного, боясь остаться с Вивиан наедине.

Но ничего не произошло. На свидание вечером я был не настроен, однако Вивиан, как ни странно, пыталась развлечь меня разговорами и даже была ласкова.

Суббота и воскресенье прошли тихо. Вивиан почти все время проводила вдвоем с Лондон, а я тренировался, работал, наводил порядок в доме, просматривал отснятый материал для роликов, ездил к моим родителям. И старался избегать Вивиан, боясь разговоров с ней.

В понедельник, в День труда, Мардж и Лиз устраивали барбекю, и мы с Вивиан и Лондон провели у них почти весь день. Я уже догадывался, что меня ждет дома, поэтому не хотел уезжать.

В догадках я не ошибся. Почитав Лондон на ночь и погасив у нее свет, я застал Вивиан сидящей в столовой.

– Нам надо поговорить, – начала она.

Ее слова кажутся мне пустыми даже теперь, по прошествии времени, но суть мне все же удалось уловить.

Так уж получилось, объяснила Вивиан, что, сама того не ожидая, влюбилась в Уолтера. И теперь переезжает в Атланту. Мы могли бы поговорить на следующей неделе, но ей предстоят поездки во Флориду и Вашингтон, и потом, мне наверняка понадобится время, чтобы все

обдумать. По ее мнению, скандалить бессмысленно. Моей вины в случившемся нет. Она уезжает сегодня же. И уже предупредила Лондон, что будет работать в другом городе, но пока не сказала, что уходит от меня. Так будет проще. А о Лондон мы поговорим, когда немного улягутся эмоции. Напоследок она заявила: на ночь не останется. Частный самолет уже ждет.

Глава 14

Шок

Когда я учился в университете, в конце недели мы с друзьями обычно отправлялись развлекаться. Начиналось все, как правило, в четверг около трех и заканчивалось поздним пробуждением в воскресенье утром. Один из парней, с которым я тогда тусовался, – его звали Дэнни Джексон – выбрал ту же специальность, что и я, и многие предметы в расписании у нас совпадали. В Университете Северной Каролины студентов насчитывалось немало. Поэтому нам крупно повезло встречаться часто.

Более добродушного и покладистого парня, чем Дэнни, я в жизни не встречал. Он родился и вырос в Мобиле, штат Алабама, у него была очень симпатичная старшая сестра, которая встречалась с игроком «Оберн Тайгерс», и он ни разу не сказал дурного слова о своих родителях. Казалось, он относился к ним искренне, и они отвечали ему взаимностью. Что бы я ни предложил – съесть бургер в два часа ночи, заскочить на студенческую вечеринку или посмотреть матч в местном спортбаре, – Дэнни на все с удовольствием соглашался. Встречаясь, мы продолжали разговор точно с того момента, на котором прервали его, даже если с тех пор прошло несколько недель. Он пил «Пабст Блу Риббон», клялся, что это лучшее пиво в мире. Хотя об этом кричала синяя лента на этикетке. И хотя Дэнни часто случалось выпить лишнего, благодаря ему мне удавалось никогда не напиваться вдрызг, словно в мозгу у него имелся какой-то переключатель. Этим он и отличался от остальных студентов – они всегда напивались до потери сознания.

Однажды в субботу вечером мы с Дэнни сидели в компании приятелей в одном из самых многолюдных университетских баров. В преддверии выпускных экзаменов все мы были на нервах, но, само собой, пытались на этом не заикливаться. Все выпивали чуть больше обычного. Все, кроме Дэнни...

В двенадцатом часу ему кто-то позвонил. Понятия не имею, как ему удалось расслышать хоть что-то в этом шуме. Взглянув на экран, он встал и вышел из-за стола. Мы ничего не заподозрили. С какой стати? Не насторожило нас и то, что он, вернувшись, направился напрямиком к барной стойке.

Я видел, как он втиснулся между людьми и подозвал бармена. Через

несколько минут он получил свой заказ, и я увидел, что это высокий стакан с какой-то золотисто-коричневой жидкостью. Дэнни направился в глубину бара, словно забыв о нас.

Из всей компании я был, пожалуй, его ближайшим другом, поэтому пошел следом. И увидел Дэнни стоящим недалеко от туалета прислонившись к стене. На моих глазах он сделал большой глоток из своего стакана, чуть ли не одним махом опустошив его.

– Что это у тебя? – спросил я.

– Бурбон.

– Ого. Не маловат стакан?

– Самое то.

– Я что, пропустил момент, когда «Пабст» опустился на второе место?

Так себе шуточка. Поведение Дэнни чем-то встревожило меня.

– Бурбон пьет мой отец, – объяснил он.

Я впервые видел его таким. И дело было явно не в алкоголе...

– Все нормально?

Он сделал еще один большой глоток. Стакан был уже наполовину пуст.

– Нет, – ответил он. – Не нормально.

– Что случилось? Кто звонил?

– Моя мать. Мама звонила. – Он прикрыл рот рукой. – Сказала, что отец умер.

– Твой отец?

– Разбился в аварии. Она сама узнала несколько минут назад. Полицейские приехали к нам домой.

– Это... кошмар! – вскрикнул я от неожиданности. – Я... чем-нибудь могу помочь? Может, отвезти тебя домой?

– Завтра она закажет мне билет на самолет. Не знаю, как быть с выпускными экзаменами. Думаешь, мне разрешат сдать их на следующей неделе?

– Не знаю, но, по-моему, сейчас это тебя должно волновать в последнюю очередь. Твоя мама в порядке?

Он уставился куда-то в пустоту и ответил не сразу.

– Нет, – наконец выговорил он и залпом допил стакан. – Мне надо сесть.

– Сейчас, – кивнул я. – Пойдем.

Я повел его обратно к столу. Несмотря на количество выпитого, он вовсе не казался пьяным. И ни с кем не вступал в разговор. И никому не

говорил о смерти отца, а через час я отвез его к нему домой.

Он уехал в воскресенье. И хотя мы были друзьями, больше я его не видел и ничего о нем не слышал.

– Постой... – сказала Мардж. Она приехала во вторник сразу же после того, как утром я отвез Лондон в школу. И теперь мы вдвоем сидели за столом на кухне. – Так она просто... ушла?

– Вчера вечером, – подтвердил я.

– Хотя бы извинилась?

– Не помню. – Я покачал головой. – Я даже не могу... то есть... я...

Мысли путались, эмоции бушевали. От шока и страха, неверия и злости меня кидало из одной крайности в другую. Я не помнил даже, как отвез Лондон в школу всего несколько минут назад.

– У тебя руки трясутся, – заметила Мардж.

– Ага... ничего. – Я помолчал и сделал глубокий вдох. – А тебе разве не надо на работу? Могу пожарить яичницу.

Позже Мардж рассказывала мне, что я встал из-за стола и направился к холодильнику, но, едва открыв его, отошел к шкафчику, где мы хранили кофе. Потом сообразил, что сначала надо достать кружки. Но кружки оставил возле кофемашины и достал яйца из холодильника, а потом снова положил их на прежнее место. Зачем-то забрел в кладовку, вынес оттуда миску, и...

– Может, я приготовлю завтрак? – спросила она.

– А?..

– Садись.

– А тебе разве не надо на работу?

– Я решила взять отгул. – Она потянулась за своим телефоном. – Сядь. Я на минутку, только предупрежу начальство.

Я сел, и меня вдруг охватил жар. Вивиан ушла. Она влюбилась в своего босса. Она ушла. Я увидел, как Мардж открывает дверь в патио.

– Ты куда?

– Звонить начальству.

– А зачем?

Мардж пробыла со мной весь день. Она сама забрала Лондон из школы и свозила ее на урок музыки. Закончив рабочий день, ко мне приехала и Лиз. Вместе с сестрой они не только приготовили ужин и позанимались с Лондон, но и помогли ей подготовиться ко сну. Такое случалось нечасто, поэтому Лондон была на седьмом небе от счастья.

Но все это я знаю опять-таки со слов Мардж. Мне запомнилось лишь то, как я смотрел на часы и ждал, когда позвонит Вивиан, но так и не дождался.

Следующим утром, проспав меньше трех часов, я выполз из постели как с похмелья и почувствовал, что нервы натянуты до предела. Душ и бритье, которыми я пренебрег днем раньше, стоили мне невероятных усилий. Я почти ничего не ел, если не считать нескольких глотков кофе за завтраком и ужином. Меня воротило даже от мыслей о еде.

Как только я вошел на кухню, Мардж вручила мне чашку кофе, а потом принялась накладывать еду в тарелку.

— Садись, — велела она. — Тебе надо хоть что-нибудь забросить в желудок.

— Ты что здесь делаешь?

— А ты как думаешь? Заехала, чтобы уговорить тебя что-нибудь съесть.

— Я не слышал, как ты стучалась в дверь.

— Я и не думала стучать, — объяснила она. — После того, как ты вчера лег спать, я взяла твои ключи от дома. Надеюсь, ты не против.

— Нет.

Сделав глоток кофе, я понял, что его вкус стал непривычным. Несмотря на соблазнительный аромат, желудок не хотел принимать напиток. Я отодвинул от стола стул и рухнул на него. Мардж поставила передо мной тарелку с яичницей, беконом и тостами.

— Я не хочу есть, — сказал я.

— Очень жаль, — отозвалась она. — Но придется. Если понадобится, я привяжу тебя к стулу и буду кормить с ложки.

Не имея сил, чтобы спорить, я заставил себя проглотить несколько кусков. Как ни странно, с каждым следующим справляться было проще, и все же я съел меньше половины того, что лежало на тарелке.

— Она ушла от меня.

— Знаю, — кивнула Мардж.

— Даже пытаться что-нибудь исправить не захотела.

— И это знаю.

— Но почему? Что я сделал не так?

Мардж достала ингалятор, тем самым обеспечив паузу. Она прекрасно понимала: поиски виноватых или критика в адрес Вивиан только разозлят меня.

— Мне кажется, ничего ужасного ты не сделал. Строить отношения непросто, этого должны хотеть обе стороны.

Как бы правдивы ни были ее слова, легче от них мне не стало.

– Ты точно не хочешь, чтобы я сегодня побыла с тобой? – спросила Мардж.

– Не могу же я просить тебя брать еще один отгул, – ответил я. После завтрака мое состояние, кажется, немного стабилизировалось, но нормальным все же не стало. Эмоциональные всплески по-прежнему были бурными и напоминали штормовые волны – вроде тех, которые потопили судно «Андреа Гейл» в фильме «Идеальный шторм». Я был совершенно выбит из равновесия, но надеялся, что с простейшими делами как-нибудь справлюсь. Отвезу Лондон в школу и привезу домой. Свожу на хореографию. Закажу на ужин пиццу. Я понимал: ни на что другое мне не хватит душевных сил – даже читать газету или пылесосить я сейчас не в состоянии. Моя задача – держаться и заботиться о дочери.

Мардж сомневалась, что и это мне по плечу.

– Я буду звонить и проверять, как ты тут.

– Ладно, – согласился я и понял, что в глубине души боюсь остаться один. А если я сорвусь сразу же после ее ухода? Разлечусь на осколки, как мир, в котором я жил?

Вивиан ушла от меня.

Она полюбила другого.

Я был никудышным, ни на что не годным мужем, я потерпел фиаско.

Я слишком часто расстраивал ее и теперь остался один.

Как только за Мардж закрылась дверь, я подумал: «Я один».

И значит, умру в одиночестве.

Пока Лондон была на уроках, я бродил по соседним улицам. Вопросы, связанные с Вивиан, сталкивались в голове. Где она – в Атланте или где-нибудь еще? Взяла отгул, чтобы устроиться на новом месте, или сразу вышла на работу? Я непрестанно думал о том, чем она занята в эту минуту, представлял, как она беседует по телефону в кабинете, или спешит по коридору с пачкой бумаг, или сидит в офисе, который виделся мне то просторным и ультрасовременным, то строгим и тесным. С ней ли сейчас Спаннермен? Может, она смеется, сидя рядом с ним? Я не переставая проверял свой телефон, надеясь получить от нее сообщение или увидеть пропущенный звонок. С мобильным я не расставался ни на минуту. Мне хотелось услышать объяснение, что она ошиблась и уже едет домой. Хотелось, чтобы она сказала, что любит меня по-прежнему. Чтобы попросила прощения – и я ни минуты не раздумывал бы. Я любил Вивиан,

несмотря ни на что, и не мог представить себе жизни без нее.

Что я сделал не так? Я провинился тем, что ушел с работы? Или набрал лишний вес? Или до увольнения слишком много работал? Когда начались проблемы? Когда она поняла, что я ей совсем не нужен? Как она могла бросить нас? Как могла оставить Лондон? Неужели Вивиан намерена забрать Лондон в Атланту?

Последний вопрос вызвал слишком много мыслей. Вернувшись домой, я почувствовал, что мои силы иссякли. Я прилег, но мысли только набирали скорость. Вдруг я сообразил, что мне предстоит рассказать о случившемся родителям.

Мне хотелось, чтобы это был сон.

Днем я забрал из школы Лондон, но шторм внутри меня продолжал бушевать. Лондон захотела мороженого, и, хотя эта просьба показалась мне почти невыполнимой, я каким-то чудом сумел отвезти ее в «Дейри Куин». Мы даже не опоздали на хореографию.

Пока Лондон была на занятиях, я гулял.

Нет, по натуре своей я далеко не сильный человек. В конце торговых рядов слезы затуманили мои глаза. Я стоял, закрывая лицо ладонями.

– Когда мамочка приедет? – спросила Лондон. На столе стояла коробка с пиццей, я отложил кусок для себя. И съел половину.

– Не знаю, детка. Мы с ней об этом не говорили, – ответил я. – Но как только узнаю, сразу же тебе скажу.

Мой ответ наверняка показался ей странным, но виду она не подала.

– А я говорила тебе, что мы с Бодхи нашли на перемене маленькую черепашку?

– Черепашку?

– Мы играли в салки-замерзалки. Я нашла ее возле забора. Она такая лапочка! А потом подошел Бодхи и тоже сказал, что она хорошенькая. Мы хотели накормить ее травой, но она есть не стала, а потом прибежали остальные, и учительница тоже пришла. Мы спросили, можно нам посадить ее в коробку и принести в класс, и учительница разрешила!

– Здорово.

– Да! Она сама принесла коробку от карандашей, посадила в нее черепашку, и мы все вместе отнесли ее в класс. А черепашка, наверное, испугалась, потому что старалась вылезти из коробки, но не смогла – стенки скользкие. Мы хотели придумать ей имя, но учительница сказала, что отпустит ее.

– Она не захотела оставить ее в классе?

– Нет. Сказала, что черепашка, наверное, соскучилась по своей маме.
У меня в горле встал ком.
– Да, все правильно.
– Но мы с Бодхи все равно придумали ей имя – Эд.
– Черепашка Эд?
– Сначала мы хотели назвать его Марко.
– А как вы узнали, что это мальчик?
– Просто узнали, и все.
Несмотря на мучения последних двух дней, я невольно улыбнулся.
Улыбка была недолгой.

Пока я убирал остатки пиццы в холодильник, позвонила Вивиан. Когда на экране моего телефона высветилось ее фото, мое сердце заколотилось. Лондон в гостиной смотрела телевизор, я вышел в патио через кухню. Прежде чем ответить на звонок, я постарался взять себя в руки.

– А, привет. – Я старался говорить так, словно ничего не произошло. – Как ты?

Она помолчала.

– У меня все хорошо. А у тебя?

– Было немного не по себе, – признал я. – Но сейчас все нормально.
Где ты?

Она явно задумалась, стоит ли отвечать, и наконец произнесла:

– Я в Тампе. А Лондон рядом? Или уже купается?

– Еще нет. Она в гостиной.

– Можно мне с ней поговорить?

Я постарался выровнять дыхание.

– А тебе не кажется, что сначала поговорить надо нам?

– Неудачная мысль, Расс.

– Почему же?

– Потому что я понятия не имею, о чем ты хочешь поговорить.

– Что хочу сказать? Хочу, чтобы ты дала нам еще один шанс, Вивиан. –

Я не обращал внимания на мертвую тишину на другом конце телефонной линии. – Я по-прежнему не понимаю, что происходит. Как можно все исправить? Надо сходить к психологу...

Ее голос зазвучал напряженно:

– Пожалуйста, Расс, можно мне поговорить с Лондон? Я по ней соскучилась.

А по мне нет? Или ты сейчас с Уолтером?

Перед глазами сразу встало видение: моя жена звонит из люкса в

отеле, Уолтер смотрит телевизор в гостиной, и мне остается лишь войти в дом и позвать дочь к телефону.

– Мама звонит, Лондон. Хочет с тобой поздороваться.

Я не удержался и подслушал их разговор. Я слышал рассказ Лондон о том, как прошел день, о найденной черепашке. А потом она произнесла: «Я тебя люблю» – и спросила, когда мама вернется. Что ответила Вивиан, я не слышал, но, судя по выражению лица Лондон, ответ ей не понравился. «Ладно, мамочка. Я тоже по тебе скучаю. Завтра поговорим».

Вивиан знала, что я обычно выключаю мобильный, когда ложусь спать. Давние привычки неискоренимы, поэтому перед сном я машинально сделал это. А утром, включив телефон, увидел, что Вивиан оставила мне два голосовых сообщения.

– Я понимаю, ты хочешь поговорить, но давай сделаем это, когда оба будем готовы. Не представляю, что еще тебе сказать. Но я хочу, чтобы ты знал: я не хотела тебя обидеть. Я сказала все как есть, потому что считаю, что обманывать тебя бессмысленно.

Я звоню из-за Лондон. Я сбиваюсь с ног с этим переездом офиса, общественным каналом Уолтера и поездками. Нам еще остался колумбийский отрезок пути, в выходные мы вылетаем в Нью-Йорк. И поскольку я постоянно в разъездах, будет лучше, если на некоторое время Лондон останется с тобой. Я хочу сначала устроиться здесь и подготовить комнату для нее, а на это сейчас совершенно нет времени. В общем, мне кажется, пока не стоит объяснять Лондон, что происходит. Ей и без того хватает стрессов в школе, я знаю, как она устает. И потом, мы должны вместе поговорить с ней. Подожди, сейчас перезвоню. Иначе выключится голосовая почта.

Во втором сообщении она продолжила с того, на чем остановилась:

– Сегодня я консультировалась с психологом о том, как лучше сказать Лондон. По ее словам, мы должны дать ей понять, что для нас будет лучше некоторое время пожить врозь, но не упоминать о разводе. И конечно, акцент надо делать на том, что Лондон тут ни при чем и мы оба любим ее. В общем, нам есть что обсудить при встрече, но ты должен знать: на первом месте для меня интересы Лондон. Нам еще предстоит выбрать подходящее время для ее переезда в Атланту. – Она помолчала. – Вот, кажется, и все. Всего хорошего.

Всего хорошего?

Она серьезно? Сидя на краю постели, я прослушал сообщения несколько раз. Видимо, искал хоть какие-нибудь признаки того, что я ей небезразличен, но ничего подобного не услышал. Зато понял, чего хочет Вивиан, делая вид, будто заботится о Лондоне, и этот маневр меня взбесил. Пока я думал об этом, телефон зазвонил.

– Привет, – сочувственным тоном сказала Мардж. – Вот, звоню узнать, как ты.

– Еще семи часов нет.

– Я в курсе. Но я беспокоюсь за тебя.

– Я... в ярости.

– В чем дело?

– Вивиан оставила мне пару сообщений. – Я пересказал ей содержание.

– Ну ничего себе. Значит, вот что тебя разбудило? А не чашка ароматного кофе? Кстати, о кофе: я уже сворачиваю к твоему дому. Открывай дверь.

Я вышел из спальни и побрел вниз по лестнице. К тому времени, как я открыл дверь, Мардж уже выбралась из машины, держа в руках два пластиковых стакана. Она была одета по-офисному.

– Сварить кофе я мог и сам, – сказал я.

– Знаю, но мне хотелось тебя увидеть. Ночью удалось поспать?

– Часа четыре...

– И мне не спалось.

– Поздно легла из-за Лиз?

– Нет, беспокоилась за тебя. Пойдем в дом. А Лондон встала?

– Еще нет.

– Может, я ее разбужу, а ты пока выпьешь кофе?

– Я не беспомощный.

– Знаю, – кивнула она. – Скорее даже наоборот. Ты держишься гораздо лучше. Будь я на твоём месте...

– Не преувеличивай.

Мардж ласково коснулась моей щеки.

– Мне же не пришлось уговаривать тебя не прыгать с водонапорной башни.

Благодаря кофе и помощи Мардж, к тому времени, как снова повез Лондон в школу, я чувствовал себя немного лучше, чем накануне. Сидя на заднем сиденье, она без умолку болтала о том, что видела во сне – кажется, лягушку, которая меняла цвета. И я понял: ее невинный щебет – как раз то,

что мне сейчас нужно.

После возвращения домой я заставил себя выйти на пробежку. Я не бегал с того дня, как Вивиан объявила о своем уходе. Пропустив несколько тренировок впервые с тех пор, как возобновил их, я надеялся, что физическая нагрузка немного приведет меня в норму. На пробежке я чувствовал себя неплохо и добавил к обычной дистанции несколько миль. А после, когда принимал душ, вновь поймал себя на мысли о Вивиан. Недавняя ярость утихла, сменившись невыносимой горечью.

Я понимал, что не проживу и дня, если не смогу отвлечься, поэтому решил чем-нибудь заняться. Чем угодно. Желание работать отсутствовало, однако я силком притащил себя в кабинет. Но, едва сев за стол и увидев стоящую на нем фотографию Вивиан, понял: ничего не выйдет, пока я торчу дома. Здесь повсюду слишком много напоминаний, навевающих эмоции, которые я не могу контролировать.

Пора побывать в офисе.

Уложив ноутбук, я отправился в арендованный офис. Администратор явно удивилась моему приходу, но, как обычно, отрапортовала, что сообщений для меня нет. А мне впервые за все время было абсолютно все равно.

Я отпер кабинет. С тех пор, как я в последний раз побывал в нем, а это было несколько недель назад, ничто не изменилось, только мой стол покрылся тонким слоем пыли. Я поставил на него ноутбук и зашел в почту.

Десятки писем, главным образом счета и спам. Большинство я удалил, счета разложил по папкам, и в ящике остались только письма с отснятым материалом для рекламных роликов. Презентация для пластического хирурга уже была готова, наступала очередь Тальери. Я просмотрел записи, сделанные на прошлых выходных: из шести дублей, отснятых перед зданием суда, три ни на что негодились. Остальные три оказались более-менее сносными, и я отбраковал еще один. Просматривая два оставшихся, мне показалось, что начало более удачное во втором дубле, а конец – в первом. На моем ноутбуке имелись простейшие программы для редактирования видео, и я сумел склеить из двух дублей один. Нет ничего лучше магии кино.

Мало того, в отснятом материале мне понравился образ самого Тальери. Он получился именно таким, как я и задумывал: честным, компетентным, располагающим к себе и вдобавок был фотогеничным. Может, все дело в естественном освещении, но ролик смотрелся гораздо лучше предыдущих.

Со съемками второго видео ситуация обстояла намного сложнее.

Предполагалось множество планов, съемки в разных ракурсах. Особенно сильная сцена с пасущимися на лугу конями должна была усилить впечатление от ролика в эфире. Я понял, что ни времени, ни сил заниматься им у меня пока нет, и решил поработать над первым.

Я пользовался далеко не самыми современными программами, но и они сгодились. С лучшим видеомонтажером-фрилансером в городе я уже связался, и работа продвигалась – медленно, но верно. В обед я заставил себя съесть миску супа, который купил в соседнем магазине, и продолжал заниматься редактированием до тех пор, пока не пришло время забирать Лондон из школы.

День выдался непростым. Стоило мне хоть на секунду отвлечься, эмоциональная буря вновь обрушивалась на меня вместе со шквалом вопросов. Я вставал из-за стола и принимался ходить из угла в угол или же стоял у окна, чувствуя, как щемит сердце, трясутся руки. Казалось, в офисе не хватает воздуха. Потерю я ощущал настолько остро, что все остальное не имело для меня смысла.

Но поскольку единственной моей надеждой на спасение были попытки отвлечься от этих мыслей, я неизбежно возвращался за стол и с головой погружался в работу.

– То, что с тобой сейчас происходит, – это нормально, – заверила меня Лиз. Они с Мардж снова приехали ко мне после работы. Сестра привезла пластилин и, сидя вместе с Лондон на полу, лепила всевозможные фигурки.

– У тебя сильный шок. Любой на твоём месте был бы выбит из колеи.

– Ещё как выбит, – признался я. – Я едва держусь.

Мы с Лиз беседовали сотни раз, но впервые за все время я ощущал острую потребность в разговоре с ней. За день я сильно вымотался. Больше всего мне хотелось спрятаться где-нибудь, но с Лондон это было невозможно. И вряд ли помогло бы – от собственных мыслей не сбежишь.

– Но ты же сказал, что съездил на работу, – напомнила Лиз. – Отвез Лондон в школу и привез обратно, свозил на музыку. И накормил.

– Просто купил еду на вынос по дороге домой.

– Ничего страшного. Тебе пора научиться давать себе поблажку. Ты справляешься не хуже других.

– Ты что, не слушала меня?

– Слушала, конечно. И знаю, что хотя мучения кажутся невыносимыми, но давать волю своим эмоциям полезнее, чем подавлять их. Знаешь, как говорится: единственный выход – идти до конца. Ты понимаешь, что это значит?

– Не совсем. Но мой мозг сейчас вообще работает не так, как обычно. Боюсь, просмотрев рекламный ролик, который сегодня смонтировал, я приду в ужас от того, что наделал.

– Если он настолько плох, ты его исправишь, верно?

Я кивнул. Исправить его я был просто обязан. Поскольку Вивиан открыла собственный банковский счет, на меня легли все наши расходы – в том числе, ипотечные платежи.

– Вот и хорошо. И это будет еще один шаг вперед. А что касается моих предыдущих слов, слишком много людей считает, что подавлять эмоции или избегать их полезно для здоровья. В некоторых случаях это правда. Но сразу же после травмирующего психику события зачастую лучше всего просто дать чувствам волю, испытать их во всей полноте, постоянно напоминая себе, что это нормально. И помнить, что ты – это не только твои эмоции.

– Ничего не понимаю.

– Тебе сейчас грустно, но по натуре ты не унылый человек и не всегда будешь таким. Сейчас ты злишься, но ты не злой и это не навсегда.

Я обдумал ее слова и покачал головой.

– Я просто хочу, чтобы эмоции не изматывали меня так, как сейчас. Как это сделать?

– Продолжай заниматься тем же, чем и всегда. Бегай по утрам, работай, заботься о Лондон. Рано или поздно все пройдет, но для этого понадобится время.

– Сколько времени?

– У всех по-разному. Но с каждым днем ты будешь чувствовать себя менее уязвимым, более сильным и решительным. Если сейчас ты думаешь о Вивиан каждые пять минут, то на следующей неделе, возможно, будешь вспоминать о ней лишь каждые десять минут.

– Хотел бы я все решить по щелчку пальцев.

– Все этого хотят.

Вечером, после того, как Лондон поговорила со своей матерью по видеосвязи и улеглась спать, мы еще долго сидели с Мардж и Лиз. Сестра в основном молчала и слушала.

– Что тебе подсказывает опыт? – спросил я. – Она вернется?

– Честно говоря, я повидала всякое, – ответила Лиз. – Бывают случаи, когда человек принимает влюбленность за любовь, и, как только очарование новизны пропадает, ему становится ясно, что он совершил ошибку. Но если это любовь... А иногда, когда речь идет о мимолетном

увлечении, человек понимает, что к прежнему партнеру уже не испытывает никаких чувств.

– Ну и что мне делать? Она даже говорить со мной не желает.

– Не знаю, можно ли в этой ситуации вообще сделать хоть что-то. Как бы мы ни желали, подчинить себе другого человека нельзя.

Мне хотелось выпить, забыться и ни о чем не думать. Но хотя в холодильнике было пиво, я к нему не притрагивался, опасаясь, что, если начну пить, не смогу остановиться, пока не уничтожу все запасы спиртного.

– Я не хочу подчинить ее себе. Я хочу ее вернуть.

– Знаю, – кивнула Лиз. – Ясно же, что ты все еще любишь ее.

– Как думаешь, она меня еще любит?

– Да, – сказала Лиз. – Но сейчас это уже другая любовь.

Я повернулся к Мардж:

– А если она захочет увезти Лондон в Атланту?

– Будешь бороться. Наймешь адвоката, чтобы доказывать, что дочь должна остаться с тобой.

– А если Лондон захочет уехать? – На глазах выступили слезы. – Если решит жить со своей мамой?

Мардж и Лиз молчали.

В пятницу я отвез Лондон в школу и забрал оттуда, а потом отвел на танцы. Но все остальное время посвятил работе. Выживание давалось мне с трудом. Мне вспомнилось, что ровно четырнадцать лет назад, в этот день, который я никогда не забуду, обрушились башни-близнецы.

А потом наступили выходные. Советы Лиз я воспринял как мантру: тренировка, работа, забота о Лондон, и хотя в офис я сегодня не собирался, все равно продолжал следовать ее советам.

Я проснулся рано и пробежал семь миль – больше, чем когда-либо. Заставил себя съесть завтрак и покормил Лондон. Пока она играла, я закончил правку первого ролика и приступил к работе над вторым. Отвез Лондон в изостудию, а когда забрал, узнал, что она слепила вазу. К машине Лондон несла ее бережно, стараясь не помять.

– На следующей неделе надо взять ее с собой на занятие, чтобы раскрасить, – объяснила мне Лондон. – Я нарисую на ней желтые цветы. А еще, может быть, розовых мышонков.

– Мышонков?

– Или хомячка. Но хомяков труднее рисовать.

Я понятия не имел, почему она так думает.

– Ладно, значит, цветы и «мышонков».

– Розовых мышонков.

– Так даже лучше, – согласился я. – А съездить в гости к бабушке ты готова?

Я знал, что пора объявить родителям об уходе Вивиан. Мардж хотела быть в эту минуту рядом со мной, поэтому Лондон на прогулку увела Лиз. Придя из гаража, отец сел рядом с мамой.

Новость вылилась из меня непрерывным потоком. Когда я умолк, первым заговорил мой отец.

– То есть как это «ушла»? – Он нахмурился. – У нее же ребенок.

– Надо позвонить ей, – вмешалась мама. – Может, это просто такой период.

– Период тут ни при чем. Она сама сказала мне, что полюбила его. Теперь у нее новое жилье.

– Когда она возвращается? – допытывалась мама. – Если на следующие выходные, нас с твоим отцом не будет в городе. Мы едем к твоему дяде Джо в Уинстон-Сейлем на день рождения.

Джо, который был младше моего отца на пару лет, работал автомехаником, он так и не женился, но всегда состоял с кем-то в отношениях. Мне, подростку, он казался классным. Помнится, я даже иногда удивлялся, почему он не женится. Лишь повзрослев, я заподозрил, что это неспроста.

– Понятия не имею, когда она вернется, – ответил я.

– Наверное, стресс на работе, – продолжала строить догадки мама. – Она не в состоянии рассуждать здраво.

– И как же она будет видаться с Лондон? – спросил отец.

– Не знаю, папа.

– Или она вообще не желает ее видеть? – не унимался он.

– Обязательно надо позвонить ей! – причитала мама.

– Нет, мама, звонить ей ты не будешь, – вмешалась Мардж. – Это их дело. Конечно, Вивиан приедет повидаться с Лондон. И хотя она не говорит Рассу, когда приедет, скорее всего, это будет на следующей неделе или чуть позже. Так что пока не стоит забрасывать Рассу вопросами и строить планы. Сами понимаете, эта неделя выдалась для него нелегкой.

– Ты права, – вдруг согласилась мама. – Извини. Просто такого я не ожидала, понимаешь?

– Ничего, мама.

Отец встал с дивана и направился на кухню.

– Как ты, держишься?

Я провел рукой по волосам.

– Стараюсь как могу.

– Может, надо чем-нибудь помочь? Побывать с Лондон?

– Нет, я справляюсь. Теперь, когда начались занятия в школе, стало проще.

– А если я время от времени буду привозить вам ужин? Это хоть немного поможет?

Я понимал, что маме необходимо сделать для меня что-нибудь.

– Было бы замечательно, – сказал я. – Твою еду Лондон ест гораздо охотнее, чем мою.

Моего плеча коснулось холодное стекло. Я обернулся: отец держал по бутылке пива в каждой руке и протягивал мне одну.

– Это тебе. Захочешь поговорить – я в гараже.

Двадцать минут спустя, когда я пришел в гараж, отец жестом велел мне сесть на табурет, а сам устроился на ящике для инструментов. Я принес нам по бутылке пива. Мне не давала покоя мысль, которой я не решился поделиться ни с Лиз, ни с Мардж, но хотел услышать мнение отца.

– Не знаю, получится ли у меня... – начал я.

– Получится – что?

– Быть отцом-одиночкой. Самому воспитывать Лондон. Может, ей было бы лучше жить с Вивиан в Атланте.

Он резко откупорил бутылку.

– Я так понимаю, ты ждешь, что я соглашусь с тобой.

– Сам не знаю, чего я жду.

– Твоя беда не в этом. А в том, что тебе страшно.

– Само собой страшно.

– Вот что значит быть родителем. Стараться изо всех сил и при этом каждую минуту бояться, что облажаешься. Уж поверь мне, с детьми можно быстро поседеть.

– Но вы же с мамой не боялись.

– Еще как боялись. Только виду не подавали, вот и все.

Я удивился: неужели это правда?

– Как думаешь, мне стоит бороться за Лондон? Если до этого дойдет?

Отец провел пальцем по своим джинсам, оставив на них полосу смазки.

– По-моему, ты чертовски хороший отец, Расс. Гораздо лучше, чем я, это уж точно. Мне кажется, ты нужен Лондон.

– Мама тоже нужна ей.

– Возможно. Но посмотри, как ты о ней заботишься! Я знаю, это не просто, а ты все-таки берешь и делаешь. Она растет счастливой. Вот это и значит быть отцом. Ты стараешься изо всех сил и любишь своего ребенка. Ты справляешься, и я тобой горжусь. – Он помолчал. – В общем, вот что я думаю.

Я попытался припомнить, говорил ли он мне раньше что-нибудь подобное, и понял, что этого никогда не было.

– Спасибо, папа.

– Ты что, реветь надумал?

Я невольно засмеялся.

– Не знаю, папа.

– А чего тогда?

Я смахнул со щеки слезу, которую поначалу не ощутил.

– Слишком много всего навалилось.

Глава 15

День за днем

В отличие от моего друга Дэнни, я был рядом с мамой и видел ее страх и тревогу, когда одного за другим она потеряла всех близких, всю семью, в которой выросла. Мне было тринадцать, когда умер мой дед, восемнадцать – к моменту смерти бабушки, двадцать один – когда скончался первый из ее братьев и двадцать восемь – когда последний ее брат ушел в мир иной.

В каждом случае тяжелее всех пришлось моей маме. Все четверо умирали медленно и мучительно, с частыми поездками в больницу, где до последнего пытались ядами убить рак. Была потеря волос, и тошнота, и слабость, и беспамятство. И боль. Слишком много боли. Ближе к концу приходилось проводить дни и ночи в отделении интенсивной терапии, наблюдая, как мои родные бились в агонии. Мама все время была рядом. Каждый вечер после работы она отправлялась к ним домой или в больницу и оставалась там на долгие часы. Она умывала больных и кормила протертой пищей через соломинку, знала поименно всех врачей и медсестер в трех разных больницах. А когда приходило время, она организовывала похороны. Я всегда знал: несмотря на наше присутствие, мама чувствовала себя одинокой.

Мне казалось, после последних, четвертых похорон она оправится по прошествии нескольких недель. На первый взгляд все было по-прежнему. Мама все так же носила фартуки и во время наших с Вивиан приездов в гости почти не выходила из кухни, но стала молчаливее, а временами я замечал, как она устремляет взгляд в окно над раковиной, забыв обо всем. Я думал, это из-за недавних утрат, но Вивиан предположила, что у мамы скорбь обладает свойством накапливаться, по-моему, она была права.

Каково это – потерять семью? Наверное, такой финал неизбежен – рано или поздно последний ее член остается один. Но мое сердце болело за маму. Я чувствовал, будто ее потеря стала моей, потому стал навещать ее чаще, чем прежде. Два-три раза в неделю после работы я приезжал к родителям и проводил время с мамой. И хотя мы не разговаривали об этом, печаль переполняла нас обоих.

Однажды вечером я заехал к родителям и увидел, что отец подстригает живую изгородь, а мама ждет на крыльце. Отец словно не

заметил моего появления, и даже не повернулся в мою сторону.

– Давай-ка прокатимся, – заявила мама. – Садись за руль.

Она решительно направилась к моей машине, открыла дверцу с пассажирской стороны и села.

– В чем дело, пап?

Он отвлекся от своего занятия, но не обернулся.

– Садись в машину. Твоей матери это важно.

Я покорился, а когда спросил, куда ехать, мама указала в сторону пожарного депо.

Когда мы были у депо, она вдруг попросила меня повернуть направо, а через два квартала – налево. К тому времени я уже догадался, куда мы направляемся. Наконец мы остановились возле ворот, по обе стороны от которых начинались заросшие деревьями участки. Перед нами высилась водонапорная башня. Мама вышла из машины, я последовал за ней.

Повисло молчание.

– Зачем мы приехали сюда, мама?

Она запрокинула голову, словно пересчитывая глазами ступени лестницы, ведущей к площадке на самом верху башни.

– Я знаю, что случилось, когда Трейси и Мардж расстались. Знаю, что ее сердце было разбито и ты нашел ее здесь. Ты был совсем ребенком, но каким-то чудом уговорил ее спуститься.

Я подавил в себе желание возразить, но в этом не было смысла.

– Знаешь, каково это – думать, что вот здесь, на этом самом месте, могла умереть твоя дочь? Когда Мардж обо всем рассказала, помню, я удивилась, почему она не позвонила мне или отцу. Но потом поняла. Вас двоих связывают чудесные узы, и ты даже представить не можешь, как я этим горжусь. Может, мы и не самые лучшие родители, но сумели воспитать вас обоих как надо.

Она все еще не сводила глаз с водонапорной башни.

– Тебе влетело, но ты ничего нам не рассказал. О том, где провел ту ночь. Вот я и хотела извиниться перед тобой.

– Не стоит, – смутился я.

Она повернулась ко мне, и я увидел в ее лице глубокую печаль.

– У тебя дар, – сказала она. – Ты – тонко чувствующий и равнодушный человек. И это замечательно. Вот почему ты сразу понял, как надо действовать. Ты взял всю боль Мардж на себя, а теперь пытаешься сделать то же самое со мной...

Она ненадолго умолкла.

– Понимаю, ты стараешься помочь мне, но, что бы ты ни делал, от

печали ты меня не избавишь. Только сделаешь хуже самому себе. Мне больно видеть тебя таким, я этого не хочу. Я стараюсь выкарабкаться, держусь как могу, но мне не хватит сил, чтобы беспокоиться еще и за тебя.

– А я не знаю, смогу ли не беспокоиться за тебя.

Она коснулась моей щеки.

– Понимаю. Но ты все-таки попытайся. Просто помни, что я уже пережила множество худших в моей жизни дней. Как и твой отец, и Мардж. И конечно, ты сам.

Вечером того же дня я задумался над мамиными словами. Она, конечно, была права. Я еще не знал, какой трудной порой бывает жизнь, не знал, что худшие дни еще впереди.

Девять тысяч триста шестьдесят минут.

Вот сколько времени прошло – ну хорошо, примерно столько, – с тех пор, как мой мир перевернулся, и я пронзительно остро ощущал каждый миг. Минувшая неделя тянулась мучительно медленно, а я прочувствовал эти дни каждой клеткой тела все сильнее, с каждым движением стрелки на часах.

Наступил понедельник, четырнадцатое сентября. Неделю назад Вивиан ушла от меня. Моя заикленность на мыслях о ней походила на одержимость. Прошлой ночью мне не спалось. Пробежка помогла, но после нее пропал аппетит. За последнюю неделю я сбросил еще семь фунтов.

Стресс – радикальная диета.

Собираясь сделать этот звонок, я уже знал, что предприму дальше. И твердил, что просто хочу выяснить, где находится Вивиан. Но я себе врал. Когда секретарь в приемной Спаннермена ответила на звонок и я попросил соединить меня с Вивиан, она переключилась на некую Мелани, которая назвалась ассистентом Вивиан. А я и не знал, что у моей жены есть ассистент – но, видимо, я слишком многого о ней не знал.

Мне сообщили, что Вивиан на совещании. Мелани спросила мою фамилию. Тут я солгал, представившись местным журналистом, желающим организовать встречу с Вивиан на этой неделе. Мелани сообщила, что Вивиан в офисе сегодня и завтра, а потом всю неделю проведет в разъездах.

Следом я позвонил Мардж с просьбой забрать Лондон из школы и позднее отвезти на танцы, объяснив это тем, что еду встретиться с женой, но сегодня же вернуться.

До Атланты всего четыре часа езды.

Не знаю, чего я рассчитывал добиться этим неожиданным визитом. В пути мои планы и прогнозы постоянно менялись. Я знал, что должен увидеться с Вивиан – отчасти я надеялся, что резкость, с которой она общалась со мной по телефону, исчезнет при личной встрече и мы найдем способ спасти наши отношения, семью, жизнь.

В дороге мой желудок словно завязался в узел – свидетельство явной тревоги, от которой вести машину стало труднее. К счастью, движение транспорта на этот раз было неплотным, и к двенадцати я достиг окраин Атланты. А уже через пятнадцать минут, чувствуя, как натянуты до предела нервы, разыскал новое здание офиса Спаннермена и въехал на парковку.

Я нашел свободное место в секторе для гостей и уже собрался выйти из машины, но вдруг задумался. Как быть дальше? Позвонить Вивиан и сообщить, что я внизу? Войти в здание и обратиться к администратору в холле? Или прорваться с боем прямым в кабинет Вивиан? Бесчисленные сценарии нашего разговора, которые мне представлялись в пути, всегда начинались за столом в ресторане, а не на крыльце перед офисом.

Я понимал, что сейчас не могу рассуждать здраво.

Вивиан наверняка предпочла бы, чтобы я позвонил; но при этом у нее был бы шанс наотрез отказаться от встречи. Именно по этой причине лучше явиться к ней без предупреждения, но как быть, если она на совещании? Назвать свою фамилию и ждать в приемной, как школьник, которого вызвали к директору? Мне хотелось пройти прямо к ней в кабинет, но я понятия не имел, где он находится, вдобавок такое самоуправство наверняка закончится скандалом, что только усугубит ситуацию.

Продолжая обдумывать возможные действия, я заставил себя выйти из машины. Мне необходимо было размять ноги и заглянуть в туалет. Заметив на противоположной стороне кофейню, я неосторожно перебежал улицу. А когда вернулся к машине, решил позвонить Вивиан. И вдруг увидел их – Спаннермена и Вивиан в коричневом «Бентли», выезжающем со стоянки. Не желая быть замеченным, я отпрянул к стене здания и наклонил голову. Когда «Бентли» наконец вырулил на улицу, я услышал рев двигателя.

У меня изначально и не было плана, но при виде их в машине остатки надежды улетучились. Есть по-прежнему не хотелось, но я решил купить какой-нибудь еды, а потом дождаться Вивиан неподалеку от офиса.

Выезжая со стоянки, я заметил, что транспорт почти не движется в плотном потоке, а коричневый «Бентли» на расстоянии восьми машин от

меня. Впереди кипела какая-то стройка: тягач со стальными балками задним ходом заезжал на стройплощадку, в итоге движение на улице было парализовано.

Наконец тягач освободил дорогу, транспорт двинулся, и я, не сводя глаз с «Бентли», заметил, что он включил правый поворот. Я почувствовал себя шпионом или частным детективом, когда повернул в ту же сторону, но быстро убедил себя: я не собираюсь устраивать сцену в ресторане или совершить еще какую-нибудь глупость. Просто хочу выяснить, куда они ездят на обед, узнать хоть что-нибудь о новой жизни моей жены. Так на моем месте поступил бы каждый.

Верно?

А между тем гнев во мне продолжал расти. Теперь, когда нас с «Бентли» разделяла всего одна машина, я отчетливо видел их. Уолтер говорил, Вивиан отвечала ему с тем же радостным выражением лица, с каким беседовала с ним по телефону после ссоры с Лондон. И мой гнев сменился разочарованием и тоской.

Почему она меня не любила?

Их путь был недолгим. Они свернули налево и нырнули на крытую парковку под шикарным небоскребом «Бельмонт-Тауэр». Возле дверей я заметил швейцара, как в Нью-Йорке, проехал мимо и свернул на парковку какого-то ресторана кварталом дальше.

Я заглушил двигатель, размышляя, есть ли в небоскребе ресторан. Может, там и находятся пресловутые служебные квартиры. И в одной из них живет Уолтер Спаннермен.

Из Интернета я выудил нужную информацию: «Бельмонт-Тауэр» – один из проектов Спаннермена. Нашлась даже ссылка на видео. Я кликнул по ней и увидел самого Уолтера Спаннермена, расхваливающего преимущества здания. В качестве финального коммерческого довода он с гордостью объявил зрителям, что выбрал себе квартиру на верхнем этаже.

Я нажал на «паузу», и с чувством человека, вынужденного без конвоя идти на эшафот, выбрался из машины и направился к «Бельмонт-Тауэр». У дверей я подозвал швейцара.

– Красивое здание, – сказал я.

– Да, сэр. Очень красивое.

– В нем есть ресторан? Или клуб для арендаторов? – спросил я.

– Нет, ничего такого нет. Но по соседству есть «Ла Серна». Это пятизвездочный ресторан.

– Здесь сдаются квартиры?

– Нет, сэр.

Я сунул руку в карман.

– Ясно, спасибо вам за помощь.

Через несколько минут, ошарашенный мыслью о том, что Вивиан, скорее всего, живет со Спаннерменом у него в пентхаусе, я сел в машину и поехал обратно в Шарлотт.

Я приехал через полчаса после возвращения Лондон из школы, и она, едва услышав меня, бросилась к двери.

– Папочка! Где ты был?

– Работал, – объяснил я. – Извини, что не смог тебя забрать.

– Ничего. Меня тетя Мардж забрала. И отвезла домой. – Лондон обняла меня. – Я по тебе скучала.

– И я тоже по тебе скучал, детка.

– Я люблю тебя.

– Взаимно.

– А что значит «взаимно»?

– Когда говоришь «взаимно», значит, хочешь сказать то же самое. Вот ты сказала, что любишь меня, а я ответил «взаимно», значит, я тоже тебя люблю.

– Здорово, – обрадовалась она. – Я не знала, что так можно.

– В мире чего только нет. Ну а ты узнала что-нибудь интересное в школе?

– Узнала, что пауки – не насекомые. Они называются «арахмиды».

– Может, арахниды?

– Нет, папочка, арахмиды! Через «м».

Я был уверен, что она ошибается, но решил не настаивать.

– Круто!

– Это потому, что у насекомых шесть ног, а у пауков – восемь.

– Ух ты! Знаешь, а ведь ты умница.

– А пауков все равно не люблю. И пчел больше не люблю. Хотя они и делают мед. А бабочки красивые.

– Совсем как ты. Ты тоже красивая. Красивее любой бабочки, – заверил я. – Я отойду на минутку поздороваться с тетей Мардж?

– Ладно, а я проведу Мистера и Миссис Крапинку. Ты не забыл налить им воды?

Ой.

– Забыл. Но вчера у них было достаточно воды. Так что с ними все в порядке.

– Сейчас пойду и проверю.

Я поцеловал ее в щеку и отпустил. Лондон убежала вверх по лестнице. Только тогда я заметил, что из кухни за нами наблюдает Мардж.

– Знаешь, а ведь ты хороший отец, – сказала она, когда я подошел ближе.

– Стараюсь. Как она?

– Ты имеешь в виду – тот час, который я пробыла с ней? По дороге домой мне пришлось купить фруктовый лед на палочке. А потом нагрязнула мама с тоннами еды, и этими запасами тоже пришлось заниматься мне. Кстати, кое-что я сложила в холодильник, остальное – в морозилку. Ты мой должник. Я выжата как лимон. Ну и денек! Сама не понимаю, как я продержалась.

Моя сестра явно знала толк в мелодрамах.

– Я не думал, что вернусь так скоро.

– Я тоже. И опасалась, что к приезду ты раскиснешь как пюре. Так что стряслось? Она вообще была на месте?

– Я видел ее...

И я рассказал Мардж, как прошла поездка в Атланту. Она налила два стакана воды со льдом и протянула один мне.

– Можно один вопрос?

– Давай.

– Почему ты просто не дождался ее?

– Они поехали к Спаннермену, и я понял, что не желаю с ней встречаться.

– А причина?

– Она... была с *ним*. Наверное, у него в пентхаусе. И...

– И что? Она от тебя ушла. И сказала, что влюблена в него. Тебе известно, что она спит с ним, так?

– Известно, – кивнул я. – Просто думать об этом противно.

На лице Мардж отразилось сочувствие.

– Значит, психически ты совершенно здоров.

Я помолчал и вдруг понял, что обессилен.

– Что мне теперь делать?

– Заботиться о себе. Быть хорошим отцом для Лондон.

– Я про Вивиан.

– Давай пока ограничимся заботами о тебе и твоей дочери, ладно?

Напрасно я ездил в Атланту.

Во вторник я пытался погрузиться в работу над роликом для Тальери, но сосредоточиться было трудно, все мысли занимала Вивиан. Как наяву, я

видел ее в «Бентли», а рядом с ней – Спаннермена, и когда пытался представить себе выражение ее лица, оно было таким же, как в тот вечер в патио.

Эти видения неотступно преследовали меня и приносили с собой ощущение собственной несостоятельности. Неполноценности. Меня не просто отвергли – заменили более богатым и влиятельным человеком, способным заставить смеяться и улыбаться так, как не мог этого сделать я.

Она ушла от меня не по каким-то своим причинам, а по моей вине.

Так я и сказал Мардж по телефону на следующий день, и, поскольку в одиночку мне выбраться из очередной ямы не удалось, они с Лиз приехали ко мне после работы. Был вечер вторника, я накормил Лондон едой, которую привезла моя мама. Мардж и Лондон отправились смотреть кино в гостиную, а мы с Лиз устроились в патио.

Я подробно рассказал обо всем, что произошло, и описал свои ощущения. А когда умолк, Лиз задумчиво сложила ладони.

– Что, по-твоему, должно было произойти после вашего разговора с Вивиан?

– Наверное, я надеялся, что она решит вернуться. Или, по крайней мере, мы обсудим, как нам быть.

– Зачем? Разве она хоть чем-нибудь дала тебе понять, что хочет вернуться? Или пыталась что-нибудь предпринять?

– Нет, – подумав, признал я. – Но ведь она моя жена. С тех пор как она ушла, мы почти не разговаривали.

– Поверь мне, когда она будет готова, вы все обсудите. Однако тебе может не понравиться то, что она тебе скажет.

Прочитать между строк было нетрудно.

– Ты считаешь, что она не вернется, да?

– Возможно, мое мнение не совсем правильное.

– В любом случае я хочу узнать, что ты об этом думаешь.

Она тяжело вздохнула.

– Нет, – наконец ответила она. – Думаю, она не вернется.

Мне хотелось ничего не чувствовать и не думать о Вивиан, но спасительное забвение приходило лишь в те часы, когда Лондон была в школе, а я погружался в работу. В среду я занимался вторым роликом для Тальери и наконец отправил его на окончательную правку и доделку. Затем в четверг днем я взялся за презентацию для пластического хирурга. Я собирался разработать отличную от рекламы Тальери кампанию: предполагалось более масштабное присутствие в Сети, дружественный

сайт, видео с акцентом на отзывы пациентов, прямая рассылка, реклама в социальных сетях, СМИ и рекламные щиты. И хотя во время презентации я был далеко не на высоте, встреча закончилась рукопожатием и осознанием, что у меня появился второй клиент. Как и Тальери, он был настроен на продолжительное сотрудничество.

Я подсчитал, что благодаря этим двум клиентам буду получать почти половину моей прежней зарплаты, без учета бонусов. Этого хватит на обязательные ежемесячные платежи и даже больше, и мне стало гораздо легче, когда я позвонил и аннулировал наши общие с женой кредитки.

Вивиан я поставил в известность об этом в сообщении.

Позднее тем же вечером Вивиан позвонила мне. С понедельника, после своей опрометчивой поездки в Атланту, я разрешал Лондон отвечать на телефонные звонки, когда видел на экране фотографию Вивиан. От Лондон я узнал, что Вивиан собирается позвонить еще – на этот раз мне. Моя дочь убежала наверх, готовиться ко сну, а я задумался, понимает ли она, что происходит между мной и ее матерью, и чувствует ли, что мы уже не одна семья.

В ожидании звонка я старался уничтожить в себе всякую надежду, но безуспешно. Я представлял, как Вивиан извинится и пообещает скоро приехать, но в вихре эмоций эти мысли сменялись другими – о том, что объяснила мне Лиз, или о том, что единственная причина звонка Вивиан – кредитки, по поводу которых она хочет выразить недовольство.

Эмоциональные качели обессилили меня, и к тому времени, как телефон зазвонил, душевных сил на восприятие происходящего, каким бы оно ни было, практически не осталось.

Я ответил только после четвертого звонка.

– Привет, – сказал я. – Лондон предупредила, что ты позвонишь.

– Привет, Расс. – Ее голос звучал спокойно, будто между нами все было по-прежнему. – Как ты?

Ей действительно интересно или она спрашивает только из вежливости? Я задумался: зачем я пытаюсь это понять, вместо того чтобы просто поговорить?

– В порядке, – с трудом выговорил я. – А ты?

– У меня все хорошо. Судя по голосу, у Лондон начинается простуда.

– Она мне ничего не говорила.

– Мне тоже, но я поняла это по ее голосу. Проследи, чтобы она принимала витамины и пила апельсиновый сок по утрам. Скорее всего, придется дать ей какое-нибудь лекарство.

– Где она могла простудиться? На улице тридцать градусов.

– Она же ходит в школу. Кругом дети, микробы. В каждой школе в начале учебного года вспыхивают эпидемии.

– Ладно, – откликнулся я. – Насчет апельсинового сока и лекарства понял, а витамины она принимает.

– Только не забудь, – повторила она. – Вообще-то я звоню сразу по нескольким причинам. Во-первых, в эти выходные я приеду в Шарлотт. Я очень соскучилась по Лондон и, если ты не против, хотела бы побыть с ней наедине.

А со мной – нет.

– Конечно, – ответил я спокойно. – Она будет рада. Лондон тоже по тебе соскучилась.

– Отлично, спасибо. – Я отчетливо услышал облегчение в ее голосе и удивился: неужели она ожидала другой реакции? – Но это еще не все. Думаю, мне не стоит останавливаться в отеле. Если Лондон узнает об этом, она неприятно удивится.

Я нахмурился.

– А зачем тебе в отель? Приезжай домой. У нас же есть комната для гостей.

– Лондон наверняка заметит, что я сплю в гостевой. И даже если нет, я не хочу, чтобы мы ходили куда-то вдвоем. Лучше мы побудем вдвоем, ради ее же блага.

– О чем ты?

– Ты не мог бы временно пожить у своих родителей? Или у Мардж и Лиз? И переночевать там же в пятницу и субботу.

– Ты что, шутишь?

– Нет, Расс, я серьезно. Пожалуйста. Да, я прошу о многом, но только потому, что не хочу создавать лишние проблемы для Лондон.

А если начистоту, подумал я, ты не хочешь проблем для себя.

Я намеренно выдержал паузу.

– Ладно. Поеду к Мардж. Родителей не будет в городе.

– Буду признательна.

– Не забудь, что в пятницу вечером у Лондон танцы, а затем, в субботу утром, – занятия в студии, так что тебе вряд ли хватит времени на йогу.

– Для меня интересы дочери превыше всего, Расс. И ты это знаешь.

– Ты хорошая мать, – согласился я. – Да, кстати: в студию не забудьте взять вазу, которую Лондон слепила на прошлой неделе. В следующий раз она будет расписывать ее.

– А где эта ваза?

– Я поставил ее в кладовку. На верхнюю полку справа.

– Ясно. Да, и еще...

– Что?

– Хотела узнать, не найдется ли у тебя времени завтра, скажем, в половине второго? Нам надо поговорить, прежде чем я поеду забирать Лондон из школы.

Сердце замерло при мысли, что я снова буду сидеть за столом вместе с ней. И смотреть на нее.

– Конечно, – ответил я. – Где?

Она назвала ресторан, который мы оба знали и где раньше часто бывали. И годовщину отмечали в нем.

Я повесил трубку, думая, не предзнаменование ли это.

– Конечно, можешь пожить у нас, – сказала Мардж на том конце провода. Я только что вернулся из магазина, поставил апельсиновый сок в холодильник и позвонил ей. – Только пообещай не разгуливать по дому в растянутых труселях и не выходить к завтраку полуголым. Растянутые трусы лучше вообще с собой не бери, ладно?

– Ты вообще хорошо меня знаешь?

– Само собой. А зачем, по-твоему, я тебе об этом напоминаю?

– Ладно, не возьму.

– Правда, в субботу нас дома не будет. Придется тебе побыть одному. У нашего друга новоселье.

Ни жены, ни Лондон, ни родителей, а вот теперь еще и сестры – никого в эти выходные не будет со мной. Интересно, когда я в последний раз оставался совсем один? По моим подсчетам, с того момента прошли годы.

– Ничего страшного. Мне надо работать.

– Я буду периодически тебе звонить. Но вернемся к Вивиан: ты уверен, что этот обед – удачная затея?

– А почему бы и нет?

– Когда кто-нибудь, все равно кто, заявляет: «Нам надо поговорить», ничего хорошего это не предвещает.

– Можешь мне поверить, ничего особенного я не жду.

– И правильно делаешь, – согласилась она. – Помнишь слова Лиз? Не жди, что Вивиан захочет вернуться.

– Лиз рассказала тебе, о чем мы с ней говорили?

– Нет, конечно. Но я знаю тебя и Лиз, потому без труда догадалась, о чем могла идти речь. Нет, мы с ней не обсуждаем твою ситуацию во всех

подробностях. Зато в родительском доме это животрепещущая тема.

– У вас двоих и без моего брака есть что обсудить.

– Ты прав – в девяносто девяти процентах случаев из ста, – подтвердила она. – Но в последнее время все разговоры попадают в этот единственный злополучный процент.

– И о чем же вы говорите?

– О том, как ты страдаешь, о том, что мы без понятия, чем помочь. А ведь ты хороший человек и прекрасный отец. Это несправедливо.

Я даже поперхнулся от неожиданности.

– Зря ты за меня беспокоишься.

– А вот и нет, не зря. Я же твоя старшая сестра, забыл?

Я помолчал.

– Как думаешь, Вивиан сейчас трудно?

– Безусловно. Невозможно поступить так, как она, и при этом не чувствовать ни малейших угрызений совести. Но вряд ли она заикливается на своих чувствах так, как делаешь ты. По-моему, вы абсолютно разные.

Объяснение звучало логично, но...

– Я до сих пор постоянно беспокоюсь о ней, – признался я. – Она была замечательной женой.

Мардж вздохнула.

– А ты уверен?

Насчет Лондон Вивиан оказалась права: проснувшись в пятницу утром, она охрипла и сразу же после выхода из дома начала шмыгать носом. Я ждал, когда наконец подействует лекарство.

Высадив Лондон у школы, я вернулся домой, побросал одежду в спортивную сумку и направился в офис. В агентство «Феникс» по-прежнему никто не звонил, но администратор привыкла к моим приездам и даже начала приветствовать меня словами: «Доброе утро, мистер Грин».

Почти все утро я проработал вместе со своим техническим специалистом. Вдвоем мы обсудили и приняли решения по общему плану действий, затем перешли к вопросу приоритизации в Интернете, наметили основные сюжеты баннеров и кампанию в социальных сетях. Все это заняло у нас почти три часа. Технику с избытком хватит работы на ближайшие две недели – впрочем, как и мне.

Покончив с этим, я отослал электронные письма с подтверждениями касательно третьего ролика для Тальери, съемки которого были намечены на следующую пятницу, затем оставил сообщение для хирурга с вопросом,

кого из пациентов он мог бы порекомендовать для видео с отзывами.

Напряжение в теле усиливалось, и я понял, что нервничаю перед встречей с Вивиан. Несмотря на ее предательство, несмотря на то, что она просила меня убраться из дома на все выходные, в глубине души я надеялся, что при встрече Вивиан попытается хоть как-нибудь загладить свою вину. И хотя Мардж и Лиз делали все возможное, чтобы я не строил воздушных замков, душой я стремился к тому, чего больше всего хотел. Напрасные надежды могли уничтожить меня, но прямо сейчас лишиться надежды раз и навсегда было еще страшнее.

Я покинул офис в половине первого и прибыл в ресторан за четверть часа до назначенного времени. Места я забронировал заранее, официант провел меня к столику у окна. Я заказал коктейль, надеясь расслабиться. Мне хотелось во время обеда вести себя так же невозмутимо, как в телефонном разговоре, но, едва в ресторан вошла Вивиан, я затаил дыхание и сумел перевести его, только когда она приблизилась к столику.

В джинсах и алой блузке, подчеркивающей фигуру, она выглядела эффектно, как всегда. Темные очки она подняла над лбом, приветствовала меня беглой улыбкой. Когда она подошла, я замялся, не решаясь поцеловать ее в щеку. Но она не оставила мне ни единого шанса.

– Извини, что опоздала, – сказала она, садясь за стол. – Никак не могла найти место для парковки.

– В пятницу днем здесь всегда полно народу. По-моему, у многих выходные начинаются заранее.

– Да уж, – отозвалась она и указала на мой почти допитый коктейль. – А у тебя все те же привычки.

– А что такого? В эти выходные я свободен.

– Пусть так, но тебе еще садиться за руль.

– Помню.

Она избегала смотреть мне в глаза и тянула время, старательно разворачивая салфетку.

– Как работа?

– Лучше. Нашел еще одного клиента. Пластического хирурга.

– Я рада, что у тебя все складывается удачно. Кстати, ты не забыл дать Лондон лекарство?

– Не забыл. И апельсиновый сок тоже.

– А она знает, что сегодня забирать ее из школы приеду я?

– Да, – кивнул я. – И комната для гостей тоже готова.

– А ты не против, если я посплю в нашей спальне? Только сменю постельное белье, разумеется.

– Нет, не против. Мы же все еще женаты.

Кажется, я уловил вспышку ее раздражения, но она погасла так же быстро, как и появилась.

– Спасибо, – сказала Вивиан. – Я просто хочу, чтобы Лондон хорошо провела выходные.

– Так и будет.

Она повернулась к окну, обвела взглядом улицу, потом, вспомнив о чем-то, полезла в сумочку, вынула телефон. Пока она была занята, я в молчании допил свой коктейль. Наконец Вивиан отложила телефон и нехотя улыбнулась.

– Извини, надо было кое-что проверить. Почти всю дорогу до Шарлотта я провисела на телефоне.

– Как прошла поездка?

– Выходные на носу, на дорогах столпотворение. А выехать пораньше не удалось, задержались вчера до позднего вечера. Мы вылетели из Хьюстона, а накануне ночью были в Саванне. Ты себе не представляешь, как я рада возможности расслабиться хотя бы в выходные.

Я постарался пропустить мимо ушей это «мы». Но это лучше, чем «Уолтер». Я молчал, Вивиан потянулась за меню. Никогда не видел ее такой скованной.

– Ты уже выбрал? – спросила она.

– Пожалуй, закажу суп. Я не голоден.

Она вскинула голову и впервые оглядела меня как следует.

– Ты похудел, – отметила она. – Все еще бегаешь?

– Каждое утро. Да, сбросил почти пятнадцать фунтов. – Я умолчал о том, что похудел, потеряв аппетит из-за нее.

– По лицу видно, – согласилась она. – У тебя уже намечался второй подбородок... а теперь его почти нет.

Удивительно все-таки, думал я, как она умеет похвалить и вместе с тем задеть. Интересно, тренируется ли она на Спаннермене? Говорит ли ему подобное? Скорее всего, нет.

– Ты уже решила, чем займешься в выходные вместе с Лондон? – спросил я.

– Пока еще нет. Но последнее слово за ней. Будем заниматься тем, что она захочет. – Она изучала меню. Много времени ей не понадобилось, даже я знал, что она закажет салат, и оставался лишь один вопрос – какой именно. Она отложила меню, а к столику вскоре подошел официант. Вивиан заказала несладкий чай со льдом и азиатский салат, я – суп с говядиной и овощами. Вивиан сделала глоток воды и провела пальцем по

запотевшему стакану. Как и я, она, по-видимому, не находила слов, чтобы начать разговор, но напряжение между нами нарастало.

– Итак, – наконец не выдержал я, – ты сказала, что нам надо поговорить.

– В основном о Лондон. Я беспокоюсь за нее. Она не привыкла, что меня почти не бывает дома. Я знаю, как ей тяжело.

– С ней все в порядке.

– Она не всем с тобой делится. Мне бы хотелось иметь возможность чаще бывать рядом с ней.

Я мог бы сказать, что для этого достаточно просто приезжать домой, но она наверняка понимала это и без моих подсказок.

– Могу себе представить.

– Я поговорила с Уолтером, но с графиком поездок, которые предстоят мне в ближайшие несколько месяцев, привезти ее в Атланту нет возможности. Я по-прежнему ночую вне дома три-четыре раза в неделю, мне некогда даже обставить для нее детскую или найти няню.

Я вздохнул с облегчением, но решил все-таки убедиться, что не ослышался.

– То есть ты хочешь сказать, будет лучше, если Лондон останется со мной?

– Только на время. Я не бросаю ее. Мы оба знаем, что девочкам нужна мама.

– Папа им тоже нужен.

– Ты же все равно сможешь видеться с ней. Я не такая мать, которая препятствует встречам ребенка с отцом. Но нам обоим известно, что это я ее вырастила. Она привыкла ко мне.

Ее ребенка, а не нашего – это не ускользнуло от меня.

– Теперь все по-другому. Она учится, ты работаешь.

– И тем не менее. Я хотела поговорить с тобой о том, что происходит сейчас. Несмотря на поездки, я все равно намерена видеться с Лондон как можно чаще. И хочу убедиться, что с этим не возникнет никаких проблем.

– Разумеется, не возникнет. А почему у меня должны быть с этим проблемы?

– Потому что ты зол и обижен и тебе наверняка хочется отомстить мне. Ты ведь даже не поговорил со мной, прежде чем аннулировать общие кредитки. Просто взял и сделал, как тебе вздумалось. Ты понимаешь, что обязан был сначала позвонить? Чтобы мы могли обсудить этот вопрос?

Я растерялся, думая о тайном банковском счете, который открыла она.

– Ты серьезно?

– Я просто хочу сказать, что ты мог бы поступить порядочно.

Ее наглость ошарашила меня. Официант поставил на стол чай со льдом, и в этот момент у Вивиан зазвонил телефон. Взглянув на экран, она встала из-за стола.

– Мне надо ответить.

Она отошла от столика и вышла наружу. Я проводил ее взглядом. Со своего места я мог наблюдать за ней, но заставлял себя не делать этого. И сгрыз пару кубиков льда, пока официант не принес корзинку с хлебом и сливочное масло. Я рассеянно вслушивался в гул голосов вокруг меня. Вернувшись, Вивиан извинилась.

– Прости. Это по работе.

Мне все равно, подумал я. И ничего не ответил.

Официант принес наш заказ, Вивиан полила салат заправкой и осторожно принялась за него. Суп пах аппетитно, но мой желудок словно съезжился. Съеденный кусочек хлеба заполнил его целиком. Тем не менее я заставил себя проглотить ложку супа.

– Думаю, нам надо обсудить еще кое-что, – наконец произнесла она.

– Что именно?

– Что мы скажем Лондон. Пожалуй, в воскресенье, перед моим отъездом, нам стоит поговорить всем вместе.

– Зачем?

– Она должна знать, что происходит. Но только то, что доступно ее пониманию. Объяснить ей надо как можно проще.

– Что все это значит?

Она вздохнула.

– Скажем ей, что из-за работы мне придется пожить в Атланте, а она на некоторое время останется с тобой, что мы оба любим ее. Длинные объяснения не обязательны.

Например, что ты влюбилась в другого?

– Могу поговорить с Лиз. Пусть подскажет, о чем стоит и не стоит упоминать.

– Хорошо, только будь осторожен.

– Почему?

– Она не твой врач и живет с твоей сестрой. В этом вопросе она наверняка на твоей стороне и попытается убедить тебя, что во всем виновата только я.

Но ведь ты и вправду виновата!

– Она не станет этого делать.

– Просто имей это в виду, – предостерегла она. – По-моему, вообще не

стоит рассказывать ей, что происходит между нами. Пусть сначала привыкнет к мысли о том, что мы расстались. Тогда наше известие не станет потрясением.

– Какое известие?

– Что мы разводимся.

Я отложил ложку. О том, что рано или поздно услышу от нее это, я догадывался, но все равно испытал шок.

– А тебе не кажется, что прежде, чем говорить о разводе, нам вдвоем стоит сходить к психологу? И выяснить, нет ли какого-нибудь способа сохранить отношения?

– Говори тише. Сейчас не время и не место для таких разговоров.

– Я и так говорю тихо, – возразил я.

– Ничего подобного. Когда ты злишься, ты сам себя не слышишь.

Зажав пальцами переносицу, я сделал глубокий вдох.

– Ладно, – продолжал я, стараясь говорить тише. – Но неужели ты даже не хочешь попробовать все исправить? – В шуме ресторана я едва слышал себя.

– Незачем шептать, – парировала она. – Я всего лишь просила тебя понизить голос.

– Я понял, – кивнул я. – Перестань уходить от темы.

– Расс...

– Я все еще люблю тебя. И всегда буду любить.

– Я же только что сказала: здесь не место и не время для таких разговоров! Мы встретились для того, чтобы поговорить о Лондоне и о том, почему ей придется пока остаться здесь, а еще – о том, что мы скажем ей в воскресенье вечером. Речь сейчас не о нас.

– Ты не хочешь говорить о нас?

– Кажется, нормально поговорить с тобой не получится. Почему мы не в состоянии обсуждать проблемы, как полагается взрослым людям?

– Я стараюсь как могу.

Она подцепила на вилку салат – до этого момента она почти ничего не съела – и раздраженно бросила салфетку на стол.

– Ты меня вообще не слушаешь! Сколько раз повторять тебе, что для разговоров о нас сейчас не время и не место? Я выразилась ясно и вежливо, но у тебя, видимо, иное мнение. Так что теперь, думаю, лучше всего будет уйти, пока ты не начал кричать на меня. Я хочу всего лишь хорошо провести выходные вместе с моей дочерью!

– Пожалуйста, не уходи! – попросил я. – Извини. Я не хотел тебя расстраивать.

– Расстроился, похоже, только ты.

С этими словами Вивиан поднялась из-за стола и направилась к выходу. Она ушла, а я просидел в состоянии шока еще пару минут, пока наконец не подал знак официанту принести счет. Перебирая в памяти наш разговор, я пытался понять, действительно ли говорил слишком громко, или же это был лишь предлог, чтобы закончить обед намного раньше.

Ведь причин задерживаться у Вивиан не было.

Она влюблена в другого и уже добилась от меня всего, чего хотела.

Глава 16

И восходит солнце

Лиз понравилась мне с первой минуты знакомства, но, признаться, я удивился, обнаружив, что она понравилась и моим родителям. С ориентацией Мардж они смирились, однако я нередко чувствовал, что им становится неловко в присутствии женщин, с которыми раньше встречалась их дочь. Родители принадлежали к другому поколению, выросли в то время, когда не вяжущийся с традиционным образ жизни было принято скрывать, но причина их неловкости заключалась не только в этом, но и в самих женщинах, которым Мардж раньше оказывала внимание. Все они казались мне грубоватыми, в разговоре часто сквернословили, вгоняя родителей в краску.

Мардж рассказала, что познакомилась с Лиз на работе. Думаю, почти все согласятся с тем, что в офисе обычно близко не сходятся, но Лиз недавно занялась частной практикой и нуждалась в услугах бухгалтера. А у Мардж как раз обнаружилось окно в расписании, и они договорились встретиться, выпить вместе и отправиться на открытие выставки в Эшвилл.

– Ты бываешь на выставках? – помню, спросил я тогда у Мардж. Мы встретились после работы в баре – из тех, где мерцают неоновые рекламы пива и едко пахнет пролитой выпивкой. В то время это было одно из любимых заведений Мардж.

– Бываю, а что в этом странного?

– Может быть, то, что ты не любишь живопись?

– Кто сказал, что я ее не люблю?

– Ты сама. Когда я пытался показать тебе картины Эмили, ты ответила: «Не люблю живопись».

– А может, за последние несколько лет я повзрослела.

– Или на тебя повлияла Лиз.

– Она интересная женщина, – признала Мардж. – И умница.

– Симпатичная?

– Какая разница?

– Просто любопытно.

– Да. Очень.

– Сейчас угадаю: поход на выставку – ее затея?

– Вообще-то да.
– А она ездит на мотоцикле? И любит кожаные куртки?
– Откуда мне знать?
– Чем она занимается?
– Она психолог, консультирует по вопросам семейных и брачных отношений.

– Ты же недолюбливаешь психологов.
– Моих – да. Ну, последний вроде бы ничего, но остальных я не выносила. Правда, в то время мне мало кто нравился, так что причина, возможно, не в них самих.

– Лиз знает, что тебе трудно справляться с гневом?
– Все уже в прошлом. Я изменилась.
– Рад слышать. Когда ты меня с ней познакомишь?
– А не слишком рано? Мы еще даже нигде не бывали вместе.

Знакомство состоялось меньше чем через две недели. Я пригласил их к себе и приготовил стейки на гриле в моем крошечном патио. Лиз принесла десерт, мы выпили на троих бутылку вина. Рядом с Лиз я почувствовал себя свободно уже через полминуты после знакомства и сразу понял, что моя сестра ей по-настоящему дорога. Это было видно по тому, как внимательно она слушала Мардж, как смеялась, как точно знала ее скрытую, эмоциональную сторону. Когда они собирались уходить, Мардж отвела меня в сторонку.

– Ну и как тебе она?
– По-моему, супер.
– А не слишком супер для меня?
– Ты о чем?
– Никак не пойму, что она во мне нашла.
– Ты серьезно? Ты потрясающая. Она весь вечер смеялась, и все благодаря тебе.

Мардж, похоже, не поверила, но все-таки кивнула.
– Спасибо, что пригласил нас. Хоть и пережарил стейки.
– Так было задумано, – объяснил я. – Поджаристая корочка придает мясу особый аромат.

– О, да. Горелый стейк – мечта поваров мирового уровня.
– Пока, Мардж, – засмеялся я. – И спасибо, что пришли.
– Люблю тебя.
– Только потому, что я тебя терплю.

Моим родителям Мардж представила Лиз только через месяц. Был субботний день, уже через несколько минут после знакомства Лиз

удалилась на кухню помогать моей маме, с которой болтала как с давней подругой. Отец с Мардж смотрели какой-то матч. Я сидел с ними, но оставался незамеченным.

– Ну, что скажешь, пап? – спросила Мардж во время рекламы.

– О чем?

– О Лиз, – пояснила она.

– С твоей матерью она быстро поладила.

– А тебе она нравится?

Отец глотнул пива.

– Да какая разница.

– Значит, не нравится?

– Этого я не говорил. Сказал только, что это неважно. Важно лишь то, как к ней относишься ты. Если знаешь, почему она тебе нравится, и если она тебе подходит, значит, мы с твоей матерью против нее ничего не имеем.

Рекламная пауза закончилась, и отец погрузился в молчание. А я думал только о том, что он всегда был и останется самым мудрым мужчиной.

После обеда с Вивиан я вернулся на работу. Но в моих мыслях царило смятение, я был вновь выбит из колеи. Эти ощущения усилились после трех часов, когда я понял, что соскучился по Лондону. Каким бы важным для дочери ни было время, проведенное с матерью, я вовсе не считал, что для нее будет лучше, если я сочту своим долгом прятаться все выходные. И я задумался, почему не возразил сразу же, как только Вивиан предложила это. Хотя в глубине души понимал, что проблема во мне. Я по-прежнему стремился угодить Вивиан, и это стремление было моим недостатком, который усугублялся простым умозаключением: если до сих пор мне так и не удалось угодить Вивиан, с чего вдруг я решил, что сумею сделать это сейчас?

Так я впервые осознал всю глубину проблемы. Логика подсказывала, что это и смешно, и нелепо, но почему я раз за разом возобновлял попытки?

Я жалел, что не могу стать другим, а точнее, стать более сильным. И задумался, не обратиться ли мне за помощью к психологу. Но с чего я взял, что это хоть что-нибудь изменит? Я же наверняка буду стараться угодить и психологу.

Говорят, ошибки детей – вина их родителей, и поскольку я всегда старался угождать людям с тех пор, как себя помню, из этого логически вытекало, что во всем виноваты мои родители. Тогда почему же во мне так

сильна потребность регулярно навещать их? Почему я считаю своим долгом смотреть с отцом матчи и хвалить приготовленную мамой еду?

По той простой причине, что им я тоже стараюсь угодить.

Из офиса я уехал в шестом часу и направился к дому Мардж. Я твердил себе, что нужно свести разговоры о Вивиан к абсолютному минимуму, ведь даже мне они осточертели, и следовал этому плану целых двенадцать секунд. На протяжении всего ужина я жаловался на жизнь, а Мардж и Лиз сочувственно слушали меня. И хотя они наперебой уверяли, что со мной все будет хорошо, я по-прежнему сомневался, стоит ли верить им.

Потом они потащили меня в кино, где общими усилиями мы выбрали один из выпущенных в конце лета хитов, остающихся в прокате. Это был смешной фильм из тех, в которых ничем не примечательные герои сражаются со злом, решившим уничтожить планету, а действие стремительно развивается. Но мне все равно было трудно расслабиться. Я то и дело ловил себя на мыслях о том, как Вивиан и Лондон провели день, что ели на ужин, представлял, как моя жена сидит в гостиной и листает журнал, уложив Лондон в постель. Интересно, звонила ли она Спаннермену, и если да, то как долго разговаривала с ним?

После кино я пытался что-нибудь почитать. В спальне для гостей нашлось несколько книг, но увлечься романом я так и не смог. Сдавшись, я выключил свет и долго ворочался с боку на бок, пока не заснул.

Через два часа проснулся на рассвете.

Мой мобильник зазвонил субботним утром без четверти одиннадцать. К тому времени я уже сходил на пробежку, принял душ, выпил кофе с Мардж и Лиз и начал составлять список вопросов для видео с отзывами пациентов пластического хирурга. Когда просыпаешься ни свет ни заря, все успеть не так уж сложно.

Вынув телефон из кармана, я увидел, что звонит Вивиан.

– Алло?

– Привет, Расс. Ты занят?

– Не особо. Я у сестры. А что такое? С Лондон все в порядке?

– Да, в полном. Но я забыла захватить в изостудию вазу. Может, ты заскочишь домой и привезешь ее нам? Мы уже почти у студии, и если сейчас вернемся, то наверняка опоздаем.

– Ладно, – ответил я. – Без проблем. Постараюсь приехать поскорее.

Я положил трубку и схватил ключи, которые после приезда бросил в

корзинку на тумбочке у двери.

За спиной послышался голос Мардж:

– Куда собрался?

– Вивиан звонила. Надо привезти Лондон в студию керамическую вазу, которую она слепила на прошлой неделе.

– Ну, тогда беги, морской лев.

– Морской?

– Пляшешь под ее дудку, как в цирке. Если повезет, может, она даже бросит тебе рыбку.

– Это же для Лондон, а не для Вивиан, – возразил я.

– Этим и утешайся.

Раздосадованный ее замечанием, я понесся домой, а оттуда – в изостудию. Мардж жила в десяти минутах езды от нашего дома, и если на пути попадется больше зеленых сигналов светофора, чем красных, у меня есть шансы опоздать к началу занятия всего на пару минут.

По дороге я думал, рассказала ли Лондон матери о том, что хочет нарисовать на вазе желтые цветы и розовых «мышонков». Я улыбнулся. «Мышонков». У нее это получалось так мило, что мне не хватило духу поправить ее. За день я уже успел соскучиться по Лондон и хотел повидаться с ней хотя бы пару секунд.

Заскочив домой, я схватил вазу и помчался к студии. Светофоры все как один светили зеленым – высшие силы явно понимали важность моей миссии.

Я свернул на стоянку и сразу заметил Вивиан возле двери студии. Пока я парковался, она направилась к моей машине, жестами показывая, чтобы я открыл окно.

Так я и сделал и передал ей вазу.

– Спасибо, – кивнула она. – Ну, я пошла.

Мне показалось, что я сдулся, как старый воздушный шар.

– погоди! Как у вас прошел вчерашний день – хорошо?

Она уже отходила от машины.

– Просто замечательно. Я тебе завтра позвоню, скажу, когда тебе приехать домой.

– А может, попросишь Лондон выбежать на минутку, чтобы поздороваться?

– Нельзя, – отрезала она. – Занятие уже началось.

Она скрылась в дверях студии, не добавив ни слова, а я подумал, что по сравнению со мной морские львы в цирке – счастливики.

Им хотя бы достаются подачки.

К Мардж я вернулся не сразу. Я был раздражен поведением Вивиан. Кофеин, подумал я, мне нужен кофеин. И припарковался у кофейни рядом со студией. Вивиан, конечно, предпочла бы, чтобы я заглянул в другое место – лишь бы не дать Лондон ни единого шанса повидаться со мной! Но в кои-то веки я сказал себе: мне плевать. Пусть злится сколько угодно, я буду только рад.

Возможно, размышлял я, это и есть первый шаг на моем пути к тому, чтобы перестать зависеть от одобрения Вивиан. Ведь Мардж права, она точно определила, почему я помчался в студию со всех ног: даже после вчерашнего обеда я старался выслужиться не перед Лондон, а перед Вивиан. В итоге благодаря поведению Вивиан мне стало проще не желать ее одобрения – зачем надрываться, если задача невыполнима? И даже если Вивиан вздумает похвалить меня, вряд ли это что-нибудь изменит.

Я вошел в кофейню, соображая, исправит ли этот первый шаг досадный изъян моего характера, как вдруг услышал, что кто-то зовет меня по имени.

– Расс?

Я увидел, как из-за столика с разложенной газетой и стаканом чая мне машет Эмили. Ее роскошные волосы завивались от влажного зноя. В футболке с глубоким вырезом, заправленной в потертые джинсовые шорты, и сандалиях она сияла естественной красотой. При виде Эмили мое раздражение улетучилось, я вдруг понял, что именно ее мне хотелось увидеть, хотя до сих пор я и не осознавал этого.

– А, привет, Эмили! – Не сдержавшись, я широко улыбнулся. Вместо того чтобы встать в очередь, я на автопилоте шагнул к ее столику. – Сколько лет, сколько зим! Ну, как ты?

– Хорошо. – Она искренне улыбнулась. – Последние несколько недель сбиваюсь с ног, столько всего навалилось.

На меня тоже, мысленно откликнулся я.

– Много дел?

– Надо было закончить несколько работ для галереи, да еще Дэвид приехал. А с этим у меня всегда прибавляется хлопот.

– Да, ты говорила, что он приезжает. Долго он еще пробудет здесь?

– Это его последние выходные. Во вторник вылетает обратно в Сидней.

Я обратил внимание, как играет свет в ее ореховых глазах, и вдруг почувствовал себя так, будто вернулся в прошлое. Я кивнул в сторону прилавка и заговорил прежде, чем успел опомниться:

- Не подождешь еще несколько минут? Я хотел взять чаю со льдом.
- Подожду. Чай с малиной у них изумительный.

Я дождался своей очереди, сделал заказ, последовав совету Эмили, и, когда чай был готов, сел за ее столик. Она как раз складывала газету.

- Есть что-нибудь интересное?
- Ничего хорошего. Все та же песня. Жаль, я бы для разнообразия почитала о чем-нибудь приятном.
- Для этого у них есть спортивный раздел.
- Да. Но это в том случае, если выигрывает команда, за которую болеешь, верно?

– Когда они проигрывают, я эти страницы пропускаю.

Шутка не удалась, но Эмили все же засмеялась, и я был этому рад.

– Ну а у тебя как дела? – спросила она. – Целую вечность тебя не видела.

- Даже не знаю, с чего начать...
- Ты снял те ролики, о которых говорил? Для адвоката?
- Снял. Сейчас они у монтажера, и один из них, надеюсь, пустят в эфир недели через две. На следующей неделе снимаю очередной ролик для него же. А еще заключил контракт с одним пластическим хирургом.
- Хороший специалист? Вдруг мне понадобятся его услуги.
- Надеюсь, хороший. Но его услуги тебе точно не понадобятся.
- Спасибо, пусть это и неправда. Поздравляю с новым клиентом! Ты зря тревожился. Я рада, что все сложилось.

– Расслабляться рано, мне нужны еще клиенты. Но, кажется, я на верном пути.

- И, если не ошибаюсь, сбросил несколько фунтов.
- Пятнадцать.
- А намеренно похудел? Мне казалось, с весом у тебя и так все было в порядке.

Я невольно сравнил ее слова с реакцией Вивиан, не упустившей возможности указать на мои недостатки.

– У меня все еще есть несколько лишних фунтов. Опять занялся бегом, отжиманиями и прочим.

– Молодец. Можешь мне поверить, ты не зря тратишь время. Выглядишь отлично.

– Ты тоже, – не остался в долгу я. – Так... чем ты сейчас занята? Говоришь, заканчивала несколько работ для галереи?

– Работаю без передышки. По какой-то причине буквально все мои картины из галереи были распроданы в прошлом месяце всего за несколько

дней. Разным покупателям из разных штатов. Не знаю, почему. Может, это как-то связано с фазами луны или еще с чем-нибудь, но хозяин галереи узнавал, нет ли у меня других работ для выставки. Долго рассказывать, но если в двух словах, у меня было несколько почти законченных картин, и я решила попытаться завершить их в срочном порядке. Сделала восемь, а остальные... в общем, с ними все оказалось не так просто. Я потратила уйму времени – вносила мелкие поправки, меняла технику. Они словно пытаются мне подсказать, что еще с ними надо сделать, как надо их закончить, а я почему-то никак не могу их расслышать.

– Говорят, сейчас отличные слуховые аппараты.

– Правда? – Она изобразила удивление. – Не знала. Пожалуй, стоит попробовать.

– Больше ничего не могу посоветовать. Я же не художник.

Она засмеялась.

– Как Лондон? Бодхи не мог дождаться, когда увидится с ней. Кажется, он в нее влюбился, но для этого он еще слишком мал.

Проще всего было соврать, сказать что-нибудь бессмысленное, но я смотрел в глаза Эмили и не хотел этого делать.

– Вообще-то я понятия не имею, как она сегодня. Она провела утро вместе с Вивиан.

– Тогда что же ты здесь делаешь?

– Вивиан забыла взять с собой вазу, которую Лондон должна была расписывать на занятии. Пришлось привезти ее.

– Ах, да, – кивнула Эмили. – Я услышала про эти вазы сразу же, как только приехала сюда сегодня. На прошлой неделе мы пропустили занятие, так что, видимо, Бодхи сейчас лепит вазу. Он в студии с Дэвидом, сегодня они проводят время вдвоем.

– Тогда я, пожалуй, спрошу, что здесь делаешь ты.

– Я привезла Бодхи, а Дэвид встретил нас здесь. С тех пор, как приехал, он живет в одном из отелей, где посетители останавливаются надолго. Его там все устраивает, а Бодхи не может спать в незнакомой обстановке, поэтому каждый вечер возвращается домой. Пока Дэвид в городе, мы только и делаем, что ездим туда-сюда. Но есть и плюсы: Дэвид проводит с сыном почти все время, а у меня есть возможность поработать. Видимо, Дэвид хочет, чтобы у Бодхи с ним было связано как можно больше воспоминаний. Вот, к примеру, сегодня после студии они идут на картинг.

– Но ведь это же хорошо, разве нет?

– Конечно, – отозвалась она с меньшим энтузиазмом, чем я ожидал. – Дэвид не понимает одного: когда он снова уедет, Бодхи будет гораздо

тяжелее. Он только начал привыкать к мысли, что отец не всегда рядом, а теперь мне снова придется помогать ему адаптироваться к новым условиям.

– А ты не пыталась объяснить это Дэвиду?

– Но как? Да, он не годится мне в мужья, однако он замечательный отец. И неплохой человек. Благодаря ему мы смогли остаться в прежнем доме, Бодхи пошел в приличную школу. При разводе он был более чем щедр.

Услышав от нее слово «развод», я вспомнил о разговоре с Вивиан за обедом и поморщился.

– Извини, – спохватилась Эмили. – Вообще-то я стараюсь как можно реже упоминать о Дэвиде. Но его имя проскальзывает у меня в каждом разговоре.

– Не в Дэвиде дело. – Я обхватил свой стакан чая со льдом обеими руками. – Вивиан ушла от меня.

Эмили приоткрыла рот от удивления.

– Боже мой! – наконец выдохнула она. – Какой ужас... Даже не знаю, что сказать.

– А что тут скажешь?

– А ты уверен, что она не хочет просто пожить какое-то время врозь? Разъехаться ненадолго?

– Вряд ли. Вчера за обедом она сказала, что мы разводимся. Вивиан хочет, чтобы завтра вечером мы обо всем сказали Лондон.

– Но что случилось? Ты извини, что я спрашиваю. Можешь не отвечать.

– Она влюбилась в своего босса, Уолтера Спаннермена. И теперь живет в Атланте.

– Вот оно что...

И это еще мягко сказано.

– Да.

– Как ты?

– Нормально, но не всегда...

Она кивнула, ее лицо смягчилось.

– Я понимаю, о чем ты. Когда же все это произошло? Еще раз повторю: если не хочешь, можешь не отвечать.

Я задумался, потом сделал глоток чая. Несмотря на беспрестанные разговоры о случившемся с Мардж и Лиз, я по-прежнему ощущал потребность излить душу. Сам не знаю, почему, – может, потому что все люди справляются с бедой по-разному, и мой способ заключался в

разговорах. В повторях. Вопросах. Жалобах. И снова по кругу... Мардж терпеливо выслушивала меня с тех самых пор, как ушла Вивиан, но мне всякий раз было неловко отнимать у сестры время. Как и у Лиз. Но остановиться я не мог: неотступное желание выплеснуть эмоции было сильнее меня.

– Я хотел бы рассказать тебе все, но даже не знаю, с чего начать, – признался я и уставился в окно. Эмили наклонилась в мою сторону.

– У тебя есть какие-нибудь планы на сегодня? – спросила она.

– Никаких.

– Хочешь прогуляться?

– Прогулка была бы кстати.

Я ехал за Эмили, хотя и не знал, куда она направляется, разве что понимал, что куда-то в сторону своего дома. Спустя некоторое время она свернула на дорогу, которая привела к частному загородному клубу, где членские взносы выходили за пределы моих возможностей. Она остановила машину в тени неподалеку от поля для гольфа, я припарковался рядом.

– Это место подойдет?

– Поле для гольфа?

– В самый раз для прогулок. Я приезжаю сюда три или четыре раза в неделю. Обычно по утрам.

– Насколько я понимаю, ты состоишь в этом клубе.

– Дэвид обожает гольф, – пояснила она.

Мы вышли к дорожке и направились вдоль одного из фервеев^[11] с изумрудной травой. Оглядываясь по сторонам, я понял, что Эмили права. Фервеи и грин^[12] здесь были безукоризненны, повсюду кизил, магнолии, виргинские дубы. В окружении аккуратно подстриженных кустов азалии искрились под голубым небом пруды, благодаря слабому ветерку жара почти не ощущалась.

– Так что произошло? – спросила Эмили, и, пока мы шли вдоль лунок поля, я рассказал ей все. Может, и не следовало этого делать, но, едва я начал говорить, слова хлынули из меня потоком, и их уже было не остановить. Я говорил не переставая, а когда Эмили задавала вопросы, отвечал на них. Рассказал ей, как складывалась моя семейная жизнь, какими были первые годы Лондон, как важно для меня было видеть Вивиан счастливой, как мне всегда хотелось радовать ее. Потом заговорил о том, как прошел последний год, каким измученным я был с тех пор, как Вивиан

ушла. Пока я изливал душу, меня охватывало то смятение, то грусть. Мне казалось, я знаю правила игры, в которой участвую, но вдруг выяснилось, что это не так. И я был растерян и обескуражен.

– Спасибо тебе, что выслушала, – добавил я, закончив свою скорбную повесть.

– Я была рада выслушать тебя, – отозвалась Эмили. – Мне пришлось пройти то же самое. И путь до сих пор продолжается. Первый год после переезда Дэвида был самым тяжелым в моей жизни. И да, самыми мучительными оказались первые два месяца. Дни напролет, каждый день я терялась в догадках, правильно ли поступила, решив развестись с ним. И даже потом Мэри Поппинс из меня не вышло. Понадобилось еще около пяти месяцев, чтобы прийти в себя, начать чувствовать себя нормально. Но к тому времени я уже убедилась, что мы с Бодхи справимся.

– И как ты сейчас?

– Лучше. – Она усмехнулась. – Странно, чем больше времени проходит, тем прочнее забывается плохое, а хорошее остается в памяти. До рождения Бодхи мы по воскресеньям часто валялись в постели, пили кофе, читали газеты. Мы даже почти не разговаривали, но я помню, каким уютным казалось каждое такое утро. И как я уже сказала, Дэвид – отличный отец. Но мне было бы гораздо легче, если бы вместо плохого я забыла хорошее.

– Наверное, трудно было.

– А могло быть еще ужаснее. И самое плохое – ссоры из-за денег. Когда речь заходит о деньгах, любая размолвка может перерасти в скандал.

– У тебя такое бывает?

– Слава богу, нет. Дэвид честно платит алименты и вообще обеспечивает ребенка, и если бы не он, нам пришлось бы туго. Помогло и то, что его родственники богаты, как Мидас, и сам он зарабатывает кучу денег. Но думаю, отчасти его щедрость объясняется чувством вины. На самом деле он хороший человек, просто не самый лучший муж для женщины, которая не готова мириться с постоянными изменами.

– Да, мириться с ними согласны далеко не все.

Я заметил ее внимательный взгляд, обращенный на меня.

– Знаешь, она еще может вернуться.

Мне вспомнился пятничный обед и то, как повела себя Вивиан, когда я привез вазу. В ушах эхом зазвучали слова Лиз.

– Нет, вряд ли.

– Даже если она поймет, что совершила ошибку?

– Не уверен, что даже в этом случае она захочет вернуться. Мне

кажется, со мной она уже довольно давно жила, не испытывая чувств. Я старался быть хорошим мужем и отцом, но моих стараний всегда было недостаточно.

– Ты сомневаешься в том, что я тебе верю?

– А ты веришь?

– Конечно. А почему нет?

– Потому что она ушла от меня.

– Она в одиночку приняла такое решение. И оно характеризует тебя в меньшей степени, чем ее.

– А мне все равно кажется, что виноват я.

– Понимаю. Я чувствовала то же самое. Думаю, как и большинство людей на моем месте.

– Насчет Вивиан не уверен. По-моему, ей совершенно все равно.

– Ей не все равно, – возразила Эмили. – Она тоже мучается. Любому тяжело разрывать брачные узы. Но она влюблена в другого, ей есть на что отвлечься. И некогда задумываться о вас двоих так, как это делаешь ты. Поэтому она не так страдает.

– Значит, и мне надо чем-нибудь отвлечься.

– Да, именно это тебе сейчас и нужно. Может, на какую-нибудь спортивную красотку чуть за двадцать? Или инструкторшу по аэробике? Или танцовщицу? – Заметив, как я вопросительно поднял бровь, она пояснила: – Таких предпочитал Дэвид. Конечно, будь его воля, он спал бы со всеми подряд.

– Сожалею.

– А я нет. Это уже не моя проблема. Он встречается с кем-то дома, в Сиднее. Говорил, что подумывает жениться.

– Уже?

– Ему решать, – пожала плечами Эмили. – Если бы он спросил, я посоветовала бы ему немного повременить. И потом, мы в разводе. Он вправе поступать, как ему захочется.

Шагая рядом с ней, я сунул руку в карман.

– Как тебе это удастся? Я про то, что ты не позволяешь себе раздражаться. Стоит мне подумать о Вивиан и Уолтере, я с ума схожу от злости и боли. И не могу отвязаться от мыслей о них.

– Рана еще слишком свежа, – пояснила она. – Какой бы невозмутимой я ни казалась и как бы ни была честна в своем мнении о Дэвиде, мне все равно было больно, когда он сказал, что подумывает жениться. Кому приятно осознавать, что ему быстро и легко находили замену? Пусть я твердила всем, что желаю Дэвиду счастья, на самом деле мне хотелось,

чтобы он сидел в четырех стенах, как сыч, злился на себя и оплакивал потерю.

Я представил, как то же самое происходит с Вивиан.

– А что, неплохо. Как бы нам убедить их?

Она рассмеялась.

– Если бы это было так просто! Нет, с бывшими легко не бывает. В прошлые выходные он пытался подкатывать ко мне.

– Правда? А как же его подружка?

– Она с ним не поехала. Признаюсь честно: была минута, когда я чуть не поддалась ему. Нам было хорошо вместе.

– Как же так вышло?

– Мы выпили, – объяснила она, а я рассмеялся.

– В общем, он провел весь день с сыном, потом привез его домой, и Бодхи сразу лег спать. А я как раз налила себе бокал вина и предложила ему. Бокал за бокалом, Дэвид включал свое неизменное обаяние, и, когда я опомнилась, его ладонь уже лежала на моем колене.

Она собиралась с мыслями, а потом повернулась ко мне.

– Я понимала, что об этом не может быть и речи, но меня взбудоражили ощущения, которые он во мне по-прежнему вызывал. Да, безумие, но так все и было. Давно я не чувствовала себя настолько желанной и привлекательной. Отчасти в этом виновата я сама. Я конечно из кожи вон не лезла, но все-таки за последние полтора года сходила на свидания несколько раз и поняла, что пока не готова к новым отношениям. Поэтому я всякий раз отклоняла приглашения на вторую встречу. Порой мне бывает жаль, что я не из тех, кто способен спать с кем попало и не чувствовать угрызений совести. Но я устроена не так. Случайных связей на одну ночь у меня никогда не было.

– Постой, а я думал, у тебя во время учебы...

– Это не считается, – отмахнулась она. – Я стерла тот вечер из памяти, будто его и не было.

– А-а.

– В общем, когда Дэвид начал целовать меня в шею, мой внутренний голос заявил: «А почему бы и нет, черт возьми?» К счастью, я опомнилась. Но он воспринял отказ спокойно. Не стал ни закатывать истерику, ни спорить. Просто пожал плечами и вздохнул, словно от моего решения проиграла только я сама. – Эмили покачала головой. – Даже не верится, что я выложила тебе все это.

– Ничего. Может, тебе станет легче, если я скажу, что вскоре все забуду. С недавних пор моя голова забита до отказа и в памяти ничего не

держится.

– Можно один вопрос?

– Давай.

– А как же Лондон?

– С ней все сложно, – признался я. – Вивиан считает, что Лондон пока лучше побыть со мной – с постоянными разъездами Вивиан некогда даже обставить для нее комнату. Но мне ясно дали понять: со временем Лондон переедет в Атланту.

– И как ты к этому относишься?

– Не хочу отпускать ее... и вместе с тем знаю, что ей нужна мать.

– И что же?

– Понятия не имею. Надеюсь, мы все обсудим. Но если честно, я в этих делах ничего не смыслю.

– А ты уже говорил с адвокатом?

– Нет, – ответил я. – Вивиан впервые завела речь о разводе только вчера. А до этого я был не в состоянии предпринять хоть что-нибудь.

Впереди показалось здание клуба. Я не знал, как далеко мы ушли, но прогулка продолжалась больше часа. В животе у меня заурчало.

Наверное, Эмили услышала.

– Есть хочешь? Может, зайдем перекусить?

– Для загородного клуба мы, по-моему, одеты не должным образом.

– А мы сядем в баре. В нем нет дресс-кода. Потому гольфисты и собираются там после игры.

Если прогулка с Эмили казалась мне острой необходимостью, то обед – да еще только вдвоем, в загородном клубе – воспринимался как нарушение неких границ. Я все еще женат. Мы с Вивиан даже официально не разъехались. Значит, обедать вдвоем с Эмили будет неправильно.

И все-таки...

Другая часть этого уравнения была очевидна даже мне. Что скажет Вивиан, если узнает? Что я перехожу границы? Что пойдут слухи?

Я прокашлялся.

– Пообедать было бы неплохо.

Снаружи здание клуба выглядело внушительно и слегка консервативно. А внутри, видимо, недавно сделали ремонт, и там было светло и просторно. Из окон углового зала открывался потрясающий вид на восемнадцатую лунку. Я заметил две пары, направляющиеся к тренировочному полю. Эмили указала на столик в углу – один из немногих незанятых.

– Может, сядем там? – спросила она.

– Хорошо.

Я прошел следом за ней к столу, невольно поглядывая на хорошо знакомые очертания ее загорелых стройных ног и радовался, что на ней шорты.

Мы сели, Эмили наклонилась ко мне.

– Я же говорила, что мы не будем белами воронами. Вон та компания только что с теннисного корта.

– А я и не заметил, – признался я.

– Ты никогда не бывал в здешнем ресторане?

– Только однажды, встречался здесь с одним из клиентов. Джесси Питерс состоит в этом клубе.

– Я с ним время от времени вижусь. По крайней мере, раньше виделась. И замечала, как он пялится на меня.

– Да, он может.

– Кстати, бургеры здесь бесподобные, – продолжила она. – Шеф-повар даже выиграл конкурс по бургерам в передаче на канале «Еда». К ним подают изумительный сладкий картофель фри.

– Давным-давно не ел бургеров, – признался я. – Ты тоже их закажешь?

– Конечно.

Я подумал, что Вивиан ни за что не заказала бы бургер и была бы недовольна, если бы это сделал я.

Официантка принесла меню, но Эмили отказалась от него.

– Нам обоим бургеры, – сообщила она. – Мне бокал шардоне.

– Два бокала, – поправил я, к собственному удивлению. Впрочем, весь этот день был ошеломительным, но в целом складывался неплохо. Эмили задумалась, глядя в окно на поле для гольфа, а потом повернулась ко мне:

– Наверное, занятие у наших детей уже кончилось. Как думаешь, что сейчас делает Лондон?

– Скорее всего, Вивиан повезла ее обедать. А куда потом – понятия не имею.

– Она тебе не сказала?

– Нет, – ответил я. – Наш обед в пятницу прошел напряженно, так что до обсуждения планов на выходные дело не дошло.

– Наши совместные обеды с Дэвидом уже давно стали напряженными. Это мучительно и тяжело. Только тот, кто сам прошел через это, способен понять.

– Слабое утешение.

– Зато верное. Я бы ни за что не выкарабкалась, если бы не помощь друзей. С Маргерит и Грейс я говорила по телефону часа два-три в неделю, а поначалу и того больше. Но самое странное – до моего развода я ни с одной из них не была настолько близка. Но они оказались рядом и помогли, когда мне требовалась поддержка.

– Спасатели.

– Так и есть. Я до сих пор не понимаю, почему они меня поддерживали. Видимо, и тебе тоже нужен человек, которому можно выговориться. Странно, а я думала, что опорой для меня станет моя сестра Джесс или Дайэнн, которую я всегда считала самой близкой подругой. Но все сложилось иначе.

– И что это значит?

– Трудно объяснить. Маргерит и Грейс всегда знали, что и в какой момент нужно сказать в отличие от Джесс и Дайэнн, которые принимались давать советы, когда я слышать их не желала, или допытывались, правильно ли я поступила, когда мне требовались только утешения.

Я невольно задумался о том, на кого могу опереться. На Мардж и Лиз – само собой. Я уже понял, что мама слишком подвержена эмоциям, а отец никогда не знает, что сказать. Что же касается друзей, я вдруг понял – их у меня нет. Разрываясь между работой и семьей с тех пор, как родилась Лондон, я и не заметил, что большинство ростков былой дружбы зачихло на корню.

– Мардж и Лиз очень мне помогли, – сказал я.

– Так я и думала. Мне всегда нравилась Мардж.

Взаимно, мысленно отозвался я.

Официант принес два бокала вина.

– Обязательно надо произнести тост, – решила она. – За Мардж, Лиз, Маргерит, Грейс, Бодхи и Лондон!

– И за детей тоже?

– Я выстояла только благодаря Бодхи. Без него ничего бы не получилось. И Лондон наверняка тебе поможет.

Как только она произнесла эти слова, я понял, что она права.

– Хорошо. Тогда предлагаю включить в список и тебя. Ты очень мне помогла.

– Звони мне в любое время, если понадобится.

Потом я рассказывал ей о Лондон, она мне – о Бодхи, о местах, где побывала за годы, пока не виделись. Наверное, о Вивиан и Дэвиде мы уже наговорились, потому что их имена в разговоре не всплывали ни разу, и впервые с тех пор, как Вивиан ушла, тревога, терзавшая меня, рассеялась.

Принесли бургеры. Мы заказали по второму бокалу вина. Как и предсказывала Эмили, бургер оказался одним из лучших, которые я пробовал, – много сыра, сверху яичница из одного яйца. Но мой желудок словно усох после недавней потери аппетита, и я одолел лишь половину.

Наши тарелки убрали, и мы сидели за столом, допивая вино. Эмили рассказала, как Бодхи самостоятельно подстригся, и, смеясь, показала мне снимок на своем мобильнике. Бодхи состриг почти до корней прикрывавшую лоб прядь волос шириной в дюйм. В итоге на лоб свисали два клока волос, но на фотографии Бодхи довольно улыбался.

– Здорово, – рассмеялся я. – Как ты отреагировала?

– Сначала расстроилась – не из-за волос, а потому, что к нему в руки каким-то образом попали ножницы. Но его гордость за самого себя рассмешила меня. И не успела опомниться, как мы уже хохотали вместе. Этот снимок стоит на тумбочке возле моей постели.

– Не знаю, как бы я отреагировал, если бы Лондон вытворила такое. Одно знаю точно: Вивиан не стала бы смеяться.

– Да?

– Она вообще этого не любит. – Я даже не мог вспомнить, когда в последний раз слышал ее смех.

– Даже с Мардж? Мардж меня все время смешила.

– Особенно с Мардж. Они не очень ладят.

– Разве такое возможно? Она все еще дразнит тебя?

– Безбожно.

Эмили снова расхохоталась. Я всегда любил ее смех – мелодичный и вместе с тем звонкий и искренний.

– Знаешь, что? – снова заговорила она. – День выдался гораздо лучше, чем я рассчитывала. Если бы не ты, не знаю, чем бы я занималась. Скорее всего, с досадой смотрела бы на свои картины. Или убиралась в доме.

– А я, наверное, работал бы.

– Это гораздо лучше.

– Согласен. Хочешь еще вина?

– Конечно, – кивнула она. – Но не буду. Мне еще садиться за руль. А ты, если хочешь, выпей.

– Мне тоже достаточно. Чем займешься вечером?

– Пообщаюсь с сестрой. Помнишь Джесс? Они с Брайаном пригласили меня на ужин.

– Здорово.

– М-м-м... не уверена. По-моему, Брайан считает, что я настраиваю Джесс против него и подкидываю ей не те идеи. Например, развестись.

– У них проблемы?

– Бывают. Как у любой супружеской пары время от времени. Это как обязательное дополнение к браку.

– Почему строить отношения в браке так сложно?

– Кто знает? Наверное, потому, что люди женятся, не подозревая, кто они на самом деле. Или насколько они ненормальные.

– И ты тоже?

– Конечно. Я не то чтобы сумасшедшая. Но со своими заморочками. Кто-то обижается на любые проявления неуважения к нему, другой злится, когда не может добиться своего. Третий неделями играет в молчанку и дуется. Я как раз об этом. Все мы совершаем поступки, которые негативно влияют на взаимоотношения, но понимаем это, только если можем дать им объективную оценку. А если учесть, что оба партнера привносят в брак свои проблемы, остается лишь удивляться, как все до единого браки не распадаются сразу же после их заключения.

– А не слишком ли ты пессимистично настроена? Твои родители прожили в браке целую вечность. И мои тоже.

– Но счастливы ли они друг с другом? Или привычка всему причина? Или они боятся одиночества? До встречи с тобой в кофейне я наблюдала за пожилой парой, сидящей неподалеку. Возможно, они прожили вместе добрых полвека. Но за все время, пока сидели в кофейне, даже словом не обмолвились.

Я задумался о своих родителях и вспомнил, как мы с Мардж обсуждали то же самое.

– Как думаешь, ты когда-нибудь снова выйдешь замуж?

– Не знаю, – ответила она. – Иногда мне кажется, что мне это нужно, а иногда – что я счастлива одна. У меня есть Бодхи, а значит, я смогу посвящать мужчине не так уж много сил и времени. Но я знаю одно: теперь я гораздо отчетливее представляю, каким должен быть мой партнер. И буду более внимательна в выборе.

Я притих, и мои мысли вновь вернулись к Вивиан.

– Не знаю, что будет дальше с Вивиан. И не могу понять, почему со мной она была несчастна.

– Может, она просто была несчастна? И теперь считает, что с другим человеком почувствует себя лучше? Но длительного ощущения счастья не может дать никто. Оно исходит изнутри. Существуют антидепрессанты, о них люди с надеждой узнают на сеансах психотерапии.

– Прямо дзен какой-то.

– Мне понадобилось время, чтобы наконец понять: измены Дэвида не

имеют никакого отношения ни ко мне, ни к недостаткам моей внешности. Это всего лишь потребность Дэвида доказать самому себе, что он желанный и полный сил мужчина, и он самоутверждался, спя с другими женщинами. В конце концов я поняла: ради спасения нашего брака я сделала все, что могла, и не в состоянии требовать от себя большего. – Она протянула руку через стол и коснулась пальцами моей кисти. – Это и к тебе относится, Расс.

Она убрала руку, но я продолжал чувствовать уютное тепло ее прикосновения.

- Спасибо тебе, – сумел выговорить я.
- Пожалуйста. Я правда так считаю. Ты хороший человек.
- Меня нынешнего ты почти не знаешь.
- А по-моему, знаю. Ты такой же, каким был всегда.
- Я разрушил наши отношения.
- Это была ошибка. Я понимаю, ты не хотел меня ранить. В любом случае я тебя уже простила. Но тебе все еще необходимо простить самого себя.

– Пытаюсь. Но ты осложнила мне задачу – мне не в чем тебя упрекнуть.

- А ты хотел бы, чтобы я проявила жестокость и мстительность?
- В таком случае я бы, наверное, не выдержал и сломался.
- Ничего подобного. Ты сильнее, чем тебе кажется.

Мы допили вино и поднялись из-за стола одновременно, словно по сигналу. Бросив взгляд на часы, я не поверил своим глазам: мы провели вместе почти три часа.

Мы направились к выходу из ресторана.

– Не забывай о поисках хороших друзей, на которых можно положиться. Они тебе еще понадобятся.

– Предлагаешь себя?

– Я и так твой друг – неужели забыл? Неприятно говорить тебе об этом, но знаю по своему опыту – перед тем, как все изменится к лучшему, должно стать еще хуже.

– Еще хуже, чем сейчас? Представить себе не могу.

– Но я надеюсь, что этого не произойдет.

Я открыл перед ней дверь.

– Я тоже.

– Перемотай и начни с самого начала, – велела Мардж. – Ты гулял, а потом обедал с Эмили? И вы пили вино?

Они с Лиз вернулись домой несколькими минутами раньше. И по пути позвонили мне узнать, что бы я хотел на ужин. Сами они собирались купить еду навынос в мексиканском ресторане, а в ответ на заверения, что я не голоден, Мардж пообещала прихватить что-нибудь для меня. В коробке из ресторана я обнаружил буррито размером с мяч для софтбола, вместе с рисом и жареной фасолью. Мардж и Лиз разложили тако с салатом, которые заказали для себя, и мы устроились за столом.

– Да, – ответил я. – А что такого?

Она помедлила, достала свой ингалятор, вдохнула и усмехнулась.

– Скажем так: такого поворота я не предвидела.

– Да ну? – усомнилась Лиз, не переставая жевать. – У них ведь уже было одно свидание – в «Курфиле», забыла?

– Может, хватит разговоров о свиданиях? Мы просто гуляли. Разговаривали. Пообедали вместе.

– Это и называется «свидание». Ну ладно. Вопрос в другом: собираешься ли ты встречаться с ней снова.

– Ее сын Бодхи – лучший друг Лондон. Если они захотят общаться, встреч не избежать.

– Я не об этом.

– Знаю я, о чем ты, – отозвался я. – Ни на какие свидания бегать я не собираюсь. И пока что даже представить себе этого не могу.

Я умолчал о том, что, несмотря на неприязнь к свиданиям, жизнь в одиночестве меня тоже не прельщала. Чего мне хотелось, так это вернуться к прежней жизни с Вивиан. Хотелось все начать заново.

Мардж словно прочитала мои мысли.

– Вивиан звонила? Когда завтра возвращаешься домой?

– Пока нет. Позже я сам позвоню Лондон. Наверное, тогда и узнаю.

Мардж указала на мой буррито.

– Так ничего и не съел.

– С такой горой еды я не справлюсь даже после месяца на необитаемом острове.

– Может, хотя бы попробуешь?

Я подчинился. Буррито был вкусный, но в желудке все еще ощущалась тяжесть от съеденного бургера. Я повернулся к Лиз:

– На ваших кулинарных курсах что-нибудь готовят по мексиканским рецептам?

Лиз кивнула, указывая на свой салат.

– Нечасто. Я могла бы приготовить тебе что-нибудь, но сейчас мне лень. Да и в магазин придется бежать.

– А рецепты каких-нибудь простых и полезных блюд ты знаешь? Блюд, которые могут понравиться Лондон?

– Сколько угодно. Назвать тебе несколько самых любимых?

– А можно? Я хочу, чтобы все было как полагается, но опыта готовки у меня нет. Но у Лондон должен быть нормальный распорядок дня и правильное питание.

– Завтра соберу тебе рецепты.

– Буду благодарен. Как прошло новоселье?

– Очень весело, – ответила Лиз. – Дом на удивление стильно обставлен. Наши друзья едва въехали, а уже успели развесить все свои картины. Впечатляет.

Я невольно задумался, нет ли у них картин Эмили. А потом – как Эмили проводит вечер со своей сестрой Джесс. Уловив пристальный взгляд Мардж, я подцепил на вилку еще кусок буррито.

– Сегодня впервые за все время я не думал о Вивиан каждую минуту.

Лицо Мардж стало задумчивым.

– Ну, и как тебе?

– Странно, – признался я. – Но, наверное, это к лучшему. Мне гораздо спокойнее.

– Ты начинаешь выздоравливать, Расс, – подытожила Мардж. – Ты сильнее, чем тебе кажется.

Я улыбнулся, вспомнив, что те же слова произнесла Эмили.

После ужина я позвонил Вивиан по видеосвязи.

– Привет, – сказала она. – Мы с Лондон сидим в обнимку на диване и смотрим кино. Может, она попозже тебе перезвонит?

– Папочка, привет! – послышался крик Лондон. – Немо и Дори у акул!

– Да, конечно, – ответил я. – Хорошо провели день вдвоем?

– Да, очень весело. Так она перезвонит тебе, ладно?

– Я люблю тебя, папочка! – крикнула Лондон. – Я соскучилась!

От ее голоса у меня заныло сердце.

– Ладно, буду ждать.

Помогая Мардж и Лиз на кухне, я не расставался с телефоном ни на минуту, а когда Мардж принесла доску для «Скрэббла», я положил телефон на стол возле себя. Я знал, что Лиз серьезно относится к этой игре и хорошо знает ее. К концу она набрала больше очков, чем мы с Мардж.

Я так увлекся игрой, что и думать забыл о Лондон. А она так и не позвонила.

Утром я получил сообщение от Вивиан: «Можешь приехать к половине седьмого? Если да, напиши».

Время показалось мне довольно поздним, тем более Вивиан предстояло еще возвращаться на машине в Атланту, но я об этом умолчал. Она старалась побыть с Лондон как можно дольше, а я все еще злился на то, что так и не сумел поговорить с дочерью, поэтому отложил телефон, не ответив. Сообщение Вивиан я отправил лишь в два часа дня.

Тем утром я пробежал почти восемь миль, а по возвращении домой сделал сотню отжиманий. И только после душа мое раздражение начало утихать.

Лиз составила для меня маленькую книжечку – пятнадцать рецептов блюд, количество ингредиентов в большинстве из которых не превышало шести. Потом она показала мне, как планировать меню, и мы отправились в магазин, чтобы закупить все продукты, которые могли мне понадобиться.

Несмотря на все уверения Мардж и Лиз, что я нисколько им не мешаю, я чувствовал себя третьим лишним, поэтому после обеда уехал в книжный магазин. Читать я никогда не любил, но почему-то забрел в отдел с книгами о взаимоотношениях. Нашлась и полка с изданиями о том, как пережить развод, и, полистав их, я выбрал несколько для себя. Стоя в очереди в кассу, я рисовал в воображении, как кассир, прочтя заголовки, с жалостью посмотрит на меня. Но девчонка-подросток с розовыми волосами только провела книгами перед сканером, положила их обратно в корзину и спросила, как я буду расплачиваться – наличными или картой.

Потом я решил заехать в парк, проверить, не там ли Лондон. Мешать ей и Вивиан я не собирался, просто хотел посмотреть на дочь издали. Я подумал, что веду себя как наркоман, измученный зависимостью, но мне было все равно.

В парке Лондон и Вивиан не оказалось, но я все равно решил зайти. В эти выходные жара спала, поэтому в парке было больше детей, чем обычно. Я сел на скамью и раскрыл одну из только что купленных книг. Сначала я читал из чувства долга, но прошло уже полчаса, а я все не мог оторваться.

Из книги я узнал, что Мардж, Лиз и Эмили правы. В своих мучениях я был не одинок. Эмоциональные качели, самобичевание, замкнутый круг повторяющихся вопросов и чувство собственной неполноценности – обычное дело для большинства разводимых. Но когда я читал об этом, объяснения обретали реальные очертания, и к тому времени, как я наконец захлопнул книгу, мне заметно полегчало. Я уже подумывал вернуться к Мардж, как вдруг заметил мальчишку, похожего на Бодхи, и взялся за

телефон.

Когда Эмили подняла трубку, я занервничал, поднялся со скамьи и зашагал вдоль ограды парка.

– Алло.

– Привет. Это я, Расс.

– Что-то случилось? С тобой все в порядке?

– В полном. Просто соскучился по Лондон, а домой возвращаться еще рано. Как твои дела?

– Все по-прежнему. Дэвид и Бодхи сейчас в кино. Потом, наверное, поедут за пиццей. И мне остается смотреть на свои картины.

– Еще не разгадала, о чем они тебе шепчут?

– Работаю над этим. А ты чем занимался сегодня?

– Пробежал восемь миль. Чувствую себя бодро. Пообщался с Мардж и Лиз, съездил в книжный. А теперь бездельничаю, вот и решил позвонить, поблагодарить за вчерашний день.

– Не стоит. Я прекрасно провела время.

От этих слов я вдруг испытал облегчение.

– Как вчера прошел ужин с сестрой?

– Перед моим приездом она поссорилась с мужем. Они, конечно, сдерживались в моем присутствии, но я не могла не заметить их раздражения. Это было похоже на воспоминания об отношениях с Дэвидом.

Я засмеялся.

– Какой ужас.

– Да уж, приятного мало. Но сегодня утром Джесс позвонила мне с извинениями. А потом переключилась на очередной рассказ о том, что Брайан, похоже, нарочно провоцирует конфликты.

Мы продолжали болтать, и я не раз ловил себя на том, что улыбка не сходит с моего лица. Я и забыл, как легко разговаривать с Эмили, как внимательно она слушает и как охотно делится подробностями своей жизни. Мне всегда казалось, что многое она старается не воспринимать слишком серьезно, – эта черта всегда была ей присуща, но теперь она словно стала более очевидной. Я был бы не прочь видеться с Эмили чаще.

Через сорок минут мы попрощались. Как и вчера, за разговором время пролетело незаметно. Почему с Вивиан мне никогда не удавалось беседовать с той же легкостью? Всплывшее в голове имя вызвало новую вспышку раздражения: я вспомнил, как накануне не смог поговорить с Лондон. Я никогда не препятствовал общению дочери с матерью, даже после того, как Вивиан ушла от меня. Эмили ни за что бы так не поступила.

Эмили – ее естественная красота кожи с оливковым оттенком, не испорченная ни дорогой косметикой, ни коллагеновыми филлерами – стояла у меня перед глазами.

Эмили стала еще красивее с тех пор, как мы с ней встречались.

По голосу Эмили я понял, что она рада моему звонку, и от этого мне стало легче. Сделать человеку приятное просто. Для этого не обязательно прилагать усилия. С Эмили мне достаточно быть самим собой, чего не скажешь о Вивиан.

Но как бы надежно ни отвлекала меня от беспокойных мыслей Эмили, с Мардж и Лиз я был честен. Эмили – мой давний друг, к тому же на редкость привлекательный: понятно, почему мне нравилось встречаться с ней, и, вероятно, позвонил я ей по той же причине. Как и прежде, я мог общаться с ней, не чувствуя скованности. Но все это не значило, что я хочу и готов к новым отношениям. Для этого по меньшей мере необходимо было успокоиться и обрести душевное равновесие.

Так я и сказал Мардж перед отъездом домой, но она лишь покачала головой.

– Это у тебя в ушах звучит голос Вивиан, – объяснила она. – Если бы ты видел себя со стороны, то понял бы, какая ты на самом деле завидная добыча.

К дому я подъехал в половине седьмого и замялся у двери, думая, стоит ли стучать. Меня вдруг охватило чувство разочарования. Почему меня до сих пор волнует, что подумает Вивиан?

В силу привычки. Я знал: чтобы избавиться от нее, потребуется немало времени.

Открыв дверь, я вошел в дом, но ни Лондон, ни Вивиан не увидел. Услышав доносящиеся сверху голоса, направился к лестнице. Навстречу мне вышла Вивиан с бокалом вина. Она поманила меня, я последовал за ней на кухню. В раковине громоздилась куча грязной посуды. На столе стоял недопитый стакан молока. Я понял, что Вивиан и не собиралась перед отъездом приводить кухню в порядок.

Ее было не узнать.

– Лондон наверху, в ванне, – без предисловий начала она. – Я пообещала прийти к ней через несколько минут и предупредила, что нам надо поговорить. Но сначала мы должны согласовать дальнейшие действия.

– А разве в пятницу мы их не согласовали?

– Да, но я хотела убедиться, что ты ничего не забыл.

Ее слова прозвучали как оскорбление.

– Нет, не забыл.

– Вот и хорошо. Думаю, для Лондон будет лучше, если инициативу я возьму на себя.

Потому что не хочешь, чтобы она узнала про Уолтера, да?

– Дело твое.

– Ну и что это значит?

– Только то, что я сказал. Все решения принимаешь ты. А могла бы и меня спросить.

– Почему ты такой взвинченный?

Ты серьезно?

– Почему Лондон не перезвонила мне вчера вечером?

– Потому что она уснула. Не прошло и десяти минут после твоего звонка, как она уже крепко спала прямо на диване. Ну и как я должна была поступить? Разбудить ее? Ты же и так видишь ее каждый день. А я нет.

– Ты сама сделала этот выбор. Ведь это ты ушла от нас.

Она прищурилась, и я увидел в ее глазах ненависть. Но голос звучал ровно:

– Я надеялась, что сегодня мы сможем поговорить, как полагается взрослым людям, но теперь я вижу, что ничего у нас не выйдет...

– Пытаешься свалить всю вину на меня?

– Просто хочу, чтобы ты держал себя в руках, пока мы разговариваем с дочерью. Другой вариант – долгий и болезненный для нее процесс. Что ты предпочитаешь?

– Я предпочитаю вообще ничего не делать. Хочу, чтобы мы с тобой честно поговорили о том, как спасти наш брак.

Она отвернулась.

– Не о чем тут говорить. Все кончено. На этой неделе ты получишь соглашение об урегулировании претензий.

– Об урегулировании претензий?..

– Я поручила моему адвокату составить его. Стандартные условия.

Под «стандартными условиями» наверняка понималось то, что Лондон будет жить с ней в Атланте. У меня внутри все сжалось. Я не хотел лишаться жены и дочери, не хотел все потерять, но был всего лишь беспомощным свидетелем, вынужденным наблюдать, как на глазах рушится собственная жизнь, и не иметь возможности хоть что-нибудь предпринять. Я был вымотан, и когда тошнота наконец отступила, я почувствовал, будто мое тело вот-вот растворится в воздухе.

– Давай просто покончим с этим.

* * *

Лондон восприняла известие спокойнее, чем я ожидал, но было понятно: она устала и не в состоянии сосредоточиться. Вдобавок ее измучила простуда, и, судя по всему, ей просто очень хотелось спать.

Как я и ожидал, Вивиан о многом умолчала и изложила все слишком коротко. Я подозревал, что Лондон вообще не поняла, что произошло между ее родителями, а к поездкам Вивиан она, как и я, уже привыкла. Расстроилась она, только когда Вивиан пришло время уезжать. Они обнялись на прощание возле машины, а когда Вивиан наконец отъехала от дома, Лондон зарыдала в голос.

Я отнес ее в дом, моя рубашка была влажная от ее слез. В детской стояла вонь – помимо уборки на кухне мне предстояла еще чистка хомячьей клетки. Я дал Лондон лекарство от простуды и уложил в постель. Она придвинулась ко мне и обняла.

– Не хочу, чтобы мама уезжала, – сказала она.

– Понимаю, тебе сейчас тяжело. Вы хорошо провели выходные?

Она кивнула, и я спросил:

– Чем вы занимались?

– Ходили по магазинам и смотрели кино. Еще были в контактном зоопарке. Там такие хорошенькие козочки. Они падают набок, если напугаются, но я их не пугала.

– А в парке были? На велосипеде катались?

– Нет, только на карусели в торговом центре. Я сидела на единороге.

– Здорово.

Она кивнула.

– Мама сказала, чтобы ты не забывал чистить хомякам клетку.

– Правильно, – согласился я. – Из клетки уже сильно пахнет.

– Ага. Мама не захотела брать в руки Мистера или Миссис Крапинку, потому что от них тоже пахнет. По-моему, их надо искупать.

– Не знаю, можно ли купать хомяков. Но я это выясню.

– В компьютере?

– Да.

– В компьютере чего только нет.

– Это точно.

– Пап, а пап...

– Что?

– Можно покататься на велосипеде?

– Через пару дней, когда пройдет твоя простуда. И потом, у тебя еще хореография, помнишь?

- Помню, – без особого воодушевления отозвалась она.
- Опасаясь, что ее настроение вновь испортится, я оживленно спросил:
- А с Бодхи на выходных ты виделась?
- Да, в студии. Я раскрасила вазу.
- Желтыми цветами? И розовыми «мышонками»? Покажешь?
- Мама забрала ее с собой. Сказала, что ваза очень красивая.
- Конечно. – Я постарался скрыть разочарование. – Жаль, что я ее не увидел.
- Хочешь, я сделаю тебе другую? Я могу. И нарисую мышонков еще лучше.
- Я буду очень рад, детка.

Я почистил клетку и убрал на кухне, а потом – в гостиной. Барби и их одежды были разбросаны по всей комнате, пледы валялись на полу, на столе стояла миска с недоеденным попкорном. Вспомнив, что у меня еще оставалась еда, приготовленная мамой, я переложил несколько контейнеров из морозилки в холодильник и разложил покупки, сделанные сегодня вместе с Лиз и Мардж.

Наконец я забрался в постель и почувствовал аромат духов, которыми обычно пользовалась Вивиан. Аромат был легкий, цветочный и до боли знакомый, и я понял, что уснуть не смогу. Сняв постельное белье, я застелил кровать свежим. Может, Вивиан что-то пыталась дать мне понять? Но интуиция подсказывала: ей все равно, что я чувствую, и больше ей нет до меня дела.

Глава 17

Вперед и обратно

Когда я встречался с Эмили – до того, как сглупил и все испортил, – однажды мы провели первую неделю июля в Атлантик-Бич, Северная Каролина. Вместе с еще двумя парами мы сняли дом близко к берегу, где был слышен несмолкающий шум прибоя. Арендная плата, хоть и поделенная на три части, была для всех нас запредельной, поэтому мы привезли с собой сумки-холодильники, набитые едой, чтобы готовить самим, а не ходить по ресторанам, и на закате разжигали гриль и устраивали пир. По вечерам пили пиво на веранде и слушали радио, и, помню, мне думалось, что это первый из множества отпусков, которые мы с Эмили проведем вместе.

Особенно запомнилось мне Четвертое июля. Мы с Эмили проснулись первыми и на восходе солнца бродили по берегу. Когда все наконец встали, мы облюбовали местечко на пляже и установили гриль, который я взял напрокат, чтобы приготовить гребешки и креветки, выловленные несколько часов назад и купленные нами на пристани. Морские деликатесы дополнили кукурузными початками и картофельным салатом. Потом мы натянули волейбольную сетку и провели весь день на солнце, бродили по мелководью, без конца смазывая друг друга солнцезащитным кремом.

На той неделе в город прибыл карнавал. Основное действие происходило на большой кольцевой развязке неподалеку от пляжа и на расстоянии четверти мили от дома, где мы остановились. Карнавал был заурадным, кочующим из города в город – с изношенными аттракционами, дорожущими билетами, играми и конкурсами, победить в которых почти невозможно. Но среди аттракционов было и чертово колесо, и за полчаса до начала фейерверков мы с Эмили, ускользнув от остальных, решили прокатиться. Я рассчитывал, что нам с избытком хватит времени, чтобы вернуться к друзьям, но судьба распорядилась иначе. Колесо сломалось именно в тот момент, когда мы с Эмили достигли верхней точки.

Сверху я видел, как рабочие возятся то ли с двигателем, то ли с генератором; потом один куда-то убежал и вернулся с большим и явно тяжелым ящиком с инструментами. Диспетчер закричал, что скоро все заработает, и пригрозил, чтобы не вздумали раскачивать кабинки.

День был жарким и душным, с редкими порывами ветра. Я обнял Эмили, она прильнула ко мне. Мы не боялись. Я не сомневался, что есть какой-нибудь способ повернуть колесо вручную и освободить всех, даже если двигатель сгорел. С нашего наблюдательного пункта высоко в небе мы смотрели, как люди бродят от одного карнавального шатра к другому, разглядывали пестрый ковер из домов и уличных фонарей, растянувшийся на несколько миль. Вскоре послышались глухие раскаты и грохот, и с баржи у берега начали запускать сияющие фейерверки, рассыпающиеся в небе золотыми, зелеными и красными искрами. Эмили не переставала восхищаться все полтора часа, пока мы просидели на верхушке чертова колеса. Ветер приносил с побережья запах пороха, я крепче прижимал к себе Эмили и думал о том, что скоро сделаю ей предложение.

Примерно в этот же момент, наконец заметив нас, наши друзья начали шуметь и галдеть. Они были на пляже и казались миниатюрными фигурками. Одна из девушек крикнула: если мы собираемся провести там всю ночь, надо было заранее заказать пиццу. И все громко засмеялись.

Эмили сначала посмеивалась, потом притихла.

– Наверное, это ты подкупил рабочих, чтобы они остановили колесо, – наконец заключила она.

– Почему?

– Потому что думаю, ни одно Четвертое июля в моей жизни не сравнится с сегодняшним днем.

В понедельник утром Лондон шмыгала не переставая, нос покраснел. Хотя она и не кашляла, я сомневался, стоит ли везти ее в школу. Но едва попытался предложить ей остаться дома, она раскапризничалась:

– Учительница сегодня принесет свою золотую рыбку, я должна ее покормить! И потом, сегодня день красок.

Я не знал, что такое день красок, но понял, как важно для Лондон сегодня побывать в школе. За завтраком я дал ей лекарство от простуды, и в класс она побежала вприпрыжку. Учительница, судя по всему, тоже была простужена, и у меня немного отлегло от сердца.

На пути к машине я невольно задумался, чем сейчас занята Вивиан, и решительно отогнал эту мысль. Да какая разница? Мне нет до нее дела, и, что гораздо важнее, сейчас надо думать о том, что на этой неделе мне предстоит снимать очередной рекламный ролик и производить впечатление на нового клиента.

В офисе меня захлестнул шквал работы. Я получил все необходимые подтверждения для съемок третьего ролика для Тальери в пятницу.

Связался с техническим специалистом по поводу рекламы для хирурга и даже сумел встретиться с дрессировщиком, у которого нашлась собака, необходимая мне для четвертого ролика. День съемок назначили на четверг следующей недели.

Все это означало, что думать о Вивиан мне будет попросту некогда.

Соглашение об урегулировании претензий доставили «Федексом» во вторник днем. Копия пришла по электронной почте. Но я так и не смог заставить себя прочесть его. Вместо этого я позвонил Джоуи Тальери и спросил, не посмотрит ли он мои бумаги. Мы договорились встретиться в итальянском ресторане неподалеку от его офиса на следующий день.

Я нашел его в угловом помещении, за столом, покрытом клетчатой красно-белой скатертью. Большой желтый блокнот лежал перед ним. Тальери пил минеральную воду. Дождавшись, когда я сяду, он положил передо мной лист бумаги и ручку.

– Прежде чем мы начнем, подпишите соглашение о предоставлении адвокатских услуг. Я уже говорил вам, что семейным правом больше не занимаюсь, но для вас сделаю исключение. Могу также порекомендовать нескольких адвокатов, в том числе того, который вел мой второй развод, но не уверен, что кто-то из них в состоянии вам помочь – причины я сейчас изложу. Суть соглашения в следующем: все, что вы скажете мне, считается конфиденциальной информацией, переданной клиентом адвокату, даже если вы в конце концов решите нанять кого-нибудь другого.

Я подписал соглашение и вернул ему листок. Он удовлетворенно выпрямился.

– Не хотите объяснить мне, что произошло?

Я еще раз повторил то, что уже слышали Мардж, Лиз, мои родители и Эмили. Мне казалось, что я повторяю все это как минимум в сотый раз. Тальери периодически делал какие-то пометки и записи. Когда я закончил, он произнес:

– Так, похоже, я все понял. И кроме того, просмотрел присланное вами соглашение. Первое, что вы должны знать, – по-видимому, она намерена подать на развод в Джорджии, а не в Северной Каролине.

– Зачем ей это?

– В Джорджии и Северной Каролине действуют разные законодательства. В Северной Каролине пара должна юридически прожить год раздельно, прежде чем она сможет развестись. Это не значит, что вы обязаны жить в разных местах, однако вы оба должны отдавать себе отчет, что отношения между вами перестали быть супружескими. После

истечения этого года один из вас подает на развод. У другой стороны есть тридцать дней, чтобы подать апелляцию, но процедуру можно немного ускорить, для чего существуют установленные процессуальные сроки. Когда приходит время, вы получаете развод. А в Джорджии требование юридически раздельного проживания в течение года отсутствует. Однако есть требование постоянного местопребывания. Вивиан не может подать на развод, если не прожила в штате полгода, но по истечении этого срока получить развод можно всего за тридцать дней – при условии, что все имущественные и прочие споры вы решите между собой. По сути дела, поскольку она живет в Атланте с восьмого сентября, а может, и дольше, она могла бы получить развод уже в следующем марте или апреле, а не в следующем году примерно в это же время. Другими словами, она сокращает продолжительность процесса на шесть месяцев. Есть пара других различий, касающихся вины и ее отсутствия, но сомневаюсь, что это к вам относится. Думаю, она ничего не будет вам предъявлять, что, в сущности, означает, что брак распался не по вашей вине.

– Ей не терпится избавиться от меня, да?

– Без комментариев. – Он поморщился. – Так или иначе, это одна из причин, по которой я решил предложить вам свои услуги. У меня есть разрешение на адвокатскую деятельность и в Джорджии, и в Северной Каролине, а у адвокатов, к которым я сам обращался при разводе, такого разрешения нет. Иначе говоря, или работайте со мной, или ищите адвоката в Джорджии. Кроме того, сегодня утром я навел справки... видимо, адвокат Вивиан – та еще штучка. Сам я никогда не имел с ней дела, но у нее репутация стервы, которая будет трепать противнику нервы, пока тот наконец не выбросит белый флаг. Вместе с тем она весьма избирательна в выборе клиентов, поэтому можно предположить, что здесь не обошлось без влияния Спаннермена.

– И что же мне делать? Понятия не имею, с чего начать.

– Обратиться за советом к юристу. Можете мне поверить, первый развод всегда приводит в замешательство. Словом, подавать бумаги придется в Джорджии – все, от заявления о неразглашении и супружеского соглашения об урегулировании претензий до заверенного заявления об опеке. Адвокат Вивиан, видимо, будет настаивать, чтобы все было готово в течение шести месяцев, значит, предстоит много беготни и совещаний.

– А что с этим соглашением, которое она прислала?

– Это, по сути дела, контракт. Он касается алиментов, раздела собственности и так далее.

– А Лондон?

– А вот это щекотливый вопрос. Суд оставляет за собой право принимать решения относительно опеки, посещений и обеспечения ребенка. Да, вы двое можете сами прийти к соглашению, и суд примет его во внимание, но не обязан следовать ему. Но если соглашение пары выглядит разумным, суд обычно принимает его. Поскольку Лондон еще очень мала, высказать свое мнение она вряд ли сможет. И пожалуй, это даже к лучшему.

Я подозревал, что все это ему придется повторить.

– И чего же хочет Вивиан?

Тальери вынул из папки присланное мне соглашение.

– Что касается имущества, то она хочет раздела поровну. То есть половину стоимости дома, половину денег, лежащих на вашем текущем и инвестиционном счетах, половину ваших пенсионных накоплений. Еще хочет внедорожник и половину стоимости всего домашнего имущества наличными. И – кругленькую сумму, видимо, половину средств, которые вы вложили в свой бизнес.

Внезапно я почувствовал слабость.

– Это все?

– Ну, еще алименты, причитающиеся бывшей жене...

– Какие алименты? Сейчас она зарабатывает больше меня и встречается с миллиардером.

– Я не говорю, что она непременно их получит. Но подозреваю, что воспользуется этой возможностью, как и остальным, чтобы заполучить то, что ей нужно.

– Лондон.

– Да, – кивнул он. – Лондон.

После встречи с Тальери в офис я уже не успевал. И, сразу направившись в школу, приехал довольно рано. Я пересматривал соглашение, которое заполнило мои мысли, когда наконец услышал, что в окно стучат.

Эмили.

Она была в узких потертых джинсах, рваных на коленях, и облегающей футболке. Увидев ее, я почувствовал себя немного лучше. И вышел из машины.

– Привет. Как ты?

– Я как раз собиралась задать тот же вопрос. Я думала о тебе последние несколько дней и переживала, как прошел воскресный вечер.

– Как и следовало ожидать. Все объяснения взяла на себя Вивиан.

– Как дела у Лондон?

– Вроде бы ничего. Если не считать затянувшейся простуды.

– Бодхи тоже простужен. Вчера зашмыгал носом. По-моему, болеет уже больше половины класса. У них рассадник инфекции. – Она вгляделась в мое лицо. – А в остальном как ты?

– Так себе, – признался я. – Пришлось сегодня встретиться с адвокатом.

– Ох... – простонала она. – Для меня эти встречи были пыткой.

– Да, невеселые дела. Кажется, что все это дурной сон – ведь такого просто не могло случиться. Но это правда.

Она пристально смотрела на меня, и я вдруг заметил, какие длинные у нее ресницы. Неужели они всегда были такими? Я понял, что невольно перебираю в голове воспоминания.

– Ты узнал все, что хотел? – спросила она.

– Я и не представлял толком, что мне нужно знать. Вивиан прислала соглашение об урегулировании претензий с условиями, со своими условиями. Вот его я и читал.

– Я не юрист, но если у тебя появятся вопросы – звони. Правда, не уверена, что смогу ответить на все.

– Спасибо, – сказал я.

Машины одна за другой выстраивались в ряд, их поток уже стал непрерывным. Насколько я мог судить, в этой очереди за детьми я был единственным мужчиной. Глядя на Эмили, я вдруг мысленно услышал голос Вивиан – «*пойдут слухи!*» – и задумался, наблюдают ли за нами мамы. Потом невольно отступил на шаг и сунул руку в карман.

– Дэвид уже уехал в Австралию?

Она кивнула.

– Да, вчера вечером.

– Бодхи расстроен?

– Очень. Да еще приболел.

– Дэвид не говорил, когда вернется?

– Обещал приехать на Рождество.

– Это хорошо.

– Еще бы. Если и правда приедет. В прошлом году он говорил то же самое. Обещать он мастер. Беда в том, что его слова порой расходятся с поступками.

Хотел бы я знать, где будет отмечать Рождество Лондон в этом году. Да и я сам.

– Ой... – Она склонила голову набок. – Я что-то не то сказала?

– Извини. Просто задумался о том, что услышал сегодня от адвоката. Похоже, придется продать дом.

– О, нет! Неужели правда?

– Не знаю, есть ли у меня выбор. Мне не хватит денег, чтобы расплатиться с Вивиан.

И это еще мягко сказано: если я соглашусь на все ее требования, то останусь без гроша. А если прибавить алименты на ребенка и на саму Вивиан, вряд ли я смогу позволить себе хотя бы квартиру.

– Все уладится, – сказала Эмили. – Понимаю, порой в это верится с трудом, но устаканится обязательно.

– Надеюсь. А пока мне хочется просто... сбежать, понимаешь?

– Тебе нужна передышка, – объявила она. – Почему бы вам с Лондон не составить нам с Бодхи компанию в субботу и не съездить в зоопарк Эшборо?

– А как же студия?

– Ну пожа-а-алуйста! – Она отбросила за спину свои густые волосы. – А дети могут и пропустить одно занятие. Бодхи будет в восторге, я точно знаю. А Лондон там уже бывала?

– Нет, – ответил я.

Ее настойчивость обезоруживала. Неужели Эмили пригласила меня на свидание? Или речь скорее о Бодхи и Лондон?

– Спасибо, – наконец проговорил я. – Я подумаю.

Я видел, как учителя вышли из дверей, и собирали учеников по классам. Эмили тоже заметила это.

– Мне пора. Не хочу, чтобы из-за меня задержалась очередь. Она и так еле движется. Приятно было повидаться, Расс. – Она помахала мне рукой.

– И мне тоже, Эмили.

Я смотрел ей вслед, пытаюсь расшифровать смысл ее приглашения, но чем дальше она уходила, тем отчетливее ощущалось желание снова встретиться с ней. Хотя я и был к этому не готов, новой встречи мне хотелось больше, чем чего-либо.

– Послушай, Эмили... – окликнул я ее.

Она обернулась.

– Когда выезжаем?

Дома Лондон стало лучше, и мы отправились кататься на велосипедах. Я разрешил ей ехать впереди. С каждой поездкой она каталась все увереннее. Мне все еще приходилось предупреждать ее всякий раз, когда приближалась машина, но в нашем районе дети на велосипедах – обычное

дело, поэтому большинство водителей осторожно объезжали нас.

Мы катались целый час. Дома Лондон перекусила и побежала наверх, переодеваться для хореографии. У себя она задержалась надолго, и я наконец пошел выяснить, в чем дело. Застав ее сидящей на постели в той же одежде, я сел рядом.

– Что случилось, детка?

– Не хочу сегодня на танцы, – сказала она. – Я болею.

Кататься на велосипеде простуда ей не помешала, поэтому я сообразил, что дело в другом. Просто ей не хотелось к мисс Хэмшоу. И я понимал, почему.

– Если ты устала или тебе нездоровится, ездить на танцы незачем.

– Правда?

– Конечно.

– Мама рассердится.

Твоя мать бросила нас, чуть не сорвалось с губ. Но сказал другое:

– Я поговорю с ней. Болеешь – значит, болеешь. Или причина в другом?

– Нет.

– Если в другом, просто скажи мне.

Она молчала, я обнял ее.

– Тебе нравится ходить на танцы?

– Это важно, – произнесла она как догму. – Мама раньше танцевала.

– Я не об этом спрашиваю. Я хочу знать, нравится тебе это или нет.

– Не хочу быть деревом.

Я нахмурился:

– Милая, а ты не могла бы рассказать мне подробнее о танцах?

– В моем классе две группы. Одна будет танцевать на конкурсе. Они хорошо танцуют. А я в другой группе. Мы тоже будем танцевать, но только для наших родителей. И я буду деревом.

– А-а, – выразил понимание я. – Это плохо?

– Да, плохо. Мне просто надо показывать, как растут и падают листья.

– А мне покажешь?

Вздохнув, она встала с постели, подняла руки над головой, так, что кончики пальцев соприкоснулись. А потом, разводя руки в стороны, зашевелила пальцами. Закончив, она снова села рядом со мной.

– Не расстраивайся, у тебя получилось отличное дерево, – наконец высказался я.

– Это для тех, кто танцует плохо, папа. У меня не получаются лягушка, бабочка, лебедь или рыбка.

Я попытался представить танец всех перечисленных персонажей.

– Сколько еще девочек будут деревьями?

– Только я и Александра. Я хотела быть бабочкой и так старалась, выучила все движения, а мисс Хэмшоу сказала, что бабочкой будет Молли.

Видимо, для пятилетнего ребенка разочарование оказалось нешуточным.

– Когда будет концерт?

– Не знаю. Она говорила нам, а я забыла.

Я взял себе на заметку выяснить это у мисс Хэмшоу перед занятием или после него – так, чтобы не отвлекать и не злить ее лишний раз.

– Хочешь в эти выходные поехать в зоопарк? Со мной, Бодхи и мисс Эмили?

– Куда?

– В зоопарк. Мисс Эмили с Бодхи приглашают нас, но если ты не хочешь, мы никуда не поедem.

– А зоопарк настоящий?

– С львами, тиграми и медведями. Вот это да!

Она нахмурила лобик.

– А почему ты сказал «вот это да!»? – наконец спросила она.

– Это из фильма «Волшебник страны Оз».

– Я его смотрела?

– Нет.

– А про что он?

– Про девочку по имени Дороти. Ее дом подхватил ураган и перенес в страну Оз. Там она встретила Льва, Железного Человека и Соломенное Чучело, и они вместе стали искать Волшебника, чтобы он вернул девочку домой.

– А медведь и тигр в фильме тоже есть?

– Что-то не припомню.

– Тогда почему девочка так говорит?

Вопрос в самую точку.

– Не знаю. Может, потому, что боится случайно встретиться с ними.

– Медведей я не боюсь. А тигры страшные. И злые-презлые.

– Правда?

– Я точно знаю, я смотрела «Книгу джунглей».

– А-а.

– А мама тоже поедет в зоопарк?

– Нет. Она работает.

Лондон ненадолго задумалась.

– Ладно, – решила она. – Раз Бодхи едет, тогда поедem и мы.

Когда тем вечером по видеосвязи позвонила Вивиан, я заметил, что одета она так, словно собралась на ужин – скорее всего, со Спаннерменом. Я промолчал, но пока она общалась с Лондон, эта мысль назойливо точила меня.

Наконец прибежала Лондон, протягивая телефон.

– Маме надо поговорить с тобой.

– Хорошо, детка. – Я взял телефон, дождался, когда Лондон убежит, и лишь после этого повернул его экраном к себе.

– В чем дело? – спросил я.

– Хотела сообщить, что в эти выходные меня не будет в городе и вообще со мной будет трудно связаться.

Мне нестерпимо захотелось узнать подробности, но я удержался от расспросов.

– Ясно.

Она, видимо, ожидала, что я начну расспрашивать ее, и к такому односложному ответу оказалась не готова.

– Ну ладно, – продолжила она после неловкой паузы. – В общем, в следующие выходные я обязательно приеду в Шарлотт, повидаться с Лондон, и хочу опять остановиться дома.

– Без меня, – подсказал я, стараясь не подавать виду, что мне это неприятно.

– Я думаю в первую очередь о Лондон, поэтому да. А через две недели у нее день рождения, и я хотела бы попросить тебя о том же. В смысле, дать мне возможность побыть с ней дома. День рождения в пятницу, но я хочу устроить праздник и пригласить ее друзей в субботу. Само собой, ты тоже должен прийти на праздник, но будет лучше, если потом ты оставишь нас одних до конца выходных.

– У нее же день рождения! – возразил я. – Я тоже хочу побыть с ней.

– Ты и так все время с ней, Расс.

– Она на уроках. А после школы – на занятиях. Может, тебе кажется, что мы с ней только и делаем, что развлекаемся, но это не так.

Она раздраженно вздохнула.

– Ты видишься с ней каждый вечер. Ты читаешь ей перед сном. Видишь ее каждое утро. А я нет.

– Потому что ты ушла, – выговорил я. – Потому что переехала в Атланту.

– Ты не позволяешь мне видаться с дочерью? Что же ты за отец? И

кстати, ты не должен был разрешать ей прогуливать сегодня хореографию.

– У нее простуда, – возразил я. – Она устала.

– По-твоему, от пропущенных занятий ей могло стать легче?

От ее тона я окаменел.

– Она первый раз пропустила занятие. Это еще не конец света. И потом, по-моему, она вообще не любит танцы.

– Ты не понял главное. – Вивиан со злостью смотрела на меня. – Если к следующему концерту она хочет получить роль посерьезнее, пропускать занятия ей никак нельзя. А по твоей вине она и в следующий раз ее не получит.

– Кажется, ей нет до этого дела.

Я увидел, как гневный румянец окрасил ее грудь и лицо.

– Зачем ты все время делаешь одно и то же?

– Что именно?

– Что и всегда! Придираешься и ищешь повод для ссоры!

– Почему всякий раз, когда я пытаюсь высказать свое мнение и оно отличается от твоего, ты обвиняешь меня в том, что я ищу повод для ссоры?

– О господи! Ты себе представить не можешь, как мне осточертела эта твоя чушь собачья!

На этих словах она прервала разговор и отключилась. Я расстроился, но не так сильно, как прежде. И даже меньше, чем вчера. Возможно, это уже прогресс.

* * *

Следующие два дня на работе я хватался то за один проект, то за другой, как в начале недели. Я связался с пациентами, рекомендованными пластическим хирургом, и назначил съемки на шестое октября – этот день обещал быть длинным.

В пятницу я руководил съемками третьего ролика, попросив разместить камеру ниже уровня стола, чтобы снять юную актрису снизу. При этом ее возраст усиливал комический эффект.

Отснятые дубли оказались настолько удачными, что смеялась даже съемочная группа. Замечательно.

В тот вечер я, как обычно, должен был отвезти Лондон на хореографию.

Желанием заниматься она явно не горела, но вовремя спустилась в гостиную, переодетая, и напомнила мне, что опаздывать нельзя.

Я не стал спрашивать, хочет ли она на танцы. Вивиан наверняка

упрекнула Лондон, и у меня не было ни малейшего желания ставить дочь в затруднительное положение. Умение Вивиан внушать чувство вины, я знал лучше, чем кто-либо.

Увидев, что Лондон понуро сидит на диване в гостиной, я устроился рядом.

– Чем хочешь заняться после танцев? – спросил я.

– Не знаю, – пробормотала она.

– Я подумал, что мы с тобой могли бы...

Я умолк. Прошла пара секунд, Лондон повернулась и посмотрела на меня.

– Что могли бы?

– Ничего, – ответил я. – Неважно.

– Ну что?

– Я не знаю, захочешь ли ты... – Я изобразил нерешительность.

– Ну скажи! – настаивала она.

Я протяжно вздохнул.

– Да просто я подумал, что, раз мамы нет, мы могли бы устроить вечер свидания с тобой.

О наших вечерах свидания Лондон знала – в отличие от многого другого, что происходило между мной и Вивиан.

Выражение ее лица стало удивленным и радостным.

– Вечер свидания? Только для нас с тобой?

– Да, вот об этом я и подумал. После танцев мы можем нарядиться, приготовить вместе ужин, а потом порисовать карандашами или пальчиковыми красками или даже посмотреть фильм. Но только если ты не против.

– Я не против.

– Правда? И что мы будем есть?

Она задумчиво поднесла палец к подбородку.

– Я, наверное, буду курицу, – сказала она, и я кивнул.

– М-м, отлично! И я как раз о ней и подумал.

– А пальчиковые краски не хочу. А то платье испачкаю.

– Может, тогда карандаши? Я плохо рисую, но буду стараться.

Она просияла.

– Это даже хорошо, что ты плохо рисуешь, папа! Заодно и поучишься.

– Просто замечательно!

Впервые с тех пор, как я начал возить Лондон на занятия, она была в хорошем настроении всю дорогу. Мне пришлось выслушивать

непрерывный поток идей – Лондон решала, как оденется сегодня вечером: какое платье выберет, чем украсит прическу – блестящей заколкой или ободком, какие туфельки подойдут к этому наряду.

Когда мисс Хэмшоу разрешила Лондон войти, она вдруг обернулась, бросилась ко мне, крепко обняла и только после этого направилась в зал. Мисс Хэмшоу не выказала никакой реакции, и я решил, что это высшее проявление доброты, на какое она способна.

Пока Лондон занималась, я заскочил в магазин купить продукты к сегодняшнему ужину. Помня, что завтра нам рано вставать – мы с Эмили договорились встретиться в восемь, – я остановил выбор на курице-гриль из кулинарии, консервированной кукурузе, нарезанных грушах, яблочном соусе и виноградном соке без мякоти. Если к ужину мы приступим в половине седьмого, Лондон удастся уложить в постель в обычное время.

Я не учел одного: сколько времени потребуется пятилетней девчужке, чтобы нарядиться к вечеру свидания со своим отцом. Вернувшись домой после танцев, Лондон бросилась наверх и запретила мне входить. Я тоже заглянул в свой шкаф и приоделся, выбрав блейзер. Потом приготовил ужин, потратив всего пять минут, и накрыл на стол, достав наш лучший фарфоровый сервиз. Свечи завершали картину, я разлил виноградный сок по бокалам для вина. И застыл в ожидании.

Сначала я стоял, прислонившись к кухонному столу. Потом сел за стол.

Затем ушел в гостиную и включил спортивный канал.

Время от времени я поднимался по лестнице и звал Лондон, и каждый раз она велела мне ждать внизу.

Когда она наконец спустилась, у меня навернулись слезы. Лондон выбрала голубую юбку с маечкой в бело-голубую клетку, белые гольфы и туфельки и голубой ободок. Завершающим штрихом стало ожерелье из искусственного жемчуга. Как бы сдержанно я ни относился к частым поездкам Вивиан по магазинам вместе с дочерью, мне пришлось признать, что Лондон уже умеет произвести впечатление.

– Красиво выглядишь, – заметил я, вставая с дивана и выключая телевизор.

– Спасибо, папочка, – просияла она, подходя к накрытому столу. – А стол какой нарядный!

Ее старания вести себя, как полагается взрослой, до слез умилили меня.

– Спасибо за комплимент, детка. Поедим?

– Да, спасибо.

Я обошел вокруг стола, отодвинул стул и помог ей сесть. Усевшись,

она потянулась к своему бокалу с виноградным соком и сделала глоток.

– Как вкусно!

Я разложил еду по тарелкам и перенес их на стол. Лондон с важным видом расстелила у себя на коленях салфетку, я сделал то же самое.

– Как прошел сегодня день в школе? – спросил я.

– Весело, – ответила она. – Бодхи сказал, что завтра в зоопарке хочет посмотреть львов.

– Я тоже. Люблю львов. Надеюсь, они не такие злые, как Шрам.

Я, конечно, имел в виду злодея из «Короля Льва».

– Папочка, таких львов, как Шрам, там нет. Он же из мультика.

– А-а, – спохватился я. – Ты права.

– Глупенький ты у меня.

Я улыбнулся, увидев, что она держит вилку пальчиками, как взрослая.

– Что-то в этом роде я уже слышал.

У Лондон нашлась раскраска с животными, и после ужина мы целый час провели за кухонным столом, разрисовывая невиданных зверей во все цвета радуги.

Занятия в школе начались всего несколько недель назад, а я заметил, что Лондон раскрашивает уже гораздо лучше, чем раньше. Она научилась не вылезать за контуры и даже затушевывать части рисунка, чтобы получились тени. Исчезли каракули и кляксы, которых было полным-полно еще год назад.

Моя девочка медленно, но верно выросла, и от этой мысли у меня защемило сердце – я не думал, что эта боль бывает такой мучительной.

Глава 18

Это не свидание

Через месяц после окончания университета я побывал на свадьбе бывшего товарища по студенческому братству Тома Грегори в Чепел-Хилле. Том – сын двух врачей, а отец его невесты, хрупкой брюнетки по имени Клэр Дивейни, владел пятьюдесятью двумя ресторанами сети «Боджанглс», где подавали в основном фастфуд – жареную курятину с кукурузными булочками. Этот бизнес хоть и не считался элитным, вроде инвестиционных банков, но деньги приносил исправно, и в качестве свадебного подарка отец Клэр уже подарил молодой паре небольшой особняк и кабриолет «Мерседес».

Разумеется, на свадьбу требовалось явиться в вечернем туалете. Я как раз начал работать в «Питерс Груп», но получить первую зарплату мне лишь предстояло; поэтому и без слов ясно, что денег у меня было в обрез. Их хватило, чтобы взять напрокат смокинг.

Тесниться мне приходилось еще у одного товарища по студенческому братству. Его звали Лиам Робертсон, он поступал в школу права при Университете Северной Каролины. Он тоже вырос в Шарлотте, но мы никогда не были особенно близки: он из тех, кто злорадствует, нарушая обещания, и кормит разноцветным желе с алкоголем доверчивых первокурсниц. Но ребятам из общества «Альфа-гамма-ро» полагается держаться вместе.

До того дня я надевал смокинг всего один раз. Я брал напрокат темно-синий смокинг для школьного выпускного. А фотоснимок в нем вместе с моей тогдашней подружкой красовался на каминной полке в доме моих родителей до тех пор, пока я не женился. Но к тому смокингу прилагался пристегивающийся готовый галстук-бабочка, а к этому тот, который надо было завязывать.

Увы, ни я, ни Лиам Робертсон понятия не имели, как завязывать галстук-бабочку. Я успел предпринять не меньше полудюжины попыток, когда дверь дома Лиамы открылась и вошла Эмили.

Я и раньше встречался с ней, но знакомы мы не были. Они с Лиамом выросли в одном районе, но, по-видимому, просто дружили. Тем не менее Лиам позвал ее с собой на свадьбу – «чтобы замолвила за меня словечко, если я захочу с кем-нибудь познакомиться». Увидев Эмили, я не поверил

своим глазам.

Это была уже не та Эмили, которую раньше я встречал в компании Лиамы, – одетая обычно в длинные цыганские юбки, сандалии и не пользующаяся косметикой. Женщина, которая стояла передо мной, была в коктейльном платье с глубоким вырезом и черных туфлях-лодочках на шпильках, элегантность ее облика подчеркивали стильные бриллиантовые сережки-звездочки. Тушь на ресницах оттеняла редкий цвет ее глаз, алая помада поблескивала на пухлых красивых губах. Волосы ниспадали волнами с плеч.

– А, Эмили! – воскликнул Лиям. – Рассу как раз надо помочь одеться!

– И я тоже рада тебя видеть, Лиям, – усмехнулась она. – Ах, да, спасибо за комплимент.

– Кстати, классно выглядишь, – спохватился Лиям.

– Опоздал, – негромко фыркнула она и неспешно приблизилась ко мне.

– Бестолковый, как всегда, – сказала она, словно самой себе. – Насколько я понимаю, ты и есть Расс?

Я кивнул, стараясь не смотреть на нее.

– А я Эмили, – продолжила она. – Формально – девушка Лияма, но по сути дела нет. Для меня он скорее как эгоистичный младший братец.

– Я все слышу! – возмутился Лиям.

– Само собой. Ведь я говорю о тебе.

При их непринужденной перебранке я почувствовал себя не в своей тарелке. Ее лицо находилось всего в нескольких дюймах от моего.

– Так, что у нас тут? – Она распутывала галстук и снова накидывала его на мою шею. Ростом она была лишь немного ниже меня, и я уловил пьянящий цветочный аромат.

– Буду признателен, – сказал я. – Но откуда ты знаешь, как это делается?

– Приходилось помогать папе, – объяснила она. – Ему никогда не удастся завязать галстук как полагается. Вечно выходит криво.

Ее длинные пальцы творили чудеса, завязывая и расправляя бабочку. Наши лица сблизились, словно для поцелуя, и меня вновь поразила ее красота. Сначала губы, потом очертания шеи притянули мой взгляд. Вырез платья был таким глубоким, что я увидел крошечный кружевной бантик спереди на ее лифчике.

– Нравится? – поддразнила она.

Густо покраснев, я поспешно отвел взгляд и уставился вперед, неподвижный, как курсант военной академии «Цитадель». Она улыбнулась.

– Ох уж эти мужчины, – сказала она. – Все вы одинаковы.

Я продолжал стоять по стойке «смирно» и молчал, пока она не закончила. Потом легонько хлопнула меня по груди, подмигнула и добавила:

– Но ты, похоже, милый, я тебя прощаю.

Подъезжая к дому Эмили следующим утром, я увидел, как она грузит сумку-холодильник в свой внедорожник.

Лондон выскочила из машины, бросилась к ней и крепко обняла.

– А где Бодхи? – услышал я вопрос дочери.

– В своей комнате, – ответила Эмили. – Выбирает пару фильмов в дорогу. Хочешь подняться и помочь ему?

– Да, мэм! – Лондон побежала к дому и вскоре скрылась из виду.

Эмили проводила ее взглядом и повернулась ко мне. Она была в шортах и топе, волосы собраны в «конский хвост». В этом непритязательном наряде «мамочка в парке» она буквально излучала здоровье и жизненную силу. Я не мог наглядеться на ее густые волосы и чистую кожу.

– «Мэм»? – повторила она, удивленная вежливым обращением Лондон. Я подошел ближе.

– Она хорошо воспитана, – объяснил я, надеясь, что мое внимание к ней не слишком очевидно.

– Мне нравится. Я пыталась приучить Бодхи, но ничего не вышло.

Когда детей не было рядом, она выглядела совсем юной девушкой, той самой, которую я когда-то знал. Мне вдруг показалось, что я потерялся во времени.

– Хорошая предстоит поездка, – заговорил я. – Лондон уже в восторге.

– Бодхи тоже, – кивнула она. – Он хочет, чтобы Лондон ехала в нашей машине.

– Ладно, – согласился я. – А я за вами.

– Ты тоже поедешь с нами, глупый. Две машины нам ни к чему, к тому же мне с этой парочкой не справиться без твоей помощи. И кроме того, до зоопарка два часа езды, а этот малыш, – она кивнула на свой внедорожник, – проигрывает с дисков детские фильмы.

Ее шутливые слова перенесли меня в прошлое, к нашему первому разговору, и я сразу вспомнил, как нервничал тогда.

– Повести машину? – предложил я.

– Только если не хочешь взять на себя раздачу угощения. А это значит, что каждые несколько минут придется доставать еду и передавать назад, нашим пассажирам.

Я вспомнил слова отца о наших семейных поездках.

– Нет уж. Лучше я за руль.

Мы еще не успели выехать из нашего района, как Бодхи спросил, можно ли им посмотреть третий «Мадагаскар».

– Подожди хотя бы, когда мы доедем до шоссе, – ответила Эмили.

– А пожевать что-нибудь можно? – спросил Бодхи.

– Ты же только что позавтракал.

– Я есть хочу.

– Что тебе дать?

– «Золотую рыбку»! – потребовал Бодхи.

Вивиан категорически запрещала держать в доме подобные лакомства. А во времена моего детства мы грызли их постоянно.

– А что такое «золотая рыбка»? – поинтересовалась Лондон.

– Сырный крекер в виде рыбки, – объяснила Эмили. – Очень вкусный.

– А мне можно попробовать, папа?

Я бросил на нее взгляд в зеркало заднего вида. Интересно, как Лондон воспринимает то, что рядом со мной спереди сидит Эмили, а не мама, и имеет ли это для нее хоть какое-то значение?

– Конечно, можно.

Поездка пролетела незаметно. Дети были увлечены фильмом, но поскольку сидели они совсем рядом, в разговоре мы остерегались упоминать Вивиан и Дэвида. И не затрагивали наше общее прошлое. Вместо этого я рассказывал, чем занимаюсь на работе, а Эмили – о своих картинах, о том, что в середине ноября у нее выставка, а значит, дел будет больше, чем обычно. Потом речь зашла о наших родных, мы болтали и смеялись, словно никогда и не расставались.

Но несмотря на всю непринужденность, эта поездка воспринималась как нечто новое и немного странное. Не свидание, но все же то, чего я даже представить себе не мог еще несколько месяцев назад. И хотя я предвидел угрызения совести, но так и не почувствовал их. Глядя на Эмили, я не понимал, как Дэвид мог сглупить и потерять ее.

И само собой, терялся в догадках, как и сам мог так сглупить.

– Надолго их не хватит, – предсказала Эмили вскоре после приезда в зоопарк. Как только мы припарковались, дети проделали путь от стоянки до кассы бегом, потом понеслись к фонтану, затем – в сувенирную лавку. Я с гордостью отметил, что Лондон, видимо, унаследовала мои спортивные

гены, потому что не отставала от своего друга ни на шаг. Лондон и Бодхи изучали витрину, ожидая, когда мы их наконец догоним.

– Даже смотреть на них и то утомительно.

– А ты успел пробежаться сегодня утром?

– Да, выходил, но ненадолго. Мили четыре пробежал.

– Ты молодец, а моей единственной физической нагрузкой за весь день будут блуждания по зоопарку.

– Как же тебе удастся поддерживать форму?

– Танцами на пилоне, – ответила она. Увидев мое ошарашенное лицо, рассмеялась.

– Тебе наверняка понравилось бы. – Она толкнула меня в плечо. – Глупый, я же шучу. Но видел бы ты свое лицо сейчас! Это бесподобно. А вообще я стараюсь ходить в тренажерный зал хотя бы пару раз в неделю. Но мне повезло с генами, к тому же я слежу за своим питанием. Это проще, чем постоянно заниматься спортом.

– Для тебя – может быть, а я люблю поесть.

Едва мы вошли в лавку, Лондон кинулась ко мне.

– Папа, смотри, бабочкины крылышки! – закричала она, указывая на пару кружевных полупрозрачных крыльев, как раз ей по размеру.

– Очень красивые.

– А можно, мы их купим? Если я вдруг буду бабочкой на танцах?

– Даже не знаю, детка... – замялся я.

– Ну пожалуйста! Они такие красивые! И даже если бабочкой на танцах я не буду, я смогу надеть их прямо сегодня, и тогда зверям будет весело. А дома я покажу их Мистеру и Миссис Крапинке.

Насчет зверей я сомневался, но, взглянув на этикетку, увидел, что цена вовсе не заоблачная.

– Ты правда хочешь сегодня надеть их?

– Да! – Она запрыгала от нетерпения. – А Бодхи хочет крылья как у стрекозы.

Я почувствовал взгляд Эмили и повернулся к ней.

– Если они убегут, так их будет легче рассмотреть в толпе, – заметила она.

– Ладно, – сдался я, – но только крылья – и больше ничего, договорились?

– И только после того, как намажетесь кремом от солнца, – добавила Эмили.

В отличие от меня, она не забыла прихватить его.

Я расплатился и помог Лондон надеть крылья, а Эмили помогла Бодхи.

Потом она густо намазала их кремом, и дети убежали, раскинув руки.

Зоопарк делился на две большие зоны – «Северная Америка» и «Африка». Сначала мы отправились в «Северную Америку», бродили по дорожкам между вольерами, восхищались всеми животными – от обыкновенных тюленей и сапсанов до аллигаторов, ондатр, бобров, пумы и даже черного медведя. Дети подбегали к вольерам раньше, чем мы, и к тому времени, как мы с Эмили догоняли их, им уже не терпелось идти дальше. К счастью, посетителей в зоопарке было немного, несмотря на чудесную погоду. Жара спала, впервые за несколько месяцев влажность снизилась до нормальной. Но это не помешало детям то и дело клянчить фруктовый лед на палочке и газировку.

– А как дела у Лиама? – спросил я Эмили. – Уже десять лет ничего о нем не слышал. Знаю только, что он работал юристом где-то в Эшвилле и женился уже во второй раз.

– Работает он все там же, – ответила она, – а его второй брак распался так же быстро, как и первый.

– Она ведь тоже была официанткой в баре, верно? Когда они только познакомились?

– У него свои пристрастия, – с улыбкой объяснила Эмили. – Это очевидно.

– Когда ты в последний раз с ним общалась?

– Месяцев семь или восемь назад. Он узнал, что я развелась, и пригласил меня на свидание.

– Это он был одним из тех парней, кому во второй раз ты отказала?

– Лиам? Господи, нет, конечно! Да, мы знаем друг друга с детства, но понимаешь, он всегда казался мне слишком самовлюбленным и эгоистичным. В студенческие годы мы держались вместе скорее в силу привычки, чем из-за дружеских чувств. «В силу привычки» – это значит, что он являлся ко мне минимум раз в семестр, обычно выпившим.

– А я не мог понять, почему ты его терпишь... – признался я.

– Потому что наши родители дружили и жили мы друг напротив друга, через улицу. Мой отец думал, что он далеко пойдет, но, слава богу, мама мигом его раскусила. Словом, мы общались просто потому, что он всегда был рядом. В кампусе, дома. В то время я еще не научилась отсекай лишнее. В том числе и людей, даже когда они оказывались подлецами.

– Но если бы не он, мы бы не встретились.

Она задумчиво улыбнулась.

– Помнишь, как ты пригласил меня на танец? На той свадьбе?

– Помню. – Мне понадобилось больше часа, чтобы набраться

смелости. К тому времени Лиам уже переключился на женщину, которая позднее стала его первой женой.

– Ты меня боялся, – с понимающей улыбкой добавила Эмили.

Я остро ощущал ее близость; впереди нас шагали Лондон и Бодхи, и у меня в памяти всплыла книжка, которую я читал Лондон на ночь. Мы шли парами, как в книжке, потому что никто не должен быть одиноким.

– Я не боялся, – объяснил я, – скорее стеснялся, потому что ты заметила, как я пялился на тебя, пока ты завязывала мне бабочку.

– Ой, перестань! Я была впечатлена, и ты это прекрасно знаешь. Мы ведь об этом уже говорили, и я расспрашивала Лиаму о тебе, помнишь? А он сказал, что ты слишком занудный. И несимпатичный. И небогатый. А потом снова начал клеиться ко мне.

Я засмеялся.

– Теперь вспомнил.

– А ты поддерживаешь связь с друзьями по университету? – Она прищурилась, словно пытаясь вспомнить кого-то. – Когда мы были вместе, мы регулярно виделись с твоими одногруппниками.

– Вообще-то уже нет, – ответил я. – Как только я женился и родилась Лондон, растерял все контакты. А ты?

– У меня еще есть несколько студенческих друзей и подруг детства. Мы все так же собираемся и болтаем, но не так часто, как хотелось бы. Наша жизнь стала другой.

Я разглядел легкую россыпь веснушек у нее на щеках и на носу, заметную разве что под прямыми лучами осеннего солнца. Пятнадцать лет назад я не обращал на них внимания, они оказались еще одной неожиданной особенностью прежде такой знакомой Эмили. У меня мелькнула мысль: что подумала бы Вивиан, увидев нас с Эмили вдвоем?

Внезапно вся ситуация показалась мне нереальной: я с Эмили и детьми в зоопарке, Вивиан в объятиях Спаннермена где-то в другом месте. Как это получилось? Где моя жизнь сделала крутой поворот на сто восемьдесят градусов?

Прикосновение Эмили вывело меня из раздумий.

– Все хорошо? – Она вгляделась в мое лицо. – Ты отключился на секунду.

– Да, извини. – Я попытался улыбнуться. – До меня порой доходит... как все это странно и необъяснимо.

Некоторое время она молчала, убрав руку.

– Так будет еще не раз, – тихо предупредила она. – Если можешь, не сопротивляйся: просто принимай то, что приходит, и то, что остается с

тобой. А то, что уходит, просто отпускаяй.

– Пока что это выше моих сил.

– Ключевые слова – «пока что». Со временем научишься.

Тоска по Вивиан вновь вспыхнула, но вскоре утихла. Это был уже не мощный апперкот, а удар по касательной, и я понял, что этим обязан Эмили. Будь у меня выбор, я предпочел бы провести день с понимающим и способным смеяться над нашими шутками другом, а не с женой, которая меня презирает.

– Давно со мной такого не было, – заговорила Эмили и, заметив вопросительное выражение моего лица, пояснила: – Я имею в виду то, что давно нигде не бывала с другом-мужчиной... в последний раз – еще до Дэвида. А может, еще до того, как мы с тобой стали встречаться. Интересно, почему?

– Просто мы были семейными людьми.

– Но я знаю других семейных людей, у которых есть друзья противоположного пола.

– Я и не говорю, что это запрещено, – уточнил я. – Просто положение может стать щекотливым, и, наверное, многие это понимают. Против человеческой натуры не пойдешь, а если вспомнить, какой нелегкой порой бывает жизнь в браке, меньше всего супругам нужна привлекательная альтернатива. Поведение одной из сторон при этом выглядит некрасиво.

Она состроила гримасу.

– Значит, это и ко мне относится? – спросила она. – Нет, не отвечай. Не стоило спрашивать. – Она заправила за ухо прядь волос, выбившуюся из хвоста. – Я совсем не хотела испортить твои отношения с Вивиан.

– Знаю, – ответил я. – Но не уверен, что ты могла бы испортить их. Откуда мне знать, может, она сейчас где-нибудь в Париже с другим.

– Так ты не знаешь?

– На этой неделе мы с ней разговаривали всего один раз – когда она заявила, что хочет видеть Лондон в течение двух из трех следующих выходных, в том числе когда у дочери будет день рождения. А потом отчитала меня за то, что я разрешил Лондон пропустить хореографию. И объявила, что в ближайшее время с ней будет «трудно связаться», ничего не объяснив. А еще велела мне ночевать у Мардж или моих родителей, пока она в городе. Да, и еще ей осточертела чушь собачья, которую я несу.

Эмили поморщилась.

– Да, я предпочел бы обойтись без такого разговора, – признался я.

– Но ты же понимаешь, что вовсе не обязан давать ей возможность видаться с Лондон каждые выходные. И тем более не должен уезжать из

собственного дома.

– Она говорит, что старается ради блага Лондон.

– А по-моему, она просто хочет добиться своего любой ценой.

– Тоже верно, – согласился я. – Но вместе с тем я понимаю Вивиан. Препятствие мир Лондон был бы разрушен, если бы ей пришлось переселяться в отель на то время, пока мама находится в городе.

– Ее мир уже разрушен, – возразила Эмили. – Почему бы Вивиан просто не перебраться в комнату для гостей?

– Она считает, что тогда Лондон совсем запутается.

– Так предложи, чтобы она укладывалась спать уже после того, как заснет Лондон, и ставила будильник, чтобы просыпаться раньше дочери. А когда вы вместе, просто будьте вежливы друг с другом. Да, это трудно, когда нервы на пределе, но все-таки возможно. И гораздо лучше, чем уезжать из собственного дома всякий раз, когда Вивиан является в город. Это неправильно, такого обращения ты ничем не заслужил.

– Ты права, – признал я, заранее ужасаясь при мысли о том, какой скандал неизбежно вызовет мое предложение. Вивиан умела больно ранить меня, когда ей не удавалось добиться своего.

– Когда мы встретились в кофейне первый раз, я сказала тебе, что видела, как ты высаживал у студии Лондон, – помнишь?

– Помню.

– Я умолчала о том, что некоторое время наблюдала за тобой. И видела, как ты с ней обращаешься, как она обнимает тебя и говорит, что любит. При виде этого любому стало бы ясно, что Лондон в тебе души не чает.

Я покраснел от смущения и удовольствия.

– Ну, поскольку я единственный из родителей, который сейчас с ней...

– Дело не только в этом, Расс, – прервала она. – Для девочек первой любовью становится их отец – часто, но далеко не всегда. Когда я увидела в тот день, как вы прощаетесь, то сразу поняла, насколько вы близки. А потом узнала тебя и поняла, что нужно подойти...

– Погоди-ка...

– Честное скаутское! – Эмили отдала салют бойскаутов. – Ты же меня знаешь. Я живу чувствами. Как любой художник. Или забыл?

Я рассмеялся.

– Ага. – Я смотрел в ее решительные глаза. – Ну и правильно. Не знаю, что бы со мной сейчас было, если бы не встреча с тобой. Ты очень помогла мне.

– Да, вот, значит, как вышло. – Она изобразила притворное сожаление.

– Знаешь, что странно?

– Что?

– У меня не осталось никаких воспоминаний о том, как ты выглядишь, когда сердишься. Не могу припомнить ни одной нашей хоть сколько-нибудь серьезной ссоры. Так что лучше сама скажи мне: ты умеешь злиться?

– Еще как! Имей в виду, в гневе я страшна, – предупредила она.

– Не верю.

– Даже не пытайся проверить. Я как медведь гризли, шакал и акула-людоед, вместе взятые. – Она развела руками. – Звериные метафоры показались мне уместными. Ведь мы в зоопарке.

Осмотрев всех зверей в «Северной Америке» и птичнике, мы вчетвером отправились обедать. Несмотря на постоянные перекусы в течение предыдущих четырех часов, Бодхи одолел целую тарелку куриных наггетсов и картошки фри с шоколадным коктейлем. Лондон съела втрое меньше, но для нее и это было неплохо. Ни Эмили, ни я не успели проголодаться и ограничились бутылкой воды.

– А теперь можно к львам? – спросил Бодхи.

– Сначала – намазаться кремом, – заявила Эмили, и дети дружно вскочили со своих мест.

– Ты молодец, никогда не забываешь про крем. А я – постоянно.

– Ты просто никогда не видел дальних родственников Дэвида. Они живут в австралийском буше, то есть в страшной глуши и захолустье, и глубину морщин на их лицах можно измерить деревянной линейкой. На свете есть немало людей, которые слишком долго находятся на солнце. Но родственники Дэвида, когда я увидела их на свадьбе, неприятно поразили меня. С тех пор я не выхожу из дома, не намазавшись солнцезащитным кремом.

– Значит, вот почему у тебя кожа, как у двадцатилетней.

– Так я тебе и поверила! Но все равно приятно.

Я хотел объяснить, что говорю совершенно искренне, но передумал и принялся собирать подносы с остатками нашего обеда.

– Кто готов отправиться в «Африку»? – спросил я.

Признаться, «Африка» понравилась мне гораздо больше. В детстве я видел аллигаторов в реке Кейп-Фир, ондатр, бобров, всевозможных птиц, даже величественного белоголового орлана и медведя. Когда я был еще мальчишкой, в Шарлотте, через дорогу от моей начальной школы, кто-то заметил медведя, который перебежал через улицу и забрался на дуб. Он был совсем молодой, и хотя в городе медведей видели нечасто, все знали,

что в Северной Каролине они не редкость. Кстати, самый крупный черный медведь был убит в округе Крейвен. Словом, животные, которых мы смотрели в «Северной Америке», не показались мне экзотическими.

Но зебр, жирафов и шимпанзе я никогда прежде не видел и, конечно, ни разу не сталкивался с бабуинами или слонами. Разве что в цирке – мы всей семьей ходили в цирк каждый раз, когда он приезжал в город, – но при виде зверей в среде, напоминающей уголки африканской дикой природы, дети застывали в изумлении. Лондон сделала больше сотни снимков на мой телефон и была в полном восторге.

Мы задерживались надолго у некоторых вольеров, поэтому не успели осмотреть весь зоопарк до конца дня. К тому времени, как мы повернули к машине, дети уже устало плелись за нами.

– Прямо как в сказке про зайца и черепаху, – сказал я Эмили.

– Только зайцы, которые сейчас еле тащатся за нами, пробежали в три раза больше, чем мы прошли.

– Ну, по крайней мере, теперь будут хорошо спать.

– Надеюсь, Бодхи все-таки не уснет в машине. Стоит ему проспать часа два днем, как потом его не уложишь спать и за полночь.

– Об этом я не подумал, – признался я, вдруг озаботившись распорядком дня Лондон. – Как и о том, чтобы прихватить с собой солнцезащитный крем. Или взять в дорогу что-нибудь перекусить. Помоему, я еще только учусь растить ребенка в одиночку.

– Все мы учимся, – поддержала она. – Это и называется «быть родителем».

– Но ты, похоже, знаешь, что делаешь.

– Иногда, – поправила она. – Но не всегда. На этой неделе Бодхи болел, а я никак не могла решить, как быть: то ли нянчить его, то ли делать вид, что простуда – это пустяк.

– Я знаю, как поступили бы мои родители. Если у меня кровь не лилась рекой, не торчали из раны кости и не было настолько высокой температуры, чтобы мог свариться мозг, они пожимали плечами и велили мне терпеть.

– И тем не менее ты благополучно вырос. Значит, я слишком трясусь над Бодхи. А вдруг ему понравится болеть? Ведь на время болезни особое отношение ему обеспечено.

– Почему быть по-настоящему хорошим родителем так трудно?

– Быть по-настоящему хорошим родителем не обязательно, – возразила она. – Достаточно просто не быть плохим.

Обдумывая ее слова, я понял, почему мои родители и Мардж так

любили Эмили. Как и они, Эмили всегда была мудрой.

Глава 19

В поисках своего пути

В своем решении встретиться с Эмили вновь я утвердился еще тогда, на свадьбе в Чепел-Хилле. К тому времени, как разрезали торт и бросили букет, мы с Эмили станцевали столько танцев, что я сбился со счета. Музыкальный ансамбль объявил перерыв, мы вышли на балкон подышать свежим воздухом. Над нами низко в небе висела огромная оранжевая луна, и я увидел, как Эмили смотрит на нее с восхищенным удивлением.

– Интересно, почему она оранжевая, – пробормотал я. И к своему изумлению, услышал ответ Эмили:

– Когда луна находится низко в небе, ее свет проходит через толстый слой атмосферы и к тому времени, как достигает наших глаз, голубая, зеленая и лиловая части спектра рассеиваются, и видимыми для нас остаются только желтая, оранжевая и красная.

– Откуда ты это знаешь? – поразился я.

– Папа объяснил мне это. – Она кивнула в сторону сияющего шара, повисшего над горизонтом. – Видимо, со временем запомнилось.

– Все равно впечатляет.

– Напрасно. Если ты спросишь еще что-нибудь про ночное небо, я вряд ли смогу тебе ответить – ну разве что покажу Большую Медведицу. К примеру, я знаю, что одна или две из этих звезд вон там – скорее всего, планеты, но не смогу сказать, какие именно.

Указывая рукой в ночное небо, я сказал:

– Вон там, прямо над деревьями? Это Венера.

– Откуда ты знаешь?

– Просто она ярче, чем звезды.

Она прищурилась.

– Ты уверен?

– Нет, – сознался я, и она рассмеялась. – Но так мне говорил отец. Он даже будил меня среди ночи, чтобы вместе со мной увидеть метеорный поток.

Ностальгическая улыбка скользнула по ее лицу.

– Мы тоже с отцом его наблюдали, – кивнула она. – А когда ходили в походы, допоздна сидели вместе с Джесс, высматривая падающие звезды.

– С Джесс?

– Моей старшей сестрой. А у тебя есть братья или сестры?
– Сестра, и тоже старшая. Мардж. – Я попытался представить Эмили в детстве, в кругу семьи. – С трудом верится, что ты ходила в походы.

Она нахмурилась.

– Почему?

– Сам не знаю, – ответил я. – Может, потому, что ты выглядишь городской девчонкой.

– И что это значит?

– Ну, знаешь... кофейни, поэтические чтения, выставки, акции протеста, голосование за социалистов.

Она рассмеялась.

– Ясно одно: ты меня совсем не знаешь.

– Но хотел бы узнать получше. – Я вдруг осмелел. – Чем ты любишь заниматься в свободное время?

– На свидание зовешь?

Ее внимательный взгляд слегка смутил меня.

– Если в свободное время ты любишь прыгать с парашютом или стрелять из лука по яблокам, поставив их на чью-нибудь голову, тогда я спросил просто так.

– А если сходить куда-нибудь поужинать и в кино?.. – Она подняла бровь.

– Вот это уже в моем вкусе.

Она приложила палец к подбородку и медленно покачала головой.

– Нет, ужин и кино – это слишком... шаблонно, – наконец заявила она. – А как насчет долгой прогулки пешком?

– Долгой прогулки?

Я перевел взгляд на ее шпильки, с трудом представив себе, как она гуляет под открытым небом, на природе.

– Ага, – кивнула она. – Например, на гору Краудерс. Мы могли бы пройти по туристской тропе до вершины.

– Никогда там не бывал, – признался я. Даже не слышал, что там есть тропа.

– Значит, договорились, – подхватила она. – В следующую субботу – годится?

Я смотрел на нее и вдруг задумался о том, кто кого пригласил на свидание – я ее или она меня? А может, это вообще не имеет значения? Я уже понял, что Эмили удивительная, и нисколько не сомневался, что хочу узнать ее поближе.

* * *

В воскресенье, как только выдался свободный час, я поработал над третьим рекламным роликом и отослал его редактору, это заняло меньше времени, чем я думал. Работать пришлось быстро, поскольку весь оставшийся день я провел с Лондон.

Может, это и неправильно, но с тех пор как Лондон начала ходить в школу, моя жизнь изменилась к лучшему. Как бы я ни любил свою дочь, воскресенья изматывали меня, я с нетерпением ждал, когда наступит понедельник и я уеду в офис, – хотя бы потому, что работать оказалось проще, чем шестнадцать часов подряд развлекать пятилетнего ребенка.

Но мое хорошее настроение испарилось еще до того, как в понедельник утром я отправился в офис. Едва я высадил Лондон у школы, мне позвонил Тальери с просьбой заехать к нему.

Через полчаса я уже сидел напротив него в кабинете. Тальери был без пиджака, в рубашке с закатанными выше локтя рукавами; на его столе громоздилась кипа бумаг – видимо, текущие дела.

– Спасибо, что уделили мне время в такую рань, – начал он. – В пятницу я связался с адвокатом Вивиан. Хотел понять, что она за человек и есть ли возможность провести этот процесс как можно более гладко.

– И что же?

– Увы, она в точности соответствует отзывам о ней. После разговора я зашел на сайт ее фирмы, хотел узнать, как она выглядит. Потому что во время разговора мне представлялось не живое существо, а ледяная статуя – что-либо человеческое в ней отсутствует, температура ниже нуля.

Ее описание сразу же вызвало в моем воображении несколько возможных сценариев, и ни один из них не сулил ничего хорошего.

– И что это значит?

– Это значит, что вам будет гораздо труднее, чем могло быть, – в зависимости от того, насколько сильна ваша решимость бороться до конца.

– Мне важны не столько деньги, сколько Лондон. Я требую совместной опеки.

– Прекрасно вас понимаю. – Он поднял руку. – Я знаю, чего вы хотите. Но не совсем представляю, как это будет выглядеть. Вивиан живет в Атланте, и, поскольку она намерена указать своим постоянным местом пребывания Джорджию, сюда она уже не вернется. Вопрос к вам: согласны ли вы переехать в Атланту?

– Но с какой стати я должен переезжать? Здесь мой дом. Моя семья. Моя работа.

– Вот и я о том же. Даже если вы получите совместную опеку, как вы

намерены осуществлять ее? У вас вряд ли будет возможность часто видаться с Лондон. Именно поэтому, полагаю, Вивиан требует единоличной опеки, а также определения места жительства. Она готова предоставить вам право посещения...

– Нет, – перебил я. – Так дело не пойдет. Я отец ребенка. У меня тоже есть права.

– Да, есть. Но мы оба знаем, что суды склонны отдавать предпочтение женщинам. К тому же адвокат Вивиан сообщила мне, что она с рождения дочери до последнего времени была ее ответственным опекуном.

– Но я же работал, чтобы она могла сидеть дома!

Джоуи вскинул руки и понизил голос, стараясь снять напряжение.

– Знаю, – подтвердил он, – и тоже считаю, что это несправедливо. Но в битвах за опеку отцы всегда оказываются в проигрыше. Особенно в подобных ситуациях.

– Но ведь это она переехала. Она бросила нас!

– По словам адвоката Вивиан, только потому, что вы не оставили ей выбора. Вы больше не могли обеспечивать семью, вы растратили крупную сумму со сберегательного счета. Вивиан была вынуждена искать работу.

– Неправда! Вивиан вышла на работу потому, что ей так хотелось. Я ни к чему ее не принуждал...

Тальери устремил на меня сочувственный взгляд.

– Я вам верю. Я на вашей стороне, Расс. Просто пересказываю то, что услышал от адвоката Вивиан. Кстати, хоть она и Снежная королева и стерва, я ее не боюсь. Ей еще не доводилось сойтись в поединке с таким, как я, а я свое дело знаю. Просто хотел ввести вас в курс дела и подготовить к дальнейшим событиям. Ситуация и без того ужасная, а в ближайшие несколько месяцев наверняка станет еще омерзительнее.

– Что я должен делать?

– Пока – ничего. Еще слишком рано. А что касается соглашения об урегулировании, которое она прислала, сделайте вид, что его не существует. Я подготовлю для вас черновик встречного предложения, у меня уже есть кое-какие мысли на этот счет. Вместе с тем ближайшие пару недель у меня сплошные судебные заседания, поэтому я свяжусь с вами не скоро. Так что не беспокойтесь, если какое-то время от меня не будет никаких вестей. В таких ситуациях возникает естественное желание решить все как можно быстрее, но, как правило, из этого ничего не выходит. Чего я сейчас хочу, так это встретиться с ее адвокатом и поговорить обстоятельно, но даже с этим нет смысла спешить. Сейчас Лондон все еще живет с вами. Вот и хорошо, и чем дольше это

продолжается, тем лучше для вас. Не забывайте, что Вивиан сможет подать на развод самое раннее лишь в марте, так что у нас еще есть время, чтобы составить соглашение, приемлемое для обеих сторон. А пока попробуйте выяснить, возможно ли хоть о чем-нибудь договориться с Вивиан. Я не хочу сказать, что она пойдет на какие-то уступки, мало того, я в этом серьезно сомневаюсь, но попробовать стоит.

– А если она откажется наотрез?

– Тогда продолжайте просто заботиться о Лондон, как делаете это сейчас. Будьте хорошим отцом, уделяйте дочери внимание, следите, чтобы она вовремя приходила на уроки, правильно питалась и хорошо спала. Это очень важно. И помните, что мы всегда можем обратиться к психологу, чтобы он побеседовал с Лондон, а потом представил в суде заключение...

– Нет, – перебил я. – Впутывать Лондон я не собираюсь. Ей не придется выбирать между матерью и отцом.

Он отвел взгляд.

– Даже если вы не одобряете такие методы, Вивиан может настоять на освидетельствовании психолога, если сочтет, что сама от этого выиграет.

– Она не станет, – возразил я. – Она обожает Лондон.

– Именно потому, что обожает Лондон, – сказал он, – не удивляйтесь, что она пойдет на все, лишь бы добиться опеки.

После встречи с Тальери я был зол и напуган сильнее, чем после ухода Вивиан. В офис я прибыл буквально кипящим от ярости. Я позвонил Мардж, передал ей слова Тальери, и когда она сгоряча назвала Вивиан словом, которым обычно именуют самку собаки, я полностью с ней согласился.

Но даже после разговора с Мардж легче мне не стало. В конце концов я позвонил Эмили и предположил пообедать вместе.

Я был взвинчен, потому опасался идти в ресторан и предложил Эмили встретиться в парке возле дома, где повсюду были столы для пикников. Не зная, что обычно ест Эмили, я купил в кулинарии два сэндвича и две порции разных супов. Потом добавил к заказу несколько пакетиков чипсов и две бутылки «Снэппла».

Эмили уже сидела за одним из столов, когда я въехал на усыпанную гравием стоянку. Припарковавшись неподалеку от Эмили, я прихватил еду и направился к ней.

Наверное, я выглядел расстроенным, потому что она порывисто поднялась с места и обняла меня. На ней были шорты, свободная блузка и сандалии вроде тех, в которых она гуляла со мной по полю для гольфа.

– Я бы спросила, как у тебя дела, но и так видно, что день не задался, да?

– Ни к черту, – признался я, заметив, неловкость от прикосновения ее тела. – Спасибо, что согласилась встретиться здесь.

– Не за что. – Она села, я разложил на столе еду и занял место напротив Эмили. Неподалеку от нас дошколята лазили по невысокому деревянному сооружению с покатыми горками, мостиками и качелями. Матери стояли поблизости или сидели на скамейках, уткнувшись в свои мобильники.

– Так что же случилось?

Я рассказал ей о разговоре, который состоялся у нас с Тальери. Она сосредоточенно слушала, хмурясь, а когда я договорил, вздохнула и недоверчиво прищурилась.

– Неужели она на это способна? Впутать Лондон в ссору между вами?

– Тальери считает, что именно так все и будет.

– С ума сойти... – ужаснулась она. – Это же кошмар. Не удивительно, что ты не в себе. Я была бы в ярости.

– Это еще мягко сказано. Теперь меня трясет от одной мысли о ней. И это странно, ведь с тех самых пор, как она ушла, мне хотелось только одного – увидеться с ней снова.

– Да, это нелегко, – кивнула она. – Пока сам не пройдешь через такое, не поймешь, каково это.

– Но ведь с Дэвидом все было не так, да? Ты говорила, что он проявил великодушие, когда речь зашла о деньгах и опеке над Бодхи.

– И все равно это было ужасно. После разрыва он с кем-то встречался, и в течение месяца я постоянно слышала от знакомых, как они видели его с этой женщиной, причем вел он себя так, будто ему на всех наплевать. Это говорило о том, что распад нашего брака и расставание со мной для него ничего не значат. И хотя в итоге он проявил щедрость, начиналось все совсем не радужно. Поначалу он даже поговаривал, что заберет Бодхи в Австралию.

– А разве он смог бы, даже если бы захотел?

– Скорее всего, нет. У Бодхи американское гражданство, но даже эта призрачная угроза стоила мне нескольких недель бессонных ночей. Я представить себе не могла, как это – не иметь возможности видиться с сыном.

Под этими ее словами я бы охотно подписался.

После обеда я вернулся не в офис, а домой. С фотографий на каминной

полке и стенах на меня смотрели десятки глаз, в основном Лондон. Но за все годы, прожитые в этом доме, я впервые заметил, как много среди них профессиональных снимков Лондон и Вивиан и как мало – бесхитростных, простых фотографий дочери со мной.

Уставившись на них, я задумался: с каких пор Вивиан стала считать меня незначительной частью жизни Лондон? Возможно, я придавал фотографиям чрезмерно глубокий смысл – пока Вивиан оставалась с Лондон, я работал, поэтому и не успевал фотографироваться, – но почему же тогда моя жена не заметила и не исправила это упущение? Почему не старалась запечатлеть нас в памятные моменты втроем, чтобы Лондон понимала, что я люблю ее не меньше?

Я не знал, что и думать. Зато отчетливо понимал другое: я не хочу постоянных напоминаний о Вивиан, а значит, кое-что придется поменять. С вновь обретенной решимостью я прошелся по дому, собирая все снимки, на которых была жена. Выбрасывать их я не собирался: некоторые оставил в комнате Лондон, остальные сложил в коробку, которую Вивиан могла забрать с собой в Атланту, и поставил ее в шкаф в прихожей. Потом переоделся в футболку и шорты. И занялся перестановкой мебели в гостиной. Передвинул диваны, кресла, лампы, поменял местами картины в кабинете и гостиной. Не могу сказать, что комната изменилась к лучшему – Вивиан умела со вкусом обставить помещение, – но она определенно стала выглядеть по-другому. Тем же самым я занялся и в кабинете: передвинул письменный стол к другой стене, переставил книжный стеллаж, поменял местами две картины. В большой спальне я оставил кровать на прежнем месте, зато иначе расставил всю остальную мебель, какую только мог, и заменил покрывало другим, найденным в бельеовом шкафу, – раньше мы им не пользовались.

В другом шкафу я разыскал целый склад вещей, и следующие несколько минут заменял привычные вазы, лампы и декоративные миски новыми. От многолетнего шопинга Вивиан есть хоть какая-то польза, думал я: в наших битком набитых шкафах, как в торговом центре, можно найти что угодно.

Вернувшись из школы, Лондон была удивлена.

– Дом как будто новый, папа.

– Да, пожалуй, – согласился я. – Тебе нравится?

– Очень! – воскликнула она.

От ее похвалы у меня на душе стало легче, но я подозревал, что Лондон сказала это не задумываясь. Ей нравилось все – за исключением уроков хореографии.

– Я рад. Только в твоей комнате я ничего не переставлял.
– Если хочешь, можешь переставить клетку.
– А ты хочешь, чтобы я ее переставил?
– Хомяки все еще шумят по ночам. Как только становится темно, начинают греметь колесом.
– Такой образ жизни – ночной.
Она посмотрела на меня как на ненормального.
– Ну какие же они дикобразы? Они хомяки.
– Образ жизни, – отчетливо выговорил я. – Это значит, что они всегда спят днем и бодрствуют по ночам.
– Значит, они не скучают по мне, пока я в школе?
Я улыбнулся.
– Правильно.
Она немного помолчала.
– Пап, а пап...
Мне очень нравилось, как она произносила это слово, собираясь меня о чем-нибудь попросить, и я думал, отучится ли она от этой привычки.
– Что, детка?
– А можно нам покататься на велосипеде?
После утренней тренировки и перестановки мебели я чувствовал себя усталым, но просьба «пап, а пап...» в конце концов победила. Как всегда.

Впервые за все время я не забыл намазать Лондон солнцезащитным кремом.

Правда, был конец сентября и день уже клонился к закату, поэтому моя предусмотрительность была излишней.

Лондон надела шлем, и как только я помог ей сесть и проехать первые метры – тронуться с места самостоятельно ей пока не удавалось, – я вскочил на свой велосипед и нажал на педали, чтобы не отстать.

Если участок дороги возле нашего дома был ровным, то чуть поодаль и на соседних улицах начинались подъемы и спуски. Конечно, не крутые. В детстве я бы даже не заметил их. Мне нравилось носиться по самым опасным склонам, какие только попадались на пути, вцепившись в руль так крепко, что немели пальцы. Но мы с Лондон в этом отношении были совершенно разными. Когда приходилось ехать все быстрее и быстрее, на Лондон нападал страх, поэтому улиц с горками мы избегали.

На первых порах это решение было правильным, но мне казалось, что Лондон уже может попробовать скатиться по некрутому склону, и мы направились к ближайшему из них.

На нашу беду, к вечеру налетели комары, и я увидел, как Лондон прихлопнула одного у себя на руке. Велосипед вильнул в сторону, когда она на секунду отпустила руль, но падения она избежала: после первого урока прошло уже немало времени. На всякий случай я прибавил скорость, догоняя ее.

– Ты уже так хорошо катаешься! – похвалил я.

– Спасибо.

– Может, позovem Бодхи кататься вместе?

– Он пока не умеет, до сих пор ездит с маленькими колесиками.

Только тут я вспомнил, что уже слышал об этом от Эмили.

– Как думаешь, ты уже готова съехать с горки?

– Не знаю. – Она бросила на меня быстрый взгляд. – Они страшные.

– На самом деле не очень, – заверил я. – А ехать еще быстрее так весело!

Лондон снова сняла одну руку с руля и почесала комариный укус на другой. Велосипед опять вильнул.

– Кажется, меня комар ужалил.

– Похоже, – кивнул я. – Только комары не жалят, они кусают.

– Чешется.

– Знаю. Вернемся домой – помажем руку кремом, ладно?

Мы постепенно приближались к холмистому участку дороги и активнее работали педалями, поднимаясь в горку. Склон с другой стороны был короче и немного круче, и, когда мы очутились на вершине холма, Лондон сбавила скорость и затормозила, поставив ноги на землю.

– Ну, что скажешь? – спросил я.

– Как высоко... – В ее голосе послышалась тревога.

– А мне кажется, ты справишься, – подбодрил я. – Может быть, попробуешь?

В детстве я обычно несся под горку, не задумываясь. Правда, это было четверть века назад, и мне казалось, что ездить на велосипеде я умел всю жизнь. Наверное, просто забыл, как неуверенно чувствуют себя новички.

Об этом я вспомнил из-за того, что случилось дальше. Добавлю еще, что если бы не цепочка событий – когда одно связано с другим, как падение одной за другой поставленных рядом костяшек домино, – тогда с большой вероятностью все завершилось бы благополучно. Но нет.

Как только Лондон снова поставила ноги на педали и поехала, велосипед начал вилять все сильнее, от самой середины дороги до левой обочины. Скорее всего, выправились бы, если бы в двадцати ярдах от нас машина не начала выезжать на дорогу задним ходом. Вряд ли водитель

видел нас: двор окружала живая изгородь, маленькую Лондон было сложно заметить. Вдобавок водитель, похоже, спешил. Лондон заметила машину, свернула влево, одновременно прихлопывая еще одного комара. Прямо по ее курсу на прочной опоре стоял почтовый ящик.

Переднее колесо очутилось на границе между асфальтом и обочиной.

– Осторожно! – крикнул я. Велосипед сильно тряхнуло. Лондон попыталась вновь схватиться за руль, но не смогла. Уже догадываясь, что будет дальше, я в ужасе увидел, как переднее колесо вдруг дернулось. Лондон перелетела через руль и с глухим стуком ударилась головой и грудью о почтовый ящик.

Я спрыгнул с велосипеда и бросился к ней, повторяя ее имя. В окне проезжающей машины мелькнуло удивленное лицо водителя, я упал на колени перед Лондон, которая не шевелилась.

Она лежала лицом вниз, неподвижно и совершенно тихо. Я осторожно перевернул ее на спину. Паника захлестнула меня.

Сколько крови!

Господи, господи...

Не знаю, повторял я это вслух или мысленно. Все внутри горело огнем. Глаза Лондон были закрыты, рука безвольно упала на землю, когда я перевернул ее. Она словно спала.

Но это был не сон.

А ее запястье выглядело так, словно кто-то затолкал под кожу половину лимона.

Страх мгновенно поглотил меня, ничего ужаснее я еще никогда не чувствовал. Я молился, чтобы дочь подала хоть какой-нибудь признак жизни, но мне показалось, что прошла уже вечность, а она по-прежнему лежала не двигаясь. Наконец ее веки дрогнули, я услышал резкий вдох. И пронзительный крик.

К тому времени злополучная машина давно уехала. Сомневаюсь, что водитель понял, что произошло. Телефон я с собой не взял и позвонить в службу 911 не мог. Я думал броситься к ближайшему из домов, чтобы позвонить в «скорую», но не мог оставить дочь. Мысли пронеслись в голове мгновенно, я понял, что ей надо в больницу.

В больницу...

Я подхватил дочь на руки и бросился бежать, прижимая ее к себе.

Я мчался по улицам, не чувствуя ни рук, ни ног, одержимый одной-единственной целью.

Добежав до машины, я уложил Лондон на заднее сиденье. Кровь продолжала течь из рваной раны на голове, впитывалась в майку. Казалось,

что ее окунули в красную краску.

Я метнулся в дом за ключами и бумажником, потом снова к машине, захлопнув входную дверь дома так, что зазвенели стекла. Прыгнув за руль, я повернул ключ и рванул с места. Покрышки взвизгнули.

На сиденье за мной Лондон не шевелилась, ее глаза были закрыты.

От выброса адреналина у меня обострились все чувства, я замечал все, что происходит вокруг, и продолжал прибавлять скорость. Пролетев мимо нескольких домов, я чуть притормозил возле знака пешехода и снова сорвался с места.

На главной дороге я обгонял машины и слева, и справа. У светофора лишь слегка притормозил, не обращая внимания на возмущенные гудки других машин.

Лондон лежала молча, не двигаясь.

Поездку, которая обычно занимала пятнадцать минут, я проделал меньше чем за семь и резко затормозил прямо перед приемным покоем «скорой». Снова подхватив дочь на руки, я внес ее в помещение, заполненное людьми.

Медсестра в приемном покое сразу поняла, что случай серьезный, и указала мне на двустворчатые двери.

В смотровой я положил дочь на стол, а через минуту медсестра вернулась с врачом.

Пока я сбивчиво объяснял, что произошло, врач приподнял Лондон веки и посветил фонариком в глаза. Действовал он уверенно и невозмутимо, коротко отдавая распоряжения сестрам.

– Наверное, она без сознания, – чувствуя себя беспомощным, выпалил я, на что врач резким тоном принялся сыпать медицинскими терминами, о которых я не имел понятия. Кровь с лица Лондон стерли, ее запястье осмотрели.

– Что с ней? – наконец спросил я.

– Ей нужна томография, – ответил он, – но сначала надо остановить кровотечение. – Как в замедленной съемке сестра старательно вытерла лицо Лондон антисептической салфеткой, и я увидел, что у нее над бровью рана длиной полдюйма. – Мы можем наложить швы, но я бы порекомендовал обратиться к пластическому хирургу, чтобы сделать шрам как можно менее заметным. Если вы не знаете, к кому обратиться, я посмотрю, кто из врачей сейчас свободен.

Мой новый клиент.

Я назвал фамилию хирурга, и врач кивнул.

– Отличный специалист, – подтвердил он, повернувшись к одной из

сестер. – Выясните, сможет ли он заняться пациенткой. Если нет, узнайте, кто сейчас дежурит.

Еще две медсестры привезли каталку, Лондон пошевелилась и заплакала. Я сразу подбежал, зашептал утешения, но ее взгляд по-прежнему был мутным. Все случилось так быстро...

Пока врач спокойным тоном расспрашивал ее, я думал только о том, что это я уговорил ее съехать с горки.

Что же я за отец?

Каким надо быть идиотом, чтобы подвергнуть ребенка такому риску?

Когда врач обернулся ко мне, мне показалось, что и он задается теми же вопросами. Я увидел, как рану на голове моей дочери накрывают марлевым тампоном и перевязывают.

– Мы заберем ее, – сообщил врач. Не дожидаясь моего ответа, Лондон увезли из смотровой.

Я заполнил бумаги для страховой компании и позвонил Мардж с больничного телефона. Она согласилась заехать ко мне домой и захватить мой сотовый, а потом встретиться со мной в больнице, вдобавок пообещала связаться с Лиз и родителями.

Я сидел в приемной и впервые за долгие годы молился, чтобы моя девочка поправилась, и ненавидел себя за то, что натворил.

Мой отец подоспел первым – он работал в нескольких кварталах от больницы. Выслушав меня, он без каких-либо утешений молча сел рядом. Точнее, рухнул на соседний стул. Он закрыл глаза, а когда наконец открыл их, то постарался не встречаться со мной взглядом.

Только тогда я понял, что он перепуган не меньше моего.

Следующей приехала Лиз, затем моя мама и, наконец, бледная как простыня Мардж. Мама плакала. Лиз сложила руки в замок, словно молилась. Мардж, закашлявшись, схватилась за свой ингалятор.

Отец нарушил молчание:

– С ней все будет в порядке.

Ему просто хотелось верить в благополучный исход.

Мой клиент, пластический хирург, прибыл вскоре после моих родных.

– Спасибо, что приехали, – заговорил я. – Вы не представляете, как много это значит для меня.

– Не стоит благодарить. У меня тоже есть дети, я вас понимаю. Сейчас посмотрим, что можно сделать.

И он исчез за двустворчатymi дверями.

Мы ждали.

Ждали в мучительной неизвестности.

Наконец врачи вышли к нам.

Я попытался разгадать выражения их лиц, но не смог, а они предложили нам проследовать за ними. Впустив нас в один из кабинетов, они вошли следом и закрыли дверь.

– Я практически уверен, что с девочкой все будет в порядке, – без предисловий объявил врач из «скорой». – На томограмме нет никаких признаков субдуральных гематом или других повреждений мозга. Лондон сейчас полностью в сознании и способна отвечать на вопросы. Она понимает, где находится и что с ней случилось. Это хорошие признаки.

Я выдохнул.

– Но поскольку она некоторое время пробыла без сознания, до утра мы оставим ее в больнице и понаблюдаем за ней. Чтобы перестраховаться. В отдельных случаях отеки развиваются со временем, но думаю, этого можно не опасаться. Мы хотим убедиться, что все в порядке. И конечно, в ближайшие несколько дней ей следует вести себя как можно осторожнее. В школу она сможет пойти уже в среду, но от какой бы то ни было физической активности следует воздержаться как минимум на неделю.

– А что с раной у нее на голове?

Ответил мой клиент:

– Рана чистая. Я наложил внутренний и наружный швы. Небольшой шрам будет замечен несколько лет, но со временем исчезнет.

Я кивнул.

– А рука?

– Запястье, – поправил врач из «скорой». – Судя по снимкам, перелома нет, но отек настолько сильный, что у нас возникли сомнения. Запястье состоит из нескольких мелких костей, поэтому пока мы не можем определить, повреждена ли какая-нибудь из них. Пока мы считаем, что это сильный вывих. Вам придется привезти ее на рентген еще раз через неделю или две. А до тех пор она будет носить лонгет.

Без сознания. Шрам. Вывих запястья или еще хуже. Я был опустошен.

– Можно с ней увидеться?

– Конечно, – кивнул врач. – Сейчас ей накладывают лонгет на запястье, потом перевезут в палату. Придется немного подождать. В общем и целом ей повезло. Хорошо, что она была в шлеме. Все могло кончиться гораздо плачевнее.

Слава богу, Вивиан настояла, чтобы Лондон надевала шлем, подумал

я.

Вивиан.

Я совсем забыл позвонить ей.

– Как себя чувствуешь, детка? – спросил я.

Лондон выглядела лучше, чем когда я внес ее в приемную «скорой», но совсем не походила на девочку, которая сегодня днем уверенно села на велосипед. Ее голова была перевязана, ручка казалась крошечной в лонгете. Бледная и хрупкая, она словно тонула в подушках.

Мои родители, Лиз, Мардж – все набились в палату, и после объятий, поцелуев и восклицаний о том, как мы беспокоились, я занял место возле кровати, взял Лондон за здоровую руку и почувствовал, как она слегка сжала мои пальцы.

– Голова болит, – пожаловалась она. – И рука тоже.

– Понимаю. Я так тебе сочувствую, малышка.

– Не люблю крем от солнца, – слабым голосом продолжила она. – От него руль скользкий.

Перед моим мысленным взором возникла картина: Лондон почесывает комариные укусы на руках.

– Об этом я не подумал, – признался я. – Но теперь он нам больше не понадобится – лето уже кончилось.

– А с моим велосипедом все хорошо?

Я вдруг вспомнил, что бросил оба велосипеда на улице. Интересно, убрал ли кто-нибудь мой велосипед с проезжей части? Наверное. Может, даже тот самый водитель. Я почти не сомневался, все останется на своих местах – такой у нас район.

– Думаю, да, а если и нет, мы его починим. Или купим новый.

– А мама приедет?

Обязательно надо позвонить Вивиан, снова подумал я.

– Я узнаю, ладно? Конечно, она захочет поговорить с тобой.

– Ладно, папа.

Я поцеловал ее в макушку.

– Я сейчас вернусь, хорошо?

Все остальные обступили кровать, а я вышел в коридор и направился в сторону лифтов, чтобы поговорить без свидетелей. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из моих близких, а тем более Лондон, услышал разговор, к которому я был не готов. Проверив телефон, я увидел, что Вивиан уже звонила дважды – видимо, хотела поговорить с Лондон. Я перезвонил и почувствовал, как внутри все сжалось.

– Это ты, Лондон? – спросила она, ответив на звонок.

– Нет, это Расс. Я только хотел сразу сказать тебе, что с Лондон все в порядке. Через пару минут я передам ей телефон, но ты не волнуйся, с ней все хорошо.

– А что такое? В чем дело? – Прорвавшийся в голосе страх Вивиан вспыхнул так стремительно, что напомнил мне электрический разряд.

– Мы катались на велосипедах, и она упала. Вывихнула руку, расшибла лоб, так что пришлось везти ее в больницу...

– В больницу?!

– Да. Дай мне договорить, хорошо? – Я сделал глубокий вдох и подробно рассказал, что произошло. К моему удивлению, она не перебивала и не повышала голос. Но ее дыхание стало судорожным и сбивчивым, и к тому времени, как я закончил, в трубке был слышен ее плач.

– Ты уверен, что с ней все в порядке? Или просто успокаиваешь меня?

– Честное слово. Я же сказал: сейчас передам ей телефон. Я просто вышел из палаты, чтобы позвонить тебе.

– Почему же ты раньше не позвонил?

– Прости, виноват. Я был в панике и ничего не соображал.

– Ясно. Я... эм-м... – Она помедлила. – Подожди секунду, ладно?

Ждать пришлось дольше – прошла почти целая минута, прежде чем в трубке снова зазвучал ее голос:

– Я сейчас же выезжаю в аэропорт. Хочу сегодня побыть с ней.

Я собирался сказать Вивиан, что в этом нет необходимости, но вдруг подумал: если бы мы поменялись ролями, я свернул бы горы, лишь бы как можно быстрее очутиться рядом с Лондон.

– Можно мне поговорить с ней?

– Конечно. – Я вернулся в палату Лондон. Она взяла телефон и приложила его к уху, но мне было слышно, что говорит ей Вивиан.

Обо мне она не упомянула, все ее мысли были только о Лондон. Под конец разговора я услышал, как Вивиан попросила отдать телефон мне. На этот раз я не считал нужным выходить из палаты.

– Слушаю, – сказал я в трубку.

– Голос у нее довольно бодрый, – с нескрываемым облегчением сообщила Вивиан. – Спасибо, что дал мне поговорить с дочерью. Я уже в машине, буду у вас через пару часов.

Несомненно, благодаря самолету Спаннермена. Видимо, по этой причине она и просила меня подождать. Чтобы спросить у него.

– Я буду в больнице. Сообщи, когда прилетишь.

– Обязательно.

Вивиан отправила мне сообщение сразу после приземления. На минуту я задумался, не попросить ли уйти моих родных, но сразу передумал. Лондон в больнице, все мы останемся с ней, пока не закончится время, отведенное для посещений. Для этого и существует семья. На этом вопрос закрыт.

Вместе с тем я подозревал, что моим родным хочется встретиться с Вивиан: родители не видели ее больше месяца, с тех пор, как Лондон пошла в школу, а Мардж и Лиз – еще дольше. Наверняка им было интересно узнать, как изменилась Вивиан по сравнению с той прежней, которую они знали несколько лет, и как мы теперь будем общаться друг с другом.

К Лондон пришла медсестра, потом врач снова осмотрел ее и задал несколько вопросов. Голос дочери звучал слабо, но отвечала она правильно. Врач объяснил, что будет следить за ее состоянием в течение следующих нескольких часов. После его ухода я нашел в телевизоре канал, по которому показывали «Скуби-Ду». Лондон смотрела с интересом, но, судя по ее виду, вскоре должна была уснуть.

Вивиан приехала несколько минут спустя. В потертых джинсах, рваных на коленях, черных сандалиях и тонком черном свитере она выглядела как всегда шикарно. Лицо ее было встревоженным.

– Всем привет, – стараясь перевести дыхание, объявила она и скользнула невнимательным взглядом по нашим лицам. – Я постаралась приехать как можно быстрее.

– Мамочка!

Вивиан бросилась к Лондон и осыпала ее поцелуями.

– Ох, милая... попала в аварию, да?

– И лоб поранила.

Вивиан села рядом с Лондон, ее глаза блестели от слез.

– Знаю, папа мне рассказал. Как я рада, что ты была в шлеме!

– Я тоже, – ответила Лондон.

Вивиан снова поцеловала ее в макушку.

– А теперь мне надо поздороваться со всеми, так? А потом я посижу с тобой.

– Хорошо, мамочка.

Поднявшись с постели, она направилась к моим родителям и обнялась с ними, а потом с Мардж и Лиз. Только тогда я вдруг понял, что всего несколько раз видел ее в объятиях моих родных. К моему удивлению, мне достался краткий поцелуй.

– Спасибо за то, что приехали, – сказала она. – Благодаря вам Лондон стало легче.

– Конечно, – отозвалась моя мама.

– Она крепкая, держится молодцом, – добавил отец.

– Время для посещений заканчивается, – вступила в разговор Мардж, – так что мы с Лиз поедem. А вы пока побудьте втроем.

– Нам тоже пора, – закивал отец.

Я вышел вслед за ними в коридор и, как Вивиан, обнял всех по очереди и поблагодарил за приезд. В глазах родных я прочел вопросы, которые они хотели задать, но не решались. А даже если бы отважились, вряд ли я сумел бы на них ответить.

Вернувшись в палату, я увидел Вивиан сидящей рядом с Лондон на кровати. Дочь рассказывала ей о том, как какая-то машина выезжала на дорогу задним ходом и как от солнцезащитного крема руль ее велосипеда стал скользким.

– Наверное, страшно было.

– Очень! А что было потом, я не помню.

– Какая ты смелая.

– Да, я смелая, – деловито ответила Лондон. И добавила: – Хорошо, что ты здесь, мамочка.

– Я тоже рада, что смогла приехать. Это потому, что я очень тебя люблю.

– И я тебя люблю.

Лежа рядом с Лондон, Вивиан обнимала ее, и они вместе смотрели «Скуби-Ду». Я сидел на стуле и наблюдал за ними, испытывая облегчение. Я не только радовался за Лондон. Я все еще верил в то, что Вивиан осталась прежней, несмотря на то, как она обошлась со мной.

Я верил в ее порядочность и сумел отметить, какой тоскливый взгляд у Вивиан. Только теперь я понял, как тяжело ей дается разлука с Лондон. Она страдала от того, что в трудную минуту оказалась вдали от дочери.

У Лондон слипались глаза. Я поднялся, тихо прошел по комнате и выключил свет. Вивиан еле заметно улыбнулась, а мне вдруг вспомнилось, что в последний раз мы втроем находились в больничной палате, когда Лондон не было и одного дня от роду. В тот день я поклялся своей жизнью, что нас не разлучит никакая беда. Мы трое были в то время одной семьей. А теперь все изменилось. Сидя в темноте, я размышлял, переживает ли эту потерю Вивиан так же тяжело, как я.

На следующее утро Лондон выписали из больницы. К тому времени я

уже позвонил в школу и учительнице музыки, объяснил отсутствие Лондон и отменил на неделю ее занятия. Потом сообщил школьной учительнице Лондон, что физической нагрузки в ближайшее время ей следует избегать. Медсестры дали мне какое-то дезинфицирующее средство, и я сумел отчистить заднее сиденье машины – не хотел, чтобы Лондон увидела на нем кровь.

Подписывая бумаги, я оглянулся и заметил, какой усталый у Вивиан вид. Этой ночью мы почти не спали: врачи и медсестры то и дело заходили в палату и будили при этом всех сразу. Я рассчитывал, что Лондон проспит большую часть дня.

– Я тут подумала... – В голосе Вивиан звучала несвойственная ей нерешительность. – Что, если я ненадолго вернусь домой? Чтобы немного побыть с Лондон. Ты не против?

– Конечно, нет, – ответил я. – Лондон будет рада.

– Мне нужно немного вздремнуть и принять душ...

– Пожалуйста. Когда тебе нужно возвращаться?

– Сегодня вечером улетаю. Мы с Уолтером завтра должны быть в округе Колумбия.

– Столько дел, – заметил я.

– Порой слишком много.

По дороге домой я пытался понять, что означает оттенок усталости в голосе, – Вивиан утомилась с дороги или же жизнь с бесконечными поездками и частными перелетами оказалась менее привлекательной для нее.

Я твердил себе, что это ошибка – искать скрытый смысл в каждом слове, интонации, выражении лица. Как это сказала Эмили? «Просто принимай то, что приходит и что остается с тобой. А то, что уходит – отпускай».

Мы подъехали к дому. Я забрал Лондон из машины и, поскольку она уже дремала, отнес прямо в спальню. Вивиан помогла уложить Лондон в постель и направилась в комнату для гостей. Перестановка мебели не могла остаться ею незамеченной, но она промолчала.

Кто-то прислонил оба велосипеда к тому самому почтовому ящику. В багажник машины мой не влез, поэтому я отвез велосипед Лондон домой, переоделся и вернулся за своим. На асфальте я увидел запекшуюся кровь и почувствовал судороги. Я вернулся домой на велосипеде, сходил на пробежку, потом принял прохладный душ. Лондон и Вивиан все еще спали, поэтому и я решил вздремнуть. Закрыв жалюзи в спальне, я заснул как

убитый.

Проснувшись, я застал Вивиан и Лондон в гостиной, они смотрели кино. Вивиан была все в той же одежде, в которой приехала, но успела принять душ, кончики ее волос были все еще влажными. Лондон свернулась клубочком рядом с ней на диване. На журнальном столике я увидел остатки завтрака Лондон – индейки и нарезанной ломтиками груши.

– Как себя чувствуешь, Лондон?

– Хорошо, – ответила она, не отрываясь от экрана.

– Выспался? – спросила Вивиан.

Меня поразила искренность этого вопроса.

– Да, спасибо. – Я указал на тарелку. – Лондон уже поела, а какие у нас планы на ужин? Хочешь, я приготовлю что-нибудь?

– Может, будет проще что-нибудь заказать? Или ты в настроении возиться на кухне?

– Нисколько. Китайскую еду?

Она прижала Лондон к себе.

– Хочешь китайской еды на ужин?

– Ладно, – рассеянно отозвалась Лондон, увлеченная фильмом. При виде повязки на ее голове и лонгета на руке я поморщился, как от боли.

Мне тоже хотелось побыть с Лондон, чтобы выяснить, не сердится ли она на меня за случившееся, но я боялся ненароком нарушить временное перемирие, установившееся между мной и Вивиан. Я ушел на кухню и, съев банан, перебрался в кабинет к компьютеру. Но сосредоточиться на работе так и не смог. Позже я позвонил в китайский ресторан, чтобы заказать ужин.

Мы поели на веранде, как в прежние времена. Потом Лондон искупалась и переоделась в пижаму. Перед сном мы с Вивиан исполнили привычный ритуал: сначала дочери читала она, потом я. Когда я спустился, Вивиан уже ждала возле двери, повесив сумку на плечо.

– Мне пора, – сообщила она. Не померещилась ли мне обреченность в ее голосе? Я снова напомнил себе: анализировать бессмысленно.

– Понял.

Она собралась с духом перед тем как продолжить:

– Я заметила, что ты переставил мебель в доме и убрал почти все фотографии, на которых есть я. Я собиралась спросить об этом раньше, но удачного момента не нашла.

Почему-то мне не захотелось признаваться, что перестановку в доме я затеял в порыве гнева. Но и неправым себя я не считал.

– Как и ты, я просто продолжаю жить, – объяснил я. – Некоторые

семейные фотографии я поставил в комнате Лондон. Потому что мы навсегда останемся ее родителями.

– Спасибо. За то, что подумал об этом.

– Остальные фотографии я сложил в коробку – на случай, если ты захочешь забрать их. Там есть отличные снимки с тобой и Лондон.

– Да, было бы замечательно.

Я вынул из стенного шкафа коробку и увидел, как вспыхнули глаза Вивиан. В этот момент я остро осознал: эпоха существования нас как супружеской пары завершилась окончательно и бесповоротно, и понял, что Вивиан думает о том же.

– Сейчас схожу за ключами и поставлю коробку в багажник, – пообещал я.

– Я сама возьму. Тебе незачем меня подвозить. У дома ждет машина.

Я отдал ей коробку.

– Машина?

– Не стоит оставлять Лондон в доме одну, верно?

Верно, согласился я. Присутствие Вивиан – той самой женщины, на которой я когда-то женился, той, с которой у меня не было будущего, – снова ввело меня в ступор.

– Ну ладно. – Я сунул руку в карман. – Насчет выходных, – сменил я тему, – и моего переселения к Мардж или к родителям...

– Тебе незачем это делать, – перебила меня Вивиан. – Сегодня я поняла, что для этого нет причин. И потом, это несправедливо по отношению к тебе. Я буду спать в комнате для гостей, если ты не против.

– Отлично.

– Но знаешь, я все равно хочу проводить с Лондон как можно больше времени. Только вдвоем. Да, это тоже несправедливо, но я не хочу, чтобы она в конец запуталась.

– Конечно, – согласился я. – Логично.

Она перехватила коробку другой рукой. Я не решался обнять. Словно прочитав мои мысли, она повернулась к двери.

– Увидимся через несколько дней, – пообещала она. – А Лондон я завтра позвоню.

– Договорились. – Я открыл перед ней дверь.

На улице ее ждал лимузин. Вивиан направилась к нему. Я увидел, как водитель, поспешно выйдя из машины, забрал у нее коробку. Вивиан села в машину, а я невольно задумался, насколько естественно выглядят все эти церемонии, словно у нее всегда были лимузин и шофер, а она всегда являлась любовницей миллиардера.

Сквозь тонированные стекла машины ее не было видно. Странная грусть охватила меня, как только я вошел в дом и закрыл дверь.

Минуту я колебался, потом потянулся за своим телефоном.

Эмили ответила после второго гудка.

Мы провисели на телефоне почти два часа. Говорил в основном я, Эмили не раз сумела вызвать у меня улыбку и смех. Каждый раз, когда я задавался вопросом, хороший ли я отец и вообще человек, она уверяла, что меня не в чем упрекнуть. Мне нужно было услышать это. И когда тем вечером я лег спать, закрыв глаза, первым делом я подумал о том, как мне повезло вновь обрести Эмили – такой друг мне нужен больше всего.

Глава 20

Осень

– Люблю осень, – сказала мне Эмили. – Ей «проще покорить, безмолвно вызывая сочувствие к упадку...».

– Что, извини?

– Я про осень, – пояснила Эмили.

– Это я понял. А все, что ты сказала потом, – нет.

– Не я, а Роберт Браунинг. Я только пару слов изменила. Браунинг – английский поэт.

– Не знал, что ты читаешь стихи.

Был октябрь 2002 года, прошло несколько месяцев после того, как мы с Эмили застряли на чертовом колесе. И всего пара недель после Вопиющей Ошибки – той самой, когда я переспал со случайной знакомой из бара. Мардж предостерегала меня, чтобы я не проболтался Эмили, и страшная тайна по-прежнему мучила меня.

Мы устроили двойное свидание – я и Эмили, Мардж и Лиз. И отправились в поместье Билтмор в Эшвилле, которое в течение долгого времени считалось самым крупным частным владением во всем мире. Я побывал здесь в детстве, но с Эмили еще не ездил; эту поездку задумала она и предложила пригласить Мардж с Лиз. Цитировать Браунинга она начала во время дегустации вина с виноградарников Билтмора.

– Я специализировалась на живописи, но слушала и другие предметы, – объяснила Эмили.

– Я тоже. Но о поэзии нам никогда не рассказывали.

– Это потому, что ты специализировался на бизнесе.

– Вот именно, – вмешалась Мардж. – Если ты учился кое-как, это еще не значит, что надо вынуждать Эмили оправдываться.

– Я и не собирался. И вообще, нормально я учился... просто пытаюсь поддержать разговор.

– Не смущайся, Эмили, – посоветовала Мардж. – Он хоть и совершенно примитивный, но в целом неплохой парень.

Эмили рассмеялась.

– Надеюсь. Ведь уже два года прошло. Обидно думать, что время потрачено зря.

– Я здесь, – напомнил я о себе. – Я все слышу.

Эмили хихикнула, Мардж поддержала ее. Лиз благожелательно улыбалась.

– Не обращай на них внимания, Расс. – Лиз накрыла ладонью мою руку. – А если снова начнут к тебе цепляться, мы пойдем смотреть оранжерею, будем держаться за руки, и они лопнут от зависти!

– Слышала, Мардж? – спросил я. – Лиз ко мне подкатывает.

– Флаг в руки, – пожала плечами Мардж. – Я знаю ее пристрастия, ты в них не вписываешься. С ее точки зрения, в тебе многовато Y-хромосом.

– Жаль. А то я знаю не меньше сотни парней, которые не упустили бы шанса позвать ее на свидание.

Мардж улыбнулась Лиз.

– Вот в этом я несколько не сомневаюсь.

На лице Лиз выступил румянец. Я поймал взгляд Эмили, а в ответ она склонилась ко мне и прошептала на ухо:

– По-моему, они идеальная пара.

– Да, – шепнул я в ответ. – По-моему, тоже.

В этот момент угрызения совести нахлынули на меня с новой силой. Меньше чем через неделю я рассказал Эмили о своей Ошибке.

Ну почему я не смог промолчать?

– Никаких синяков? А порезов, кровотечений и в панике звонков в «девять-один-один»?

Высадив Лондон на следующий день у школы, я вернулся домой и застал у себя на кухне Мардж. Тем утром я позвонил ей, чтобы рассказать, как прошла встреча с Вивиан, но она заявила, что предпочитает услышать отчет при встрече.

– Лондон до сих пор мучают боли, но она держится.

– Я не о Лондон. Сейчас я о тебе.

– Все прошло мирно, – заверил я. – И даже на удивление приятно.

– То есть?

– Вивиан не злилась и не старалась внушить мне, что случившееся – моя вина. Она держалась... вежливо.

– Ты же понимаешь, что ни в чем не виноват, все произошло случайно, – возразила Мардж. – Это несчастный случай.

– Да, – согласился я, сам не зная, верю в это или нет.

Мардж отвернулась и закашлялась, а когда полезла за своим ингалятором, я заметил, что ее лицо осунулось.

– Ну а ты как? Вчера вечером ты часто кашляла. – Я нахмурился.

– И не говори. На прошлой неделе два дня провозилась с клиентом, который еле на ногах держался. И только потом этот милашка соизволил сообщить мне, что у него бронхит.

– А у врача ты была?

– Ездила в «неотложную помощь» на выходных. Врач решил, что это вирусное. Надеюсь только, что мне полегчает к нашему отъезду в Коста-Рику.

– Когда вы уезжаете?

– Двадцатого, и пробудем там до двадцать восьмого.

– Хотел бы я знать, каково это – иметь время на путешествия, – немного жалея себя, сказал я.

– Просто замечательно, – заверила Мардж. – Кстати, как у тебя дела с Эмили? Уже рассказал ей, что стряслось с Лондон?

– Да, вчера вечером. После того как уехала Вивиан.

– А-а.

– Что это значит?

– Знаешь, есть такая поговорка: клин клином вышибает.

– Супер.

– Я тут ни при чем. Не я ее выдумала. Хочешь забыть прежние отношения – заводи новые.

– Мы с Эмили просто друзья.

Она потрепала меня по плечу.

– Ага, братишка, рассказывай.

После отъезда Мардж погрузиться в работу было непросто. По эмоциональной напряженности последние два дня соперничали с первыми днями после того, как Вивиан объявила, что влюбилась в Спаннермена. Мои душевные силы были на исходе. Слишком много всего произошло за короткий срок.

Но работа оставалась работой. Важнее всего сейчас было убедиться, что подготовка к съемкам четвертого ролика для Тальери идет по плану. Я связался со всеми, чтобы получить подтверждения и с удивлением обнаружил в ящике письмо, из которого узнал, что третий ролик с участием юной актрисы уже смонтирован и в целом готов.

Он получился настолько удачным, что я принял решение пустить его в эфир вместе с первым, сообщив об этом Тальери, и вскоре получил его согласие. Договариваясь о графике эфиров с кабельной компанией, я ощутил трепет: о *моей* работе – и о *моей* компании! – скоро узнают сотни тысяч зрителей.

С волнением я оставил два сообщения на телефоне танцевальной студии. Мисс Хэмшоу не спешила перезвонить.

Возле школы в кругу одноклассников я увидел Лондон. Она радостно улыбалась, и, хотя к машине шла медленнее, чем обычно, я сразу понял, что у нее выдался хороший день.

– Знаешь, что? – спросила она, когда забралась в машину. – Учительница назначила меня сегодня ее помощницей. Было так здорово!

– И что же ты делала?

– Помогала ей раздавать листочки и собирать их. А на перемене вытирала доску губкой. Зато она разрешила мне порисовать на доске, а потом я опять все стерла. И весь день носила значок «Помощник учителя».

– А как же твой лонгет?

– Я стирала с доски другой рукой. Это легко. А в конце дня мне дали леденец на палочке!

– Похоже, день и вправду удался. Пристегнуть тебя?

Утром мне пришлось помогать ей с ремнем.

– Нет, – ответила она. – Я сама справлюсь. Мне надо еще научиться делать много разных вещей одной рукой.

Я наблюдал, как она сражается с ремнем безопасности. Ей понадобилось больше времени, чем обычно, но она справилась.

Я уже прибавил скорость, когда снова услышал ее голос.

– Пап, а пап...

Я бросил взгляд на нее в зеркало заднего вида.

– Что, детка?

– Мне надо сегодня на танцы?

– Нет, – ответил я. – Врач сказал, что на этой неделе ты должна отдохнуть.

– А-а, – протянула она.

– У тебя сегодня не болела голова? А рука?

– Голова вообще не болит. А рука болит иногда, но я стараюсь быть сильной, как Бодхи.

Я улыбнулся.

– А Бодхи сильный?

– Очень сильный, – закивала она. – Он любого в классе может поднять. Даже Дженни!

Я предположил, что Дженни слишком крупная и рослая для своего возраста.

– Ого! – удивился я. – А я и не знал.

– А можно мне снова в гости к Бодхи? Я хочу поиграть с Пудингом.

У меня перед глазами возник образ Эмили.

– Я спрошу у мамы Бодхи, и если она не против, тогда и я не возражаю. Но не на этой неделе – может быть, на следующей, хорошо? Тебе сейчас нельзя переутомляться.

– Ладно. Мисс Эмили мне нравится. Она хорошая.

– Я рад.

– В зоопарке с ней и Бодхи было весело. Можно мне еще раз посмотреть фотографии на твоём телефоне?

Просматривая фотографии, она вспоминала животных, которых видела, и, пока болтала, ни словом не упомянула Вивиан, хотя виделась с ней не далее как вчера.

Я понял: как бы там ни было, Лондон уже привыкла к тому, что рядом с ней всегда я один.

Накануне Лондон почти весь день провела перед телевизором, поэтому мне хотелось занять её чем-то ещё. В то же время ей требовался покой, а рисование увлекало её ненадолго, и я немного растерялся. По дороге домой из школы я неожиданно для себя свернул к «Уолмарту» и купил там настольную игру под названием «Лети скорее, сова!». На коробке было написано, что цель игры – помочь совам вернуться в гнездо до того, как взойдет солнце. Каждый игрок должен вытягивать цветную карту и передвигать свою сову к гнезду, а если достанет карту с солнцем, времени до рассвета останется меньше. Выигрывает тот, чья сова успела вернуться в гнездо вовремя.

Мне показалось, что эта игра будет по силам нам обоим.

Очутившись в отделе игрушек, Лондон пришла в восторг, металась от одного стеллажа к другому, периодически останавливаясь возле приглянувшихся игрушек. Несколько раз она снимала с полки понравившуюся и спрашивала, нельзя ли её купить, и хотя меня так и подмывало согласиться, я не сдавался. Почти все, что она показывала мне, заняло бы её максимум на несколько минут, к тому же шкаф и полки ломились от подобных безделушек.

Зато игра с совами имела успех. Правила были просты, поэтому Лондон быстро усвоила их. Расположившись за кухонным столом, мы сыграли четыре партии, и только потом Лондон сказала, что устала.

После она попросила немного посмотреть телевизор и, зевая, улеглась на диван. Может, дело было в том, что я ещё слышал резкий голос Вивиан у себя в голове, но, так или иначе, я счел нужным сообщить о несчастном случае с Лондон мисс Хэмшоу. На мой звонок она не ответила, и я понял,

что придется встретиться с ней лично.

Объяснив, что нам надо съездить в балетную студию, я усадил Лондон в машину. Мисс Хэмшоу я разыскал в зале с зеркальной стеной. Лондон попросила разрешения остаться в машине. Мисс Хэмшоу сначала делала вид, будто не замечает меня, но потом все же соизволила подойти.

– Лондон в понедельник не было на уроке, – начала она с явным недовольством.

– Она каталась на велосипеде, сильно упала, – объяснил я. – Я оставил вам пару сообщений на голосовой почте. Лондон провела ночь в больнице. Ей уже лучше, но прийти на занятие ни сегодня, ни в пятницу она не сможет.

Выражение лица мисс Хэмшоу не изменилось.

– Рада слышать, что с Лондон все в порядке, но ей предстоит выступление. Она обязана посещать занятия.

– Врач сказал, что на этой неделе ей нужен покой.

– Тогда, к сожалению, Лондон не сможет выступить на концерте в следующую пятницу.

Я растерялся.

– Что, простите?

– Лондон пропустила уже два занятия. Если она пропустит третье, то лишится возможности участвовать в концерте. Возможно, это решение кажется вам несправедливым, но в этой студии действуют такие правила. Ей сообщили об этом при записи.

– Но ведь она впервые пропустила занятие по болезни, – не веря своим ушам, возразил я. – В понедельник она была без сознания.

– Сожалею, – без малейшего сочувствия в голосе отозвалась мисс Хэмшоу. – И как я уже сказала ранее, я рада, что она поправляется. Но правила есть правила. – Она скрестила на груди костлявые руки.

– Это из-за того, что ей надо репетировать? Она играет роль дерева и показывала мне, что должна делать. Если на следующей неделе она появится на занятиях, то времени ей с избытком хватит, чтобы доучить свои движения.

– Вы не понимаете. – Губы мисс Хэмшоу сжались в тонкую линию. – В моей студии действуют правила, потому что ученики и их родители всегда находят важные причины, чтобы пропускать занятия. Кто-то болеет, у кого-то приехала бабушка или задали много уроков. За годы работы я слышала все мыслимые оправдания и отговорки, а я не могу прививать стремление совершенствоваться людям, которые настолько необязательны и безответственны.

– Но Лондон не участвует ни в каких конкурсах, – возразил я. – Она не прошла отбор.

– Значит, ей надо заниматься больше.

Я подавил в себе желание объяснить мисс Хэмшоу, что думаю о ее нелепых армейских порядках, и вместо этого терпеливо спросил:

– Скажите, а как я должен был поступить? Если врач сказал, что ей необходимо ограничить физическую нагрузку?

– Она могла прийти на занятие, просто посидеть в уголке и посмотреть.

– Сейчас у нее болит голова, она устала. А в пятницу ей будет скучно просто сидеть.

– Пусть ждет рождественского концерта и готовится к нему.

– Чтобы опять быть деревом? Или елочным украшением?

Мисс Хэмшоу выпрямилась, гневно раздув ноздри.

– В классе есть и другие ученицы, которые демонстрируют гораздо больше прилежания.

– Это абсурд! – выпалил я.

– Все так говорят, когда не желают соблюдать правила.

Дома мы с Лондон доели остатки китайской еды. Позвонила Вивиан, и к тому времени, как разговор по видеосвязи закончился, у Лондон уже слипались глаза.

Я решил пропустить купание и помог Лондон сразу надеть пижаму. В постели я прочитал ей короткую книжку, и она уснула моментально, как только я погасил свет. Спускаясь по лестнице, я твердил себе, что за остаток вечера должен сделать хоть что-нибудь по работе. Но был совершенно не в настроении.

И вместо того чтобы работать, позвонил Эмили.

– Привет, – сказала она. – Как дела?

– Так себе.

– Как Лондон? Бодхи рассказывал, что она была помощницей учительницы, значит, наверняка поправляется.

– Да, и очень обрадовалась, что выбрали ее, – подтвердил я. – С ней все хорошо, только немного устала. А ты чем сегодня занималась?

– Работала над одной из картин для выставки. Вроде бы дело движется к концу, а я по-прежнему действую наугад. Над этой картиной я могла бы работать всю жизнь, но так и не закончить ее.

– Я бы хотел на нее посмотреть.

– В любое время. К счастью, с другими картинами работа

продвигается быстрее. По крайней мере, пока. – По голосу я понял, что она улыбается. – Ну а ты сам как? Даже представить себе не могу, как ты перепугался. Я, наверное, до сих пор не отошла бы от шока.

– Да, было тяжело, – признался я. – Да и сегодня расслабиться не удалось.

– Что-то случилось?

Я рассказал о разговоре, который состоялся у меня с мисс Хэмшоу.

– Значит, выступать Лондон не будет? – спросила Эмили, когда я закончил.

– По-моему, ей не очень-то этого и хотелось. Жаль, что Вивиан с таким упорством настаивает, что она должна заниматься танцами. Мне кажется, Лондон это занятие совсем не по душе.

– Так разреши ей больше не ходить туда.

– Не хочу лишний раз ссориться с Вивиан. И тем более втягивать во все это Лондон.

– А тебе никогда не приходило в голову, что, постоянно пытаясь ублажить Вивиан, ты только подливаешь масла в огонь?

– То есть как?

– Если ты сдаешься всякий раз, стоит только Вивиан разозлиться, она понимает, что от нее требуется только показать злость, чтобы добиться своего. Я вот о чем: ну, разозлится она – и что с того?

Она не добавила «разведется с тобой?», но я прочитал это между строк. Может, из-за этого все и пошло наперекосяк в наших отношениях? Потому что я не смел возразить Вивиан? Старался избегать конфликтов? И Мардж имела в виду именно это?

«На самом деле твоя беда в том, что ты всегда был слишком хорошим – себе во вред».

Я молчал, а Эмили продолжала:

– Не знаю, имеет ли то, что я сказала, хоть какое-то отношение к твоей ситуации. Возможно, я ошибаюсь. Я говорю это не потому, что хочу, чтобы вы ссорились. Просто ты – отец Лондон, ты имеешь ровно столько же прав, сколько Вивиан, чтобы принимать решения в отношении Лондон. В последнее время у тебя на это даже больше прав, чем у нее, ведь это ты взял на себя все заботы о дочери. Сейчас ты ответственный опекун Лондон, а не Вивиан, а ты по-прежнему доверяешь суждениям Вивиан больше, чем своим собственным. По-моему, Лондон счастлива и довольна, а это значит, что ты все делаешь правильно.

– И... как же я должен поступить, по-твоему? – спросил я, пытаясь осмыслить ее слова.

– Почему бы тебе не поговорить с Лондон и не спросить у нее, чем она сама хочет заниматься? А потом – довериться своей интуиции.

– Послушать тебя, так это проще простого.

– Давать советы всегда легко, разве ты еще не понял? – Она засмеялась, чем подбодрила и успокоила меня.

– Знаешь, я слушаю тебя и думаю о том, как ты похожа на Мардж.

– Сочту за комплимент.

– Так и есть.

Мы с Эмили проболтали еще час, и, как всегда после разговоров с ней, мне стало легче. Появилось ощущение твердой земли под ногами. Я снова стал самим собой и следующий час провел за компьютером, успев частично выполнить дела, намеченные на завтра.

Утром, пока Лондон ела хлопья, я рассказал ей о разговоре с мисс Хэмшоу.

– Значит, я не буду танцевать на концерте?

– К сожалению, не будешь, детка... Ты очень расстроилась?

Реакция Лондон последовала незамедлительно.

– Да нет, ничего. – Она пожала плечами. – Мне все равно не хотелось быть деревом.

– Если это тебя утешит, по-моему, ты была замечательным деревом.

Она уставилась на меня так, словно на моих ушах выросла кукуруза.

– Но это же дерево, папа! Бабочка может двигаться. А дерево – нет.

– Хм-м... Логично.

– А в пятницу мне надо на танцы?

– А ты хочешь?

Вместо ответа она пожала плечами. Понять смысл этого жеста было нетрудно.

– Если не хочешь, не надо. Ходить на танцы нужно только в том случае, если тебе это нравится и ты этого хочешь.

Минуту Лондон задумчиво смотрела на зефиринки, плавающие в ее миске с хлопьями «Лаки чармс». Пауза затянулась, но наконец Лондон сказала:

– Нет, больше не хочу. Мисс Хэмшоу меня не любит.

– Ну и ладно. Тебе больше незачем ходить на танцы.

Лондон замялась, а когда подняла глаза на меня, я заметил на ее лице тревогу.

– А что скажет мама?

Наверняка разозлится, мысленно ответил я.

– Она поймет. – В эти слова я постарался вложить больше уверенности, чем чувствовал.

Высадив Лондон у школы, я отправился на киностудию, где у меня была назначена встреча с дрессировщиком и его бульмастифом Гасом.

Главной идеей следующего ролика было *упорство*. По сюжету Гас должен был трепать собачью игрушку, вцепившись в нее мертвой хваткой. Кадры с бульмастифом предполагалось чередовать с текстом: «Если на работе вы получили травму, вам нужен решительный и упорный адвокат. Звоните Джоуи Тальери. Он не сдастся, пока вы не получите все деньги, которые вам причитаются».

Бульмастиф Гас оказался талантливым актером, так что съемки завершились еще до полудня.

В этот день Лондон вернулась из школы не такая радостная, как накануне. Ограничить ее физическую активность и просмотр телевизора было нелегко, требовалась недюжинная изобретательность, и я решил свозить ее в зоомагазин. Все равно надо было пополнить запасы опилок для хомяков, и я подумал, что Лондон понравится разглядывать пестрых рыбок.

Аквариумов в зоомагазине насчитывалось не менее пятидесяти, на каждом висела табличка с описанием разных видов рыбок. Мы с Лондон провели в магазине больше часа, переходя от одного аквариума к другому и читая названия их обитателей.

Не океанариум, конечно, но не такой уж плохой способ провести время.

Потом Лондон немного поиграла со щенками кокер-спаниеля, которые резвились в вольере с невысокими бортиками. Малыши были очень милыми, но Лондон не стала просить о покупке одного из них, и я вздохнул с облегчением.

– Было здорово, папа, – сказала она, пока мы шли к машине и я нес под мышкой мешок с опилками и пакеты с кормом для хомяков.

– Я знал, что тебе понравится.

– Нам обязательно надо завести рыбок. Они такие красивые!

– Чистить аквариумы еще труднее, чем клетки для хомяков.

– Папа, ты справишься, я точно знаю.

– Может быть. Но не представляю, куда мы поставим аквариум.

– Можно поставить его на кухонный стол!

– Это мысль. А где мы будем есть?

– А есть будем на диване.

Я не сдержал улыбку. Как же мне нравилось болтать с дочерью!

По пути домой я заехал в супермаркет за ингредиентами для кесадила с курятиной по рецепту, который дала мне Лиз.

Ужин готовила Лондон, я только следил за каждым ее шагом и нарезал курятину после того, как она обжарила ее. В остальном Лондон справилась практически самостоятельно. Приготовила курятину, разложила кусочки по лепешкам-тортильям, присыпала тертым сыром, свернула лепешки, а потом, по одной положив их в сковородку, подрумянила с обеих сторон.

Когда ужин был готов, она попросила меня накрыть на стол. Я принес две тарелки с едой, приборы и два стакана молока.

– Выглядит аппетитно и пахнет замечательно.

– Надо сфотографировать наш ужин и послать тете Лиз и тете Мардж. Пока мы не начали есть.

– Хорошо. – Лондон сфотографировала обе тарелки и отправила сообщения на два номера.

– Откуда ты знаешь, как это делается? – удивился я.

– Мама научила. И Бодхи тоже умеет, он мне показывал на телефоне мисс Эмили. По-моему, я уже большая, мне нужен свой телефон.

– Пожалуй. Будем общаться только по телефону?

Она смешливо закатила глаза.

– Ну, ешь теперь, – велела она.

Я отломил кусочек лепешки и положил в рот.

– Ух ты! – воскликнул я. – И вправду очень вкусно. Молодец, постаралась!

– Спасибо. Не забывай запивать молоком.

– Ладно. – Я уже забыл, когда в последний раз пил молоко. Оно оказалось вкуснее, чем я думал.

– Невероятно, – вырвалось у меня. – Глазам не верю, какая ты уже большая.

– Мне скоро будет шесть.

– Знаю. А ты уже решила, что хочешь в подарок на день рождения?

Она задумалась.

– Может, аквариум, – наконец сказала она. – И много-много красивых рыбок. Или пуделя, такого, как Пудинг.

Похоже, с поездкой в зоомагазин я все-таки погорячился.

Уложив Лондон спать, я позвонил Эмили.

Она уже была в постели, и между нами, как всегда, завязался легкий

разговор, в котором смешались воспоминания о наших прежних встречах и обсуждение подробностей нынешних дел. Разговор продолжался почти сорок минут, и когда я повесил трубку, меня вдруг осенило: Эмили стала не просто неотъемлемой частью моей жизни, а лучшим, что в ней есть.

В пятницу днем Вивиан сообщила, что приезжает часов в девять-десять. К тому времени Лондон полагалось уже спать.

Получив это известие, я на минуту задумался: может, она чего-то ждет от меня, поскольку знает, что к моменту ее приезда Лондон наверняка уснет? Неужели Вивиан захочет поговорить? Или посмотреть телевизор в гостиной? Или же, напротив, сразу уйдет к себе, в комнату для гостей? И что буду делать все выходные я сам?

Я пытался повторять мантру, которой научила меня Эмили, но она не помогала. Видимо, в глубине души все еще жило стремление угодить Вивиан.

Старые привычки живучи.

Поскольку хореография выпала из расписания, я решил устроить для Лондон еще один вечер свидания, надеясь, что в этом случае она не заснет до приезда Вивиан. Мне показалось, что пригласить дочь на ужин и в кино было бы неплохо, и мне даже удалось найти детский фильм, который заканчивался довольно рано, и мы могли вернуться домой к девяти. Потом Лондон пойдет купаться, и, если нам повезет, в это время как раз приедет Вивиан.

Я поделился своими планами с Лондон, когда забирал ее из школы, и едва мы вернулись домой, она помчалась вверх готовиться к выходу.

– У тебя еще уйма времени! – крикнул я вслед. – Нам выезжать только в половине шестого.

– А я хочу начать заранее! – услышал я в ответ.

К четырем она была уже одета и зашла ко мне в кабинет, где я завершал доработку заставок и надписей, которые планировал вмонтировать в ролик с бульмастифом.

Для сегодняшнего свидания Лондон выбрала белую блузку, белую юбку, белые туфельки и колготки, а волосы украсила белым ободком.

– Выглядишь превосходно, – похвалил я, мысленно вычеркивая из списка возможных мест для ужина итальянские рестораны. Одно неосторожное движение – и ее наряд будет непоправимо испорчен.

– Спасибо. Вот только пластырь на лбу мне не нравится. И лонгет тоже.

– Я их даже не заметил, – успокоил я. – Ты будешь самой красивой девочкой во всем ресторане!

Она просияла.

– Когда поедem?

– У нас в запасе еще полтора часа.

– Хорошо, – кивнула она. – Я пока посижу в гостиной.

– Поиграй с Барби, – предложил я.

– Не хочу помять одежду.

Ах, да. Конечно.

– А чем бы тебе хотелось заняться?

– Не знаю. Лишь бы не запачкаться.

Я задумался.

– Хочешь, опять поиграем в «Лети скорей, сова!»?

Она захлопала в ладоши.

– Да!

Мы поиграли часок, потом я ушел переодеваться. Как и в прошлый раз, я выбрал слаксы, блейзер и новые стильные мокасины. Лондон ждала меня в прихожей. Для пущей торжественности я поклонился, открывая перед ней дверь.

Мы поужинали в стейк-хаусе классом выше среднего. После пары минут чинного «взрослого» разговора Лондон снова защебетала как обычно. Мы обсудили и Бодхи, и ее школьную учительницу, и школу, и рыбок для ее аквариума.

Потом мы отправились в кино, и фильм – а может, и съеденный изюм в шоколаде – настолько взбодрил Лондон, что она с нетерпением ждала приезда мамы. Сразу же после возвращения домой Лондон побежала наверх, быстро выкупалась и переоделась в пижаму.

Вивиан приехала вскоре после того, как я приступил к вечернему чтению. Лондон выскочила из постели и понеслась вниз. Я последовал за ней. В объятиях Лондон Вивиан зажмурилась от удовольствия.

– Как я рада, что ты еще не спишь, – призналась Вивиан.

– Я тоже. А у нас с папой был вечер свидания! Мы ездили ужинать, потом смотрели фильм и говорили про мой аквариум.

– Аквариум?

– Подарок на день рождения, – пояснил я. – Как ты?

– Хорошо. Только поездки изматывают, особенно в час пик.

Я кивнул, почему-то чувствуя себя лишним. И указал в сторону лестницы.

– Я уже почитал ей, так что теперь твоя очередь.

Вивиан повернулась к Лондон:

– Хочешь, теперь я тебе почитаю?

– Да! – радостно воскликнула Лондон. Я провожал их взглядом, пока они поднимались по лестнице. И хотя в доме со мной были жена и дочь, мне вдруг стало очень одиноко.

Я ушел к себе в спальню. Разговаривать с Вивиан мне не хотелось. Я читал, лежа в постели, и старался не думать о том, что Вивиан проведет ночь под одной крышей со мной.

Представив, как Вивиан прокрадывается ко мне в спальню, я задумался, как поступил бы в этом случае. Уступил бы на том основании, что мы все еще женаты? Или обрадовался последнему шансу? Или же решительно отказал ей, как Эмили, когда к ней подкатывал Дэвид?

Мне хотелось думать, что я поступил бы как Эмили, но сомневался, что мне хватит силы воли. И все-таки я понимал: если что-то произойдет, лучше от этого не станет. Хотя общего будущего у нас быть не может, Вивиан продолжает цепко удерживать меня. Мало того, я подумал, что испытаю угрызение совести. Потому что, представляя себе, как вновь занимаюсь любовью с Вивиан, я вдруг отчетливо понял: мне хочется, чтобы на ее месте оказалась Эмили.

Утром я проснулся рано и настроился на длинный день. Принял душ, приготовил себе завтрак и уже пил вторую чашку кофе, когда на кухне появилась Вивиан. Она была в пижаме, которую я подарил ей на день рождения пару лет назад. Подойдя к кухонному шкафу, она достала пакетик чая и долила воды в чайник на плите.

– Выспалась? – спросил я.

– Да, спасибо. Матрас в комнате для гостей лучше, чем мне казалось. Наверное, просто устала.

– Ты уже решила, чем вы займетесь с Лондон сегодня после занятия в студии?

– Чем-нибудь, не требующим большого напряжения. Ей все еще надо беречься. Мы могли бы сходить в Музей открытий, но сначала надо выяснить, чего хочет она сама.

– Я в офис, – сообщил я. – Надо как можно раньше закончить с делами для пластического хирурга, ведь он бросил все и примчался, чтобы помочь Лондон.

– Поблаговари его от моего имени за прекрасную работу, я рассмотрела шов еще той ночью.

Чайник засвистел, Вивиан залила водой пакетик в своей чашке. Некоторое время она колебалась, сесть ли со мной за стол, и наконец села.

– Я хотел кое-что сказать тебе, – начал я. – Насчет танцев.

– Насчет танцев? Что? – Вивиан осторожно поднесла к губам чашку.

Я рассказал ей все по порядку, стараясь изъясняться как можно короче и упомянув, что Лондон не разрешили участвовать в концерте.

– М-да... – откликнулась Вивиан. – А ты объяснил ей, что Лондон попала в больницу?

– Объяснил. Это не помогло. А Лондон сказала прямо, что заниматься больше не хочет. Она считает, что мисс Хэмшоу ее не любит.

– Если не хочет, тогда не заставляй ее. Это же просто танцы.

Вивиан выразительно пожала плечами. Будто никогда и не настаивала, чтобы Лондон посещала занятия. Упомянуть об этом не стоило, но я уже в который раз задумался, удастся ли мне хоть когда-нибудь понять, как устроена Вивиан.

Лондон спустилась, пока мы сидели на кухне. Еще вялая после сна, она прошлепала к столу.

– Привет, мама и папа. – Она обняла нас обоих.

– Что будешь на завтрак? – спросила Вивиан.

– «Лаки чармс».

– Хорошо, милая, – кивнула Вивиан. – Сейчас принесу.

Я сложил газету и встал, стараясь не выдать удивления тем, как легко Вивиан отозвалась на просьбу Лондон дать ей хлопья в сахарной глазури.

– Ну, дамы, хорошего вам дня, – попрощался я.

Почти весь день я провел за компьютером, дорабатывая технические детали рекламной кампании для пластического хирурга. Осталось только выложить видео с отзывами пациентов на сайт. Всю информацию я отправил своему веб-дизайнеру, затем разослал пациентам напоминания о том, что съемки состоятся во вторник.

Было уже без нескольких минут шесть, когда я встал из-за стола и отправил Вивиан сообщение с вопросом, когда Лондон собирается лечь спать, чтобы я успел почитать ей. На этот раз Вивиан ответила незамедлительно. Обед я пропустил, поэтому перехватил сэндвич в кулинарии напротив и решил позвонить Эмили.

– Я не вовремя? – спросил я, одновременно наводя порядок на своем столе.

– Наоборот, – ответила она. – Бодхи играет у себя в комнате, а я как раз

убиралась на кухне. Как проходят выходные?

– Пока что неплохо. Я весь день провел в офисе, переделал кучу дел. Собираюсь домой, чтобы почитать Лондон.

– Я сегодня видела ее в студии. И Вивиан тоже.

– Как прошла встреча?

– Я долго не задержалась, – сообщила она.

– И правильно. Мне тоже надо куда-нибудь скрыться от Вивиан сегодня вечером. Не стоит искушать судьбу. А у тебя какие планы на вечер?

– Никаких. Закончить уборку на кухне, посмотреть телевизор. Может, выпить бокал вина после того, как Бодхи уснет.

Запретные мысли о близости с Эмили всплыли в памяти, как накануне вечером. Я решительно отогнал их.

– Составить тебе компанию? – спросил я. – После того, как я уложу Лондон? Я мог бы заехать на часок-другой. Заодно посмотрю картину, над которой ты работаешь.

Она помедлила, и я подумал, что она мне откажет. Но услышал в ответ:

– Было бы неплохо.

Я вернулся домой как раз, когда Лондон укладывалась спать, и мы с Вивиан, как обычно, по очереди ей почитали. Лондон рассказала мне, как прошел ее день – вдобавок к занятиям в студии и Музее открытий они съездили в торговый центр. К тому времени, как я погасил свет, Вивиан уже ушла в комнату для гостей и закрыла дверь.

Я постучал и услышал ее голос за дверью:

– Да?

– Я уеду ненадолго. Вернусь к одиннадцати.

Я подумал, что услышу от нее «куда ты едешь?», но за дверью было тихо.

– Хорошо, – помолчав немного, сказала она. – Спасибо, что предупредил.

Эмили приколола к двери записку, приглашая меня войти и сообщая, что ждет на веранде.

Я прошел через дом тихо, стараясь не разбудить Бодхи и чувствуя себя подростком, улизнувшим из родительского дома. Интересно, вырастает ли когда-нибудь ребенок, который есть в каждом из нас?

Эмили была босиком, в джинсах и красной блузке. Она сидела, положив ноги на низкой скамье вдоль перил веранды, рядом с ней стояло второе кресло. На столе я увидел откупоренную бутылку вина и пустой

бокал. В руке Эмили держала почти допитый бокал.

– Ты как раз вовремя, – сказала она. – Я только что проведала Бодхи – он спит как убитый.

– Лондон тоже.

– Вот, пришлось начать без тебя. – Она указала на свой бокал. – Угощайся.

Я налил себе вина и сел рядом с ней.

– Спасибо за приглашение.

– Когда друг говорит, что ему надо где-то скрыться, моя дверь открыта для него. Ну, так как у тебя дела?

Я обдумал вопрос и ответил:

– Мы не ссорились, но и почти не виделись друг с другом. Вообще-то странно это. В доме постоянно ощущается неловкая и гнетущая атмосфера.

– Эмоции – штука тяжелая, – подтвердила она. – А времени прошло еще слишком мало. Как Лондон чувствовала себя вечером?

– Отлично. Она хорошо провела день с мамой.

– Как думаешь, она уже поняла, что произошло?

– Мне кажется, она заметила: что-то изменилось. И больше ничего.

– Может, это даже к лучшему. Знаешь, непросто в такой ситуации не перепугать ребенка.

Я кивнул, признавая ее правоту.

– Часто ты здесь сидишь?

– Следовало бы чаще. Порой даже забываю, как тут здорово. Обожаю смотреть на звездное небо сквозь ветки деревьев и слушать сверчков. – Она встряхнула головой. – Не знаю... по-моему, я все-таки погрязла в рутине. Потому, наверное, до сих пор даже не попыталась выставить дом на продажу. Обленилась.

– Нет, это не лень. Просто мы – рабы привычек. – Я отпил вина. Некоторое время я не решался нарушить уютное молчание. Потом сказал: – Знаешь, я должен поблагодарить тебя.

– За что?

Я увидел, как она повернулась ко мне, в сумерках вглядываясь в мое лицо.

– За то, что разрешила мне приехать. За телефонные разговоры. За советы, которые ты мне даешь. За то, что терпишь мою растерянность, смятение и жалобы. За все.

– Для этого и существуют друзья.

– Эмили, мы давние знакомые, – продолжал я. – Нашей дружбе уже много лет, а последние пятнадцать из них мы не виделись. Но каким-то

образом за считанные дни ты снова стала моим лучшим другом.

Я увидел, как ее глаза блеснули, словно звезды.

– Однажды я прочла слова, которые мне накрепко запомнились. Вот они: дружба – это не количество лет, прошедших после знакомства. Это прежде всего человек, который входит в твою жизнь и говорит: «Я рядом, когда я тебе нужен», и доказывает это делом.

Я улыбнулся.

– Неплохо сказано.

– Расс, ты как будто считаешь себя моей обузой. Но это не так. Хочешь верь, хочешь – нет, но мне нравится разговаривать с тобой. Нравится, что мы вновь стали друзьями. Если не считать Грейс и Маргерит, у меня нет никого, кроме Бодхи. И еще есть что-то... даже не знаю, как сказать... что-то теплое в краткости наших объяснений: незачем уточнять, кто мы такие и откуда идем. Все и так уже известно.

– Хочешь сказать, я удобен, как разношенный башмак?

Она засмеялась.

– Любимый башмак... да, пожалуй. Тот, который в точности подходит по размеру и который никакими другими не заменишь.

От нее исходило искреннее тепло, и его ощущение удивительно ободряло и успокаивало, – я вдруг понял, что именно этого мне не хватало на протяжении долгих лет жизни с Вивиан.

– Вот и я так думаю, Эм. – Я посмотрел ей в глаза. – Честное слово.

Она помолчала, покачивая бокал в руке.

– Помнишь, как мы застряли на чертовом колесе? Во время фейерверков?

– Помню, – кивнул я.

– Я думала, в ту ночь ты сделаешь мне предложение, – тихо продолжила она. – Но ты его не сделал, и я была так... разочарована.

– Мне очень жаль, – сказал я чистую правду.

– Не извиняйся, это глупо, – отмахнулась она. – Я вот о чем хочу сказать: если бы я согласилась и мы поженились, у меня сейчас не было бы Бодхи, а у тебя – Лондон. И какими мы были бы тогда? Возможно, развелись бы. Или ненавидели бы сейчас друг друга.

– А по-моему, у нас все получилось бы.

Ее улыбка показалась мне меланхоличной.

– Может быть. Теперь уже не узнать. Но мы оба набрали достаточно шишек, чтобы понять, какой непредсказуемой бывает жизнь.

Я не сводил с нее глаз.

– Знаешь, ты постоянно говоришь то, что изумляет меня и заставляет

задуматься.

– Только потому, что моей специальностью были гуманитарные науки, а не бизнес.

Я рассмеялся, исполненный благодарности за то, что она вернулась в мою жизнь, как раз когда я в этом особенно нуждался.

Домой я вернулся лишь далеко за полночь.

– Ты вчера вернулся поздно, – заметила Вивиан, когда мы следующим утром встретились на кухне. – А собирался, кажется, быть дома к одиннадцати.

Несмотря на то, что накануне лег поздно, я встал в обычный час.

– Потерял счет времени, – объяснил я. Было видно, что ей любопытно узнать, где я был и чем занимался. Но это ее уже не касалось. Сменив тему, я спросил: – Когда планируешь отъезд? Ведь ты на машине.

– В шесть или в половине седьмого, пока еще не решила.

– Хочешь, поужинаем все вместе перед твоим отъездом?

– Я собиралась свозить Лондон куда-нибудь поужинать пораньше.

– Хорошо, – кивнул я. – В любом случае я вернусь к шести.

Она словно ждала, что я поделюсь своими планами на день. Но я молча просматривал газету, попивая кофе. Убедившись, что продолжения не будет, она ушла наверх – видимо, принимать душ и готовиться провести очередной день с Лондон.

Глава 21

На полную мощность

Мы с Эмили встречались шесть раз до того, как впервые переспали. Первым нашим свиданием после той свадьбы стал поход, который предложила она, потом мы побывали на концерте. Несколько раз мы обедали и ужинали вместе. К тому времени я был уже без памяти влюблен в нее, но пока не мог понять, что значу для нее.

В то утро я заехал за ней пораньше, и мы отправились в Райтсвилл-Бич – обедали в ресторанчике у причала, бродили вдоль кромки воды, собирали ракушки в мою бейсболку и резвились на берегу у пирса. До сих пор отчетливо помню, как ветер развевал позолоченные солнцем пряди ее волос, когда она наклонялась за приглянувшейся ракушкой.

Мы оба знали, что будет дальше. Я забронировал номер в отеле на ночь. Но вместо того, чтобы нервничать, Эмили, казалось, была в состоянии умиротворенности. Вечером, когда мы прибыли в отель, она много времени провела под душем, пока я валялся в постели, переключая каналы телевизора. Наконец она вышла завернутая в полотенце.

– Смотришь что-то?

На тебя, мог бы ответить я, но вместо этого сказал:

– Да нет, ничего. Жду, когда ты закончишь, чтобы тоже принять душ.

– Я быстро, – пообещала она.

Мне вдруг пришло в голову, что рядом с Эмили я чувствую себя свободнее, чем с любой другой женщиной, – только потому, что и она рядом со мной не ощущает никакой скованности. Я подождал несколько минут, потом поднялся с кровати. К тому времени она уже оделась и накладывала легкий макияж.

– Что делаешь? – спросила она.

– Просто смотрю на тебя. – Наши взгляды встретились в зеркале.

– Правда?

– По-моему, ты красишься очень сексуально.

Она обернулась, и мы поцеловались, потом она снова повернулась к зеркалу.

– Что это сейчас было?

– После того как я нанесу помаду, некоторое время нам нельзя будет

целоваться. Если ты не хочешь разгуливать с накрашенными губами.

Некоторое время я наблюдал за ней, потом вернулся в комнату и рухнул на кровать, возбужденный поцелуем, сулящим продолжение.

Мы не спеша поели в бистро с видом на Береговую канал; солнце давно зашло, а мы по-прежнему сидели за столом. На обратном пути мы, услышав музыку, набрели на бар, где играла какая-то группа. Мы танцевали до самого закрытия и уже за полночь, ощущая приятную усталость, вернулись пешком в отель.

От напряжения воздух между нами искрил, пока я отпирал дверь. Горничные отеля уже приготовили постель и включили приглушенный свет. Я обнял Эмили и привлек к себе, чувствуя теплое прикосновение ее тела.

Наши губы встретились, мои руки скользнули по изгибам ее тела. Она коротко вздохнула. Наше влечение усилилось, когда я прикоснулся к ее груди сквозь тонкую ткань платья. Она принялась расстегивать мою рубашку.

Пока мы целовались, она расстегнула пуговицы одну за другой. Я потянул вверх подол ее платья, она подняла руки, помогая мне снять его. Рубашка упала на пол одновременно с платьем, прикосновение обнаженных тел было обжигающим. Следом на полу очутился ее лифчик. Оказавшись в постели, увлеченные собственными ощущениями, мы постигали самые сокровенные тайны друг друга, надолго забыв обо всем на свете.

Долгожданное событие произошло в среду, и, признаться, я удивился не меньше администратора, но вовремя опомнился. Однако обо всем по порядку.

В воскресенье, приехав к родителям, я не застал у них Мардж и Лиз. А когда позвонил к ним домой, Мардж ответила мне совершенно несчастным голосом: ее замучили кашель, боли, жар – в общем, полный комплект. Узнав об этом, мама сразу же решила сварить куриный бульон, а на меня возложила обязанность отвезти его Мардж. Выглядела моя сестра еще хуже, чем я мог предположить, и пошутила, что даже Лиз сторонится ее как разносчицу чумы.

Я рискнул обнять ее и отправился домой.

Вивиан уехала в половине седьмого, после того, как привезла Лондон с ужина. Попрощалась она так же вежливо и мило, как держалась все выходные. Она не спрашивала, как прошел мой день, и я тоже воздержался от расспросов. Мы просто пожелали друг другу всего хорошего. Уложив Лондон в постель, я позвонил Эмили с просьбой забрать Лондон из школы

во вторник, поскольку я весь день буду на съемках. Эмили заверила, что это не составит для нее труда.

В понедельник новый сайт Тальери наконец заработал, а в эфир вышли два первых ролика. Я выложил те же ролики не только на его сайт, но и на «Ютуб». Поскольку я работал дома, то смог посмотреть ролики по телевизору сразу же и испытал восторг. Одновременно я обдумывал шаблоны для прямой рассылки и рекламные щиты для пластического хирурга, стараясь как можно точнее донести основную идею. Во вторник я проводил съемки его пациентов. День, как я и предвидел, выдался очень длинным и утомительным. После съемок я отправился к Эмили, чтобы забрать Лондон. А в итоге мы с ней остались в гостях на ужин, чему моя дочь несказанно обрадовалась.

В среду, направляясь в офис, я получил сообщение от Тальери, который просил меня перезвонить. У меня почему-то сразу упало сердце. Может, именно потому, что предыдущие выходные с Вивиан прошли без драм, я ждал бури, думая, что адвокат звонит мне лишь для того, чтобы сообщить плохие вести с бракоразводного фронта.

Припарковавшись у офиса, я сразу же перезвонил ему. Почему-то мне казалось, что этот разговор следует вести стоя.

– Привет, Джоуи. – Я старался говорить ровным тоном. – Получил ваше сообщение. О чем речь?

– О моем бизнесе. И о будущем моего банковского счета.

– Что, простите?

– Помните тот новый бесплатный номер телефона? Которым вы напиговали оба рекламных ролика? Так вот этот телефон трезвонит не переставая. Безумие какое-то. Зрители в восторге от ролика с девчушкой. Говорят, он уморителен. А у нас теперь есть возможность направлять их на сайт за основной информацией. Потрясающе. Ни за что бы не поверил. Мои подчиненные буквально разрываются, чтобы ответить всем и каждому.

– Вы счастливчик, – удивленно проговорил я.

– Да, черт возьми, я счастлив! Когда выйдет в эфир реклама с собакой? И кстати, пора придумать еще что-нибудь. Так что пораскиньте мозгами.

– Постараюсь, – пообещал я.

– И знаете, Расс...

– Да?

– Спасибо.

Я отключился и вошел в офис с гордо поднятой головой. Как обычно, я помахал администратору, приветствуя ее.

– Мистер Грин! Не хотите узнать про сообщения?

– А они есть?

– Два. Оба из юридических компаний.

Я снова подумал о Вивиан – может, она поручила своему адвокату обратиться ко мне напрямую? Но если так, странно, что Вивиан не дала ей мой номер. Насколько мне было известно, Вивиан не знала телефон моего офиса.

Однако звонила вовсе не адвокат Вивиан. Первый звонок поступил из фирмы в Гринвилле, Южная Каролина. Она специализировалась на коллективных исках. Второй – из Гикори, от компании, занимающейся телесными повреждениями. В обоих случаях меня сразу же соединили со старшими менеджерами, которые, похоже, пылали энтузиазмом.

– Мне нравится реклама, которую вы сделали для Джоуи Тальери. Не возьметесь ли вы представить публике наши услуги?

Повесив трубку, я испустил вопль восторга. Мне срочно требовалось поделиться радостью с кем-нибудь.

Схватившись за телефон, я уже собирался звонить Мардж, но в последнюю секунду решил набрать номер Эмили.

Окрыленность.

Вот что я чувствовал всю неделю. Я словно парил, вырвавшись из плена забот и тревог, которые тяжким грузом висели на мне много месяцев подряд.

Радость могла оказаться недолгой – за любым подъемом всегда следует спад, – но я решил наслаждаться каждой минутой, даже если так и не получу в качестве клиентов обе юридические компании. Подписать контракт с ними было бы замечательно. К пятнице мне позвонили еще три адвоката, и в итоге потенциальных клиентов стало пять, и все они обратились ко мне сами. Предстояло подготовить презентации для каждого из них, и если со мной решит заключить контракт достаточное количество клиентов, мне, пожалуй, придется нанять помощника, чтобы не погрязнуть в текущих делах.

Официальный старт работы агентства «Феникс» состоялся.

– Что будешь делать с лишними деньгами, когда заработаешь целую кучу? – спросила меня Мардж за обедом. Наступила пятница, и я решил в награду самому себе поработать всего полдня. – Между прочим, у тебя есть сестра, а она не прочь обновить машину.

– Здорово было бы, да?

– Я всегда верила в тебя.

– Пока что я ничего не заработал, – напомнил я. – Надо еще подготовить презентации.

– Ну, это ты умеешь. Иначе бы тебе никто не звонил.

Я улыбнулся, по-прежнему воодушевленный.

– Такая радость! И облегчение.

– Могу себе представить.

– А ты как себя чувствуешь?

Она поморщилась.

– Немного лучше. Днем уже не так часто кашляю, но по вечерам кашель все еще усиливается. Я убедила этого кретина, моего врача, прописать мне антибиотики, но начала принимать их только вчера. Он считает, что до понедельника улучшение маловероятно.

– Обидно.

– Лиз тоже мучается. Чтобы не будить ее кашлем, я перебралась в комнату для гостей.

– Значит, мамин куриный бульон не помог?

– Нет. Но было вкусно. – Она отложила свой сэндвич. – Какие у тебя планы на эти выходные? Вивиан не приедет?

– Собирается на следующих выходных. На день рождения Лондон. А я представить себе не могу, чтобы дочь согласилась праздновать его без Бодхи, а значит, на торжестве будет присутствовать и Эмили.

– И я. – Мардж усмехнулась. – Жду с нетерпением.

– Напрасно. Все пройдет мирно. В последнее время Вивиан ведет себя прилично.

– Хм-м... ну ладно, посмотрим, сколько она продержится, – скептически заметила Мардж. – Кстати, завтра к родителям собираешься? Мы с Лиз планировали заскочить ненадолго, ведь в прошлые выходные не приезжали. Чтобы не разносить инфекцию.

– Слава богу, Лиз не заразилась, – сказал я.

– Да уж, у нее и так завал на работе. Психолог, вместе с которой Лиз ведет групповые занятия, в отпуске по уходу за ребенком с конца июля.

– Кстати, о детях: когда вы с Лиз идете к репродуктологу? Ты вроде бы говорила, что в ноябре?

Она кивнула.

– Двадцатого. В пятницу накануне Дня благодарения.

– А если окажется, что вы обе способны иметь детей? Обе забеременеете?

– Рожать буду я. Мне всегда казалось, что беременность – это интересно.

– Посмотрим, что ты скажешь на восьмом месяце. К тому времени беременность Вивиан уже осточертела.

– К тому же она была моложе, чем я нынешняя. У меня есть всего один шанс, потому и намерена радоваться каждой минуте.

– С появлением ребенка твоя жизнь изменится. Моя, как видишь, изменилась до неузнаваемости.

Она взгрустнула.

– Жду не дождусь.

Когда я забрал Лондон из школы, первым делом, усевшись в машину, она спросила, будет ли у нас сегодня вечер свидания.

– Ведь уже пятница, а мама не приехала.

А почему бы и нет?

– По-моему, превосходная мысль.

– Что будем делать? – спросила Лондон с предвкушением.

– Хм-м... – я задумался. – Можем поужинать дома или еще где-нибудь.

Или съездить в настоящий большой океанариум.

– В океанариум! Правда можно?

– Конечно. По-моему, он открыт до восьми вечера.

– А можно позвать Бодхи с нами?

– Ты хочешь позвать Бодхи на наше свидание?

– Да. И надеть бабочкины крылья. Те, из зоопарка. И пусть Бодхи тоже наденет свои крылья.

– В океанариум?

– Для рыбок, – объяснила она.

Связи я не уловил, но был согласен на все, лишь бы Лондон была довольна.

– Я, конечно, позвоню его маме, но у Бодхи могут быть другие планы. Мы же не предупредили его заранее.

– А мы все-таки попробуем. И мисс Эмили тоже возьмем с собой.

Я позвонил Эмили из дома. Узнав про океанариум, она попросила меня подождать. В трубке я услышал, как она спрашивает сына:

– Хочешь сегодня сходить в океанариум? Вместе с Лондон?

– Да! – раздался ликующий вопль Бодхи, и Эмили снова заговорила со мной:

– Ты, наверное, уже все слышал.

– Да, – подтвердил я.

– Когда выезжаем?

– Может, я заеду за вами через час?

Она задумалась.

– А может, лучше я за вами? У меня в машине DVD-плеер для детей, помнишь? Ехать недолго, но будет самый час пик... Ты не против снова сесть за руль?

– Конечно, – согласился я.

– Отправь мне адрес. И я пойду собираться. До встречи.

– Да, чуть не забыл! – спохватился я. – Лондон просила Бодхи надеть крылья из зоопарка.

– Зачем?

– Понятия не имею.

Она рассмеялась.

– Ладно, я не против. Все лучше, чем носиться по дому со световым мечом.

По привычке, которая уже начала укореняться, Лондон собиралась на свидание довольно долго. Она выбрала белую юбку с кружевом, розовую блузку с длинным рукавом, розовые кроссовки и, конечно, надела крылья.

Лично я предпочел повседневную одежду: темные брюки, темную рубашку и удобные туфли.

– Эффектно, – оценил я выбор дочери. – Сразу видно, что ты идешь в гости к рыбкам.

– Хочу получше представить себе, каким будет мой аквариум, – объяснила она.

По крайней мере, Лондон облегчила муки выбора, хотя чистить аквариум опять придется мне.

– Не хочешь захватить какой-нибудь фильм? Мы снова поедem на машине мисс Эмили.

– Обязательно надо будет посмотреть «В поисках Немо»!

– По-моему, отличный выбор.

Она нашла диск и принесла мне. Тем временем Тальери прислал еще одно сообщение: «Звонки продолжаются. Ну вы даете!»

Неделя выдалась прекрасной. Но я не догадывался, что ее продолжение будет еще лучше.

Океанариум находился в Конкорде, в пятнадцати милях к северу от Шарлотта, но поток транспорта был настолько плотным, что понадобилось почти сорок минут, чтобы добраться туда.

Впрочем, никто из нас не расстроился. Я поделился с Эмили подробностями своих последних достижений по работе, намекнул, что

Мардж и Лиз собираются завести детей, потом заговорил о своих родителях. Эмили тоже рассказала, как дела у ее родных и как продвигается работа над картинами для выставки. Мы придерживались неписаного правила не упоминать про Вивиан, Дэвида и наше общее прошлое.

В океанариуме дети перебегали от одного аквариума к другому, как и в зоопарке. Мы с Эмили шагали следом, зорко приглядывая за ними. Я не мог не заметить, с каким интересом смотрят на Эмили другие мужчины. Большинство были вместе с женами и детьми, поэтому осторожничали. Эмили словно вовсе ничего не замечала, но я вдруг осознал, что воспринимаю реакцию других людей на нее острее, чем прежде.

Мы обошли весь океанариум, детям больше всего понравились акулы, морские черепахи, коньки и осьминог. Когда мы уже собирались выходить, я услышал музыку за приоткрытой дверью с табличкой «Служебное помещение».

Предыдущая песня закончилась, и диджей объявил следующую – Джей Ди Айкер «Вдвоем». Я остановился.

– Ты слышала, Лондон? Песня называется «Вдвоем». Помнишь, как в твоей любимой книжке звери приходили к ковчегу парами?

– Песня тоже про зверей?

– Не знаю, – ответил я. Диджей продолжал болтать, я повернулся к Эмили: – Сегодня она должна была выступить. И хотела быть бабочкой.

– А я и есть бабочка! Прямо сейчас! – объявила Лондон, крылья которой трепетали на ветру.

– Поскольку у нас вечер свидания... не хочешь потанцевать со мной?

– Да!

Песня заиграла, я взял Лондон за руки. Солнце повисло над горизонтом, сумерки раскрасили все вокруг оттенками сепии. На дорожке, ведущей от океанариума, не было никого, кроме нас с Лондон, Эмили и Бодхи.

Почему-то слова песни растрогали меня до слез. Я танцевал с дочерью, она покачивалась, подпрыгивала на месте, держала меня за руки, а я видел в ней и девушку, которой она станет в будущем, и вместе с тем – невинного ребенка, которым она была в настоящем.

И вдруг понял: это же мой первый танец с дочерью, и неизвестно, когда он повторится, если повторится вообще! Невозможно было представить себе, как мы танцуем вдвоем через несколько лет, поэтому я жил каждой секундой этого танца, отдался ему целиком, благодарный за еще одно чудо, произошедшее в конце и без того незабываемой недели.

– Никогда еще не видела более трогательной картины, – призналась мне Эмили, пока мы шли к машине. – Я сделала несколько снимков на телефон, позже отправлю их тебе.

– Да, это было удивительно, – согласился я. У меня в ушах все еще звучала мелодия. – Хорошо, что Бодхи не стал разбивать нашу пару.

– Ему бы это и в голову не пришло! Я звала его танцевать, но он наотрез отказался. А потом сказал, что нашел улитку, и захотел, чтобы я взяла ее в руки.

– Девочки и мальчики сделаны из совершенно разного теста, верно?

– Тебе досталась масса «конфет, и пирожных, и сластей всевозможных», – улыбнулась она, вспомнив детский стишок. – А мне – одна улитка.

– И ни ракушек, ни зеленых лягушек.

– Только потому, что Бодхи они не попались.

Я рассмеялся.

– По-моему, дети хотят есть.

– И я тоже.

– Остается только один вопрос: кто будет выбирать место, где мы поедем, – мы или они?

– На всякий случай предупреждаю: если в ближайшее время мы ничего не придумаем, Бодхи может раскапризничаться. И тогда от него лучше держаться подальше.

– Значит... «Курфиле»?

– В точку! – подхватила она.

Дети, конечно, были на седьмом небе от счастья.

Когда мы добрались до дома, Лондон все еще была взбудоражена, но успокоилась к тому времени, как переоделась в пижаму. Она поговорила с Вивиан по видеосвязи, потом мы почитали ее любимую книгу про зверей по парам. Дочитав, я вспомнил, что Эмили обещала переслать мне фотографии. Свое обещание она выполнила, и я показал снимки Лондон.

– Мы хорошо выглядим, правда?

Лондон взяла у меня из рук телефон и стала придирчиво разглядывать фотографии.

– Моего лица не видно – волосы его закрывают.

– Это потому, что ты все время смотрела на мои ноги, – объяснил я. – Ничего, я тоже на них смотрел.

Она продолжала всматриваться в снимки. А я вдруг вспомнил фотографии, которые снял со стен в комнатах, и взял себе на заметку

распечатать одну из этих и вставить в рамку.

Лондон вернула мне телефон.

– Что будем делать завтра?

– Сначала, само собой, поедem в студию рисовать. Потом проведем бабушку с дедушкой. А чем еще ты хочешь заняться?

– Не знаю.

– Можешь помочь мне почистить хомячью клетку.

– Нет уж, спасибо! Это противно.

Еще бы.

– Давай посмотрим, какое у тебя будет настроение, когда ты проснешься завтра утром, – предложил я, укрывая ее одеялом.

Я поцеловал ее на ночь, спустился вниз и включил телевизор. Но фотографии, сделанные Эмили, манили меня. Я снова вытащил телефон и стал с улыбкой разглядывать снимки, уже в который раз благодаря судьбу за то, что я отец чудесной девочки, запечатленной на них.

Эмили помахала мне, как только я вошел в изостудию вместе с Лондон следующим утром. Лондон бросилась обнимать ее, потом побежала наперегонки с Бодхи.

– Хороший вчера выдался вечер, – сказала Эмили. – По-моему, у нас с тобой здорово получается развлекать детей.

– Верно, – согласился я. – Спасибо за фотографии – я, наверное, вставляю в рамки одну или две из них. Хотя ты и снимала на айфон, сразу видно глаз художника.

– Может быть... или просто я отправила тебе лучшие снимки из целой сотни, – игриво улыбнулась она.

Потом указала большим пальцем в сторону торговых рядов.

– Не хочешь выпить чашку кофе, пока дети заняты?

– Не могу придумать, чего бы мне хотелось больше, – признался я, открывая перед ней дверь. И это была чистая правда.

– Это рак, – уверяла моя мама. – Я точно знаю, что у него рак.

Стоя на кухне, мама изливала свои тревоги – на этот раз особенно настойчиво. Не успели мы приехать к ним, как она отвела меня в сторону и заговорила приглушенным тоном.

– Ему опять было трудно дышать?

– Нет, – ответила она. – Но прошлой ночью я снова видела все тот же сон про больницу. Только без лиловой свиньи. И врач на этот раз была женщина. И она говорила про рак.

– А ты не думала о том, что это просто сон?
– Тебе снятся дважды одни и те же сны?
– Понятия не имею, я вообще сны не запоминаю. Но я не стал бы придавать ему большого значения – если, конечно, ты не заметила у папы никаких ухудшений.

Она уставилась на меня со скорбным выражением на лице.

– Иногда рак развивается бессимптомно. Пока не станет слишком поздно.

– То есть, по-твоему, если он чувствует себя нормально, значит, он болен?

Она скрестила руки на груди.

– Тогда объясни, почему я видела один и тот же сон дважды.

Я вздохнул.

– Хочешь, я снова поговорю с отцом?

– Нет, – отказалась она. – Лучше присмотришься к нему. И если что-нибудь заметишь, уговори его сходить к врачу.

– Я даже не знаю толком, что должен заметить, – возразил я.

– Увидишь – поймешь.

– Мама и тебя озадачила с разговорами про рак? – спросила Мардж, наливая себе стакан холодного чая из кувшина.

Я только что присоединился к ней и Лиз на задней веранде, а Лондон отправил помогать маме на кухне. Отец, как обычно, возился в гараже – наверное, в одиночку разбирал двигатель.

– А как же. – Я поднял свой стакан, чтобы Мардж наполнила и его. – В последний раз эта тема всплывала несколько месяцев назад, так что этого следовало ожидать. – Я потер ладонью щеку. – Надеюсь, я до такого никогда не докачусь.

– До какого «такого»?

– Жить в вечном страхе.

– У мамы есть на то причины, – напомнила Мардж. – Рак выкосил всю ее семью. Неужели ты никогда об этом не задумывался?

– На это у меня не было времени.

– А мне случалось, – сказала Мардж. – Не то чтобы я постоянно беспокоюсь, просто вспоминаю время от времени. Но мне все время кажется, если у отца обнаружится рак, здоровые клетки разозлятся, похлопают больные по плечу, а когда те обернутся, выбьют из них всю дурь. – Солнце заиграло на улыбающемся лице Мардж, подчеркнув заострившиеся скулы.

– Кстати, отлично выглядишь, – отметил я. – Ты похудела.

– Спасибо, что наконец заметил. – Она, довольная, приосанилась. – Вчера ты об этом ни слова не сказал.

– А вот теперь обратил внимание. Сидишь на диете?

– Разумеется. Я же в отпуск еду, а на пляже девушкам полагается выглядеть безупречно. И потом, с тех пор, как ты начал бегать по утрам, ты выглядишь лучше меня – разве я могла стерпеть такое?

Я закатил глаза и повернулся к Лиз.

– А как у тебя дела? Мардж говорила, тебя завалили работой.

– Да, заменяю второго психолога, который в отпуске. И все время мечтаю, как мы наконец уедем в Коста-Рику. Даже опробовала несколько латиноамериканских рецептов, но Мардж отказалась есть мои кулинарные шедевры – там же сплошные углеводы! Сколько ни твержу ей, что в Коста-Рике меньше людей с избыточным весом, чем в США, – все напрасно.

– Просто я себя знаю, – объяснила Мардж. – Хорошо еще, что из-за болезни аппетит у меня почти начисто пропал... Есть тема поинтересней: ты сегодня виделся с прекрасной Эмили в студии?

Я демонстративно отвернулся к Лиз.

– Знаешь, что мне в тебе нравится?

– Что?

– Ты не лезешь в мою личную жизнь при каждом нашем разговоре.

– А ей и незачем лезть, – вмешалась Мардж. – Обычно ты сам выкладываешь все, что думаешь и чувствуешь. Даже расспрашивать не приходится.

Мардж, пожалуй, права, но все-таки... Я вздохнул.

– Я не только виделся с ней сегодня – вчера мы вместе ездили в океанариум. С детьми. Мы друзья, вот и все.

– И ты, конечно, даже не обращаешь внимания на то, какая она симпатичная.

Лиз рассмеялась.

– Как бы там ни было, я рада за тебя, Расс. В последнее время тебе, по моему, заметно полегчало.

– Да, – к своему удивлению, согласился я. – Так и есть.

Я попросил Вивиан перезвонить мне после разговора с Лондон по видеосвязи, чтобы обсудить предстоящий день рождения нашей дочери. Она перезвонила, но ее тон был заметно холоднее, чем в предыдущие выходные.

– Я уже все организовала, – объявила она. – Взяла в прокате замок-

батут, чтобы поставить за домом, договорилась с банкетной службой и заказала торт с Барби. И разослала приглашения по электронной почте.

– Ну... что ж... – Ее холодность застала меня врасплох. – А когда начинаем праздновать?

– В два.

И все. По-моему, она нарочно старалась поставить меня в неловкое положение.

– Ладно, – медленно произнес я. – Ты, наверное, уже отправила приглашения моим родителям, Мардж и Лиз, но я на всякий случай поговорю с ними. – Она по-прежнему молчала, и я продолжил: – Ты опять займешь комнату для гостей, да?

– Да, Расс. Я останусь в комнате для гостей. Об этом мы уже говорили.

– Просто хотел убедиться, – успел сказать я, прежде чем она оборвала разговор.

Я испустил протяжный вздох. Несмотря на недавнее перемирие, ситуация опять стала непредсказуемой.

Глава 22

Глаз бури

В детстве я очень любил грозы.

Мардж считала, что я сдвинулся на них, а сам я с приближением грозы ощущал нарастающее предвкушение – вроде отцовского перед чемпионатом по бейсболу. Я требовал, чтобы в доме погасили свет и придвинули кресла ближе к панорамному окну в гостиной. Иногда я даже забрасывал пакет попкорна в микроволновку, и тогда мы вместе с Мардж смотрели «шоу» под его хруст.

Мы сидели в темноте, прильнув к окнам, а тем временем молнии рассекали небо надвое или вспыхивали среди туч, как проблесковые маячки. Во время самых сильных гроз молнии ударяли так близко, что мы ощущали статическое электричество, и я замечал, как вцепляется Мардж в подлокотник своего кресла. При этом мы не забывали посчитать, сколько секунд длится перерыв между вспышкой молнии и раскатом грома, и следили за приближением эпицентра грозы.

На Юге грозы обычно бывают недолгими. Как правило, они продолжаются минут тридцать-сорок. Когда последний раскат грома затихал вдали, мы нехотя вставали, включали свет и возвращались к прерванным делам.

А вот ураганы – другое дело. Неизменно предусмотрительный отец всегда заколачивал перед ними панорамное окно, поэтому полюбоваться зрелищем нам не удавалось. Но меня неудержимо влекли убийственный ветер, ливень и в особенности – приближение «глаза бури», момента, когда ураган вдруг ослабевает и порой можно даже увидеть над головой голубое небо. Но это затишье оказывается кратким – стихия впереди, зачастую именно она чревата самыми страшными разрушениями.

Интересно, какое сравнение больше подходит моей жизни? Или, вернее, моей жизни в тот страшный год? Что она напоминала – яростные грозы, быстро сменяющие одна другую? Или единственный свирепый ураган, глаз которого усыпил мою бдительность, убедил, что я останусь цел и невредим, хотя худшее мне еще только предстояло?

Не знаю.

В одном я всецело убежден: сколько бы еще я ни прожил, я не хочу, чтобы этот ужасный год повторился.

Праздником в честь дня своего рождения Лондон осталась очень довольна. Замок-батут имел огромный успех, Лондон захлопала в ладоши от восторга при виде торта, увлеченно играла с друзьями, особенно с Бодхи. Эмили, привезя его к нам, сразу же уехала, объяснив, что у нее назначена встреча с хозяином галереи – надо утрясти детали перед выставкой. Родители одного из детей пообещали подвезти Бодхи до дома. Эмили извинилась, снова сославшись на дела, но мне показалось, что мы оба просто стараемся избежать неловкости в присутствии Вивиан.

Утром того же дня, пока Вивиан отвозила Лондон на занятия – она опять приехала из Атланты на внедорожнике, – я съездил в зоомагазин, а потом установил в комнате Лондон аквариум. Я выбрал несколько ярких рыбок, а к стеклу прикрепил подарочный бант. Дождавшись, когда Вивиан и Лондон вернутся из студии, я попросил дочь зажмуриться, привел ее в комнату, а потом разрешил открыть глаза. Лондон взвизгнула и бросилась к аквариуму со всех ног.

– Можно покормить их?

– Конечно, – кивнул я. – Они уже проголодались. Давай-ка я покажу тебе, сколько им нужно корма, хорошо?

Я насыпал немного корма в крышку от пластиковой банки и отдал Лондон. Она бросила его в аквариум и словно загипнотизированная смотрела, как рыбки подплывают к поверхности и жадно хватают крошки. Оглянувшись, я увидел Вивиан, скрестившую руки на груди и плотно сжавшую губы.

Но на празднике Вивиан мило улыбалась гостям, в том числе мне и всем моим родным. Маму она попросила помочь, когда разрешила торт, а после того, как Лондон открыла очередную коробку и обнаружила в ней целый ворох аксессуаров для Барби от Мардж и Лиз, Вивиан подсказала дочери, что нужно поблагодарить и обнять их.

Наклонившись ко мне, Мардж еле слышно прошептала:

– Она ведет себя так, будто между вами все по-прежнему.

Это замечание заставило меня занервничать еще сильнее, чем недавняя холодность Вивиан.

После праздника Вивиан повезла Лондон в торговый центр: приближался Хэллоуин, и она взялась помочь Лондон выбрать костюм. Тем временем я навел порядок в доме, собрал бумажные тарелки и стаканчики в мусорные мешки, остатки еды убрал в холодильник. Покончив с этим, я решил, что чем меньше моего присутствия в доме сейчас, тем лучше, и уехал в офис.

Я работал весь вечер, главным образом над презентациями для юридических компаний, которые обратились ко мне. Приближалось время укладывать Лондон спать, и я отправил Вивиан сообщение, спрашивая, в какое время мне приехать и почтить дочери. И немного погодя получил резкий ответ, что Лондон уже спит.

В тот вечер я засиделся в офисе допоздна, но в воскресенье рано утром поднялся на пробежку. Готовя завтрак и кофе, я слышал, как Вивиан ходит по комнате для гостей. Я нарочно медлил, думая, что она, может быть, спустится поговорить о том, как прошел день рождения, но она так и не появилась.

Я снова отправился в офис, заканчивать презентации – все они были похожи одна на другую. Перемирие между мной и Вивиан кончилось, это было ясно, но причины его завершения остались мне неизвестны. Может, она ревнует потому, что Лондон понравился аквариум, который я выбрал сам, не спросив ее совета? Впрочем, вспомнил я, Вивиан холодна со мной уже почти неделю.

Сразу после приезда в офис я написал ей, чтобы узнать, в какое время она собирается уезжать. Она не отвечала до пяти, а потом сообщила, что выезжает через полчаса. В итоге мне пришлось сломя голову нестись домой, чтобы успеть.

Когда я прибыл домой, Лондон бросилась ко мне и запрыгнула на руки.

– А я рыбок покормила, папа! Они так хотели есть! И показала их Мистеру и Миссис Крапинке. Поддержала их рядом с аквариумом.

– А имена рыбкам ты уже придумала?

Она кивнула.

– Они все такие красивые, значит, имена должны быть такие же. Идем, я тебе покажу.

Она потащила меня по лестнице в свою комнату, подвела к аквариуму и стала называть имена, указывая на рыбок: Золушка, Жасмин, Ариэль, Белль, Мулан и Дори – «потому что они похожи».

Вивиан уже ждала внизу у двери. Обняв и поцеловав Лондон на прощание, бросила мне небрежное «пока», не встречаясь со мной взглядом, и вышла за дверь.

Надо было просто отпустить ее. Но я, помедлив секунду, вышел следом за ней. К тому времени она уже открывала дверь внедорожника.

– Вивиан, подожди!

Она обернулась и дождалась, когда я подойду.

– Все в порядке?

– В полном, Расс, – ответила она тоном, который противоречил словам.
– Ты, кажется, недовольна.
– Ты еще спрашиваешь? – Вивиан сорвала темные очки. – Разумеется, я недовольна! И страшно разочарована.
– Но почему? Что я сделал?
– Ты действительно хочешь поговорить об этом прямо сейчас?
– Просто хочу понять, что происходит...
Она закрыла глаза, словно собираясь с духом, а когда снова открыла, в них пылала ярость.
– Зачем ты таскаешь Лондон на свидания со своей подружкой?
Ее вопрос оказался для меня настолько неожиданным, что я не сразу сообразил, о ком речь.
– Ты про Эмили?
– А про кого же еще?
– Она мне не подружка, – запинаясь, объяснил я. – Лондон дружит с Бодхи.
– И поэтому вы вдвоем возили их в зоопарк? И в океанариум? Как на двойном свидании? – выпалила она. – А ты представляешь себе, как теперь себя чувствует Лондон? Зачем ты сбиваешь ее с толку?
– Я вовсе не пытался сбить ее с толку...
– Знаешь, что Лондон сделала вчера, когда мы приехали в художественную студию? Подбежала к Эмили и обняла ее. У всех на глазах!
– Лондон всех обнимает...
– Она обняла ее! – выпалила Вивиан. У нее покраснелись щеки. – А я-то думала, ты умнее! Думала, ты не такой! Разве я настаивала, чтобы Лондон встречалась со мной и Уолтером? Я вообще не говорила Лондон про Уолтера. Она о нем даже не знает! А тем более о том, что мы разводимся!
– Вивиан...
– Нет! – яростно прервала она. – Не хочу слышать твои бредовые оправдания, почему вы болтаетесь по всему городу, будто вы теперь семья! Недолго же ты ждал!
– Мы с Эмили просто друзья, – возразил я.
– Ты что, серьезно? И ты думаешь, я поверю, что ты встречаешься с Эмили только потому, что Лондон дружит с Бодхи? – язвительно поинтересовалась она. – Ладно, тогда скажи: а с родителями других друзей Лондон ты тоже встречаешься?
– Нет, но...

– И не думаешь о ней? Не звонишь ей? Не обращаешься к ней за поддержкой?

Ответить «нет» я не мог, выражение лица выдало меня.

– Я делаю все, что в моих силах, чтобы оградить Лондон, – продолжала она. – А ты... Ты, похоже, вообще не думаешь, что будет лучше для нее. Тебе нет дела до того, что она думает и чувствует. Ты заботишься только о себе и своих желаниях – как обычно! Ты ничуть не изменился, Расс!

С этими словами Вивиан села в машину, хлопнув дверью. Задним ходом выехав на улицу, она укатила, а я остался стоять на прежнем месте.

В ту ночь я не мог уснуть.

Неужели Вивиан права? И я думал только о себе? Я вновь вспомнил все встречи с Эмили. Заново прожил дни до поездки в зоопарк и океанариум. И задался вопросом: будь у Лондон другой лучший друг, стал бы я ходить с его родителями по зоопаркам?

Я знал ответ и снова задумался: как часто я вру самому себе?

Последствия гнева Вивиан я ощутил на себе несколько дней спустя, сидя в офисе Тальери. Он позвонил мне и попросил приехать, чтобы сообщить, как идут переговоры по разводу.

– Мне наконец удалось обстоятельно поговорить по телефону с адвокатом Вивиан, – начал он, – и пройти по предложенному соглашению о претензиях пункт за пунктом. – Он вздохнул. – Не знаю, что произошло между вами и Вивиан, но я ожидал взаимных уступок и компромиссов – это нормально. Чего я никак не мог предвидеть, так это того, что она ужесточит свои требования.

– Она хочет больше?

– Вот-вот.

– Чего именно?

– Всего. Больше алиментов для себя. Больше денег от раздела совместного имущества.

– Насколько больше?

Выслушав его, я побледнел.

– А если таких денег у меня просто нет?

– Ну, для начала... я бы выставил на продажу дом.

Я опасался следующего шага Вивиан, а он оказался запрещенным приемом.

– Адвокат также сообщила мне, что на Хэллоуин Вивиан приедет

домой и хочет, чтобы вы провели это время в другом месте.

– Почему же Вивиан сама не сказала мне об этом?

– Потому что решила впредь общаться с вами исключительно через адвокатов. Она не желает говорить с вами напрямую.

– Еще что-нибудь? – как в тумане спросил я.

– В выходные, тринадцатого ноября, она намерена увезти Лондон в Атланту.

– А если я не соглашусь?

– Тогда она сразу же обратится в суд. И знаете, Расс... – Тальери пристально и серьезно посмотрел мне в глаза. – В этом случае вам лучше не сопротивляться, потому что выиграть не удастся. Если она добросовестно выполняет родительские обязанности, она имеет право видеться со своим ребенком.

– Я и не сопротивлялся. Просто я... ошеломлен.

– Не хотите рассказать, чем вызвано ее решение?

– Вообще-то нет, – ответил я. Какой в этом смысл? – Что еще она говорит насчет Лондон?

– Впредь она хочет видеться с ней каждые вторые выходные. А в дальнейшем намерена настаивать на единоличной опеке.

– Этого не будет.

– Тем больше причин для вас выставить дом на продажу. Потому что хоть я и снизил для вас свои расценки, борьба с Вивиан обещает стать дорогим удовольствием.

Зато на рабочем фронте ситуация налаживалась. После дня рождения Лондон до конца месяца я успел обзавестись четырьмя новыми клиентами из числа обратившихся ко мне юридических фирм. Вдруг выяснилось, что я буквально завален работой, как и моя съемочная группа и технический специалист, зато благодаря контракту с Тальери я многому научился. Мардж и Лиз уехали в Коста-Рику, тем временем стартовала рекламная кампания пластического хирурга, и от незамедлительных результатов он пришел в восторг.

А мы с Лондон вошли в четкий ритм. Швы со лба сняли; рентген подтвердил, что перелома у нее нет, поэтому лонгет тоже сняли. К урокам музыки она была еще не готова, зато с радостью занималась в изостудии. В следующий вечер свидания я пригласил ее на ужин в шикарном ресторане «Фаренгейт», с видом на сияющую огнями панораму Шарлотта и рукописным меню – такие заведения особенно любила Вивиан.

Приближался Хэллоуин, я почти не виделся с Эмили.

Слова Вивиан подействовали на меня. И хотя я по-прежнему пытался убедить себя, что с Эмили меня связывают чисто платонические отношения, я понимал: это не просто дружба. Меня определенно влекло к ней, и по вечерам я порой замечал, что смотрю на телефон, испытывая огромное желание позвонить ей.

Не поймите меня превратно: я по-прежнему звонил Эмили почти каждый вечер, потому что не хотел и не мог отказаться от того, что приносило мне облегчение. Но в голове у меня по-прежнему звучал голос Вивиан, и порой я заканчивал разговор, чувствуя себя растерянным и виноватым. Я понимал, что не готов к новым отношениям, – а вдруг уже готов? Чего я хочу в перспективе, если речь идет об Эмили? Сможем ли мы оставаться просто друзьями? Порадуюсь ли я за нее, если она начнет встречаться с другим? Или мне станет больно при мысли, что на его месте мог быть я? А может, я даже испытаю чувство ревности?

Ответы я таил в самой глубине души. Эмили была моим ближайшим другом, если не считать Мардж... однако я так и не рассказал ей о том, что услышал от Вивиан. Почему я не мог честно признаться ей, какие страсти кипят у меня внутри? Потому что я понимал, что все это время лгал Эмили, говоря о своих намерениях. В дальнейшем я хотел не просто отношений.

Какими бы эгоистичными ни выглядели мои соображения, я не хотел потерять ее и поэтому мучился еще сильнее.

За день до Хэллоуина я забронировал номер в местном отеле.

Мардж и Лиз вернулись из Коста-Рики в среду поздно вечером, поэтому мне было неловко напрашиваться к ним. И у родителей остаться я не мог: я знал, что возражать они не станут, но мне не хотелось объяснять им, что мои отношения с Вивиан окончательно испорчены. На дне рождения Лондон улыбчивая маска Вивиан ввела мою маму в заблуждение: она отозвала меня в сторону и попыталась убедить, что у Вивиан еще остались чувства ко мне. Повторений этого разговора я не хотел.

Тальери сообщил мне, что Вивиан приедет в пятницу вечером, возможно, около семи, поэтому вечер свидания с Лондон пришлось отменить. Вместо этого мы поужинали дома. Потом Лондон убежала наверх, к хомякам и рыбкам, а я начал приводить кухню в порядок.

Вивиан шагнула через порог двадцать минут спустя.

– Приве-ет! – нараспев сказала она. – А вот и я!

У меня судорожно забилося сердце, словно я ненароком увидел то, чего не должен был, – просто потому, что оказался у себя дома. Но Вивиан

вошла уверенно, словно по-прежнему жила здесь.

Она заглянула на кухню и осмотрелась в поисках Лондон.

– Она в спальне, – подсказал я. – Убежала провести свой зверинец.

– Ясно. – Вивиан кивнула. – Она ела?

Ты же сказала своему адвокату, что впредь не собираешься общаться со мной напрямую. Ну ладно, так и быть, подыграю тебе.

– Да, она поужинала. Но еще не купалась. Я не знал, куда ты ее повезешь – в кино или...

– Еще не решила. Сейчас поговорю с ней. – Она помедлила. – Ты в порядке?

– Ага. – Я снова растерялся: она вела себя как ни в чем не бывало. – Все хорошо. За сладостями по соседям пойдете?

– А как же! Будет весело, я выбрала потрясающий костюм для Лондон – Белль из «Красавицы и чудовища», но весь в блестках.

– Ей понравится, – кивнул я. – Она даже одну из рыбок назвала Белль.

– Постарайся прийти вовремя, тогда увидишь ее в костюме.

– Ты хочешь, чтобы я пришел?

Она закатила глаза, но я прочел в них только удивление, а не раздражение.

– Ну конечно, Расс! Она ведь твоя дочь. Сейчас Хэллоуин. И потом, тебе придется побыть дома: кто будет раздавать конфеты детям, которые придут к нам? А у тебя какие были планы на завтрашний вечер?

Как обычно, Вивиан ухитрилась серьезно озадачить меня.

С Мардж и Лиз я не виделся со дня рождения Лондон, поэтому еще до сбора конфет заскочил к родителям. И сразу заметил, что Мардж еще похудела. Выглядела она потрясающе, но меня так и подмывало посоветовать ей не сбрасывать больше – ее лицо начинало выглядеть чересчур строго и жестко. Лиз, кажется, тоже похудела на несколько фунтов, но это не так бросалось в глаза.

Мардж и Лиз накинулись на меня с объятиями, едва я успел переступить порог.

– Значит, вот как люди выглядят после отпуска! – оглядев Мардж и присвистнув, сказал я.

– Ага, супер, правда? Я вешу сейчас, как в студенческие времена.

– Ты тоже отлично выглядишь, Лиз. Может, вы все это время просидели в спа Кэньон-Ранч?

– Спасибо, но нет, – ответила Лиз. – Это все старые добрые турпоходы и осмотр достопримечательностей. И как Мардж, я сокращала свои порции

риса и фасоли.

– Завидую. А мой вес перестал снижаться, хотя я и продолжаю бегать.

– А как вообще дела? – спросила Мардж. – Я вчера вечером узнала от мамы, что у тебя появилось сразу несколько новых клиентов. Пойдем-ка за дом, поговорим.

– Ладно, только дай мне поздороваться с родителями, и я скоро подойду.

С родителями я пробыл минут пятнадцать – к счастью, мама больше не поднимала тему рака, – а потом нашел сестру и Лиз в патио за домом, где обе пили чай со льдом из высоких стаканов.

Весь следующий час мы говорили в основном об их недавней поездке – навесных переправах через реки, вулкане Ареналь, походах через джунгли и по побережью, – а я делился последними событиями, произошедшими в моей жизни. Наш разговор уже начинал иссякать, когда к нам заглянула мама и спросила Лиз, не может ли она помочь ей в кухне.

– Итак... сначала тебе сказали, что отныне вы будете общаться только через адвокатов, а потом она объявилась в доме как ни в чем не бывало?

Я кивнул.

– Не жди объяснений. Я просто благодарю Бога за все хорошее.

– Я не понимаю, почему Вивиан достался и день рождения Лондон, и Хэллоуин. Ты тоже имеешь право проводить с дочерью праздники и веселиться вместе.

– Просто и то, и другое пришлось на выходные.

Этим объяснением Мардж не удовлетворилась, но допытываться не стала.

– Уже смирился с тем, что дом придется продать?

– Я все еще в сомнениях. Такой большой дом нам теперь не нужен, – честно говоря, как и раньше, – и в то же время с ним связано множество воспоминаний. Но так или иначе, выбора у меня нет. Даже если я налажу бизнес, вряд ли мой банковский счет успеет пополниться настолько, чтобы я смог расплатиться с Вивиан, когда мы наконец подпишем бумаги. – Я помолчал. – До сих пор не верится, что прошло уже почти два месяца после того, как она ушла. Кажется, это было вчера. А иногда – что с тех пор прошла вечность.

– Не представляю... – Мардж отвернулась, закрыла рот ладонью и гулко закашлялась.

– До сих пор болеешь?

– Нет, – ответила она. – Это все осложнения после бронхита. Видимо, легким требуется несколько месяцев, чтобы восстановиться, даже если

воспаление уже прошло. В Коста-Рике я чувствовала себя прекрасно, а сейчас мне нужен отдых от отпуска. Повседневными делами занимается Лиз, а я все время как выжатая. Да еще колени разболелись после турпоходов.

– Походы – хорошая физическая нагрузка, но они вредны для суставов, – согласился я.

– Кстати: если вы с Эмили хотите как-нибудь сходить в поход со мной и Лиз, дайте мне знать. Как в прежние времена.

– Обязательно, – кивнул я. Услышав мой ответ, Мардж подозрительно склонила голову набок.

– Так-так... чувствую, не все у вас настолько гладко, как кажется. Ты что-то скрываешь?

– Да вроде нет, – уклонился я. – Просто не знаю, как будут дальше развиваться наши отношения.

Мардж пристально посмотрела на меня.

– Может, лучше просто жить и радоваться тому, что у вас есть сейчас? Потому что, по-моему, эти два месяца Эмили служила тебе надежной опорой.

– Так и есть.

– Вот и цени ее за это, и будь что будет.

Поколебавшись, я сказал:

– Вивиан считает, что наши совместные поездки куда-нибудь с детьми сбивают с толку Лондон. И она, в сущности, права.

Мардж состроила скептическую мину и придвинулась ко мне.

– А вы не берите с собой Лондон и Бодхи, – многозначительно посоветовала она. – Почему бы тебе просто не встретиться с ней одной?

– Как на свидании?

– Да, – кивнула Мардж. – Как на свидании.

– А как же Лондон?

– Мы с Лиз охотно посидим с ней. И потом, ты вроде бы говорил, что через пару недель Лондон уезжает в Атланту? Лови момент, братишка.

* * *

Вечером на праздновании Хэллоуина Вивиан вела себя мило, даже сфотографировала на телефон меня и Лондон, а потом сразу же переслала мне снимок. Я раздавал конфеты соседским детям. К нам стучались так часто, что я устроился в кресле-качалке на передней веранде, чтобы не вставать с дивана каждый раз.

На следующее утро меня разбудило сообщение от Вивиан: она написала, что уезжает примерно в шесть, и спрашивала, смогу ли я

вернуться к этому времени.

Тем же вечером перед отъездом она обняла меня и шепнула, что я замечательно справляюсь с заботами о Лондон.

Первые две недели ноября прошли, как один бесконечный день с восемнадцатью часами работы и других дел, прочно вошедших в привычку. Я делал пробежки, работал, заботился о Лондон, которая снова начала ездить на уроки музыки, готовил еду, убирал в доме, каждый вечер звонил Эмили. Благодаря моим новым клиентам, я был настолько занят, что в следующие выходные не успел навестить ни родителей, ни Мардж и Лиз. Но кое-какие подробности все же сохранились в моей памяти.

Через неделю после Хэллоуина ко мне заглянула риелтор, чтобы помочь выставить жилье на продажу. Она обошла весь дом, непрестанно задавая вопросы, затем предложила сделать перестановку, чтобы комнаты смотрелись более эффектно. Так один за другим предметы мебели и прочие вещи вернулись на те места, которые с самого начала отвела им Вивиан. Перед тем как уехать, риелтор достала из багажника молоток и вбила в землю во дворе перед домом ярко-красную табличку «Продается».

При виде этой таблички у меня сжалось сердце, и я, недолго думая, позвонил Эмили. Как обычно, она поддержала меня и даже сумела подбодрить красочными перспективами жизни в новом доме. Наверное, я постоянно держал в голове, что Вивиан увозит Лондон на выходные в Атланту, потому что, когда мы прощались, я вдруг подумал о предложении Мардж пригласить Эмили на свидание. Но не успел я собраться с духом, как Эмили снова заговорила:

– Расс, я хотела спросить: ты не мог бы составить мне компанию на открытии выставки, о которой я тебе говорила? Той самой, где будет несколько моих картин?

Эмили заметно волновалась, и я отчетливо представил себе, как она заправляет прядь волос за ухо, как обычно, когда беспокоится.

– Если не сможешь, ничего страшного, но поскольку открытие состоится в выходные, а Лондон уезжает в Атланту, я подумала...

– С удовольствием, – перебил я. – Спасибо за приглашение.

Тринадцатое ноября и выходные приближались, я помогал Лондон готовиться к поездке в Атланту, и сборы заняли больше времени, чем я предполагал. Лондон не терпелось побывать в новой квартире Вивиан. Она укладывала и перебирала свой чемодан четыре или пять раз. Целыми днями решала, что возьмет с собой, и в конце концов отобрала несколько

разных нарядов, а также Барби, альбомы-раскраски, цветные мелки и книжку про животных по парам. Вивиан прислала сообщение, предупреждая, что заедет за Лондон в пять, и я сделал вывод, что она намерена проделать за рулем путь в оба конца. Про личный самолет Спаннермена я совсем забыл и вспомнил о нем, только когда перед домом затормозил лимузин.

Я донес чемодан Лондон до машины и отдал водителю. К тому времени дочь уже забралась в лимузин и восторженно оглядывала его бархатный салон.

Она уезжала вместе со своей матерью, но видеть это все равно было нестерпимо больно.

– Я привезу ее обратно в воскресенье, около семи, – сказала Вивиан. – И конечно, можешь звонить в любое время – я позову ее к телефону.

– Постараюсь не быть для вас обузой.

– Ты же отец, – возразила Вивиан, – а не обуза. – Она отвела взгляд и продолжила: – К твоему сведению, в эти выходные с Уолтером она не встретится. Ей еще рано с ним знакомиться. От таких впечатлений я ее избавлю.

Я кивнул, удивленный – и да, благодарный ей.

– Какие у вас планы? – спросил я, словно пытаюсь задержать их.

– Посмотрим по обстановке. Мы, пожалуй, поедем. Хочу добраться до дома не слишком поздно.

На этот раз объятий не последовало. Но отворачиваясь, она зацепилась взглядом за табличку «Продается» и замерла. Потом решительно отбросила волосы за спину, села в машину, и водитель закрыл за ней дверцу.

Я смотрел вслед лимузину, чувствуя странную опустошенность. Какие бы повороты ни делала жизнь, она всегда находила очередной способ напомнить, что я лишился будущего, которое когда-то отчетливо себе представлял.

Не знаю, почему, но с приближением открытия выставки в галерее, на которой также были представлены работы Эмили, меня охватило беспокойство. Мы с Эмили пили кофе вдвоем почти каждые выходные, каждый день говорили по телефону и часто проводили вечера, потягивая вино у нее в патио. И порой не расставались целыми днями, вывозя на какую-нибудь экскурсию детей. Мало того, предстоящее событие имело отношение к ее, а не к моей работе, поэтому если кому-то из нас и следовало нервничать, то скорее Эмили.

И все-таки мое сердце заколотилось быстрее обычного, а во рту вдруг

пересохло, когда в тот день я постучал в дверь дома Эмили. Она открыла мне. Увидев ее в дверях, я не успокоился, а наоборот – разволновался сильнее. Я понятия не имел, как художникам полагается одеваться на открытие выставки, но привычная мне и свойственная неработающим мамочкам небрежность в одежде исчезла бесследно: передо мной стояла очаровательная женщина в черном коктейльном платье на тонких бретельках, чьи волосы каскадом блестящих локонов ниспадали с плеч. Я заметил, что Эмили сделала макияж, но он был настолько естественный, что она выглядела совершенно ненакрашенной.

– Ты как раз вовремя! – Она быстро обняла меня. – И кстати, прекрасно выглядишь.

Мой выбор пал, по выражению Вивиан, на «Голливуд-лук»: черный блейзер, черные слаксы и черный тонкий свитер с V-образным вырезом.

– Честно говоря, я не знал, как одеться, – признался я, все еще ощущая трепет от ее краткого объятия.

– Подожди минутку, я только проверю, оставила ли няне все необходимое. И пойдем, хорошо?

Я смотрел, как она бежит вверх по лестнице, потом услышал ее разговор с няней. Она обняла и поцеловала Бодхи и вернулась в прихожую.

– Идем?

– Разумеется, – ответил я, очарованный одной из самых красивых женщин, каких я видел в жизни. – Но только с одним условием.

– Каким?

– Ты преподашь мне краткий курс этикета. Расскажешь, как полагается вести себя на открытии выставки.

Она рассмеялась, и этот беспечный смех развязал тугой узел напряжения, нарастающего у меня внутри.

– Об этом мы поговорим по дороге. – Она взяла из шкафа в прихожей кашемировую шаль. – Давай удерем отсюда, пока Бодхи не вспомнил о чем-нибудь важном. Тогда наш побег придется отложить еще как минимум на двадцать минут.

Я открыл перед ней дверь, пропустил вперед и отметил, как красиво платье облегает ее талию. Взгляд скользнул ниже, в памяти вдруг всплыл вечер, когда она помогла мне завязать галстук-бабочку. Я вспыхнул и отвел глаза.

Мы направились в центр города, где находилась галерея.

– Итак, эта выставка очень важна для тебя? – начал я. – Ты же серьезно трудилась, чтобы успеть закончить к ней все картины.

– Ну, это не крупный выставочный центр и не Музей современного

искусства, но хозяин галереи знает свое дело. Он уже давно работает в этой сфере и раз в год приглашает на закрытый показ своих лучших клиентов. В том числе видных коллекционеров. Обычно он выставляет работы шести или семи художников, но на этот раз выбрал девять. Двух скульпторов, керамиста, витражиста и пять живописцев.

– И ты одна из них.

– Я каждый год оказываюсь в числе избранных.

– А скольких всего он представляет?

– Наверное, человек тридцать.

– Вот видишь! А ты еще скромничаешь. Никогда бы не подумал.

– Скромничаю потому, что мои картины не приносят больших денег. Вряд ли они когда-нибудь попадут на «Сотбис» или «Кристис». С другой стороны, большинство художников, картины которых стоят миллионы долларов, уже мертвы.

– Но это же несправедливо.

– А я и не спорю, – насмешливо отозвалась она.

– И какую роль ты играешь на открытии?

– Что-то вроде социального миксера и души компании, я – одна из нескольких хозяев вечера. Будут вино и закуски, мне надо держаться поблизости от моих работ – на случай, если гости пожелают задать вопрос или просто поболтать со мной.

– А если кто-нибудь захочет купить картину?

– Тогда он обратится к хозяину галереи. Не мне решать, сколько стоят мои работы. Несмотря на шутки про миллионы, мне трудно думать об искусстве в его денежном выражении. Покупать картину надо, если она тебе нравится. Если она говорит с тобой.

– Или просто потому, что она хорошо смотрится на стене?

– И по этой причине тоже, – улыбнулась она.

– Мне не терпится увидеть твои работы. Извини, что до сих пор так и не съездил в галерею...

– Расс, ты ведь занятой отец-одиночка. – Она пожала мне руку. – Я рада тому, что ты согласился сходить со мной на открытие сегодня. Так что мне будет с кем поговорить, если моими работами никто не заинтересуется. Знаешь, это довольно уныло – стоять рядом со своей картиной и видеть, как люди равнодушно проходят мимо или отводят взгляд, когда пытаешься заговорить с ними.

– С тобой такое уже бывало?

– Не один раз, – кивнула она. – Далеко не всем по душе мои работы. Искусство субъективно.

– А мне они нравятся. По крайней мере, те, которые я видел у тебя дома.

Она засмеялась.

– Это потому, что тебе нравлюсь я.

Я повернулся к ней.

– Все верно.

К тому времени, как мы подъехали к галерее, нервозность рассеялась. Рядом с Эмили я чувствовал себя легко, потому что и она вела себя со мной непринужденно. Я успел привыкнуть к тому, как вдохновляет чувство, когда тебя принимают таким, какой ты есть. Пока мы шли к двери, я думал, как сложилась бы моя жизнь, если бы я женился на Эмили, а не на Вивиан.

Эмили перехватила мой взгляд и склонила голову набок.

– О чем задумался?

Я смутился.

– Да вот о чем: как хорошо, что Лондон и Бодхи друзья.

Она скептически прищурилась.

– А по-моему, ты думал совсем не о детях.

– Не о детях?

– Нет, – с понимающей улыбкой подтвердила она. – Я почти уверена, что ты думал обо мне.

– Здорово, наверное, уметь читать мысли.

– А как же, – подтвердила она. – И кстати, вот тебе еще один фокус: сейчас я войду в галерею, не прикоснувшись к двери.

– И как же ты это сделаешь?

Она притворилась разочарованной.

– А разве ты ее не откроешь? А я-то думала, ты джентльмен.

Рассмеявшись, я распахнул перед ней дверь. Внутри галерея была ярко освещена и выглядела как лофт в бывшем фабричном помещении – большое открытое пространство и несколько тонких перегородок, не достигающих до потолка. На перегородках висели картины, и я насчитал человек двадцать, столпившихся возле них; некоторые держали в руках широкие винные бокалы, другие – высокие узкие бокалы для шампанского. Официанты кружили по залу, разнося закуски на серебряных подносах.

– Давай вперед, – предложил я. – Сегодня ты звезда.

Эмили оглядела зал и повела меня к седому джентльмену аристократического вида. Им оказался Клод Барнс, владелец галереи. Рядом с ним стояли две пары, приехавшие из других городов специально, чтобы побывать на выставке.

Я взял с подноса у проходящего официанта два бокала с вином, отдал один Эмили, и мы присоединились к общей беседе. Я увидел, как Эмили указывает на несколько работ в глубине зала, и, когда разговор завершился, она повела меня к ним.

Несколько минут я рассматривал ее картины. Они были не только ошеломляюще прекрасны, но и таинственны. У Эмили дома я видел абстрактные полотна, а эти были вполне реалистичны. Взрыв цвета на холсте, резкие и смелые мазки. Одна картина особенно привлекла мое внимание.

– Они удивительные, – искренне сказал я. – Представить себе не могу, сколько труда в них вложено. С которой из них было больше всего мороки?

– Вот с этой. – Она указала на картину, которую я выделил из всех.

Я вновь обратился к ней, отступив на несколько шагов, чтобы рассмотреть под разными углами.

– Изумительно, – заключил я.

– По-моему, она выглядит незаконченной, – покачала головой Эмили. – Но все равно спасибо.

– Я серьезно. Я хочу ее купить.

– Ну-у что же... – протянула она недоверчиво, но явно польщенно. – А ты уверен? Ты ведь даже не знаешь, сколько она стоит.

– Я хочу ее купить, – повторил я. – Правда хочу. – Увидев, что я говорю искренне, она покраснела.

– Ого! Для меня это честь, Расс. Попробую уговорить Клода сделать тебе скидку «для друзей и родственников».

Я отпил вина.

– И что теперь?

– Подождем, посмотрим, может, кто-нибудь подойдет. – Она подмигнула. – А если все-таки подойдут, позволь мне самой с ними поговорить, ладно? Не хочу стать новой Маргарет Кин.

– А кто это?

– Маргарет Кин была художницей, а авторство всех ее работ на протяжении долгих лет приписывал себе ее муж. По мотивам истории ее жизни снят фильм «Большие глаза». Обязательно посмотри.

– Может, как-нибудь вечером посмотрим вместе?

– Договорились.

Посетителей в галерее прибывало, я слушал, как Эмили рассказывает о своих картинах. Моя роль сводилась к фотографированию желающих на их телефоны. Казалось, буквально всем хочется сняться вместе с Эмили – возможно, просто потому, что она художница. Но, посмотрев по сторонам,

я обнаружил, что другие художники не пользуются такой популярностью.

Пока Эмили беседовала с гостями, я обошел всю галерею. У нескольких скульптур я задержался, но они были настолько большими и абстрактными, что я представить себе не мог, в какую обстановку они способны вписаться. Среди картин других художников некоторые мне понравились, но работы Эмили все равно были лучше.

Мы с Эмили периодически подкреплялись закусками. Одна волна посетителей сменяла другую. Их количество достигло пика в восемь часов, а потом пошло на убыль. Выставку предполагалось закрыть в девять вечера. Но двери были открыты, пока без четверти десять не ушел последний из гостей.

– По-моему, все прошло успешно, – направляясь к нам, сказал Клод. – Вашими работами, Эмили, заинтересовались сразу несколько гостей. Ничуть не удивлюсь, если ваши картины в ближайшие несколько дней будут распроданы.

Эмили повернулась ко мне.

– Ты уверен, что хочешь купить ту картину?

– Хочу, – подтвердил я, прекрасно сознавая, что сейчас для меня это непозволительная роскошь. Но мне было все равно. Клод слегка нахмурился, наверняка предвидя просьбу о скидке. Но его лицо вскоре приобрело более доброжелательный вид.

– Вас заинтересовали еще какие-нибудь работы? Других художников?

– Нет, – сказал я. – Только эта.

– Может, поговорим о ней завтра, Клод? – вмешалась Эмили. – Уже поздно, я слишком устала, чтобы говорить о делах.

– Конечно. Спасибо вам, Эмили. Вы, как всегда, были украшением вечера. Вашему умению располагать к себе людей можно лишь позавидовать.

Клод был прав.

– И что теперь? – спросил я Эмили по дороге к машине. – Если ты устала, я отвезу тебя домой.

– Ты серьезно? – удивилась она. – Я пригласила няню, она знает, что до полуночи домой я не вернусь. А Клоду я сказала, что устала, лишь бы поскорее улизнуть из галереи. Стоит ему только разговориться – не остановишь. Я впервые за целую вечность наняла няню и хочу воспользоваться случаем.

– Как насчет ужина? Может, удастся найти место, где еще открыто.

– Я так объелась... – призналась она. – Может, просто по коктейлю?

– У тебя есть любимый бар?

– Расс, я мать пятилетнего ребенка. В люди я выбираюсь редко. Но слышала, что в «Фаренгейте» жгут настоящие костры – изумительный вид. А поскольку сегодня прохладно, посидеть у живого огня было бы неплохо.

– Я как раз недавно возил туда Лондон на вечер свидания.

– Гении мыслят одинаково.

Вскоре мы уже сидели в баре на крыше «Фаренгейта», грелись у огня и смотрели на панораму ночного города. Я заказал два бокала вина.

Эмили сидела, закутавшись в свою кашемировую шаль и прикрыв глаза, ее лицо было безмятежным. В розоватом отблеске огня она выглядела обворожительно и, когда заметила, что я смотрю на нее не отрываясь, ответила томной улыбкой.

– Я помню этот взгляд, – сказала она. – Вот так же ты смотрел на меня еще... миллион лет назад.

– Да?

– Иногда у меня даже мурашки бежали по коже.

– А сейчас нет?

Уклончивое пожатие плечами я воспринял как отрицание.

– Да, я говорил, что рад снова видеть тебя рядом...

Я замолк, и она подняла на меня глаза.

– Но?..

Я решил сказать правду.

– Не уверен, что я готов к отношениям.

Она помолчала.

– Ладно, – наконец пробормотала она с легким оттенком сожаления.

– Извини.

– За что?

– За то, что так часто звонил тебе. И, наверное, дал тебе понять, что готов, хотя и не был. Я до сих пор не оправился от удара и по-прежнему слишком часто думаю о Вивиан. Нет, вернуть ее я уже не хочу – я осознал это. Но она до сих пор занимает центральное место в моей жизни, и это как патология. А ты всегда так великодушна – ты выслушиваешь меня, поддерживаешь эмоционально. И главное, с тобой я смеюсь...

Под ее испытующим взглядом я осекся.

– А разве я когда-нибудь жаловалась, что ты слишком часто звонишь мне? Или что обременяешь своими исповедями?

Я покачал головой. Казалось, некое озарение пытается выбраться на поверхность моих запутанных мыслей, как всплывает сквозь толщу воды пузырек воздуха.

– Нет, никогда.

– В ситуации, описанной тобой, ты не предлагаешь мне ничего взамен. Но на самом деле все было не так. – Ее темные волосы блеснули в свете костра, она откинула их от лица и, наклонившись ко мне, продолжила: – Мне нравится узнавать, как у тебя дела, неважно, в хорошем ты настроении или нет. Я знаю, что с тобой я могу поговорить о чем угодно, и ты поймешь, ведь у нас есть общее прошлое. Мне кажется, ты знаешь меня настоящую, со всеми недостатками.

– У тебя нет недостатков, – возразил я. – Во всяком случае, я их не вижу.

Она недоверчиво фыркнула.

– Ты серьезно? Все мы несовершенны, Расс. Мне хотелось бы думать, что я усвоила хотя бы некоторые уроки прошлого десятилетия и, возможно, стала терпеливее, чем была раньше. Но я далеко не идеал.

Последовало молчание. Официантка принесла нам вино. Эмили отпила вина, а когда снова повернулась ко мне, я заметил тревогу на ее лице.

– Прости, – сказал я. – Похоже, я испортил тебе вечер.

– Нисколько. Твоя честность так много значит для меня, Расс. Наверное, именно она особенно нравится мне в тебе. Ты не боишься говорить то, что думаешь – что тебе больно, что тебя пугают неудачи, что ты не готов к отношениям. Как трудно некоторым людям говорить об этом. Дэвиду никогда не удавалось. Я понятия не имела, что он на самом деле чувствует – по-моему, в половине случаев он не чувствовал вообще ничего. Но с тобой все по-другому. Ты открытый. Я всегда восхищалась этим качеством в тебе, и оно осталось неизменным. – Она помолчала. – Ты мне по-настоящему нравишься, Расс. Ты мой человек.

– В том-то и дело, Эмили. Мне ты не просто нравишься... Кажется, я влюблен в тебя.

Мои слова будто ударили ее током.

– Кажется?

– Нет, – уверенно сказал я. – Я на самом деле влюблен в тебя. Странно говорить о любви, зная, что я не готов сделать следующий шаг, но это правда. – Я смотрел на огонь, призывая на помощь смелость. – Я недостойн твоей любви. Ты можешь найти человека намного лучше меня. Может, со временем...

Произносить эти слова оказалось гораздо мучительнее, чем я ожидал. В горле встал ком.

Эмили молча смотрела на меня. Потом положила мне на колено руку

ладонью вверх, предлагая взяться за нее. Так я и сделал, и, когда наши пальцы переплелись, меня окутало ободряющее тепло.

– А ты не думал, что и я влюблена в тебя?

– Ответных признаний я от тебя не жду.

– Это не просто слова, Расс. Я знаю, что такое любовь. Наверное, я всегда любила тебя каждой частицей своего существа – Бог свидетель. Такие чувства просто не исчезают, они оставляют в душе след. – Эмили не сводила с меня глаз, голос был нежным. – Я буду ждать, пока ты будешь готов. Мне нравится то, что у нас есть сейчас. Нравится, что ты стал одним из моих самых близких друзей. Я знаю, как я дорога тебе. Помнишь, что я говорила о дружбе? «Это когда кто-то входит в твою жизнь, говорит «я рядом, когда я тебе нужен» и доказывает это делом».

Я кивнул.

– Именно это ты сделал для меня. Не знаю, может, и я не готова к отношениям. Зато твердо знаю другое: я хочу видеть тебя в своей жизни, и сама мысль о том, что я снова тебя потеряю, рвет мне сердце.

– И что же дальше?

– Может, просто посидим у костра – ты и я? И насладимся прекрасным вечером. Мы можем быть друзьями – и сегодня, и завтра, и сколько пожелаешь. И ты будешь звонить мне, мы будем болтать и пить кофе, пока дети занимаются в студии. И как все люди в этом мире, будем просто жить – день за днем.

Я смотрел на нее, поражаясь ее мудрости и тому, как просто и ясно она выражает свои чувства словами.

– Я люблю тебя, Эмили.

– Я тоже тебя люблю, Расс. – Она стиснула мою руку. – Все будет хорошо, – искренне добавила она. – Верь мне.

Этой ночью я долго лежал в постели без сна. Мы с Эмили просидели у костра еще час, постепенно осознавая все сказанное ранее. Потом я отвез ее домой и хотел поцеловать на прощание, но побоялся нарушить только что обретенное нами равновесие.

Эмили почувствовала мою нерешительность и просто прижалась ко мне. Мы долго стояли обнявшись на ее веранде; этот момент близости порастил меня, показавшись более реальным и значительным, чем все, что происходило между нами до этого.

– Позвони мне завтра, хорошо? – шепнула она, отпуская меня и напоследок ласково касаясь ладонью моей щеки.

– Обязательно.

После она повернулась и ушла в дом.

Две последние недели ноября оставили в моей памяти самые счастливые воспоминания. Мой день рождения прошел спокойно; ни я, ни Вивиан не упоминали о нем, когда Лондон звонила по видеосвязи, и только после разговора я наконец вспомнил, какой сегодня день. С работой я успешно справлялся, разрабатывая кампании для новых клиентов. Лондон вернулась из Атланты в воскресенье вечером, и хотя она долгое время только и делала, что развлекалась, вхождение в привычный ритм прошло гладко, как по маслу. Я каждый день разговаривал с Эмили, провел переговоры с Клодом, купил картину и повесил ее в гостиной. В следующие выходные я увиделся с родными. Днем раньше Мардж и Лиз побывали у репродуктолога, и когда все мы собрались в гостиной, они объявили родителям о своих планах.

– Давно пора! – воскликнула мама и вскочила, чтобы обнять обеих.

– Вы будете хорошими родителями, – добавил отец, а потом тоже обнял по очереди Мардж и Лиз. Отец обнимал кого-нибудь примерно так же часто, как происходят солнечные затмения, поэтому я понял, что он растроган.

От Тальери я узнал, что Вивиан хочет забрать Лондон в Атланту на День благодарения. Вообще-то она собиралась увезти дочь уже в среду вечером и оставить у себя до воскресенья. Я расстроился, понимая, что система посещений «каждые вторые выходные» вылилась в расставание с Лондон на все праздники. В среду Вивиан приехала за дочерью на лимузине и снова увезла ее на частном самолете. Глядя им вслед, я думал, как тихо будет в доме в ближайшие четыре дня без моей дочери.

Дома и вправду все выходные царил покой. Ведь он был пуст.

В те выходные мой мир вновь начал рушиться у меня на глазах.

И разрушения оказались страшнее.

Как это произошло?

Как обычно – когда, казалось бы, ничто не предвещало беды.

Только по прошествии времени стало ясно, что предвестники все-таки были.

Наступило субботнее утро, двадцать восьмое ноября, День благодарения прошел позавчера. Вечер накануне я провел вместе с Эмили – мы ужинали, потом ходили в театр комедии. Снова попытавшись поцеловать ее при расставании, я был вынужден довольствоваться продолжительным и крепким объятием, подкрепившим мое желание

удержать ее в своей жизни как можно дольше. К моему удивлению, чувства к Эмили уже вытеснили мысли о Вивиан, и я надеялся, что так будет и дальше. Мне стало гораздо легче, я впервые за месяцы, если не за годы, с уверенностью смотрел в будущее.

Роковой звонок прозвучал рано утром в субботу. Еще и шести часов не было, когда телефон вдруг подал голос, и даже сам сигнал показался мне зловещим. Как обычно, я перевел мобильный в режим «в самолете», а на домашний номер мне обычно никто не звонил – только в экстренных случаях. Перед тем как я схватил трубку, в голове мелькнула мысль: звонит мама, сообщить, что отец в больнице. Или что у него инфаркт. Или еще хуже... Мама сообщит мне об этом в истерике.

Но это была не мама.

Звонила Лиз, чтобы сообщить, что случилось с моей сестрой.

Мардж положили в больницу.

Она кашляла кровью целый час.

Глава 23

Нет

Когда Мардж было одиннадцать, они с мамой попали в автомобильную аварию.

В то время мама еще водила громоздкий «универсал» с деревянными панелями. Мои родители принадлежали к другому поколению, поэтому не привыкли пристегиваться ремнями безопасности.

Мардж ненавидела их еще сильнее, чем я. Если я просто забывал пристегнуться – имейте в виду, я был еще ребенком, – то Мардж отказывалась от них намеренно, чтобы иметь возможность ущипнуть меня или отвесить подзатыльник. Добавлю, что такое случалось довольно часто.

В тот день меня в машине не было, и хотя за точность фактов я не ручаюсь, но, кажется, авария случилась не по маминой вине. Она не превышала скорость, движение на улице не было оживленным, она проезжала перекресток на зеленый свет светофора. А тем временем какой-то малолетка – вероятно, настраивающий радио или уплетающий картошку фри из «Макдоналдса», – рванул на красный и врезался в бок «универсала».

Если мама почти не пострадала, то за Мардж нам всем пришлось поволноваться. При столкновении из боковых окон вылетели стекла. Когда Мардж привезли в больницу, она была в сознании, но с кровотечением, ушибами и сломанной ключицей.

Войдя в больничную палату вместе с отцом и увидев сестру, я пришел в ужас. В шесть лет я мало что знал о смерти и даже о больницах. Отец стоял возле кровати Мардж, его лицо было бесстрастным, но не скрывало того, как он напуган. Взглянув на мое искаженное страхом лицо, он нахмурился.

– Подойди к сестре, Расс.

– Не хочу, – помню, заупрямился я.

– А мне нет дела до того, чего ты там не хочешь, – отрезал он. – Я велел тебе подойти, и ты сделаешь это.

Его тон не допускал возражений, я робко приблизился к кровати. Лицо Мардж было чудовищно распухшим, в синяках и царапинах, словно его, как игрушку, сшили из лоскутов. Она не была на себя похожа. И выглядела как

герой из фильма ужасов, поэтому я разрыдался.

Лучше бы я сдержался. Отец подумал, что я плачу от сочувствия к Мардж, и, утешая, положил руку мне на плечо, отчего я зарыдал сильнее.

Но я плакал от жалости не к Мардж, а к самому себе, потому что мне было страшно, и я со временем начал презирать себя за этот поступок.

На свете есть смелые люди.

В тот день я узнал, что я не из их числа.

Врачи не сразу поняли, что с Мардж. Медсестры брали кровь и делали рентгеновские снимки грудной клетки. Потом ее увезли на компьютерную томографию. Мардж осматривали и взяли образец ткани легких на анализ.

И все это время только Мардж выглядела совершенно спокойной. Отчасти потому, что кашель утих. Она шутила с врачами и сестрами. Я снова задумался о том, как ловко моя сестра скрывает свой страх даже от тех, кто ее любит. А тем временем в лабораториях делали анализы. Я слышал, как врачи переговариваются шепотом и различал слова «патология» и «радиология». «Биопсия». «Онкология».

Лиз явно тревожилась, но не паниковала. Мои родители были как каменные изваяния. Я волновался, потому что выглядела Мардж неважно. Ее кожа стала серовато-бледной, подчеркивая худобу, и я невольно стал вспоминать то, что видел своими глазами, и то, что слышал от сестры последние несколько месяцев. Изнурительный кашель, который мучил ее постоянно, боли в ногах... Усталость даже после отпуска...

Мои родители, я, Лиз и врачи думали об одном и том же.

Рак.

Нет, не может быть. Мардж не настолько серьезно больна. Она же моя сестра, ей всего сорок лет. Чуть больше недели назад она обращалась к специалисту-репродуктологу. И с нетерпением ждала беременности. У нее вся жизнь впереди.

Мардж просто не могла заболеть. У нее не *рак*.

Нет.

Нет, нет, нет, нет...

Вивиан, которая увезла Лондон в Атланту, я был искренне благодарен: мне не пришлось весь день думать, чем занять дочь. Много часов подряд я провел в больнице у Мардж, иногда отправлялся пройтись по стоянке или выпить кофе в кафетерии. Я позвонил Эмили и сообщил, что происходит, просил ее не приезжать, но она решила по-своему.

Краткая, но радостная встреча Мардж и Эмили состоялась незадолго до полудня. После, в коридоре, обняв меня, дрожащего от страха, она сказала, что хочет повидаться со мной вечером, если я буду в состоянии. Я пообещал позвонить ей.

Наконец я позвонил Вивиан. Узнав, что случилось, она ахнула и предложила немедленно прилететь вместе с Лондон. Но я объяснил, что Лондон лучше побыть с ней – по крайней мере, на выходных. Вивиан согласилась.

– Ох, Расс... – тихо сказала она, ничем не напоминая прежнюю, резкую и деятельную Вивиан. – Мне так жаль...

– Пока еще рано. Ничего не известно наверняка.

Но я обманывал себя, и мы оба понимали это. Вивиан прекрасно знала, что случилось со всеми родными моей мамы. Она снова заговорила, и я услышал дрожь в ее голосе.

– Сделай одолжение, ничего пока не говори Лондон, хорошо? – попросил я.

– Конечно, не скажу! Я могу чем-нибудь помочь? Тебе ничего не нужно?

– Пока нет, – ответил я. – Но все равно спасибо, – говорил я с трудом, мысли начинали путаться. – Если что, я тебе сообщу.

– Держи меня в курсе, ладно?

– Обязательно, – пообещал я, зная, что сдержу слово. Ведь мы все-таки еще женаты.

Днем, пока мои родители и Лиз ходили в кафетерий, я побыл с Мардж. Она расспрашивала меня о работе, по ее настоянию я подробно рассказал о рекламных кампаниях, которые разрабатывал для клиентов. По-моему, она тоже вспомнила тот день в больнице после аварии и как мне тогда было страшно. А еще она знала, что о работе я способен говорить бесконечно, поэтому засыпала меня вопросами.

По привычке, появившейся у нее с недавних пор, она спросила про Эмили, и я наконец признался, что влюблен, но пока не готов рассказать об этом родителям. Выслушав меня, она торжествующе рассмеялась.

– Слишком поздно. Мама с папой уже знают.

– Но откуда? Я им ничего не говорил.

– А тебе и не пришлось бы, – ответила она. – Когда ты звонил Эмили в День благодарения, у тебя все было написано на лице. Мама только брови подняла, а папа повернулся ко мне и спросил: «Уже? Он ведь еще даже не развелся».

Я невольно рассмеялся. Да, такой уж он, наш отец.

– Не думал, что все настолько очевидно.

– Угу. – Она закивала. – Но лучше бы ты не приводил ее сюда сегодня – я выгляжу кошмарно. Надо было нам встретиться сразу после Коста-Рики, пока я еще могла похвастаться загаром.

Я кивнул, поражаясь тому, что Мардж ведет себя как ни в чем не бывало.

– Это я виноват.

– Я, кстати, хотела бы познакомиться с Бодхи.

– У тебя еще будет возможность.

Она смяла в кулак край больничной простыни, туго скрутила его, а потом отпустила.

– Я все думаю об имени для ребенка, – продолжала она. – Даже книгу купила, знаешь, бывают такие? И иногда листаю на работе. Даже выделила некоторые.

Имя для ребенка? Я не ослышался и она в самом деле говорит о ребенке? Глаза наполнились слезами, я с трудом сдерживался:

– Уже выбрала какие-нибудь?

– Если для мальчика, то мне нравится Джосайя. Элиот. Картер. Если для девочки – Мередит и Алексис. У Лиз, конечно, свое мнение, но об этом мы с ней пока не говорили. Еще слишком рано, времени хватит, чтобы принять решение.

Времени хватит.

До Мардж, наверное, дошел смысл собственных слов, потому что она посмотрела на часы, а потом на распахнутую дверь палаты, мимо которой торопливо проходили медсестры, занятые своим делом.

– Интересно, когда меня наконец отпустят, – сказала Мардж. – Почему так долго? Я здесь уже несколько часов торчу. Они что, не понимают, что у меня дела?

Не дождавшись ответа, сестра вздохнула.

– Ты ведь понимаешь, что со мной все будет в порядке? Нет, я помню, что случилось со мной утром, но чувствую себя неплохо. Гораздо лучше, чем до отъезда в Коста-Рику. Наверное, просто подцепила там какого-нибудь паразита. Бог знает, есть ли какие-то санитарные нормы на их кухнях.

– Посмотрим, что скажут врачи, – пробормотал я.

– Если увидишь их, попроси поторопиться. Не хочу проваляться здесь все выходные.

– Хорошо.

Мардж продолжала скручивать и разглаживать простыню.

– Лондон приезжает завтра, да?

– Да, завтра. В какое время – пока не знаю. Наверное, ближе к вечеру.

– Может, придешь вместе с Лондон к нам с Лиз на ужин? В последнее время ты был так занят, нам не хватало времени нормально посидеть и поговорить.

Глядя, как она теребит простыню, я почувствовал ком в горле.

– Ужин – это замечательно. Только без костариканской еды, хорошо? И без экзотических паразитов.

– Да уж, – она посмотрела мне в глаза. – Поверь, я бы никому не пожелала того, что со мной было.

День тянулся медленно.

Полдень. Конец дня.

Написала Вивиан. Я ответил, что новостей пока нет.

Эмили спросила, как у меня дела.

Напуган до смерти, ответил я.

Приближались сумерки, небо затягивали тучи. В больничной палате Мардж свет стал тусклым и серым, телевизор без звука показывал «Судью Джуди». Попискивала аппаратура, измеряющая жизненные показатели пациентки. В палату вошел незнакомый врач – он держался спокойно, хотя хмурился, и я заранее понял, что мы от него услышим. Он представился доктором Кадамом Пателем, онкологом. Я увидел, как за его спиной по коридору проехала девушка в инвалидном кресле. В руках она держала мягкую игрушку – лиловую свинью.

Как в мамином сне.

Я перестал понимать происходящее, как только врач заговорил, но все же сумел запомнить кое-что.

Аденокарцинома... чаще встречается у женщин, чем у мужчин... с большей частотой наблюдается у молодых людей... немелкоклеточный рак... развивается медленнее других типов рака легких, но, увы, болезнь запущена, на снимках видно, что она дала метастазы в другие органы... оба легких, лимфатические узлы, кости и мозг... злокачественный перикардиальный выпот... четвертая стадия... инкурабельно.

Неизлечимо.

Мама издала горестный вопль, понимая, что ее ребенок умирает. Лиз заплакала секунду спустя, и мой отец обнял ее. Он молчал, крепко зажмурившись, но его нижняя губа дрожала. Мардж неподвижно сидела на

постели. Я смотрел на нее и не чувствовал ног. Мардж не сводила глаз с врача.

– Долго мне еще осталось? – спросила она, и я впервые за весь день услышал в ее голосе страх.

– Неизвестно, – ответил доктор Патель. – Вылечить болезнь невозможно, однако ее можно лечить. В последние десять лет появились новые методы. Они не только продлевают жизнь, но и смягчают симптомы.

– И все-таки, сколько? – настаивала Мардж. – Если лечиться?

– Если бы мы начали лечение раньше, – туманно начал доктор Патель, – до появления метастазов...

– Но мы опоздали, – перебила Мардж.

Доктор Патель выпрямился.

– И опять-таки, невозможно знать точно. Вы молоды, ваше состояние удовлетворительное, и это увеличивает предполагаемую продолжительность жизни.

– Я так понимаю, на этот вопрос вы не хотите отвечать. Да, все пациенты разные, поэтому вы не можете знать наверняка. Но я хочу услышать ваш наиболее вероятный прогноз. – По голосу Мардж было ясно, что она своего добьется. – Как думаете, год у меня еще есть?

Врач промолчал, на его лице отразилось сомнение.

– Полгода? – настаивала Мардж, но опять не получила ответа. – Три месяца?

– Мне кажется, – наконец заговорил доктор Патель, – сейчас было бы лучше обсудить варианты лечения. Очень важно приступить к нему как можно скорее.

– Я не хочу обсуждать *лечение*, – возразила Мардж, злясь. – Если вы считаете, что мне осталось всего несколько месяцев, если говорите, что болезнь неизлечима, какой в этом смысл?

Лиз, собравшись с силами, вытерла глаза, подошла к кровати и, взяв руку Мардж, поднесла ее к губам и поцеловала.

– Детка... – прошептала она. – Я хочу послушать, что скажет доктор о вариантах лечения, ладно? Понимаю, тебе страшно. Ты сможешь выслушать его? Ради меня?

Мардж впервые за все время отвела взгляд от врача. Слеза скатилась по ее щеке, оставив влажную дорожку, блеснувшую на свету.

– Ладно, – прошептала Мардж и расплакалась.

Системная химиотерапия.

Следующие сорок минут врач терпеливо разъяснял нам, почему он

рекомендует именно эту схему лечения. Поскольку рак настолько запущен и уже распространился по всему организму Мардж и даже поразил ее мозг, операция бессмысленна. Облучение возможно, но опять-таки из-за стадии болезни преимущества такого лечения не компенсируют его недостатки. Как правило, пациентам дают больше времени, чтобы взвесить все «за» и «против» химиотерапии, в том числе побочные эффекты, о которых врач подробно рассказал. Но под конец он напомнил, что случай очень запущенный, поэтому он настоятельно рекомендует начать химиотерапию немедленно.

Для этого Мардж понадобился катетер. Пока его ставили, мы с родителями ушли в кафетерий. Все мы молча пытались осмыслить происходящее. Я заказал кофе, но не сделал ни глотка, а лишь думал о том, что химиотерапия – это, по сути дела, яд. Единственная надежда на то, что раковые клетки погибнут раньше здоровых. Если яда слишком много – пациент умирает, если слишком мало – лечение не дает эффекта.

Моя сестра и родители хорошо знали это. Мы все прекрасно представляли себе, что такое рак: стадии, выживаемость, возможные ремиссии, катетеры и побочные эффекты...

Ведь рак распространяется не только в организме одного человека, но и в целых семьях – так, как в моей.

Я вернулся в палату, сел и стал смотреть, как яд вливается в мою сестру и приступает к убийству.

Я вышел из больницы, когда небо уже потемнело, и проводил родителей до машины. Мне показалось, что оба вмиг постарели. Они казались совершенно обессиленными. Я чувствовал себя так же.

Лиз попросила нас оставить ее наедине с Мардж. И мне стало стыдно. В порыве сочувствия к Мардж я даже не подумал о том, что им с Лиз хочется побыть вдвоем.

Проводив взглядом машину родителей, выезжающую со стоянки, я медленно направился к своей. Я понимал, что не смогу остаться в больнице, но и домой возвращаться желания не было. Мне не хотелось никуда. Разве что вернуться в прошлое, во вчерашний день. Двадцать четыре часа назад я еще ужинал с Эмили и собирался на юмористический концерт.

Выступления в театре комедии меня не разочаровали, и хотя один из артистов показался мне немного вульгарным, юмористические миниатюры второго комика, семейного человека, имеющего детей, звучали правдоподобно. Во время спектакля я взял Эмили за руку, и наши пальцы

переплелись – это был верх моих мечтаний. Помню, у меня в голове мелькнуло, что это и называется «жизнь» – любовь, смех, дружба и радостные минуты, проведенные с теми, кто тебе дорог.

Я ехал домой, и вчерашний день казался мне невыносимо далеким, словно из другой жизни. Ось моего мира сместилась. Я был опустошен. Прищурив залитые слезами глаза, я понял, что никогда не стану таким, как раньше.

Эмили прислала сообщение, спрашивая, в больнице ли я, и, когда я ответил, что уже дома, пообещала сейчас же приехать.

Она застала меня на диване в доме, где горела лишь одна лампа – в гостиной. Я не смог подняться, услышав, как Эмили стучит в дверь, и она вошла сама.

– Привет. – Она тихо прошла по комнате и села рядом.

– Привет. Извини, что не вышел.

– Ничего. Как Мардж? Как ты?

Не зная, что ответить, я сдавил пальцами переносицу. Больше плакать я не мог.

Она просто прижала меня к себе, и слова нам не понадобились.

Мардж отпустили из больницы в воскресенье. Она была слаба, ее тошнило, но задерживаться в больнице не имело смысла.

Ведь первую дозу яда в нее уже влили.

Я вез Мардж в инвалидном кресле, родители шли следом. Лиз шагала рядом с креслом, прокладывая путь по многолюдным коридорам. На нас никто не обращал внимания.

Снаружи было холодно. Лиз попросила меня по пути в больницу заскочить к ним и захватить куртку для Мардж.

Я открыл двери дома и сунулся в шкаф в прихожей, стараясь найти что-нибудь потеплее. И остановил выбор на длинном пуховике.

Перед тем как мы вышли, Лиз помогла Мардж встать, чтобы надеть куртку. Мардж поморщилась и пошатнулась, но сохранила равновесие. На стоянку Лиз и родители вышли вместе, а потом направились к своим машинам.

– Ненавижу больницы, – сказала Мардж. – В хорошем настроении в больнице я была только один раз – когда родилась Лондон.

– Я тоже, – проговорил я. – Полностью с тобой согласен.

Она застегнула куртку на шее.

– Вывези меня на улицу, хорошо? Просто увези отсюда.

Я выполнил ее просьбу. Холодный ветер пощипывал щеки. Листья с немногочисленных деревьев у стоянки уже облетели, небо казалось свинцовым.

Когда Мардж снова заговорила, ее голос был таким тихим, что я едва расслышал его.

– Мне страшно, Расс.

– Знаю. Мне тоже.

– Так нечестно. Я никогда не курила, почти не пила, питалась правильно. Занималась спортом. – Она вдруг стала похожа на ребенка.

Я присел на корточки, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Ты права. Это несправедливо.

Она встретила со мной взглядом и хрипло, безнадежно засмеялась.

– Знаешь, это все мама виновата, – заявила она. – Она и ее гены. Конечно, этого я ей никогда не скажу. Но я ее не виню...

Я думал о том же самом, но ни за что бы не решился произнести это вслух. Маму наверняка терзали те же мысли, именно поэтому в больнице она не проронила ни слова. Протянув руку, я сжал пальцы Мардж.

– Мне паршиво, – продолжала Мардж. – Утром меня четыре раза вырвало, а теперь нет даже сил, чтобы самой добраться до туалета.

– Я тебе помогу, – пообещал я. – Честно.

– Нет, – покачала головой она. – Тебе это не понравится.

– Ну что ты такое говоришь? Конечно, я помогу.

За всю свою жизнь я никогда еще не видел Мардж такой печальной – Мардж, которая лишь беспечно пожимала плечами, легко перенося даже самые большие потери.

– Я знаю: ты считаешь, что это твой долг. И ты хочешь его исполнить. – Она пожала мою руку. – Но у меня есть Лиз. А у тебя – Лондон, твой бизнес и Эмили.

– Сейчас работа уже не так беспокоит меня. Эмили поймет. А Лондон все равно почти весь день в школе.

Мардж помолчала, а потом будто вернулась к давнему разговору.

– Знаешь, что в тебе меня восхищает? – спросила она.

– Понятия не имею.

– Я восхищаюсь твоей силой. И отвагой.

– Куда там, – возразил я. – Ни о какой отваге и речи не может быть.

– Неправда, – настаивала она. – Вспоминая прошлый год и все, что ты пережил, я не могу понять, как ты выдержал. Я смотрела, как ты становишься прекрасным отцом – я всегда знала, что именно таким ты и будешь. Я видела тебя в худшие минуты твоей жизни, после ухода Вивиан.

Видела, как ты собрался с силами. И при этом продолжал строить бизнес. Немногим людям удалось бы повернуть за шесть месяцев то, что сделал ты. Лично я бы не смогла.

– Почему ты говоришь мне все это?

– Потому что я не позволю тебе остановиться, ради меня перестать делать то, что необходимо тебе. Это разобьет мне сердце.

– Я буду рядом, – сказал я. – И отговорить меня ты не сможешь.

– А я и не предлагаю бросить меня на произвол судьбы. Прошу только об одном: продолжай жить своей жизнью. Будь сильным и смелым. Потому что ты нужен не только Лондон. Ты нужен Лиз. И маме с папой. Кто-то из нас должен быть опорой. И хотя ты вряд ли согласишься моим словам, я знаю: ты всегда был самым сильным из нас.

Глава 24

Декабрь

Когда я вспоминаю Мардж подростком, в голову приходят прежде всего две вещи: катание на роликах и фильмы ужасов. В конце восьмидесятых и в начале девяностых неспешное катание на роликах с колесами в два ряда было вытеснено более агрессивной ездой на новомодных роликах, с колесами в ряд, но Мардж хранила верность старомодным – по-моему, она с раннего детства питала слабость к каткам, где играла музыка диско. Подростком все выходные она проводила исключительно на роликах, обычно со своим «Уокмэном» и в наушниках... как ни странно, даже после того, как получила водительские права. Мало что она любила больше, чем ролики, – за исключением хороших ужастиков.

Романтические комедии Мардж тоже одобряла, как и я, но ее излюбленным жанром всегда были ужасы, и она не пропускала ни единого нового фильма, успевая посмотреть его в первую же неделю после премьеры. Для нее не имело значения то, что фильм разносили в пух и прах и критики, и простые зрители. Она ходила в кино одна, если не удавалось найти единомышленника-энтузиаста, так же преданного жанру, как фанат – своей любимой группе. От «Кошмара на улице Вязов» и «Кэндимэна» до «Амитивилль 4: Зло спасается» – Мардж была истинной ценительницей ужастиков, как высокоинтеллектуальных, так и примитивных.

Когда я спрашивал, почему ей так нравятся фильмы ужасов, она просто пожимала плечами и отвечала, что иногда приятно немного испугаться.

Я не мог понять, что в этом хорошего, – как и то, что за удовольствие носиться целыми днями на колесах, прикрученных к ботинкам. Кому придет в голову хотеть, чтобы его напугали? Разве в реальной жизни мало ужасов, от которых по ночам просыпаешься в холодном поту?

Но теперь, кажется, я ее понял.

Мардж любила эти фильмы именно потому, что они не являлись реальностью. Все страхи, которые она ощущала по ходу фильма, были дозированными: фильм имел начало и конец. Она уходила из кинотеатра эмоционально опустошенная, но испытывала облегчение от того, что в

реальной жизни у нее все хорошо.

И в то же время у нее была возможность противостоять, пусть и недолго, одной из основополагающих эмоций, инстинкту, побуждающему нас бороться или бежать. Думаю, оставаясь на месте, несмотря на ледяной страх, Мардж считала, что выходит из этого испытания более сильной, подготовленной к любым реальным ужасам, уготованным ей жизнью.

Вспомнив об этом теперь, мне кажется, что Мардж о чем-то догадывалась.

Вивиан привезла Лондон домой в воскресенье вечером. На прощание она крепко обняла меня. В ее прикосновениях чувствовалась тревога, но, как ни странно, ее тело стало для меня совсем чужим.

Поездка Лондон очень понравилась, но на этот раз она призналась, что скучала и по рыбкам, и по Мистеру и Миссис Крапинке. Едва переступив порог, она побежала к себе в комнату, проведать зверинец, и рассказала мне, что в День благодарения ужинала в настоящем особняке. Я догадался, что Вивиан все-таки познакомила нашу дочь со Спаннерменом – в отместку за то, что Эмили обнималась с Лондон в студии. Несомненно, с точки зрения Вивиан, я нарушил табу первым, поэтому она поступила именно так.

Наверное, мне следовало придать этому событию больше значения, но я был вымотан и к тому же понимал, что рано или поздно Лондон все равно узнает о существовании Спаннермена и встретится с ним. Какая разница, когда это произойдет – в ближайшие выходные или в ее следующий приезд в Атланту?

Что вообще теперь имело значение?

Пока Лондон занималась рыбками, я решил помыть хомячью клетку, поскольку очередную чистку в то время, пока Лондон была в отъезде, пропустил. Я уже привык к этой обязанности, она не занимала у меня много времени. Я вынес мусор в уличный бак, вымыл руки, а когда вернулся наверх, Лондон держала в руках Мистера Крапинку.

– Есть хочешь, детка? – спросил я.

– Нет, – ответила она. – Мы с мамой поели в самолете.

– Да я просто спросил. – Я сел на кровать, наблюдая за ней, но думая о Мардж. Моя сестра хотела, чтобы я продолжал жить, как будто ничего не произошло. Но на самом деле все изменилось, и я чувствовал, что опустошен, как нефтяная бочка на свалке. Я не знал, сумею ли выполнить просьбу Мардж, и хочу ли этого.

– Знаешь, что? – спросила Лондон, взглянув на меня.

– Что, детка?

– На Рождество я сделаю для тети Мардж и тети Лиз вазу, как для мамы. Но на этот раз нарисую на ней рыбок.

– Им понравится, вот увидишь.

Минуту Лондон внимательно смотрела на меня, ее взгляд стал непривычно серьезным.

– Папа, у тебя все хорошо?

– Ага, – ответил я. – Нормально.

– По-моему, ты грустный.

Так и есть, думал я. Держусь из последних сил, чтобы не развалиться на куски.

– Просто соскучился по тебе, – объяснил я.

Она улыбнулась и подошла ко мне с хомяком на ладони.

– Хочешь поддержать Мистера Крапинку?

– Конечно, – кивнул я, и она бережно посадила зверька мне на руку. Хомяк был мягким и совсем легким, но я почувствовал, как он уцепился за меня крохотными коготками. Усы задрожали, хомяк начал обнюхивать мою руку.

– Знаешь, что? – снова спросила Лондон. Я сделал вопросительное выражение лица. – Теперь я могу читать.

– Да?

– Я сама читаю «По парам». И маме тоже читала.

Может, не столько читала, сколько повторяла наизусть – ведь мы прочли эту книгу вместе сотни раз? Но какая разница?

– Может, потом прочитаешь и мне?

– Ладно, – согласилась она и крепко обняла меня. – Я люблю тебя, папа.

Я уловил аромат детского шампуня, которым она до сих пор пользовалась, и у меня снова защемило сердце.

– И я тебя люблю.

Лондон еще раз сжала меня в объятиях.

– Можно, я заберу у тебя Мистера Крапинку?

В понедельник Мардж ушла с работы. Я узнал об этом, когда получил от нее сообщение: «Я решила уволиться».

Высидев Лондон у школы, я отправился к сестре. Работа могла и подождать. На недовольство Мардж я решил не обращать внимания: мне хотелось только увидеть ее. Дверь открыла Лиз, и я понял, что она плакала

– об этом говорили покрасневшие глаза.

Мардж я нашел сидящей с ногами на диване и закутанной в одеяло. По телевизору шла «Красотка». Фильм вызвал прилив воспоминаний, мысленно я сразу же увидел сестру подростком. Когда у нее еще была вся жизнь впереди, и измерялась она десятилетиями, а не месяцами.

– А, привет. – Она нажала на пульте паузу. – Что ты здесь делаешь? Тебе разве не надо на работу?

– Я на короткой ноге с боссом, – отшутился я. – Он разрешил мне сегодня немного опоздать.

– Остряк.

– Беру пример со старших.

Мардж подвинулась, я плюхнулся на диван рядом с ней.

– Признайся честно: ты получил мое сообщение и примчался только потому, что позавидовал – для меня эти крысиные гонки наконец закончились. – Она с вызовом усмехнулась. – Я решила: пора хоть немного пожить для себя.

Пока я тщетно пытался придумать ответ, Мардж толкнула меня в бок ногой.

– Расслабься, – сказала она. – Унынию и мрачности не место в этом доме. – Она оглянулась. – С Лиз все хорошо? – шепотом спросила она.

– Наверное, – ответил я. – Мы почти не разговаривали.

– А зря. Она вообще-то очень милая.

– Правда, что ли? – Я вяло улыбнулся. – Кстати, как себя чувствуешь?

– Гораздо лучше, чем вчера. О, вспомнила: можно мне в эти выходные свозить Лондон покататься на роликах?

– Ты хочешь покататься с Лондон на роликах? – Мое изумление было таким очевидным, что Мардж его заметила.

– Я не позволю вам держать меня взаперти. Думаю, Лондон понравится моя идея.

Невысказанным осталось другое: эти воспоминания обязательно сохранятся у Лондон, ведь для нее это катание на роликах будет первым.

– Когда ты в последний раз каталась?

– А что? Не бойся, я не забыла, как это делается. Если помнишь, когда-то я отлично каталась.

Не в этом дело, мысленно ответил я. Просто задумался, хватит ли тебе сил. Я перевел глаза на экран, думая, что Мардж заняла позицию отрицания очевидного. На застывшем кадре Джулия Робертс ссорилась со своей соседкой в баре из-за денег. Я не пересматривал этот фильм уже много лет, но хорошо его помнил.

– Ладно, – согласился я, – только нажми на кнопку, давай посмотрим фильм.

– Ты хочешь потратить целое утро на «Красотку»? Вместо того чтобы зарабатывать деньги?

– Моя жизнь, что хочу, то и делаю.

– Ладно, только смотри, чтобы это не вошло в привычку, ага? Можешь заезжать после работы, но не до нее. Мне, наверное, понадобится побольше спать.

– Жми уже.

Она слегка подняла брови и направила пульт на телевизор.

– Это только начало.

– Вижу.

– А раньше мы смотрели это кино вместе.

– Помню, – сказал я. – А еще помню, что ты всегда была влюблена в Джулию Робертс.

Она засмеялась, люди на экране зашевелились, и следующие два часа мы с сестрой смотрели фильм, наперегонки выдавая реплики и обмениваясь замечаниями – совсем как в детстве.

После кино Мардж ушла в спальню вздремнуть, а мы с Лиз – выпить кофе в кухне.

– Не знаю, что мне делать, – призналась Лиз, растерянно. – В Костарике казалось, что с ней все в порядке. Она почти не кашляла, я еле успевала за ней в походах. Не понимаю, как Мардж могла выглядеть здоровой всего месяц назад, а теперь... – Она покачала головой. – И не знаю, что делать мне. На сегодня и на завтра я уже отменила все встречи с клиентами, но брать отпуск Мардж мне решительно запретила. Она хочет, чтобы я продолжала работать хотя бы несколько дней в неделю, и уверяет, что твоя мама заменит меня, если понадобится. Что мы можем составить график, и так далее. – Она подняла глаза, ее взгляд был исполнен боли. – Как будто она не хочет меня видеть.

– Ошибаешься. – Я накрыл руку Лиз ладонью. – Мардж любит тебя. Я точно знаю.

– Тогда почему постоянно гонит меня? Не понимает, что я просто хочу быть с ней сколько это возможно?

Лиз пожала мне руку и уставилась в окно.

– Она все еще собирается в Нью-Йорк на следующей неделе, – помолчав, добавила Лиз.

– Вы что, серьезно? Хотите все-таки поехать?

Катание на роликах – одно дело, а поездка в один из самых крупных и многолюдных городов мира?

– Я не знаю, как быть. Прошлым вечером она спросила о поездке врача, и тот ответил, что если ей хочется, нет никаких причин отказываться от развлечений между сеансами химиотерапии. Но я все время думаю: «Это Мардж увидит в последний раз» или «для Мардж это последний и единственный шанс»?

Она смотрела на меня, ожидая ответа, а я понимал, что мне нечего сказать.

Большинство ее вопросов были теми же, которые я задавал самому себе, но не находил ответа.

Утром во вторник, первого декабря, я получил от Мардж сообщение: она приглашала нас с Лондон на ужин. И вместе с тем намекала, чтобы я не заезжал к ней с утра.

Мысли об этом угнетали меня, и я, высадив Лондон у школы, договорился выпить кофе с Эмили. В джинсах и толстом свитере с высоким воротником она выглядела свежей и юной, как студентка.

– У тебя усталый вид, – заметила она. – Как ты – держишься?

– Кое-как, – признался я, устало пригладив волосы. – Извини, что не звонил последние два дня.

Она остановила меня.

– Не надо извиняться! Я даже представить себе не могу, каково тебе сейчас. И переживаю.

Почему-то от ее слов мне стало легче.

– Спасибо, Эм. Это много значит для меня.

– Расскажи, как дела? – попросила она, коснувшись моей руки.

Следующий час я говорил, прерываясь только, чтобы сделать глоток остывшего кофе. Вслушиваясь в собственные слова, я осознал: с тех пор, как ко мне вернулась Эмили, эмоциональные потрясения в моей жизни следуют одно за другим. Даже когда она обнимала меня на прощание, я удивлялся, как она меня терпит.

Готовясь к сегодняшнему ужину, Лиз выбрала блюда, которые наверняка понравились бы Лондон: кусочки курятины в панировке, картофель со специями и фруктовый салат.

Мы прибыли, когда моя мама как раз собралась уезжать, и я проводил ее до машины. Прежде чем сесть за руль, она остановилась.

– Мардж категорически запретила мне бросать клубы, – сообщила

мама. – Мало того, потребовала, чтобы я не меняла свой распорядок, но знаешь, Расс... – Она озабоченно нахмурилась. – Мардж просто не представляет, что будет дальше. Ей понадобится помощь. Она не хочет этого понимать и все отрицает.

Я кивнул, давая понять, что думаю о том же.

– Знаешь, что она мне только что сказала? Она хочет, чтобы папа приехал и починил перила у них на веранде – ей кажется, что они прогнили. И несколько оконных рам заедает. И подтекает раковина в ванной. Она настаивала, что все это надо поскорее починить! Как будто это что-то изменит. – Мама озадаченно взглянула на меня. – Зачем поднимать столько шума из-за перил на веранде? Или окон?

Я не ответил, но мне вдруг стало ясно, почему Мардж просила меня приезжать только по вечерам и почему разделила свое время между Лиз и мамой. А еще – зачем ей понадобилось, чтобы отец сделал ремонт в ее доме, и почему решила сводить Лондон покататься на роликах.

Мардж лучше, чем кто-либо из нас, понимала, что каждый из нас хочет побыть с ней наедине и остро нуждается в этом теперь, когда конец уже близок.

* * *

Побочные эффекты первого сеанса химиотерапии через неделю почти прошли, Мардж немного окрепла. Все мы сразу поверили, что лечение действует, – потому что нам отчаянно хотелось провести с ней хотя бы несколько лишних месяцев.

Но я знал, что Мардж на интуитивном уровне понимает, что происходит у нее внутри. Она согласилась на лечение просто потому, что так хотели мы. Я понял, что еще тогда она догадалась: лечение нисколько не замедлит развитие болезни.

И я до сих пор не перестаю удивляться: откуда она знала?

Лиз и мама составили расписание так, чтобы кто-нибудь из них всегда был дома по возвращении Мардж и Лиз из Нью-Йорка.

В пятницу утром после моего ужина у Мардж отец взял отгул и явился к ней с ящиком инструментов и связкой досок на багажнике. Ремонт он занялся не спеша, обстоятельно; спустя некоторое время прервался, чтобы пообедать. Мардж с отцом перекусили сэндвичами и холодным чаем на веранде, любясь новыми перилами и обсуждая перспективы «Брейвс» на ближайший сезон.

В субботу Мардж приехала ко мне после занятия Лондон в студии – того самого занятия, на котором втайне от моей сестры дочка готовила ей

рождественский подарок. После чего мы поехали кататься на роликах. Я и Лиз смотрели из галереи, как Мардж учит Лондон переставлять ноги. Лондон пыталась скорее шагать на роликах, чем катиться, и понадобилось добрых полчаса, прежде чем она поняла, как надо действовать. Если бы Мардж не держала Лондон за обе руки, катясь спиной вперед, моя дочь шлепнулась бы раз двадцать.

Но к концу занятия они уже смогли ехать бок о бок, пусть и медленно, и Лондон явно гордилась собой. Когда они переобувались, я сидел рядом с Мардж.

– Завтра у тебя будут ныть и руки, и спина, – предсказал я. Мне показалось, что у нее усталый вид, но не мог понять, почему, – то ли из-за болезни, то ли уберегать Лондон от падения и вправду оказалось непросто.

– Ничего со мной не случится, – возразила она. – Лондон совсем легкая. Но такая болтушка! Говорила без умолку все время, пока мы катались! Допытывалась, рыбки какого цвета мне больше всего нравятся. А я понятия не имела, что ей ответить.

Я улыбнулся.

– По сравнению с ней Нью-Йорк покажется тебе тихим и спокойным. Завтра уезжаете?

– Да, дождаться не могу! – оживилась она. – Я уже сказала Лиз, что первым делом мы пойдем смотреть елку в Рокфеллеровском центре. Хочу зарядиться праздничным настроением.

– Не забудь прислать фото, – попросил я.

– Обязательно, – пообещала она. – Кстати, я уже знаю, что хочу в подарок на Рождество, – значительно продолжила она. – От тебя.

– Ну, выкладывай.

– Скажу, когда вернусь. А пока только намекну: я хочу съездить с тобой кое-куда.

– Ты имеешь в виду, в путешествие?

– Нет, – ответила она. – Не в путешествие.

– А куда тогда?

– Если я сейчас скажу, сюрприза не получится.

– А если не скажешь, как же я тогда исполню твою просьбу?

– А вот это моя забота. Ну, договорились?

Она уже успела переобуться, и я заметил грустный взгляд, которым она окинула каток. Народу на нем прибавилось – катались дети, стайки шумных подростков и несколько ностальгирующих взрослых. По выражению лица Мардж я догадался, о чем она думает: другой возможности покататься у нее уже не будет.

И я понял: сегодняшняя поездка на каток была задумана не просто для того, чтобы Лондон научилась держаться на роликах или получила драгоценные эмоции – Мардж уже начала прощаться со всем, что любила.

Мардж и Лиз уехали на шесть дней. В их отсутствие я работал целыми днями, стараясь успеть сделать для новых рекламных кампаний как можно больше, все время отгоняя мысли о сестре. Как Мардж и обещала, она прислала мне снимки из Рокфеллеровского центра: на одном она стояла возле елки вместе с Лиз, на другом – одна.

Я обработал эти снимки в «Фотошопе», распечатал и вставил в рамки. Одни собирался подарить Мардж и Лиз на Рождество, а другие оставить себе.

Между тем ко мне обратились еще две юридические компании, в том числе небольшая фирма из Атланты, глава которой случайно наткнулся на мои недавние ролики на «Ютубе». Приступая к подготовке презентаций для потенциальных клиентов, я вдруг поймал себя на мысли, что подвожу итоги последних шести месяцев.

Когда я только открыл свое агентство, меня беспокоили лишь вопросы, связанные с бизнесом и деньгами, и в то время я не мог представить себе более сильный стресс, чем тот, который испытывал. Хуже быть уже не может, думал я, но отчетливо помнил, как Мардж уверяла, что все наладится.

Конечно, она была права.

Но с другой стороны, жестоко ошибалась.

* * *

Приближались праздники.

– Какие у тебя планы на Рождество? И у Лондон? – спросила Мардж. Было воскресенье, Мардж только что проснулась после дневного сна, но выглядела усталой. Мы сидели на диване, она куталась в одеяло, хотя мне казалось, что в доме тепло. Накануне днем Мардж и Лиз вернулись из Нью-Йорка, и я решил провести их до возвращения Лондон из Атланты.

– Вы что, еще не обсудили планы на Рождество с Вивиан? Ведь осталось всего две недели.

Я смотрел на сестру и думал, что с тех пор, как я видел ее на катке, она похудела еще сильнее. Глаза ввалились, голос стал чуть выше и как-то ослабел.

– Пока нет, – ответил я. – Но праздники опять выпадают на выходные.

– Расс, я уже говорила тебе: несправедливо, что ты и Лондон все праздники проводите врозь.

Да, несправедливо. Но поскольку я ничего не мог поделать, то попытался сменить тему:

– Как там Нью-Йорк?

– Невероятно, – вздохнула Мардж. – Народу море... это что-то. Очереди на целый квартал, и это лишь для того, чтобы войти в магазин. Концерты потрясающие. Нам несколько раз удалось поужинать в незабываемых местах. – Она перечислила музыкантов, на концертах которых они побывали, и рестораны, где ужинали.

– Значит, поездка удалась?

– Безусловно, – согласилась она. – Пару раз устраивала в отеле романтические вечера: шампанское, клубника в шоколаде, дорожка из розовых лепестков до кровати... И прихватила новое белье, чтобы продемонстрировать свою подтянутую фигуру. – Она выразительно подняла бровь. – По-моему, я сразила Лиз наповал.

– А зачем тебе это понадобилось?

– Ты что, серьезно? У тебя мозг заклинило?

– Когда моя сестра заводит разговор о своей личной жизни, я предпочитаю сделать невинный вид, – объяснил я. – Не хочу делиться подробностями.

– А у тебя с Эмили все еще нет никакой личной жизни... И если хочешь знать мое мнение, с этим пора что-то делать.

– Нам и так неплохо живется, – возразил я. – Мы каждый вечер разговариваем по телефону и встречаемся, чтобы выпить вместе кофе. В пятницу вечером выбирались в люди.

– Куда ходили?

– Поужинать. И в караоке.

– Ты пел в караоке? – изумилась Мардж.

– Не я – Эмили. Кстати, она прекрасно поет.

Мардж заулыбалась, удобнее устраиваясь на диване.

– Здорово, – оценила она. – Не слишком сексуально или романтично, но весело. Что слышно насчет продажи дома?

– Кое-кто проявлял интерес, но пока ничего серьезного. Риелтор говорит, что в декабре жилье почти не покупают. И собирается устроить просмотр в январе.

– Когда будешь знать дату, сообщи. Мы с Лиз прикинемся потенциальными покупателями и при всех будем расхваливать твой дом.

– У вас наверняка найдутся дела поинтереснее, чем ломать комедию у меня дома.

– Возможно, – не стала спорить сестра. – Но, так или иначе, тебе

всегда требовалась моя помощь. Всю жизнь я была вынуждена опекать тебя. – Она посмотрела в сторону кухни, где Лиз готовила обед. – На этой неделе у меня еще один сеанс химии. Кажется, в следующую пятницу. Вот уж чего я совсем не жду. – Она вздохнула – тень опасений и мрачных предчувствий скользнула по ее лицу – и повернулась ко мне: – Кстати, раз об этом зашла речь, пожалуй, мы сделаем это в четверг.

– Что сделаем?

– Съездим кое-куда вдвоем, забыл? Мой подарок на Рождество.

– Но имей в виду, что я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Вот и хорошо. Я заеду за тобой в семь. Лиз уложит Лондон спать, если ты не против.

– Конечно, – согласился я. Мардж устало зевнула, и я понял, что мне пора. – Я, пожалуй, поеду. Надо закончить еще кучу дел, пока не вернулась Лондон.

– Ладно, – кивнула она. – Буду ждать четверга. Только не забудь одеться потеплее.

– Непременно, – пообещал я, встал с дивана, помедлил в нерешительности и поцеловал сестру в щеку. Ее глаза были закрыты. – До встречи.

Она молча кивнула, и по ее дыханию я понял, что она уснет вскоре, как я выйду за дверь.

Вивиан привезла Лондон тем вечером в семь. Пока лимузин ждал на улице, а Лондон купалась, готовясь ко сну, мы успели немного поговорить на кухне.

– Насчет Рождества... – Вивиан начала с самого главного. – Думаю, будет лучше, если мы проведем его здесь. То есть лучше для Лондон. Ведь это ее последнее Рождество в этом доме. Я могла бы остаться в комнате для гостей, если ты не против. – Она достала из своей сумочки лист бумаги. – Кое-что я уже купила, но тебе придется докупить остальное, чтобы мне не пришлось тащить все самой. Я составила список. Сохрани чеки, и мы поделим все расходы.

– Как скажешь, – согласился я, вспомнив, что говорила Мардж о праздниках. Теперь мне было чем порадовать сестру. – Сегодня я виделся с Мардж. – Я прислонился к кухонному столу.

– Как у нее дела?

– Много спит.

Вивиан кивнула и отвела глаза.

– Как все это ужасно, – сказала она. – Я знаю, ты думаешь, что мы с

Мардж не ладили, но я всегда любила ее. И знаю, что таких мучений она не заслужила. Мне хотелось, чтобы ты это знал. Она всегда была отличной сестрой.

– И остается до сих пор, – добавил я и вдруг задумался, как долго мне еще суждено произносить эти слова.

В среду после школы мы с Эмили собрались свозить детей в елочный питомник, чтобы они сами смогли выбрать дерево. Питомник был украшен как деревня Санты, где дети могли с ним познакомиться, осмотреть его мастерскую, полакомиться горячим шоколадом с печеньем. Выяснилось, что сотрудники сами развозят елки уже на подставках – этому я был особенно рад, поскольку опасался, что мой «приус» не выдержит тяжесть дерева.

Я посвятил в наши планы Мардж, и она настояла, чтобы в питомнике мы и встретились с ней и Лиз.

До Рождества оставалось девять дней.

Мардж вышла из машины на стоянке, я обнял ее и почувствовал, как выпирают ребра: рак медленно пожирал сестру изнутри. Однако она казалась более энергичной, чем после возвращения из Нью-Йорка.

– А это, как я понимаю, Бодхи, – объявила Мардж, с трогательной серьезностью пожимая мальчику руку. – Ты рослый для своих лет, – заметила она, а потом принялась расспрашивать, чем он любит заниматься и что хочет в подарок на Рождество. А когда детям наскучил взрослый разговор, мы разрешили им бежать впереди. Вскоре они затерялись между вечнозелеными деревьями.

– Какие планы на праздники, Эм? – спросила Мардж. – Уезжаешь куда-нибудь?

– Нет, – ответила Эмили. – Обычно отмечаю праздники в семье. Буду чаще видаться с сестрой и родителями. Лондон уже умеет ездить на велосипеде, и Бодхи тоже уговаривает научить его, так что, наверное, я подарю ему велосипед, хотя и не уверена, что смогу преподать ему урок езды.

– Ты ведь поможешь, Расс? – Мардж толкнула меня локтем.

Я поморщился.

– Мардж всегда ухитрялась записать меня в добровольцы.

– Помню-помню, – засмеялась Эмили. – Расс говорил, что поездка в Нью-Йорк выдалась замечательная.

Они увлеклись разговором и немного отстали. Я взял Лиз под руку.

– Как ваш график с мамой? – спросил я.

– Оказался удачным. Моя рабочая неделя сократилась до трех дней, два будних дня в неделю к нам приезжает твоя мама.

– Сегодня, по-моему, Мардж получше.

– Утром она чувствовала себя усталой, а после взбодрилась. Мне кажется, такие вылазки создают у нее ощущение, что с ней все хорошо, пусть и ненадолго. Вот и в Нью-Йорке было то же самое.

– Хорошо, что она все-таки решила съездить. Я просто опасался, что она переутомится.

– Я тоже, – кивнула Лиз. – И знаешь, что она отвечала, когда я делала предупреждения?

– Даже представить себе не могу.

– Посоветовала мне поменьше беспокоиться, так как у нее «еще остались важные дела».

– И что это значит?

Лиз покачала головой.

– Я, как и ты, могу лишь догадываться.

Пока мы ждали догоняющих нас Эмили и Мардж, я обдумывал загадочные слова моей сестры. Она всегда умела преподнести сюрприз, и я гадал, что же еще она для нас припасла.

Следующим вечером Мардж и Лиз приехали ко мне ровно в семь. Лондон с порога повела Лиз к себе в спальню, показывать аквариум.

Было довольно тепло, но Мардж надела шапку и закуталась в шарф, вдобавок к перчаткам и пуховику. Он болтался на ней, как на вешалке, – тот самый, который я привез ей в больницу.

Мне не верилось, что с тех пор, как ее увезли из дома на «скорой», прошло меньше трех недель.

– Ну, готов? – нетерпеливо спросила Мардж.

Я влез в куртку и прихватил перчатки и шапку.

– Куда едем?

– Увидишь, – ответила она. – Идем, пока я не передумала.

Я по-прежнему был озадачен, но когда мы свернули на знакомую дорогу, вдруг понял, к какой цели мы движемся.

– Ты что, серьезно? – спросил я, когда она притормозила у ворот и заглушила двигатель.

– Конечно, – твердо заявила Мардж. – Это и есть твой рождественский подарок для меня.

Над нами высилась водонапорная башня – немыслимо, неизмеримо высокая.

– Подниматься на нее запрещено, – напомнил я.
– И всегда было запрещено. Но раньше нас это не останавливало.
– Мы были детьми, – возразил я.
– А теперь уже не дети. Ты готов? Надевай шапку и перчатки. Наверху наверняка ветрено.

– Мардж...

Она уставилась на меня в упор.

– Сейчас я еще могу забраться наверх, – произнесла она тоном, не допускавшим возражений. – А после очередной химии – вряд ли. Но пока я в состоянии и хочу, чтобы ты поднялся со мной.

Дождаться ответа она не стала: вышла из машины и направилась к стальной наружной лестнице, а я в нерешительности остался на месте. К тому времени, как я вступил на лестницу, Мардж уже успела подняться на шесть футов. И мне, конечно, не осталось ничего другого, кроме как карабкаться следом за ней. Если она устанет, если ослабнет или у нее закружится голова, я должен быть рядом. Так что меня подгонял страх за Мардж.

Она была права: хотя через каждые двадцать футов ей приходилось останавливаться, чтобы отдышаться, она все равно продолжала двигаться вверх, все выше и выше. Сверху я видел крыши домов, ветер доносил до нас запах дыма из труб. Хорошо, что я надел перчатки – холод стальных перекладин лестницы ощущался даже сквозь них, руки коченели.

Когда мы добрались до самого верха, Мардж осторожно, мелкими шагами направилась к тому месту, где я застал ее в ту страшную ночь, еще во времена ее студенчества. Я быстро шагнул к ней, чтобы поддержать, если у нее закружится голова, и обнял крепче.

– Ты, наверное, продрогла, – сказал я.

– Говори за себя, – парировала она. – Я специально надела теплое белье.

– Отлично, – кивнул я. – Тогда двигайся ближе, буду греться от тебя.

Она придвинулась, и некоторое время мы смотрели на наш район с высоты птичьего полета. К вечеру сильно похолодало, сверчки и лягушки умолкли, слышался только негромкий шум ветра и шелест веток. И дыхание Мардж, хриплое и натужное. Насколько сильны ее боли?

– Помню, как ты нашел меня здесь пьяной в стельку, – заговорила она. – Вообще-то об этой ночи я мало что помню, кроме того момента, когда ты вдруг появился передо мной.

– Бурная выдалась ночь, – заметил я.

– Иногда я думаю, что случилось бы, если бы ты не приехал.

Спрыгнула бы я все-таки? В то время я так страдала по Трейси, а теперь, оглядываясь назад, понимаю, что наш разрыв был даже к лучшему. Потому что я встретила Лиз. А с Лиз у нас все по-другому. Вообще. У нас все получается, понимаешь?

– Да. У вас есть то, о чем мечтают многие.

– Беспокоюсь я за нее, – призналась Мардж. – Она так старается помочь людям разобраться в их проблемах, полностью отдается работе, что на саму себя ее уже не хватает. И это меня пугает. Потому что я хочу, чтобы у нее было все хорошо. Чтобы она была счастлива. – Мардж всмотрелась в даль, словно пытаясь разглядеть будущее. – Хочу, чтобы когда-нибудь она встретила человека, который полюбит ее так, как я. Того, с кем она могла бы встретить старость.

В горле встал ком.

– Понимаю.

– Пока мы были в Нью-Йорке, она поклялась, что не станет никого искать. И я страшно рассердилась на нее. Мы поссорились, и мне потом было так стыдно. Точнее, нам обеим, но...

– Слишком много всего произошло в последнее время, – тихо напомнил я. – Она понимает это. С ней все будет хорошо. – Если Мардж и услышала меня, то виду не подала.

– Знаешь, что еще пугает меня?

– Что?

– Что Лиз потеряет связь с Лондон. Она ведь так любит малышку... Именно из-за Лондон мы решили завести своего ребенка. А теперь...

– Лиз навсегда останется частью нашей семьи, – перебил я. – Я сделаю все, чтобы она постоянно присутствовала в жизни Лондон.

– А если Лондон переедет в Атланту? – напомнила Мардж.

– Она все равно будет регулярно видаться с Лиз, – заверил я.

– Но ведь ты сам сможешь видаться с ней только по праздникам и раз в две недели по выходным, так? Ну, еще пару недель летом.

Я задумался.

– Честно говоря, не знаю, как решится вопрос с Лондон, – признался я. Вивиан стала более великодушной с тех пор, как узнала о Мардж. Вместе с тем она оставалась наименее предсказуемым человеком из всех, кого я знал, и я остерегался давать обещания, не будучи уверен, сумею ли сдержать их.

Мардж повернулась ко мне.

– Ты должен бороться за свою дочь, – настаивала она. – Лондон должна жить с тобой.

– Вивиан этого не допустит. И вряд ли суд встанет на мою сторону.

– Так придумай что-нибудь! Вот что я тебе скажу: девочке нужен отец. Посмотри на нас с папой. Хоть у него и слова лишнего не вытянешь, я всегда знала, что в глубине души он на моей стороне и всегда готов поддержать. Вспомни, как он повел себя, когда узнал о моей ориентации. Мы ведь даже в церковь ходить перестали! Он выбрал меня – не Бога, не общину, не других людей. И если тебя не будет рядом с Лондон, когда она окажется на перепутье, ей будет казаться, что ты бросил ее. Ты должен быть рядом – каждый день, а не просто время от времени. – Она помолчала, словно переводя дух. – И потом, Лондон уже привыкла, что теперь о ней заботится в основном отец, – добавила она. – А у тебя это прекрасно получается.

– Я стараюсь, Мардж.

Она вцепилась в мою руку, голос зазвучал почти свирепо:

– А должен стараться еще больше! Делать все, что потребуется, лишь бы остаться в жизни Лондон. И не как воскресный или отпускной папа, а как отец, который всегда обнимает ее, когда она плачет, поднимает, если она упадет, помогает делать уроки. Поддерживает на жизненном пути. Все это ей нужно.

Я смотрел на безлюдные улицы внизу, залитые галогеновым светом фонарей.

– Знаю. Надеюсь, я не подведу.

В воскресенье утром привезли елку, и первую половину дня мы с Лондон наряжали ее, развешивали на ветках гирлянды и советовались по поводу каждой игрушки. Днем я позвонил Мардж и Лиз, хотел узнать, не приедут ли они к нам, но подошедшая к телефону Лиз сказала, что они не смогут.

– День выдался тяжелый, – объяснила она. Второй сеанс химиотерапии Мардж состоялся в пятницу, на другой день после нашей поездки к водонапорной башне, и с тех пор я не виделся с сестрой. По словам Лиз, тошнота и боли на этот раз были настолько сильными, что Мардж едва могла встать с постели.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет, – ответила Лиз. – Твои мама и отец пробыли здесь почти весь день. Они и сейчас у нас. – Она понизила голос: – Твой отец... знаешь, мне кажется, ему слишком тяжело видеть Мардж в таком состоянии. Он постоянно ищет, что бы еще починить. Маме тоже нелегко, но она прошла через все это столько раз... Отец держится ради Мардж, но это стоит ему

немалых усилий. Ведь они так ее любят...

Я вдруг задумался о том, что сказала Мардж той ночью на водонапорной башне, – об отце, который всегда рядом. До самого конца.

– Он прекрасный отец, Лиз, – сказал я. – Я могу лишь надеяться быть хоть отчасти на него похожим.

В понедельник, предпоследний учебный день Лондон перед зимними каникулами, я занялся списком, который оставила мне Вивиан. До этого я был каждый день занят по работе и поскольку разрывался между клиентами и Мардж, он как-то выпал из моего поля зрения. К счастью, выяснилось, что и Эмили надо кое-что купить, и мы вдвоем все утро ездили по магазинам. До Рождества оставалось всего четыре дня, я опасался, что все уже давно распродано, но сумел найти необходимое.

Дойдя до середины списка, мы с Эмили устроили обеденный перерыв в кафе торгового центра, где вкусно пахло едой, но у меня не было аппетита. Сегодня весы сообщили мне, что я снова начал терять вес. И не я один: Лиз тоже худела, и я все чаще замечал, что выглядит она неряшливо, словно ей нет дела до собственной внешности. Волосы, которые она теперь все чаще собирала в небрежный хвост, утратили блеск. Мама с отцом тоже вымотались. За последние несколько недель отец приобрел привычку сутулиться, с каждым днем морщины на мамином лице становились отчетливее и глубже.

Но все это не шло ни в какое сравнение со страданиями Мардж. Движения причиняли ей мучительную боль, ей редко удавалось бодрствовать дольше часа. Заезжая к ней, я иногда сидел в темной спальне и слушал, с каким трудом дается ей каждый вдох. Иногда во сне она всхлипывала, а я гадал, что ей сейчас снится. И надеялся увидеть улыбку на ее лице!

Эти мысли не покидали меня даже рядом с Эмили, в любой обстановке. Принесли мой заказ, и я уставился на еду, представляя себе измученное лицо Мардж. Потом съел кусочек и отодвинул тарелку.

Если Мардж не в состоянии поесть, значит, и я этого делать не должен, думал я.

– Приезжай, – велела Мардж без предисловий, когда я ответил на ее звонок. Несколько минут назад я высадил Эмили у ее дома.

– Зачем? С тобой все хорошо?

– Ты ждешь от меня ответа? – В ее голосе прорезалась прежняя язвительность. – Да, мне лучше, и я хочу, чтобы ты заехал к нам.

– Но мне скоро забирать Лондон из школы. А еще я хотел завезти домой подарки...

– Оставишь подарки у нас, – предложила она. – Тогда Лондон их не увидит раньше времени.

Подъехав к дому сестры через несколько минут, я начал выгружать пакеты из багажника. В дверях появилась мама. С ее помощью мы за два захода выгрузили все покупки.

– Не знаю, куда их убрать... – задумался я, глядя на гору пакетов в кухне. И мысленно задался вопросом: а нужно ли Лондон все это?

– Я сложу все в шкаф, – вызвалась мама. – А ты иди, тебя ждет Мардж.

Мардж лежала на диване, кутаясь в одеяло, как обычно; жалюзи в гостиной были закрыты. Елка подмигивала огоньками, бросала веселый отблеск на лицо Мардж. За те дни, пока мы не виделись, она словно постарела еще на несколько лет. На лице резко выдавались скулы, глаза глубоко запади, руки казались болезненно худыми и дряблыми. Стараясь скрыть ужас, я сел рядом.

– Я слышал, последние дни были непростыми... – прокашлявшись, начал я.

– Но мне уже лучше, это точно. Иду на поправку, но... – Она сверкнула улыбкой, напомнив о своей прежней неугомонности. – Хорошо, что ты приехал. Я хотела поговорить с тобой. – Каждое слово давалось ей с трудом. – Недавно мне звонила Эмили.

– Эмили?

– Ага. Ты ведь помнишь ее, да? Шикарные волосы, пятилетний сын, ты еще когда-то любил ее? В общем, она звонила мне, потому что тревожится за тебя. Говорит, что ты совсем не ешь.

– Она звонила тебе? – Я почувствовал раздражение. Значит, теперь Мардж будет беспокоиться о моем здоровье?

– Просто я просила ее присматривать за тобой и сообщать мне, как у тебя дела, – объяснила Мардж покровительственным тоном, знакомым мне с детства. – Потому и велела тебе приехать. – Она с укором взглянула на меня. – Если не поужинаешь сегодня как следует, я на тебя рассержусь.

– Когда же ты успела попросить Эмили присматривать за мной? – изумился я.

– Когда мы ездили в деревню Санты за елками.

– Тебе и без меня хватает забот, Мардж, – напомнил я, отчетливо сознавая, как мрачно прозвучали эти слова.

– А вот тут ты ошибаешься, – сказала она. – Право беспокоиться за тебя ты у меня не отнимешь.

Во вторник, 22 декабря, у Лондон был последний учебный день перед каникулами, и я планировал упаковать подарки, пока она в школе. Когда накануне днем я уезжал от Мардж, она вызвалась помочь с этим, раз они все равно спрятаны у нее в доме.

Отвезя Лондон в школу, я отправился к Мардж с запасом нарядной упаковочной бумаги. Увидев Мардж, я подумал, что выглядит она определенно лучше, чем вчера. В то же время мне уже осточертело оценивать и сравнивать свои впечатления от каждой новой встречи – только для того, чтобы вновь обрести надежду или потерять ее.

В тот день Лиз была дома и притворялась жизнерадостной, когда мы перенесли подарки в кухню и принялись заворачивать их. По просьбе Мардж она приготовила всем нам по чашке горячего шоколада с густой нежной пенкой, но я заметил, что к своей чашке сестра почти не притронулась.

Завернув несколько маленьких коробок, Мардж устроилась в кресле, предоставив остальную работу нам с Лиз.

– Мне не нравится, что ты просила Эмили опекать меня, – высказался я.

Несмотря на свое состояние, Мардж явно наслаждалась моей неловкостью – об этом свидетельствовал блеск в ее глазах.

– Вот поэтому я и не стала спрашивать разрешения у тебя. Если хочешь знать, мы еще о многом успели поговорить. Не только о тебе.

Почему-то ее слова меня насторожили.

– А о чем еще?

– Это наш с ней секрет, – объявила она. – А пока рассказывай, что ты ел вчера вечером. Поподробнее, пожалуйста.

– Я приготовил стейки для нас с Лондон, с картофельным пюре.

– Молодец, – довольно кивнула она. – А о планах на Рождество с Вивиан уже говорил? Если не считать того, что она приезжает в Шарлотт?

По традиции все мы в канун Рождества собирались у моих родителей. Мама готовила праздничный ужин, потом мы разрешали Лондон раскрыть подарки и смотрели по телевизору «Эту прекрасную жизнь». Зато утром в день Рождества, у нас дома, Лондон была всецело предоставлена нам с Вивиан.

– В детали мы пока не вдавались, – объяснил я. – Она приедет только завтра. Тогда и поговорим.

– Приготовь ей какой-нибудь подарок, – посоветовала Мардж. – Ради Лондон, она обрадуется, увидев, как ее мама тоже открывает подарки. Не

обязательно дорогой.

– Ты права, – кивнул я. – Об этом я не подумал.

– А что ты приготовил на Рождество для Эмили?

– Пока ничего, – признался я.

– Хотя бы придумал, что будешь дарить? Времени почти не осталось...

– Даже не знаю. – Я посмотрел на Мардж и Лиз, ожидая подсказки. – Может, свитер? Или красивый жакет?

– Сгодится. Но она уже сказала мне, что тебе подарит, так что ты сильно отстаешь от нее.

– Драгоценности? Или что-нибудь другое?

– Если захочешь. Она оценит, я точно знаю. Но понадобится кое-что еще, подарок от всего сердца.

– Какой?

– Думаю... – Она сделала паузу. – Ты должен написать ей письмо.

– Какое письмо?

Мардж пожала плечами.

– Ты же, можно сказать, зарабатываешь этим на жизнь, Расс. Расскажи ей, как много значила для тебя ее помощь все эти месяцы. Как сильно тебе хочется, чтобы она осталась в твоей жизни. Скажи... – Мардж вдруг осенило: – Попроси ее дать тебе еще один шанс!

Мне стало неловко.

– Она уже знает о моих чувствах к ней. Я постоянно ей об этом говорю.

– И все-таки напиши ей письмо, – настаивала Мардж. – Поверь, это стоит сделать.

Я прислушался к совету Мардж.

Поскольку уроки музыки Лондон должны были возобновиться только после Нового года, вместе с ней мы направились в торговый центр, где купили подарки для Вивиан: ее любимые духи, шарф и новый роман писателя, который ей нравился. Потом выбрал расшитый шелковый жакет для Эмили – он должен дополнить ее образ и немного богемный стиль – и золотую цепочку с изумрудной подвеской, оттеняющую цвет ее глаз. Позднее, когда Лондон уснула, я сел за кухонный стол и написал Эмили письмо. Переписывать начисто его пришлось несколько раз: пусть сочинительство и было частью моей профессии, излагать мысли искренно оказалось совсем другим делом, и я не сразу нашел баланс между обнаженными чувствами и слезливой сентиментальностью.

Наконец я остался доволен письмом и благодарен Мардж за ее совет.

Запечатав конверт, я уже собирался убрать блокнот и ручку в ящик, как вдруг понял, что дела на сегодня еще остались.

Лишь после полуночи я закончил еще одно письмо – для Мардж.

Вивиан приехала на следующий день в первом часу, вскоре после того, как я завез подарки к Эмили и вернулся. Поскольку елка уже была наряжена, мы с Лондон все утро украшали каминную полку и развешивали чулки. Лондон радовалась и гордилась, что уже большая и может в этом помочь.

Некоторое время Вивиан побыла с дочерью наедине. Потом я вызвал ее на кухню для разговора. Пока Лондон смотрела телевизор в гостиной, я спросил Вивиан, чем она намерена заняться в сочельник. Услышав мой вопрос, она удивленно уставилась на меня, будто я спрашивал об очевидном.

– А разве мы не поедem к твоим родителям? Да, это может показаться немного странным после всего, что произошло, но ведь для Мардж это последнее Рождество, и я хочу, чтобы Лондон побыла с ней и со всей семьей. Потому и вернулась домой.

Хотя мы больше и не любили друг друга, случались моменты, когда я вспоминал, почему когда-то женился на Вивиан.

Праздники прошли почти как всегда в семейном кругу.

В сочельник атмосфера в доме у родителей поначалу была немного напряженной по вполне понятным причинам. Однако все держались вежливо. Нас с Вивиан и Лондон встретили поцелуями и объятиями. Допив свой первый бокал вина, я понял, что у собравшихся одна и та же цель – сделать вечер как можно более приятным для Лондон – и для Мардж.

Вивиан обрадовалась моим подаркам и в свою очередь подарила мне спортивную одежду для пробежек и фитнес-браслет. Мардж и Лиз восторгались вазой, которую слепила и расписала для них Лондон. Они растрогались, когда развернули пакет со своими фотографиями из Нью-Йорка в рамках, а при виде конверта с письмом моя сестра одарила меня ласковой улыбкой. Лондон получила кучу одежды для Барби. А после, когда все подарки были открыты, мы включили фильм «Эта прекрасная жизнь» и вместе посмотрели его.

Единственное по-настоящему примечательное событие этого вечера случилось после вручения подарков. Краем глаза я заметил, что Мардж и Вивиан ускользнули из гостиной и уединились в кабинете. За прикрытой дверью их голоса были почти не слышны.

Странно было видеть их, увлеченных разговором наедине, однако я точно знал, что сейчас происходит в кабинете.

Как и все мы, Вивиан хотела попрощаться.

В день Рождества, после того, как Лондон открыла остальные подарки, я уехал из дома, чтобы дать Вивиан возможность побыть с дочерью. Мы и так провели вместе почти сорок восемь часов подряд, и нам обоим захотелось отдохнуть друг от друга. Радущие, а тем более наигранное веселье в разгар бракоразводного процесса и судебных споров об опеке любой считал бы нелегким испытанием.

Я отправил Эмили сообщение, спрашивая разрешения приехать, и сразу же получил ответ: Эмили звала меня в гости, писала, что приготовила для меня подарок, и ей не терпится вручить его.

Еще до того как я вышел из машины, она сбежала с крыльца навстречу мне. Мы замерли в объятиях в лучах бледного солнца холодного декабрьского дня.

– Спасибо за письмо, – прошептала она. – Оно прекрасное.

Я вошел следом за Эмили в дом, переступая через горы новых игрушек и рваной оберточной бумаги, среди которой красовался блестящий и новенький велосипед Бодхи. Эмили подвела меня к елке и вынула прямоугольный плоский пакет.

– Я думала вручить его тебе до Рождества, но, когда узнала, что Вивиан останется в доме, решила подарить его здесь.

Я потянул за уголок бумаги, в которую был завернут подарок, и она легко развернулась. Когда я увидел, что приготовила для меня Эмили, то некоторое время находился в шоке. Ошеломленный, я растерял все слова.

– Я заказала раму, но ты можешь поменять ее на любую другую, – робко заметила Эмили. – Просто я не знала, где ты ее повесишь...

– Невероятно... – наконец проговорил я и только тогда сумел отвести взгляд от картины. Эмили написала ее по фотографии, которую сделала, пока мы с Лондон танцевали в океанариуме, и картина казалась даже более реальной и живой, чем снимок. Ценнее подарка я еще никогда не получал. Обняв Эмили, я вдруг понял, почему Мардж так настойчиво советовала мне написать ей письмо.

Она знала, что Эмили готовит мне подарок от всего сердца, и хотела, чтобы мой был под стать. Как обычно, Мардж позаботилась обо мне.

Неизбежный финал года приближался. Вивиан уехала в Атланту. Я закрыл офис на неделю и почти все это время не расставался с Лондон.

Каждый день я навещал сестру и Лиз – Мардж немного полегчало, и у нас вновь появилась надежда, – трижды виделся с Эмили, из них лишь два раза вместе с детьми. Канун Нового года мы провели вдвоем за ужином и танцами.

Когда пробило полночь, мы с Эмили чуть было не поцеловались, что у обоих вызвало смех.

– Уже скоро, – пообещал я.

– Да, скоро, – кивнула она.

Но каким бы романтичным и радостным ни был этот момент, я чувствовал, что реальность снова вступает в свои права.

В 2015 году мне казалось, что я потерял все.

В 2016 мне предстояло потерять еще больше.

Глава 25

За счастье прежних дней

Романтические вечера, которыми Мардж удивила Лиз в Нью-Йорке, были не первыми на моей памяти. После того как они прожили вместе пять лет, в День святого Валентина Мардж устроила для Лиз замысловатый квест.

Когда сестра поделилась со мной своими планами, я был поражен: ничего подобного от нее я не ожидал. Ведь она бухгалтер. И хотя это стереотипное мышление, но она всегда казалась мне скорее уверенным в себе прагматиком, чем излишне сентиментальным романтиком.

Романтическую сторону своей натуры Мардж демонстрировала редко, но когда все-таки отваживалась, обычно превосходила даже самые смелые ожидания. Ее квест оказался продуманным до мелочей. По сравнению с ним романтические вечера в Нью-Йорке были детской игрой.

В День святого Валентина главным элементом квеста – который, кстати, должен был происходить в нескольких местах на территории Шарлотта – стал цикл из десяти загадок в стихотворной форме, служивших подсказками. Вот пример:

Эту игру я тебе подарю,
Чтоб знала ты, Лиз, как тебя я люблю.
Туда отправляйся, где видишь себя
Утром и после долгого дня.
И если налево взглянешь, дорогая,
То первую ты из подсказок узнаешь.

Мардж слева от зеркала в ванной прилепила скотчем ключик, который привел Лиз к почтовому ящику, где обнаружилась еще одна загадка, и так далее. Разгадать некоторые из них оказалось непросто. Лиз пришлось выпить до дна бокал шампанского, чтобы добраться до очередной подсказки. Помню, я был изумлен размахом затеи и фантазией Мардж.

Но теперь, вспоминая об этом, я уже не удивлялся ни сложной подготовке, которая потребовалась Мардж ко Дню святого Валентина, ни ее скрупулезности. Мне уже не казалось, что это ей несвойственно.

Лучше всего ей удавалась разработка планов, ведущих других людей к счастью.

У моей сестры-бухгалтера всегда был заготовлен план – особенно в отношении тех, кого она любила.

Мои воспоминания о том, как начался 2016 год, выкристаллизовались в цепочку ярких моментов, выделяющихся на тусклом фоне повседневности.

Этот фон состоял из работы, где я писал, снимал, редактировал, разрабатывал рекламные кампании, из забот о Лондоне до и после школы, из ежедневных пробежек и Эмили, ежевечерние разговоры и редкие свидания с которой поддерживали и укрепляли мой дух. Вся эта рутина образовывала основу моих дней и вместе с тем на время отвлекала меня от взлетов на вершины и падений в бездны, которыми ознаменовался этот период в моей жизни. Я знал, что со временем забуду гораздо больше, чем уцелеет в памяти. И кое-что особенно хотел забыть.

Но некоторые воспоминания остались со мной навсегда.

Прошла первая неделя нового года, и Мардж снова отправилась на обследование. На этот раз я не сопровождал ее, но когда пришло время узнать результаты, в больницу поехали мы все – родители, я, Мардж и Лиз.

Врач принял нас в своем кабинете, по другую сторону улицы от лечебного корпуса. Он сидел за массивным деревянным столом, на котором были расставлены несколько фотографий членов его семьи среди стопок бумаг и папок. На стенах висели полки с книгами и обычный набор из дипломов, памятных табличек и цитат в рамках. Единственным элементом, который не вписывался в эту картину, был большой, вставленный в рамку постер фильма «Целитель Адамс». Я помнил его смутно – в нем Робин Уильямс играл отзывчивого, доброго и смешного врача – и задумался: неужели доктор Пател мечтает быть похожим на него?

Звучало ли хоть что-нибудь забавное в этом кабинете? Случалось ли пациентам смеяться во время разговора с онкологом? Способна ли хоть какая-нибудь шутка смягчить ужас, вызванный болезнью?

Всем нам казалось, что состояние Мардж немного улучшилось – у нее прибавилось энергии, и боли словно не были такими острыми. Даже дыхание стало менее затрудненным. Все говорило в пользу хороших вестей. Я читал надежду на лицах родителей, видел, как уверенно Лиз держит Мардж за руку. Тайными надеждами мы делились всю предыдущую неделю, черпая силы в поддержке друг друга.

Но Мардж вовсе не выглядела обнадеженной. Стоило ей сесть напротив врача, как на ее лице появилось выражение обреченности, и я сразу же понял, что Мардж единственная из нас сегодня днем не прольет ни слезинки. Если все мы застряли на разных стадиях восприятия горя – на отрицании, гневе, торговле, унынии, – то Мардж уже опередила нас и перешла прямым ходом к принятию.

Еще до того, как врач заговорил, Мардж знала, что рак продолжает прогрессировать и процесс несколько не замедлился. Она уже поняла, что болезнь захватила новые территории.

– Пожалуйста, не спрашивай, как у меня дела, – попросила Мардж. – Мама с отцом только что уехали, и мама замучила меня этим вопросом. А папа все рвался еще что-нибудь починить. Мне хотелось ответить «меня», но я боялась вконец расстроить их. – По сложившейся привычке, мы сидели у Мардж на диване и смотрели в пустой угол, где еще недавно стояла елка. Отец вынес ее несколько дней назад, но мебель еще не вернулась на места, поэтому комната казалась пустой.

– Для них это тяжелый день, – объяснил я. – Они держатся как могут.

– Знаю, – кивнула Мардж. – И я рада, что отец по-прежнему приезжает ко мне. Никогда прежде мы с ним так много не говорили, и не только о бейсболе, – она вздохнула и вдруг поморщилась. Волна боли скрутила ее тело и быстро рассеялась.

– Принести тебе что-нибудь? – спросил я, чувствуя себя совершенно беспомощным.

– Таблетку я только что приняла, – сказала она. – Ничего не имею против обезболивающих, хотя от них меня и клонит в сон. Да и действуют они не так эффективно, как хотелось бы. Притупляют боль, и только. Так или иначе... – Она бросила взгляд в сторону кухни, где Лиз и Лондон рисовали за столом. Понизив голос, Мардж закончила: – Я сказала Лиз, что откажусь от следующего сеанса химии. – Ее лицо было мрачным, но полным решимости. – А она расстроилась.

– Ей просто страшно, – объяснил я. – А ты уверена, что поступаешь правильно?

– Ты же слышал врача, – возразила она. – Химия не действует. От нее мне только хуже – эта рвота, сонливость, уже начинают выпадать волосы... После сеансов я теряю целые дни, а их у меня осталось не так много.

– Не говори так, – попросил я.

– Извини. Я понимаю, ты не хочешь об этом слушать. Никто не хочет. – Мардж крепко зажмурилась, пережидая следующую волну боли –

мне показалось, что она не проходила слишком долго. – Полагаю, Лондон не знает о моей болезни?

Я покачал головой.

– Она даже не знает, что мы с Вивиан разводимся.

Мардж приоткрыла один глаз и уставилась на меня.

– Пора бы уже объяснить ей, тебе не кажется?

Я ничего не ответил. Слишком много событий для шестилетнего ребенка: развод, болезнь Мардж, переезд, может, даже в Атланту, расставание с отцом и друзьями.

Я не хотел, чтобы все это обрушилось на Лондон разом. Даже мне самому с избытком хватало этих событий. На глаза невольно навернулись слезы, Мардж протянула мне руку.

– Все хорошо, – успокоила она.

– Нет. Все плохо, очень плохо. – У меня дрогнул голос. – Что мне делать с Лондон? Что делать с тобой?

Она пожала мне руку.

– О себе я сама расскажу Лондон, хорошо? Так что об этом не волнуйся. Я так хочу. А насчет всего остального... мое мнение ты уже знаешь.

– А если ничего не получится? Если я обману твои ожидания?

– Не обманешь.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю – и все. Я верю в тебя.

– Но почему?

– Потому, – объяснила она, – что я знаю тебя лучше, чем кто-либо. Точно так же, как ты знаешь меня.

В следующую пятницу, в середине января, Вивиан прилетела в город, чтобы забрать Лондон на выходные. Я завел речь о том, что пора бы уже сообщить дочери о том, что мы разводимся, и Вивиан предложила сделать это после их возвращения, чтобы не портить Лондон выходные.

На следующее утро риелтор устроила первый открытый показ дома, и Мардж с Лиз, как обещали, явились ко мне и наперебой расхваливали дом в присутствии потенциальных покупателей. После просмотра риелтор позвонила мне и сообщила, что домом всерьез заинтересовались – одна пара с детьми, переезжающая в Шарлотт из Луисвилла.

– Кстати, у вашей сестры талант, ей следовало бы пойти в актрисы, – заметила она.

В воскресенье вечером, вскоре после возвращения из Атланты, мы с

Вивиан усадили нашу дочь за кухонный стол и осторожно сообщили ей о грядущих переменах.

Мы старались сделать объяснения доступными пониманию шестилетнего ребенка, постоянно подчеркивали, что оба по-прежнему любим ее и навсегда останемся ее родителями. Мы заверили: в том, что мы решили развестись, она ничуть не виновата.

Как и в прошлый раз, говорила в основном Вивиан. Ее голос звучал ласково, но Лондон тем не менее разрыдалась. Вивиан держала ее в объятиях и пыталась успокоить.

– Я не хочу, чтобы вы разводились! – жалобно повторяла Лондон.

– Понимаю, детка, это тяжело, и нам очень жаль...

– Почему вы не можете просто жить вместе и радоваться? – всхлипывая, спросила Лондон. Ее наивное непонимание вызвало такое острое чувство вины, что меня переполнило презрение к себе.

– Иногда это не получается, – попытался объяснить я, но этот довод даже мне показался бессмысленным.

– Потому и дом продается?

– Да, малышка, к сожалению.

– А где я буду жить?

Я бросил взгляд на Вивиан, безмолвно предостерегая: ни слова об Атланте! Выражение ее лица стало вызывающим, но она промолчала.

Я положил ладонь на спину Лондон.

– Об этом мы еще подумаем. Обещаю: что бы ни случилось, твоя мама и я всегда будем рядом, чтобы заботиться о тебе.

Наконец Лондон перестала плакать, хотя явно была растеряна и потрясена. Вивиан ушла с ней наверх, готовиться ко сну. Я перехватил ее, когда она спустилась и направилась к двери.

– Ну, как Лондон? – спросил я.

– Расстроилась, – ответила Вивиан, – но, по словам моего психолога, это нормально. С ней все будет хорошо, если, конечно, ты не станешь осложнять и без того непростой развод. Именно это больнее всего ударяет по детям. Ты же не хочешь такой участи для родной дочери?

Я чуть не выпалил, что развод осложняю не я, но сдержался, понимая, что это не приведет ни к чему хорошему.

Вивиан ждали лимузин и самолет. Она собрала вещи, но на пороге помедлила.

– Понимаю, сейчас не время, – Мардж, и так далее... – начала она. – Но все-таки нам необходимо как можно быстрее уладить дело с соглашением. Просто подпиши его, и с ним будет покончено. – На этом

Вивиан закрыла за собой дверь.

С трудом подавляя гнев, я направился вверх по лестнице, чтобы почитать Лондон перед сном.

Она лежала в постели, ее глаза покраснели и опухли от слез, на меня она не смотрела.

В ту же ночь, впервые за несколько лет, она описалась в постели.

С первых же дней после нашего разговора Лондон стала непривычно тихой и почти все свободное время проводила в своей комнате. Ночные казусы продолжались: пусть и не каждую ночь, но еще дважды она просыпалась в мокрой постели. Перед сном она уже не просила почитать ей «По парам», правда, разрешала мне целовать ее на ночь, но больше не обнимала меня за шею.

По совету Мардж я поговорил с ее школьной учительницей и объяснил, что происходит между мной и Вивиан. Та заверила меня, что Лондон ведет себя как обычно, если не считать недавнего случая у питьевого фонтанчика, когда она случайно забрызгала водой блузку и сразу же расплакалась. И была безутешна, несмотря на все уговоры учительницы и одноклассников.

Моя дочь страдала. После урока музыки в четверг я неожиданно предложил ей съездить за мороженым, но радости это не вызвало. К своей порции Лондон почти не притронулась, а растаявший рожок испачкал салон машины, на что она не обратила внимания. Позднее тем же вечером, пока Лондон играла с Барби, я услышал, как она озвучивает разговор Барби с Кеном.

– Я не хочу жить с мамой в Атланте, – говорила Барби. – Хочу жить здесь, с папой. С ним весело, мы устраиваем вечер свидания, он даже разрешает мне готовить. Еще я хочу каждый день играть с Бодхи и видаться с бабулей, дедулей, тетей Мардж и тетей Лиз.

В ту ночь мне не спалось, в голове крутилась разыгранная Лондон сцена. Мардж права, думал я. Набравшись смелости, на следующее утро я позвонил Тальери и ясно дал ему понять: я готов на все, лишь бы Лондон жила со мной.

В тот же день риелтор позвонила мне, чтобы сообщить, что на мой дом нашлись покупатели.

– Ох и здоровенное осиное гнездо вы разворошили, – сказал Тальери. Это было в пятницу, через пять дней после того, как я передал ему свои распоряжения. Он вызвал меня к себе в офис, чтобы все обсудить. Я

невольно заерзал на месте, а он продолжал: – Вчера я получил письмо от адвоката Вивиан.

– И?..

– Если вы решите бороться за право опеки, дело примет серьезный оборот. В сущности, ее адвокат предупредила меня, что они намерены агрессивно добиваться, чтобы вас признали не справляющимся с отцовскими обязанностями.

Я побледнел.

– Что это значит?

– Для начала они потребуют обследования Лондон у психолога и оценки ее потребностей и предпочтений. Я уже говорил вам, что такое возможно, если помните. Лондон еще слишком мала, обычно я придерживаюсь мнения, что этот метод имеет ограниченное применение. Но они будут стараться получить отчет, подтверждающий их заявления. Некоторые их обвинения явно безосновательны. Так, имеет место утверждение, что вы кормите Лондон вредной для здоровья пищей – например, иногда даете ей хлопья в сахарной глазури на ужин, и кроме того, вы не возили ее на уроки танцев, и в итоге ее отчислили. Но есть и другие претензии, правомерность которых психолог может исследовать более глубоко.

– Например?

Пока Тальери перечислял возможные обвинения, меня затошнило.

– Вы якобы принуждаете Лондон поддерживать отношения с вашей новой подругой, Эмили, хотя Лондон к этому не готова.

– Сын Эмили, Бодхи, – лучший друг Лондон!

– Понял. И будем надеяться, что психолог подтвердит то же самое. Но этого мы не узнаем, пока отчет не будет представлен суду. – Он помолчал. – В письме есть и более серьезные обвинения – в том, что вы намеренно подвергли Лондон опасности, заставив ее съехать на велосипеде с горы, хотя знали, что катается она плохо и эта задача ей не под силу. Кроме того, вы не связались с Вивиан сразу же после несчастного случая и намеренно занижали серьезность травм Лондон в разговоре с ней, чтобы скрыть свою некомпетентность.

– Но... все же было не так! – еле выговорил я. – Вивиан знает, что это был несчастный случай. Ей известно, что я никогда не подвергну свою дочь опасности намеренно!

Тальери вскинул руку.

– Я всего лишь излагаю суть письма. И еще одно... только не волнуйтесь, хорошо?

Я сжал кулаки, в висках почувствовал пульсацию.

– В этом письме, – продолжал Тальери, – адвокат упоминает о ваших «вечерах свидания» с дочерью. Что она одевается как взрослая и что вы вдвоем отправляетесь куда-нибудь ужинать в романтической обстановке.

– И что?

– Расс... – Тальери со страданием взглянул на меня. – Это омерзительно, но адвокат намекает, что ваши отношения с Лондон абсолютно неприемлемы...

Мне понадобилась секунда, чтобы уловить смысл.

Боже мой... Нет, Вивиан не посмеет... она ни за что этого не сделает...

У меня закружилась голова, черные пятна поплыли перед глазами. Унижение, отвращение и ярость... Даже самых сильных эпитетов не хватило бы, чтобы описать мое состояние.

– Это всего лишь инсинуация, – напомнил Тальери, – но меня настораживает сам факт ее упоминания в письме. По меньшей мере он свидетельствует о том, что Вивиан и ее адвокат готовы представить вас в самом негативном свете.

Я почти не слушал его. Нет, Вивиан не посмеет... да как у нее язык повернулся намекнуть на такое?

– Позднее я позвонил ее адвокату, поскольку угрозы такого рода мы не вправе игнорировать. Это попытка запугать вас, на редкость непрофессиональная. Вместе с тем она дает нам понять, насколько далеко способна зайти Вивиан, добиваясь опеки. Хочу подчеркнуть: если дело дойдет до суда, предугадать его решение будет невозможно.

– Что же мне делать? Я знаю, что Лондон хочет жить со мной.

– Дайте мне возможность поговорить с адвокатом. Но было бы лучше, если бы вы попытались договориться с Вивиан. Потому что мне в роли вашего адвоката шансы на победу в таком деле не внушают оптимизма.

* * *

Остаток дня меня шатало, как после мощного нокаута.

Я не поехал на работу. Не поехал домой. Не навестил Мардж и Лиз, не заехал к родителям.

Немая ярость и ужас отбили желание говорить с кем-либо. Я отправил Эмили сообщение с просьбой забрать Лондон из школы и присмотреть за ней, пока я в отъезде. В ответном сообщении она спросила, где я и что случилось, но я лишь написал: «Мне надо побыть несколько часов одному. Спасибо тебе».

Я сел в машину и рванул с места.

Через три с половиной часа я уже был в Райтсвилл-Бич, где поставил машину на стоянку.

Хмурое небо нависало над головой, дул пронизывающий ветер. Я вышагивал по берегу, а мои мысли непрерывно переходили от Лондон к Мардж и Вивиан, и снова по кругу. На меня волной обрушивались неуверенность, страх и смешанные эмоции, бросало из ярости в растерянность, из горя в ужас. К тому времени, как я вернулся в машину, я чувствовал оцепенение. Я не ел весь день, но не ощущал ни малейшего голода.

Вернувшись в Шарлотт, я забрал Лондон от Эмили уже за полночь. Лондон давно следовало быть в постели. К счастью, она была накормлена. Сил рассказать Эмили о случившемся мне не хватило.

В конце концов я излил душу Мардж – главным образом потому, что она не оставила мне выбора.

Была последняя пятница января, я остался с Мардж, пока мама ездила в аптеку за новой порцией лекарств для нее. К тому времени болезнь прогрессировала настолько, что было уже опасно оставлять Мардж без присмотра даже ненадолго. Гостиную освещала единственная настольная лампа, по просьбе Мардж жалюзи были закрыты. Она говорила, что от яркого света у нее болят глаза, но я знал правду: ей не хотелось, чтобы мы видели ее при свете, потому что единственного взгляда было достаточно, чтобы понять, насколько тяжело она больна. У нее выпали почти все волосы, поэтому, просыпаясь, она сразу надевала бейсболку с эмблемой «Атланта Брейвс». И хотя она куталась в одеяло, потеря веса была очевидной, стоило только посмотреть на ее костлявые руки и тонкую шею. Дыхание было сиплым и тяжелым, ее часто мучил затяжной кашель и рвотные позывы, приводящие маму и Лиз в панику. Они стучали ее по спине, чтобы помочь откашлять мокроту, часто кровавую. Мардж спала больше шестнадцати часов в сутки, в последний раз она выходила из дома две недели назад, когда приезжала ко мне на открытый показ дома.

Самостоятельно она уже не могла пройти и двух шагов. Метастазы в мозге лишили подвижности правую сторону ее тела, словно она перенесла инсульт. Ее правая рука и нога совсем ослабели, глаз начал западать. Улыбалась она лишь одной половиной рта.

И все-таки, сидя рядом с ней, я думал, как она прекрасна.

– Вчера приезжала Эмили, – медленно и с трудом выговорила она. – Как она мне нравится, Расс! Ты и вправду дорог ей. Обязательно ей позвони, – взгляд сестры стал многозначительным. – Ты должен

поговорить с ней, объяснить, что с тобой происходит. Эмили извелась от беспокойства за тебя.

– Зачем она приезжала?

– По моей просьбе. Мне хотелось еще немного побыть рядом с женщиной, которую любит мой брат. Точнее, с новой и усовершенствованной моделью. – Она слабо улыбнулась. – Так я ее называю. Она, по-моему, довольна.

Я улыбнулся в ответ. Жизнь в ней угасала, но Мардж оставалась собой.

Помедлив минуту, чтобы собраться с силами, она продолжила:

– По-моему, и мне пора поговорить с Лондон.

– Когда?

– Сможешь привезти ее в эти выходные?

– Ее не будет в городе. Она едет в Атланту с Вивиан.

– А может, тогда сегодня после школы?

Это был способ дать мне понять, что время истекает.

– Хорошо, – прошептал я.

– Я хочу увидеться и с Вивиан. Ты сможешь это устроить?

От одного упоминания ее имени у меня внутри все сжалось, я отвернулся. Все еще разъяренный и оскорбленный, я не мог даже думать о ней, не то чтобы приглашать к умирающей сестре. Мардж все понимала, но продолжала настаивать:

– Сделай это ради меня. Пожалуйста.

– Я отправлю ей сообщение, но приедет она или нет, не знаю. У нее обычно плотный график.

– Посмотрим, что она ответит, – не унималась Мардж. – Объясни ей, что для меня это важно.

На мое сообщение Вивиан ответила почти мгновенно: «Конечно. Передай Мардж, что я приеду к пяти».

Я прочитал его Мардж. Она закрыла глаза, и я успел подумать, что она уснула, когда вдруг снова посмотрела на меня.

– Ты уже согласился продать дом?

Я покачал головой.

– Мы все еще в процессе обсуждения цены.

– Долго обсуждаете.

– Потенциальные покупатели все время в разъездах. Но, по словам моего риелтора, финал уже близок. Она думает, что на следующей неделе мы подпишем договор.

– Здорово, правда? И ты сможешь откупиться от Вивиан.

И вновь меня передернуло от одного ее имени.

– Наверное.

Мардж уставилась на меня.

– Не хочешь рассказать мне, что случилось? Эмили говорит, всю среду ты где-то пропадал, но так ничего и не объяснил ей.

Поднявшись с дивана, я выглянул в окно и убедился, что мама еще не вернулась. Мне не хотелось, чтобы она услышала этот разговор, меньше всего ей сейчас нужны были лишние стрессы. Сев на прежнее место, я рассказал Мардж о встрече с Тальери и о письме от адвоката Вивиан.

– Ну что ж, – сказала Мардж, когда я умолк. – Никаких неожиданностей. Она с самого начала ясно давала понять, что намерена увезти Лондон в Атланту.

– Но... эти угрозы. И... грязная игра...

– А что говорит твой адвокат?

– Мои шансы не внушают ему оптимизма. И он по-прежнему считает, что мы с Вивиан должны попробовать договориться сами.

Минуту Мардж молчала, только взгляд ее был напряженным до исступления.

– Сначала ты должен понять, чего на самом деле хочешь ты.

Я нахмурился.

– С чего вдруг ты об этом заговорила? Мы же все обсудили. Я объяснял тебе, чего хочу.

– Так сделай как хочешь.

– Идти в суд? Играть так же грязно, как она?

Мардж покачала головой.

– Это плохо отразится на Лондон. А о ней ты должен думать в первую очередь.

– Тогда что же ты предлагаешь?

– По-моему, ты и сам знаешь. – Она снова закрыла глаза.

Я взгляделся в ее измученное лицо, и меня вдруг осенило: я и действительно знаю.

По пути от Мардж я позвонил Эмили и спросил, можем ли мы встретиться за обедом. Она согласилась, местом встречи назначили быстро недалеко от ее дома.

– Прежде всего я хочу извиниться за то, что ничего тебе не объяснил, – начал я. – Честно говоря, я просто не знал, как об этом говорить.

– Ничего, Расс, – ответила она. – Иногда надо обдумать события в одиночку. Ты не обязан отчитываться передо мной – я выслушаю, когда ты

будешь готов поговорить. И всегда буду рядом.

– Нет, сейчас я готов. – Я коснулся ее руки, глубоко вздохнул и рассказал ей все: о страданиях Лондон, моих распоряжениях Тальери, реакции Вивиан. Слушая меня, она невольно прикрыла рот ладонью.

– Представить себе не могу, каково тебе сейчас, – дослушав, выговорила она. – Я была бы... ошарашена. И разъярена.

– Вот и я тоже. До сих пор. Впервые за все время я ее возненавидел.

– И недаром, – поддержала она. – Может, и вправду стоило бы психологу побеседовать с Лондон. И тогда ты опроверг бы все абсурдные обвинения.

– Но вопрос с падением с велосипеда остается открытым.

– Со всеми детьми такое случается, Расс. Потому закон и обязывает родителей надевать на них шлемы. И судьи это знают.

– Я не хочу, чтобы эта битва за опеку разыгралась в суде. Не хочу, чтобы Лондон пришлось встречаться с психологом по этому поводу. Только если ей нужна помощь, чтобы пережить наш развод. Но я не хочу вынуждать Лондон делать выбор между матерью и отцом. – Я покачал головой. – Я стараюсь исходить из интересов дочери. И знаю, что нужен ей – постоянно, каждый день, а не урывками, от случая к случаю. Так что я готов на все!

Я понимал, что выражаюсь неясно, но кое-что я не мог сказать даже Эмили.

Она кивнула и придвинула к себе стакан с водой, но вместо того, чтобы сделать глоток, принялась нервно вращать на столе.

– Вчера я виделась с Мардж, – сказала она.

– Знаю. Она мне говорила. Как тебе звание «новой усовершенствованной модели»? – я усмехнулся.

– Мне нравится, – и с грустной улыбкой добавила: – Какая же она хорошая.

– Лучше всех.

Добавить было нечего.

После школы я привез Лондон к Мардж. Моя дочь побывала у Мардж много раз за последний месяц, и знала, что она болеет, но не догадывалась, насколько тяжело. Мардж раскрыла объятия, Лондон бросилась к ней и крепко обняла.

Я беззвучно спросил: «Мне остаться?», и Мардж покачала головой.

– Пойду поговорю с бабушкой – хорошо, Лондон? Ты приглядишь за тетей Мардж вместо нас?

– Ладно, – кивнула она, и я оставил их вдвоем в гостиной. Мы с мамой вышли на заднюю веранду и сидели молча – говорить нам было не о чем.

Немного погодя я увидел, что Лондон вошла на кухню, разыскивая нас. Вернувшись в дом, я увидел, что она в слезах.

– Почему Бог не вылечил тетю Мардж? – всхлипывала Лондон.

Я с трудом проглотил вставший в горле ком и прижал к себе хрупкое тельце.

– Не знаю, детка, – сказал я. – Правда не знаю.

Вивиан написала мне, что из аэропорта поедет сразу к Мардж, поэтому дома она появилась лишь в половине седьмого.

Увидев лимузин у дверей, я вспомнил про письмо ее адвоката. Входную дверь я оставил открытой, но ушел на кухню, испытывая отвращение, которое с недавних пор вызывала у меня Вивиан. С Мардж она провела больше часа, но у меня не было ни малейшего желания общаться с ней.

Вивиан вошла в дом, потом послышался дрожащий голосок Лондон, спрашивающий, обязательно ли ей уезжать в Атланту. Несмотря на уверения Вивиан, что в Атланте будет очень весело, Лондон расплакалась. Послышались ее быстрые шаги, вбежав в кухню, она бросилась ко мне.

– Я не хочу уезжать, папа! Хочу остаться здесь! Хочу к тете Мардж!

Я подхватил ее на руки. В кухню вошла Вивиан. Ее лицо было каменным.

– Тебе надо побыть с мамой, – объяснял я дочери. – Она все время скучает по тебе. И очень тебя любит.

Лондон не успокаивалась.

– А ты будешь заботиться о тете Мардж, пока меня нет?

– Конечно, буду, – пообещал я. – Как и все мы.

* * *

Пока Лондон была в Атланте, я, как и обещал, провел почти все выходные у сестры. Там же были и мои родители, и Лиз.

Мы часами сидели за кухонным столом и говорили о Мардж, словно наши яркие воспоминания и невероятные рассказы могли продлить ее жизнь. Я наконец рассказал родителям и Лиз о той ночи, когда удержал Мардж от прыжка с водонапорной башни; Лиз воскресила в памяти романтический квест. Мы смеялись, вспоминая увлеченность Мардж роликами и ужастиками и беззаботный день, который я с Эмили, Мардж и Лиз провел в поместье Билтмор. Восхищались остроумием Мардж и тем, что она по-прежнему относится ко мне как к несмышленому младшему

братишке, которому не обойтись без ее мудрого руководства.

Жаль только, что Мардж почти не слышала наших разговоров – точнее, слышала урывками. Она почти все время спала.

В воскресенье вечером Лондон вернулась из Атланты. Вивиан попрощалась с дочерью возле порога, даже не зайдя в дом.

Это было в последний день января. Мы с Мардж родились в марте – она четвертого, я двенадцатого. Мы оба Рыбы, а людей, родившихся под этим знаком Зодиака, считают отзывчивыми и преданными. Я всегда думал, что к сестре это относится в большей степени, чем ко мне.

И понял: до дня ее рождения осталось меньше пяти недель, но праздновать его с нами она уже не будет.

Я и Мардж просто знали это.

Глава 26

Прощание

Когда мы с Мардж были детьми, мои родители редко выбирались в люди. И если отец еще время от времени встречался с друзьями, чтобы выпить пива, хотя это и случалось редко, мама почти нигде не бывала. С работой, готовкой, уборкой, поездками к заболевшим родственникам и воспитанием детей у нее почти не оставалось свободного времени. Даже поужинать куда-нибудь вдвоем мои родители почти не ходили: это считалось расточительством, я помню не больше полудюжины таких случаев. И если учесть дни рождения, Дни святого Валентина, Дни матери и Дни отца, шесть свиданий с ужинами за восемнадцать лет – не так уж много.

Поэтому, когда они все-таки собирались куда-нибудь вдвоем, мы с Мардж наслаждались мыслью, что весь дом будет предоставлен нам. Едва их машина отъезжала от дома, мы готовили попкорн или жарили зефир с шоколадом и печеньем и смотрели на полную громкость кино, пока неизбежно не звонил кто-нибудь из подружек Мардж. Я вдруг чувствовал себя брошенным... но обычно не возражал, так как в итоге мне доставалось больше зефира.

Когда Мардж было лет тринадцать, она уговорила меня построить в гостиной крепость. Мы нашли в чулане бельевую веревку и протянули ее от оконного карниза до напольных часов, затем до решетки вентиляции и другого карниза. Потом развесили на веревке полотенца и простыни, закрепив их прищепками для белья. Еще одну простыню мы накинули на наше сооружение сверху, потом сделали мебель для крепости из диванных подушек. Мардж разыскала в гараже газовый фонарь. Каким-то чудом мы ухитрились зажечь его, не спалив дом – отец был бы в ярости, узнав об этом, – Мардж погасила везде свет, и мы заползли в свою крепость.

Строительство заняло больше часа, и еще столько же времени понадобилось, чтобы разобрать и сложить «строительный материал», пока не вернулись взрослые, значит, в крепости мы просидели от силы минут пятнадцать-двадцать. Даже когда родители выбирались в люди, они никогда не задерживались допоздна.

И все-таки я помню этот вечер как что-то волшебное. Для восьмилетнего ребенка это было настоящее приключение, а поскольку

многое запрещалось, я впервые в жизни почувствовал себя старше своих лет, скорее ровесником Мардж, чем ее младшим братишкой. Глядя на сестру в призрачном свете фонаря, горящего в нашей самодельной крепости, я, помнится, думал, что Мардж не только моя сестра, но и лучший друг. И понимал, что так будет всегда, и это уже ничто не изменит.

Первого февраля температура днем поднялась до двадцати одного градуса; пять дней спустя снизилась до десяти, а ночью опустилась еще ниже, до минус четырех. Эти дикие температурные скачки в первую неделю февраля, по-видимому, вызвали у Мардж новый приступ слабости. С каждым днем ей становилось хуже.

Теперь она спала не шестнадцать часов в сутки, а все девятнадцать, и боролась за каждый вдох. Паралич правой стороны тела стал еще заметнее, и мы взяли напрокат инвалидное кресло, чтобы передвигаться по дому. Ее речь звучала невнятно, аппетита не было, но все это не шло ни в какое сравнение с болью, которую она испытывала. Мардж принимала столько обезболивающих, что от ее печени не осталось живого места. Облегчение приходило к ней лишь во сне.

Мардж не жаловалась на боль – ни моим родителям, ни Лиз, ни мне. Как всегда, она беспокоилась за других больше, чем за себя, но то, как она страдала, было видно по болезненным гримасам и глазам, наполненным слезами. Ее агония стала пыткой для всех нас.

Я часто сидел с ней в гостиной, пока она спала на диване; а когда перебиралась в спальню, устраивался в кресле-качалке. Пока я смотрел на неподвижную сестру, на меня накатывали воспоминания давних лет – словно кино перематывают в начало, кино с Мардж в главной роли, где ей достались самые яркие реплики. В этом фильме она всегда была жизнерадостной и энергичной. Останутся ли такими навсегда мои воспоминания или поблекнут со временем? Я изо всех сил старался видеть не только ее болезнь, твердил себе, что должен помнить все, что было прежде, до того, как она заболела.

В тот день, когда температура упала до минус четырех, я вспомнил, как отец рассказывал мне о лесных лягушках, обитающих повсюду – от Северной Каролины до Полярного круга. Эти хладнокровные создания чувствительны к низким температурам, способны замерзать до состояния ледышки, когда их сердце перестает биться. Вместе с тем в процессе эволюции у лягушек развился процесс преобразования гликогена в глюкозу, которая действует как природный антифриз. Они могут оставаться

замерзшими и неподвижными долгие недели, но, когда наконец теплеет, сердце лягушки начинает биться; затем следует быстрый вдох, и она уже скачет на поиски пары, словно Бог нажал кнопку «пуск».

Я смотрел на спящую сестру и мечтал именно о таком чуде природы.

Как ни странно, в остальном моя жизнь продолжала идти своим чередом.

Работа отвлекала от дурных мыслей. Радость клиентов при виде результатов моего труда была единственным светлым пятном. Я встретился с риелтором, который сообщил, что пара из Луисвилла попросила отложить завершение сделки на длительный срок, поскольку они хотели, чтобы их дети закончили учебный год на прежнем месте, в итоге продажу наметили на май. Однажды за обедом Эмили спросила фамилию моего риелтора и сообщила, что тоже подумывает выставить дом на продажу.

– Мне надо начать все заново, – пояснила она, – там, где я никогда не жила вместе с Дэвидом.

В то время я подозревал, что она просто старается поддержать меня морально в решении продать дом, зная, что насчет его правильности я по-прежнему сомневаюсь. Но через два дня она прислала мне фотографию, где возле ее дома на лужайке стояла табличка «Продается. Новинка».

Все в мире меняется, и ее жизнь, как и моя, продолжалась. Я жалел лишь об одном – что не знаю, в каком направлении движется моя жизнь.

* * *

Мой отец по-прежнему каждое утро приезжал к Мардж с ящиком инструментов. То, что задумывалось как мелкий и необходимый ремонт, превратилось в масштабную реконструкцию дома. Пока Лиз и Мардж ездили ко мне на открытый показ дома, он полностью выпотрошил всю ванную для гостей, чтобы заново отделать ее так.

Во всем, что касается новых технологий, отец всегда был динозавром. До сих пор у него не находилось причин обзаводиться мобильным. Начальство всегда знало, где именно он работает, у остальных членов бригады телефоны имелись, поэтому с отцом всегда можно было связаться. А кому еще могло понадобиться звонить ему? И зачем нужна техника, в которой нет необходимости?

Но вскоре после Нового года отец приехал ко мне и удивил просьбой помочь ему купить телефон. Поскольку он ничего не знал об «этих мобильных штуковинах», он доверил выбор мне. «Главное, чтобы он умел все, что сейчас модно, – попросил он, – и был не слишком дорогим».

Я выбрал для него телефон, пользоваться которым ему было бы

предельно просто, подключил ему мой тарифный план, а потом терпеливо объяснил, как звонить, отвечать на звонки, получать и отправлять текстовые сообщения. В список контактов я занес номера Мардж, Лиз, мамин и мой. Больше добавлять было некого.

– А делать фотографии он умеет? – спросил отец. – Я видел такие телефоны.

Почти во все телефоны уже много лет встраивают камеры, мысленно объяснил я, но вслух сказал только:

– Да, умеет.

Я показал ему, как это делается, после чего он сам потренировался фотографировать. Я объяснил также, как стирать те снимки, которые ему не нравятся. Мне самому казалось, что такое обилие информации отцу не переварить. Наконец он бережно положил телефон в карман и направился к машине.

На следующий день я снова увиделся с отцом у Мардж. Она только проснулась, мама подогрела для нее куриный бульон. Мардж съела полтарелки, а когда поднос убрали, рядом с Мардж на диване устроился отец. Смущаясь, он принялся показывать ей снимки разных кранов на своем телефоне, раковин и полотенцесушителей, советоваться по поводу напольной и настенной плитки. Очевидно, он побывал в строительном супермаркете и нашел способ держать Мардж в курсе процесса ремонта.

Мардж знала, что отец всегда был немногословным человеком и редко демонстрировал свои чувства. Но он так старался отремонтировать ее дом, что это говорило о его любви куда красноречивее любых слов, которые ему всегда было так трудно высказать.

Когда они закончили, Мардж придвинулась ближе, не оставляя отцу другого выбора, кроме как обнять ее.

– Я люблю тебя, папа, – прошептала она.

Посидев еще немного, отец поднялся с дивана и вышел из дома. Все подумали, что он уехал покупать выбранные материалы, но я вдруг осознал, что не слышал шум уезжающей машины.

Выглянув из-за шторы, я увидел, как мой отец, самый сильный человек, какого я знал, сидит на переднем сиденье своей машины, склонив голову и опустив плечи.

Все эти дни в доме Мардж витали восхитительные ароматы: мама из всех сил старалась приготовить хоть что-нибудь, что вызвало бы аппетит у моей сестры: супы, рагу, соусы и пасту, банановый крем, лимонные меренги и домашнее ванильное мороженое. Холодильник и морозильник

уже были битком набиты, и всякий раз я по настоянию мамы забирал что-нибудь себе, поэтому моя кухня тоже постепенно заполнялась едой.

Стоило только Мардж проснуться, как мама уже ставила перед ней поднос с едой: на второй неделе февраля мама начала кормить ее с ложки, поскольку и левая сторона тела Мардж заметно ослабела. Мама осторожно подносила ложку к ее губам, вытирала рот салфеткой, давала попить через соломинку.

Пока Мардж ела, мама говорила без умолку. Говорила об отце, о том, что новый хозяин его компании недоволен тем, что отец так часто пропускает работу. К тому времени у отца уже накопились целые месяцы неотгуленных отпусков, но хозяин оказался из тех людей, которые вечно чем-нибудь недовольны. Он слишком много требовал от подчиненных.

Мама рассказывала о тюльпанах, которые посадила для моего отца, о лекциях, которые посещала вместе с подругами по обществу «Красная шляпа», делилась подробностями своих разговоров с Лондон, какими бы незначительными они ни были. Я не раз слышал, как мама упоминает о том, что расстроилась и обиделась, потому что ее не позвали посмотреть, как Мардж и Лондон катаются на роликах.

– Я столько раз побывала с тобой на том катке, что на асфальте стоянки возле него остались борозды от моих шин, а ты забыла позвать меня на первое катание моей внучки!

Я понимал, что она обижается не всерьез, но и правда хотела бы увидеть Лондон и Мардж на роликах, и ругал себя за это. Ведь мама хотела посмотреть не только на Лондон, но и на собственную дочь, самозабвенно и радостно катающуюся на роликах в последний раз.

На второй неделе февраля у меня возникло странное ощущение, что время ускоряет ход и в то же время замедляется. Долгими были часы, которые я каждый день проводил у Мардж, и типичные для них промежутки молчания и сна, но, с другой стороны, с каждым приездом я замечал, что организм Мардж истощается все быстрее. Однажды, встретив Лондон из школы, я заехал к Мардж и застал ее бодрствующей в гостиной. Они приглушенно говорили с Лиз, и я уже собрался уйти, но Лиз покачала головой.

– Останься, – попросила она. – Мне как раз надо связаться с одним из клиентов. Дело срочное. А вы пока поговорите. Надеюсь, я ненадолго.

Я сел рядом с сестрой, не спрашивая, как она себя чувствует: я знал, что этот вопрос ей осточертел. Как всегда, она стала расспрашивать про Эмили и работу, Лондон и Вивиан, голос звучал невнятно и слабо. Мардж

настолько легко утомлялась, что разговаривал в основном я. Перед тем как попрощаться, я попросил разрешения задать ей вопрос.

– Конечно.

– Я написал тебе письмо на Рождество, но так и не узнал, что ты о нем думаешь.

Она улыбнулась половиной рта – к этой улыбке я уже начал привыкать.

– А я его еще не читала.

– Но почему?

– Потому, – ответила она, – что пока не готова попрощаться с тобой.

Признаться, порой я задавался вопросом, есть ли у Мардж шанс прочитать мое письмо. Следующие три дня всякий раз, когда я заезжал к ней, она спала, обычно в спальне.

Я проводил в доме час или два, общался с Лиз или мамой – кто-нибудь из них всегда был рядом с Мардж. Я восхищался ремонтом, который продолжал делать отец, и почти каждый раз опустошал большую тарелку еды, которую мама ставила передо мной.

Мы почти всегда устраивались на кухне. Поначалу я думал, что остальные боятся потревожить спящую Мардж, но потом понял, что если ее не будит стук отцовского молотка, то и наши приглушенные голоса она тем более не слышит.

В чем дело, я наконец понял однажды днем, когда Лиз вышла подмести веранду. Не зная, чем себя занять, я забрел в гостиную и сел на диван, где обычно мы с Мардж проводили время.

Отец тихо работал в ванной, а я вдруг услышал странный ритмичный звук, как будто от неисправного вентилятора. Не сумев определить, откуда он исходит, я направился сначала на кухню, потом в ванную, где отец лежал на полу, головой под новой раковиной, и прикручивал ее к стене. Но и в ванной, и в кухне звук слышался слабее, и набирал громкость, только когда я проходил по коридору. И вдруг я понял, что это за жуткий звук.

Его издавала Мардж.

Несмотря на то, что дверь была плотно закрыта, а дом довольно велик, я слышал, как дышит моя сестра.

В том году День святого Валентина пришелся на воскресенье. Мардж задумала собрать всех у себя, даже пригласила Эмили и Бодхи, а я привез к ней Лондон сразу же после ее возвращения из Атланты.

Впервые за две недели мы с Лондон застали Мардж сидящей на

диване. Кто-то – может, мама, а может, Лиз, – помог ей слегка накраситься. Вместо бейсболки на голове Мардж я увидел роскошный шелковый шарф, плотный свитер с высоким воротником скрадывал ее худобу. Несмотря на опухоль, пожирающую ее мозг, она могла поддерживать разговор, и я даже пару раз слышал, как она смеется. Были моменты, когда происходящее казалось мне почти обычным времяпрепровождением в субботу или воскресенье днем в доме родителей.

Почти.

Дом выглядел как никогда хорошо. Отец закончил ремонт в ванной для гостей, новые плитка и раковина сияли, в них отражались современные краны. За последнюю неделю отец также успел обновить внутреннюю отделку во всем доме. Мама закатила пир, стол ломился от угощений. А с только что приехавшей Эмили мама взяла обещание забрать домой часть еды, в том числе и пирогов.

Мы вновь вспоминали семейные истории, но главным событием вечера стал приготовленный Лиз для Мардж подарок на День святого Валентина. Лиз сама сделала альбом, в котором были фото всех времен – от младенческих до самых новых. Слева на странице помещались снимки Лиз, справа – Мардж. Я знал, что собрать фотографии помогала моя мама. Мардж медленно листала страницы, и я мог наблюдать, как Лиз и Мардж растут вместе у меня на глазах.

Наконец в альбоме появились фотографии их двоих, сделанные и в экзотических поездках, и просто возле дома. Но каким бы официальным или непринужденным ни был каждый снимок, он словно рассказывал целую историю об очередном памятном моменте их жизни. Весь альбом был свидетельством их любви. Я думал об этом, и на глаза наворачивались слезы.

На последних двух страницах альбома я не сдержался.

Слева – снимок Мардж и Лиз под елкой в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, сделанный во время их самого последнего совместного путешествия, справа – фотография, явно сделанная пару часов назад, потому что на ней Мардж выглядела в точности как сейчас.

Лиз объяснила, что ее сделал мой отец и втайне от нее напечатал в ближайшем магазине. Вернувшись, он отдал снимок Лиз, и она поместила его на последнюю страницу альбома.

Все взгляды устремились на отца.

– Я всегда так гордился тобой, – запинаясь, выговорил отец, не сводя глаз с Мардж, – и хотел, чтобы ты знала, что я тебя люблю.

После Дня святого Валентина началось томительное ожидание.

Я уже понимал, что на празднике Мардж истратила свои последние силы. В понедельник она спала весь день, ничего не ела, только попила теплого куриного бульона через соломинку.

Мама и отец постоянно находились у нее, а я бывал наездами, главным образом из-за Лондон. Она стала капризной с тех пор, как узнала правду о Мардж, иногда закатывала истерики из-за пустяков. Особенно болезненно она восприняла мой отказ почаще возить ее к Мардж, а я никак не мог объяснить, что ее тетя теперь целыми днями спит.

Но через несколько дней после Дня святого Валентина Лиз позвонила вечером мне домой.

– Ты не мог бы привезти Лондон? – тревожно попросила она. – Мардж хочет видеть ее.

Лондон наверху уже переодевалась в пижаму. Ее волосы были еще мокрыми после купания. Я позвал ее и она вмиг сбежала по лестнице и ринулась напрямик в машину, но я ухитрился перехватить ее в дверях и заставить надеть куртку. Потом я наугад выхватил из шкафа резиновые сапоги.

В руках она держала Барби, отказываясь отложить ее, даже пока надевала куртку.

Мы прибыли к Мардж, Лиз обняла Лондон, поцеловала и указала на дверь спальни.

Несмотря на поспешность, с которой Лондон садилась в машину, теперь она на минуту застыла, потом неуверенно направилась к двери. Я шел следом, слыша дыхание сестры – звук жизни, которая покидала ее. Лампа на тумбочке у кровати отбрасывала лужицу теплого света на дощатый пол.

Лондон помедлила в дверях.

– Привет... дорогая, – выговорила Мардж слабо, но внятно.

Лондон приблизилась к постели так осторожно, словно боялась потревожить больную тетю. Я прислонился к дверному косяку, наблюдая, как Лондон усаживается рядом с Мардж.

– Что... это... у тебя? – спросила Мардж.

– Я привезла тебе подарок, – ответила Лондон, показывая куклу, которую прижимала к себе всю дорогу. – Это моя любимая Барби, потому что она со мной уже не помню сколько. Это моя первая Барби, и я хочу, чтобы ты взяла ее себе.

Когда Лондон поняла, что у тети не осталось сил взять куклу, она усадила ее рядом с Мардж, прислонив к ее боку.

– Спасибо. Она красавица... но ты... еще красивее.

Лондон опустила голову, помолчала и снова посмотрела на Мардж.

– Я люблю тебя, тетя Мардж. Очень люблю. И не хочу, чтобы ты умирала.

– Знаю... и я... тоже... люблю тебя. И у меня тоже... есть... кое-что для тебя. Тетя Лиз положила... мой подарок... на тумбочку. Когда-нибудь... когда ты подрастешь... посмотри его... вместе с папой, хорошо? И тогда... вспомни обо мне. Ты... обещаешь?

– Обещаю.

Я перевел взгляд на тумбочку, увидел диск, который Мардж приготовила в подарок моей дочери, прочитал название и сморгнул слезы.

«Красотка».

– Мардж считает, что я все-таки должна родить ребенка, – сказала мне Лиз на кухне за кофе несколько дней спустя. На ее лице смешались усталость и растерянность.

– Когда она это сказала?

– Несколько раз говорила, с тех пор, как мы уехали в Нью-Йорк. Она все твердит, что я достаточно здорова, но... – Она умолкла.

Я ждал продолжения, но Лиз, кажется, впала в задумчивость.

– А ты этого хочешь? – нерешительно спросил я.

– Не знаю, Расс, думать об этом сейчас слишком тяжело. Не могу представить себе, как буду растить ребенка одна. Но вчера она снова завела этот разговор. И объяснила, что уже позаботилась о финансах – на случай, если я все-таки надумаю. Так что я могу позволить себе и ЭКО, и няню, если захочу, и даже дать ребенку образование.

Я склонил голову набок, пытаясь понять, когда же Мардж успела все устроить. Лиз провела ладонью по волосам, приглаживая выбившиеся из неряшливого хвоста пряди.

– Насколько я поняла, как только она получила диплом и стала бухгалтером, сразу же застраховала свою жизнь. У нее было целых два полиса. Средства на них копились годами, и теперь это целая куча денег. Получателем выплат в полисе с более крупной суммой указана я, там гораздо больше денег, чем мне понадобится, если я решу завести ребенка. Недавно она вписала получателем во второй полис твоих родителей, чтобы отец наконец мог уйти на пенсию. Я спрашивала о тебе...

Я прервал ее.

– Я рад, что все достанется тебе и моим родителям, – заверил я. Вид у нее был растерянный, словно вся эта информация для нее не имела смысла.

– С тех пор, как она рассказала мне обо всем, меня мучает вопрос... – продолжала Лиз. – Откуда она знала? Я спрашивала ее, но она объяснила только, что на ее решение повлияла история ее родных, и хотя насчет получателей выплат она долго сомневалась – видимо, поначалу ими были ты и твои родители, – ей хотелось позаботиться о финансовой стороне вопроса на всякий случай.

– Этого она мне не говорила.

– Мне тоже, – кивнула Лиз. – Когда до ее болезни мы заводили речь о ребенке, я вообще не задумывалась о затратах. Мы хорошо зарабатывали, нам удалось немного накопить, но я, наверное, просто думала: если Мардж считает, что это нам по карману, значит, так и есть... – На ее лице отразилось минутное отчаяние. – Я думала, что не выдержу. Объяснила ей, что мне не вырастить ребенка без нее. Что из нас двоих материнские качества присущи больше ей. И знаешь, что она сказала на это?

Я молчал.

– Сказала, что я ее вдохновляла и ребенок, которого я воспитаю, изменит мир к лучшему. И что, если рай существует, она клянется присматривать оттуда за нашим чадом вечно.

На следующий день пришла моя очередь прощаться.

Когда я приехал, Мардж спала как обычно. Я поглядывал на часы, чтобы успеть встретить Лондон из школы, но вскоре «радионяня» на кухне негромко зашуршала, и мама с Лиз поспешили в спальню. Через несколько минут мама вернулась.

– Мардж хочет видеть тебя.

– Как она?

– Все понимает, но ты все-таки поторопись. Иногда у нее появляется спутанность сознания, она быстро утомляется и засыпает.

Мамин ровный голос свидетельствовал, что она так же, как отец, сильна духом.

Я обнял ее и поспешил в спальню. Как и в День святого Валентина, на Мардж был красивый шарф, видимо, она попросила Лиз повязать его перед моим приходом.

Я перенес стул из угла комнаты поближе к постели. Лиз ушла, я взял сестру за руку. Она была теплой, но казалась безжизненной. Неподвижной. Я не знал, почувствует ли это Мардж, но все равно пожал ей руку.

– Привет, сестренка, – тихо сказал я.

Услышав мой голос, она заморгала и попыталась прокашляться.

– Читай, – неразборчиво выговорила она.

Мне понадобилась минута, чтобы понять, о чем она, и, заметив положенный Лиз на тумбочку знакомый конверт, я вскрыл его и достал единственный лист бумаги. Потом глубоко вздохнул и начал читать.

Мардж!

Сейчас глубокая ночь, а я с трудом подбираю слова. Я не уверен, что удастся выразить словами, как много ты всегда значила для меня. Я мог бы написать, что люблю тебя, что ты лучшая сестра, о какой только может мечтать парень, мог бы признаться, что всегда брал с тебя пример. Но все это я уже говорил тебе, поэтому повторять эти слова нет смысла, в них все равно будет ощущаться мучительная недосказанность. Как достойно попрощаться с лучшим человеком, которого я когда-либо знал?

А потом меня осенило: итог всему, что я обязан сказать, можно подвести двумя словами: «Спасибо тебе».

Спасибо за то, что заботилась обо мне всю мою жизнь, старалась уберечь от ошибок, служила наглядным примером отваги, которой мне бы так хотелось обладать самому. Но главное – спасибо, что показала мне, что значит по-настоящему любить и быть любимым.

Ты знаешь меня – мастера эффектных романтических жестов, ужинов при свечах и цветов в день свидания. А я лишь недавно понял, что все это ничего не значит, если предназначено не для того, кто любит тебя таким, какой ты есть.

Слишком долго я состоял в отношениях, где любовь всегда казалась обусловленной: я постоянно пытался стать достойным истинной любви и вечно терпел фиаско. Но я думал о тебе и Лиз, о том, как вы относитесь друг к другу, и до меня постепенно дошло: суть истинной любви – принятие, а не оценочное суждение. Безоговорочно принять близкого человека даже в моменты слабости – значит наконец-то обрести покой.

Вы с Лиз – мои кумиры и мои музы, потому что ваша любовь друг к другу неизменно включала ваши различия и превозносила все, что у вас есть общего. Даже в эти мрачные часы твой пример – луч света, который помог мне найти обратный путь к тому, что важнее всего. Я могу лишь молиться о том, чтобы и мне когда-нибудь довелось познать такую же любовь, которая связывает вас двоих.

Я люблю тебя, милая моя сестра.

Расс.

Дрожащими руками я свернул письмо и вложил его обратно в конверт.

Я не смел заговорить, но мудрый взгляд Мардж подсказал мне, что это ни к чему.

– Эмили... – сипло выговорила она. – У тебя... такая... любовь... с ней.

– Я люблю ее, – подтвердил я.

– Не...пусти...ее.

– Не упусти.

– И больше... не изменяй... – Она сумела изобразить подобие игривой улыбки. – Или... хотя бы... не рассказывай ей...

Я невольно засмеялся. Даже на смертном одре моя сестра была все той же Мардж.

– Не буду.

Она сделала паузу, чтобы отдышаться.

– Маме с... папой... надо... видаться с Лондон. Быть... в ее жизни.

– Они всегда будут с ней. Как и Лиз.

– Тревожно мне... за них.

Я думал о маме и обо всех близких, которых она потеряла; думал об отце, плачущем в машине.

– Сделай... как я прошу.

– Обязательно. Клянусь.

– Люблю... тебя.

Я пожал руку сестры, потом наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Я люблю тебя так, что ты и представить себе не можешь, – добавил я. Она ласково улыбнулась и закрыла глаза.

Я говорил с ней в последний раз.

* * *

В тот вечер пришло время Лиз и Мардж остаться вдвоем. Отец сложил инструменты, и все мы попрощались с Лиз.

Не знаю, что говорили они друг другу следующие два дня – Лиз так и не рассказала нам, призналась только, что Мардж целый день была в удивительно ясном рассудке, прежде чем наконец впала в кому. Я порадовался, что им представился шанс сказать все, что оставалось недосказанным.

Через день моя сестра умерла.

Церемония на кладбище продолжалась недолго. По-видимому, Мардж отдала на этот счет особые распоряжения. Но несмотря на это, на похороны собрались десятки скорбящих, обступивших могилу под холодным хмурым небом.

Я прочел короткую надгробную речь и мало что запомнил из всей церемонии, разве только Вивиан, стоящую у самого края толпы, далеко от моих родных, Лиз и Эмили.

Еще до похорон Лондон спросила меня, можно ли ей станцевать для тети в последний раз. После того как толпа разошлась, я помог Лондон надеть прозрачные крылышки. Без музыки и лишь со мной в качестве зрителя Лондон грациозно танцевала вокруг свежего холмика земли – совсем как бабочки трепещут крыльями, вылетая из тени на свет.

Я точно знал: этот танец понравился бы Мардж.

Эпилог

Я сижу в тени деревьев в парке, а Лондон бегают, лазает и качается на качелях. Последние две недели держится жара, воздух настолько насыщен влагой, что приходится возить в багажнике машины запасные шорты. Впрочем, обычное дело для конца июля.

За последние четыре месяца агентство «Феникс» подписало контракт с еще тремя юридическими компаниями и теперь представляет фирмы сразу в трех штатах. Мне пришлось искать новый офис, а два месяца назад я нанял первых сотрудников. Марк успел два года поработать в компании, занимающейся интернет-маркетингом в Атланте, Тамара недавно закончила Клемсонский университет по специальности «кино». Оба принадлежали к цифровому поколению и ловко печатали сообщения большими пальцами обеих рук, в отличие от их босса, который неумело орудовал одним указательным пальцем. Оба были умны и стремились учиться, благодаря им я мог проводить с Лондон больше времени.

Как и прошлым летом, моя дочь постоянно была чем-нибудь занята: теннисом, пианино, рисованием, танцами в другой студии, с преподавательницей которой прекрасно ладила. Я возил Лондон на занятия, а в промежутках работал; днем мы часто ходили к ближайшему пруду или в парк. Меня по-прежнему изумляло то, как заметно она изменилась с лета, которое мы провели вместе. Она стала выше ростом, увереннее в себе.

Мой новый дом не такой большой, как прежний, но уютный, на стенах гостиной в нем нашлось место для обеих картин Эмили: для той, что я купил на выставке, и той, что она нарисовала по фотографии, со мной и Лондон. В новом доме я живу с конца мая, но некоторые коробки так и остались нераспакованными, также мне пришлось арендовать на складе контейнер для мебели из прежнего дома, которая уже была мне не нужна. Пожалуй, я распродам ее, но пока просто не доходят руки. Ведь я еще только привыкаю жить в Атланте.

Мы с Вивиан встретились через день после похорон и все уладили. Она отказалась от алиментов, которые я предложил ей лично, а при разделе имущества попросила только половину стоимости дома и половину суммы на сберегательном и инвестиционном счетах. Она не стала претендовать на средства на нашем совместном пенсионном счете, но, с другой стороны, деньги для нее уже не имели прежнего значения. На той же встрече она призналась, что тайно обручилась со Спаннерменом – об этом они

собирались объявить после завершения нашего развода, – и я с удивлением обнаружил, что воспринял это известие совершенно спокойно. Я был влюблен в Эмили и, как Вивиан, готовился открыть новую страницу своей жизни.

Но истинным камнем преткновения для нас стали не деньги, а опека над дочерью. Я испытал облегчение и в то же время недоверие, когда Вивиан сказала:

– Я хочу извиниться за то письмо моего адвоката. – Она положила ладонь на грудь. – Я не осознавала, как можно извратить мои слова. Мне известно, что ты бы не сделал ничего предосудительного в отношении Лондон. Я была в шоке, увидев, какое письмо отправила мой адвокат. – Она вздохнула. – Представить себе не могу, что ты обо мне подумал.

Она прикрыла глаза. Я решил ей поверить. Мне этого хотелось, было неприятно думать, что она способна на подлость, а правда это или нет, я вряд ли узнаю.

– Тем вечером Мардж прямо заявила мне, что Лондон нужны мы оба и что мое требование единоличной опеки больно ударит в первую очередь по Лондон. Конечно, я разозлилась. Я считала, что это не ее дело. Но ее слова сильно задели меня... и со временем я поняла, что она, похоже, права. – Вивиан перебирала тонкий золотой браслет на запястье. – Всякий раз, приезжая в Атланту, Лондон только и делала, что говорила о тебе: как ей весело с тобой, как вы играете вместе, где бываете... – Ее голос дрогнул. – Я и не собиралась отнимать у тебя Лондон. Просто хотела, чтобы она была со мной. И когда Мардж сказала, что ты готов переехать в Атланту... я была поражена. Мне и в голову не приходило, что ты оставишь Шарлотт и родителей. Мне всегда казалось, что даже свой бизнес ты открыл потому, что никогда не задумывался всерьез о поисках работы в другом городе. – Я попытался было возразить, но она жестом попросила меня дослушать. – Вот почему я требовала единоличной опеки. Я тоже люблю Лондон, и поскольку видела ее лишь раз в две недели, совсем измучилась. Мне не верилось, что ты готов на все, лишь бы по-прежнему быть с дочерью.

Она уставилась на меня в упор.

– Ты прекрасный отец, Расс. Теперь я знаю это. Если ты готов переехать в Атланту, как сказала Мардж, и проводить время с Лондон по очереди со мной, мы что-нибудь придумаем.

Так и получилось. Сначала Лондон осталась со мной в Шарлотте, чтобы закончить учебный год; через два дня после его окончания фургон увез наши вещи в Атланту. Когда Вивиан куда-нибудь уезжает – а она по-прежнему проводит в разъездах три-четыре дня в неделю, – Лондон

остается у меня. Каждые вторые выходные я провожу с дочерью, и мы устраиваем вечера свидания каждую пятницу. Не желая повторения неприятностей прошлого года, мы с Вивиан поделили предстоящие праздники. Мне хочется читать дочери на ночь, даже когда она находится у мамы, и я купил айпад-мини. Лондон кладет его на подушку и слушает, как я читаю ей по видеосвязи. Мало того, когда начнутся занятия в школе, я смогу по-прежнему забирать ее из школы каждый день, чтобы провести время вместе, пока у Вивиан не закончится рабочий день. Значит, Лондон будет ужинать то со мной, то со своей мамой. Так или иначе, я не сомневался, что мы все уладим.

Я вдруг обнаружил, что благодарен Вивиан за все, и готов в очередной раз признать: все годы, проведенные вместе, моя бывшая жена не переставала удивлять меня.

Порой даже приятно удивлять.

При мысли о том, как я скажу Эмили о переезде, меня охватывал ужас.

Большинство людей одобрили бы мое решение предпочесть дочь новым отношениям, но я-то знал: такие женщины, как Эмили, встречаются раз в жизни. От Шарлотта до Атланты довольно близко, но не станет ли это расстояние препятствием для длительных отношений? Как и я, Эмили родилась и выросла в Шарлотте, ее родители и сестра жили неподалеку. А мы встречались не так долго и к настоящему моменту еще даже не целовались.

«Ты могла бы найти кого-нибудь гораздо лучше меня», – так я начал разговор. На свете есть много мужчин умнее, добрее, богаче и привлекательнее, добавил я. Эмили спросила, что это значит, и я выложил все разом: мой разговор с Мардж о встрече с Вивиан через день после похорон, о необходимости переезда в Атланту. Ради Лондон. Сможет ли Эмили простить меня?

Она подошла ко мне и обняла. Сидя у нее на кухне, я невольно бросил взгляд в сторону мастерской, где Эмили работала над очередной картиной. Это полотно было предназначено для Лиз. Едва закончив картину по нашей с Лондон фотографии, Эмили взялась за еще одну – по фотографии, на которой Мардж и Лиз стояли под елкой в Рокфеллеровском центре.

– Я уже давно поняла, что тебе придется переехать в Атланту, – шепнула она мне на ухо. – Об этом сказала Мардж, когда я приезжала попрощаться. Иначе зачем бы мне понадобилось выставять свой дом на продажу?

Теперь мы с Эмили живем на расстоянии одной мили друг от друга. Пока что снимаем жилье, поскольку знаем: покупка колец – всего лишь вопрос времени. Кое-кто считает, что мы слишком спешим, ведь я развелся всего три месяца назад, но на это я отвечаю вопросом: скольким людям выпадает в жизни шанс жениться на своем ближайшем друге?

Зная, что Бодхи будет не только жить рядом, но и учиться в школе по соседству, Лондон перенесла переезд гораздо легче. Вот и сейчас я заметил, как Лондон оживилась и поспешно съехала с горки, и, бросив взгляд на стоянку, увидел, что на нее въезжает Эмили. Бодхи выскочил из машины и понесся напрямик к Лондон, а когда Эмили улыбнулась и помахала мне, день заиграл новыми красками.

И кстати, если кому-нибудь интересно: первый вечер Эмили в Атланте – она переехала сюда через неделю после нас с Лондон – мы отпраздновали шампанским и закончили в постели. С тех пор я чувствую себя так, словно наконец-то вернулся домой.

Моим родителям пришлось нелегко, как и Лиз. Когда по выходным Вивиан забирала Лондон, я отправлялся на машине в Шарлотт и часто заставал у родителей Лиз. Главной темой разговоров неизменно становилась Мардж. Боль от потери немного утихла, но по-прежнему чувствовалась щемящая пустота в душе. И я сомневался, что кто-нибудь из нас сумеет ее заполнить.

Но появлялись и проблески надежды.

Когда мы болтали с Лиз в прошлые выходные, она вдруг будто невзначай спросила, не кажется ли мне, что она уже слишком стара для роли матери-одиночки. Когда я попытался убедить ее в обратном, она только кивнула. Расспрашивать я не стал, но понял, что прощальный подарок Мардж дал росток.

Позднее тем же вечером мой отец упомянул, что под руководством нового хозяина компания, где он работал сантехником, идет напрямик к разорению. А когда ранее на той же неделе родители приезжали к нам с Лондон в Атланту, я заметил, что мама просматривала раздел объявлений о недвижимости в местной газете.

Как я уже говорил, у моей сестры всегда был в запасе план.

Я несколько не сомневался, что Мардж с самого начала знала, как я должен поступить, и несколько недель после похорон часто задавался вопросом: почему она просто не посоветовала мне перебраться в Атланту – вместо того, чтобы предоставить мне самому искать решение в муках?

И лишь недавно я понял, почему Мардж молчала: я всю жизнь обращался к ней за помощью и советами, и она знала, что мне пора учиться доверять своим собственным суждениям, что ее младшему брату недостает единственного шага, чтобы стать именно таким человеком, которым, как она была уверена, я способен быть – действующим решительно и уверенно.

Это был год воспоминаний и год забвения, и я уже не тот, каким был двенадцать месяцев назад. Я потерял слишком много, рана, оставленная уходом Мардж, еще слишком свежа. Мне всегда будет нехватать ее. Не представляю, как пережил бы предыдущий год, если бы не она. Глядя на Эмили, я отчетливо видел наше общее с ней будущее. Мардж, Эмили и Лондон обеспечили мне поддержку, когда я в ней особенно нуждался.

Дело вот в чем: с каждой из них я был разным человеком. Я был братом, отцом и поклонником. Я пришел к выводу, что эти различия отражают одну из всеобщих жизненных истин. В любой отдельно взятый момент времени я был не целым «я», а частью самого себя, и каждая из этих частей отличалась от остальных. Но я убежден, что каждую из частей всегда кто-то дополнял. Я пережил этот год только потому, что шел по жизни вдвоем с кем-либо из тех, кого особенно любил, и хотя в этом я никогда и никому не признаюсь, даже сейчас мне кажется, что бок о бок со мной до сих пор идет Мардж. Я слышу, как она подсказывает ответ, когда мне приходится принимать сложные решения; чувствую, как она подбадривает меня, когда жизнь идет под откос. Это мой секрет. Или, скорее, *наш* секрет, и я часто думаю о том, как мне повезло, ведь никому и никогда нельзя идти по жизни в одиночку!

Выражение признательности

Как всегда после завершения романа, благодарности заслуживают очень многие.

Мои дети Майлз, Райан, Ландон, Лекси и Саванна, которые продолжают вдохновлять меня.

Мой литературный агент Тереза Парк и мой редактор Джейми Рааб, которые провели со мной двадцать лет. Я неизменно признателен им за идеи и старания, которые помогают сделать мои романы как можно более удачными.

В литературном агентстве «Park Literary + Media» – спасибо блистательной, находчивой и на редкость эффективной команде: Эмили Суит, Эбби Кунс, Алексу Грину, Андреа Мэй, Ванессе Мартинес и Блэк Уилсон. Они делают для авторов то, на что не способен больше никто в этой отрасли, и своим успехом я во многом обязан их усилиям.

Хауи Сандерс и Кея Хаятян из агентства «United Talent Agency» были моими незаменимыми советниками, неустанными защитниками и творческим мозговым центром на протяжении почти двадцати лет. Вместе мы пережили множество крутых взлетов и падений, их способности и неослабевающая преданность не имеют равных. Я никогда не смогу отплатить Ларри Зальцу из «NSP TV» за все его невероятные усилия. Дэвид Геррин всегда был моим гуру и оракулом, когда дело доходило до информации и общественного мнения; он поистине гений. Дэнни Герц был незаменимым в моей команде, и я желаю ему успеха на новом увлекательном поприще.

Скотт Швиммер, мой неутомимый юрист и друг, мой меч и щит на протяжении двадцати лет. Его личная преданность и деловые качества простираются гораздо дальше, чем можно было бы ожидать от юриста; и вместе с тем он всегда остается моим терпеливым и отзывчивым слушателем.

Мои специалисты по рекламе Кэтрин Олим, Джилл Фритзо и Майкл Гейзер все годы совместной работы делали гораздо больше, чем предписывал им долг. Никто не мог бы и пожелать более внимательных и талантливых профи в сфере пиара – ответственность и эффективность этих людей неизменно поражает меня.

Лаквиш Кью Райт – бесспорный лидер в сфере развлекательных

социальных сетей, она всегда поражает меня своей предприимчивостью и профессионализмом. Молли Смит также была невероятно ценным членом моей команды, работающей в социальных сетях: ее надежность, восприимчивость и дизайнерское чутье неуклонно улучшали все, над чем я работал.

В американском и британском отделениях издательства «Hachette» специалистов, с которыми я работал, слишком много, чтобы перечислить здесь всех, но я надеюсь, что этим людям известно, как высоко я ценю усилия каждого из них. Вот лишь немногие:

Арно Нурри
Майкл Питш
Аманда Прицкер
Бет Дегусман
Брайан Маклендон
Энн Туми
Фламур Флэг Тонузи
Клэр Браун
Крис Мерфи
Дейв Эпстайн
Трейси Дауд
Кетлин Малруни-Лиски
Мэтью Баллест
Мэдди Колдуэлл
Боб Кастилло
Калли Шимек
Урсула Маккензи
Дэвид Шелли
Кэтрин Берк

Я хотел бы поблагодарить Питера Рота, Сьюзан Роунер и Клэнси Коллинз-Уайт со студии «Warner Bros. TV» за поддержку и профессионализм. Благодарю также Стейси Левин, Эрику Макграт и Кори Хэнли за их старания на «NSP TV».

Я глубоко признателен также Дениз Динови и Марти Боуэну – замечательным продюсерам, подарившим многим моим романам вторую жизнь в виде экранизаций.

Питеру Сафрану, его прелестной жене Наталии, Дэну Клифтону и талантливому Россу Кацу хочу выразить искреннюю признательность за работу над фильмом «Выбор».

Благодарности также заслуживают Джинни Арментраут и Тиа Скотт,

стараниями которых моя жизнь на домашнем фронте протекала гладко.

Энди Соммерс, Майк Макаден, Джим Хикс, Энди Бейлисс, Тереза Спрейн, доктор Эрик Коллинз – все они не раз помогали мне в разных жизненных ситуациях, и у меня не хватит слов, чтобы выразить им благодарность.

Огромного «спасибо» от меня заслужили Пэм Поуп и Оскара Стевик, прекрасно обращающиеся с цифрами.

Близкие друзья, которым я также хочу выразить признательность, – Майкл Смит, Виктория Водар, Дэвид Геффен, доктор Тодд Ланмен, Джефф Ван Ви, Джим Тайлер, Крис Маттео, Пол Дювер, Рик Мюнч, Роберт Джейкоб, Трейси Лоренцен, Мисси Блэкерби, Кен Грей, доктор Дуайт Карлблум, Дэвид Ванг и Кэтрин Спаркс.

Ввиду нехватки места мне приходится умолчать о бесчисленном множестве других людей, достойных благодарности, но я надеюсь, они знают, как много значат их старания для меня. Творческий бизнес – коллективный труд, и мне выпала честь работать с выдающейся командой на этом нелегком пути.

notes

Примечания

Музей современного искусства. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

День независимости.

От *англ.* Red Hat Society – основанная в 1998 г. международная социальная организация, ранее объединявшая женщин старше пятидесяти лет, а теперь открытая для всех возрастов. Название навеяно стихами Дженни Джозеф «Когда постарею, носить буду красную шляпу».

Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. – *Примеч. ред.*

5

Около 2 кг 123 г.

Taglieri.

Дуб виргинский, эвкалипт прутовидный.

Кария яйцевидная, или гикори.

Периодичность в бейсболе.

Самое известное бейсбольное суеверие, объясняющее десятилетия неудач бостонской команды, продавшей в другую команду своего лучшего игрока.

Участок с травой средней длины, занимающий большую часть игрового поля для гольфа. – *Примеч. ред.*

Участок с самой коротко постриженной травой вокруг лунки. –
Примеч. ред.